

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Арройо А., де ла Торре И. Ашельская технология больших отщепов в Кампо-де-Калатрава (Сьюдад-Реал, Испания)	2
Караванич И., Смит Ф.Х. Материалы конца среднего – начала верхнего палеолита из пещеры Виндия (Северо-Западная Хорватия) и их место в палеолите Центральной Европы и Адриатики	11
Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Цыбанков А.А., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15)	21
Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Чупина Д.А. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС	38
Лычагина Е.Л. Ранний неолит Прикамья	50
Усачева И.В. «Утюжки»: реконструкция функции	58
Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткескень VI	65
Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита	73

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации)	84
Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Курган № 22 в пади Суцзуктэ (Монголия): погребальный обряд	102
Бородовский А.П. Престижная деревянная утварь с металлическими накладками афанасьевской культуры Саяно-Алтая	119
Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала	123
Крамаровский М.Г. Новое в иконографии урало-сибирского серебра IX–X веков	129
Зинченко А.С. Обряд погребения «шкуры лошади» по материалам кургана 1 (XIII–XIV века) Басандайского могильника (Томское Приобье)	134

АНТРОПОЛОГИЯ

Бацевич В.А., Ясина О.В., Кобылянский Е.Д. Онтогенетические изменения скелета у взрослого населения в различных социальных и географических условиях: антропозэкологическое исследование	146

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	155

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	156

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2013 ГОДУ	159

А. Арройо, И. де ла Торре

*Институт археологии Университетского колледжа Лондона,
Великобритания*

Institute of Archaeology, University College London

31–34 Gordon Square, London WC1H 0PY, United Kingdom

E-mail: a.arroyo@ucl.ac.uk; i.torre@ucl.ac.uk

АШЕЛЬСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ БОЛЬШИХ ОТЩЕПОВ В КАМПО-ДЕ-КАЛАТРАВА (СЬЮДАД-РЕАЛ, ИСПАНИЯ)

Ашельские комплексы с предпочтительным использованием больших отщепов в качестве заготовок рубил широко распространены в Африке и других регионах, таких как Левант или Индия. В Кампо-де-Калатрава (Центральная Испания) на среднелейстоценовых стоянках, расположенных на речных террасах, также найдены рубила, изготовленные из больших отщепов. Для выявления технологического контекста этих орудий были описаны и сравнены между собой комплексы памятников открытого типа Альбала и Эль-Сотильо. Первый представляет собой пример индустрии с господствующей галечной технологией, второй основывается на производстве крупных отщепов, подобных тем, которые были обнаружены в Африке, Леванте и Индии.

Ключевые слова: ашель, большие режущие орудия, средний плейстоцен, Кампо-де-Калатрава, Центральная Испания.

Введение

Производство и использование больших отщепов задокументировано начиная с самых ранних стадий ашеля в таких комплексах, как Западная Туркана [Lepre et al., 2011], Консо [Beyene et al., 2013], Пениндж [Isaac, 1969], Олдувай, пачка II [Leakey, 1971], Олоргесайле [Isaac, 1977], а также в неафриканских – Гешер Бенот Я’аков [Goren-Inbar, Saragusti, 1996], Ат-барапур и Моргаон [Gaillard et al., 2010]. Большие режущие орудия на отщепах не очень распространены на европейских ашельских стоянках. В Иберии для производства рубил обычно использовались гальки и блоки породы. Примеры такой технологии зафиксированы в центральной части Испании (Пине-до [Querol, Santonja, 1979], Пуэнте Пино [Rodriguez de Tembleque, 2004], стоянки на террасах рек Харамы и Манзанарес) и других регионах Пиренейского полуострова (Торральба и Амброн [Howell, Butzer, Aguirre, 1962; Freeman, Butzer, 1966; Santonja et al., 2005], Галерия-Атапуэрка [Carbonell et al., 2001], Лас-

Гандарас-де-Будиньо [Méndez, 2007]). Рубила на отщепах также известны на Пиренейском полуострове. Например, в комплексе Ла-Майя II они доминируют [Santonja, Villa, 2006]. Другой важной стоянкой является Эль-Сарталехо, где были описаны нуклеусы для производства крупных отщепов [Santonja, Villa, 1990, 2006] вместе с многочисленными большими режущими орудиями. На примере этой стоянки недавно обосновывалась возможность потенциальных связей между ашельскими технологиями в Северной Африке и на Иберийском полуострове, поскольку в комплексах по обоим берегам Гибралтарского пролива присутствуют «ядрища энтаме» и большие отщепы [Sharon, 2011].

В районе Кампо-де-Калатрава (Центральная Испания) два местонахождения могут рассматриваться как относящиеся к вышеупомянутой группе стоянок, на которых было зафиксировано интенсивное использование больших отщепов, – Порзуна [Vallespi, Ciudad Serrano, Garcia Serrano, 1979] и Эль-Сотильо [Ciudad Serrano et al., 1983]. В данной статье мы представляем технологический анализ материалов последнего и

сравниваем их с комплексом также расположенной в Кампо-де-Калатрава ашельской стоянки Альбала, где рубила изготавливались из галек. Это позволит получить более полное представление о производстве больших режущих орудий на территории Центральной Испании на протяжении среднего плейстоцена.

Хроностратиграфический контекст

Кампо-де-Калатрава расположена в центре провинции Сьюдад-Реал в Центральной Испании (рис. 1). Эта область граничит с горной системой Монте-де-Толедо на севере, горами Сьерра-Морена на юге и равниной Ла-Манча на востоке. В геологическом отношении она представлена палеозойской складчатостью, вулканическим рельефом и системой плейстоценовых флювиальных террас вдоль р. Гуадиана и ее притоков Хабалон, Сигуэла, Буллакве и Занкара, которые пересекают Кампо-де-Калатрава. Цоколь террас сформирован в основном кварцитом и в меньшей степени кварцем, известняком и сланцем [Portero et al., 1988]. Эта гидрографическая система включает в себя различные временные и постоянные небольшие озера и заболоченные низины.

Плиоплейстоценовые вулканогенные отложения, которые являются важной геологической чертой Кампо-де-Калатрава, содержат базальт и другие вулканические породы, такие как нефелинит, представленный в окраинных районах [Poblete Piedrabuena, 1997]. С этими породами связаны археологические материалы. Из базальта изготавливались различные орудия, что зафиксировано, например, в Эль-Чикеро. Однако наиболее распространенным типом каменного сырья был кварцит, который использовался в Кампо-де-Калатрава на протяжении всего плейстоцена.

Среднеплейстоценовые археологические комплексы обнаружены в основном в контексте флювиальных террас вдоль рек Гуадиана и Хабалон. Разведки 1970–1980-х гг. выявили ашельские местонахождения с поверхностным залеганием артефактов, такие как Эль-Сотильо [Ciudad Serrano et al., 1983], Альбала [Santonja, Querol, Peña, 1977], Эль-Маринете [Santonja, Querol, 1983] и Порзуна [Vallespi, Ciudad Serrano, Garcia Serrano, 1979, 1985]. Стоянки Альбала и Эль-Сотильо находятся в центре Кампо-де-Калатрава на расстоянии 26 км друг от друга (рис. 1). Первая расположена на шестиметровой среднеплейстоценовой террасе на левом берегу р. Гуадиана [Santonja, Querol, Peña, 1977], вторая локализована в отложениях плейстоценового аллювиального конуса выноса, врезанного в древнее русло р. Буллакве [Portero et al., 1988].

Некоторые авторы используют корреляцию террас рек Гуадиана и Хабалон для построения отно-

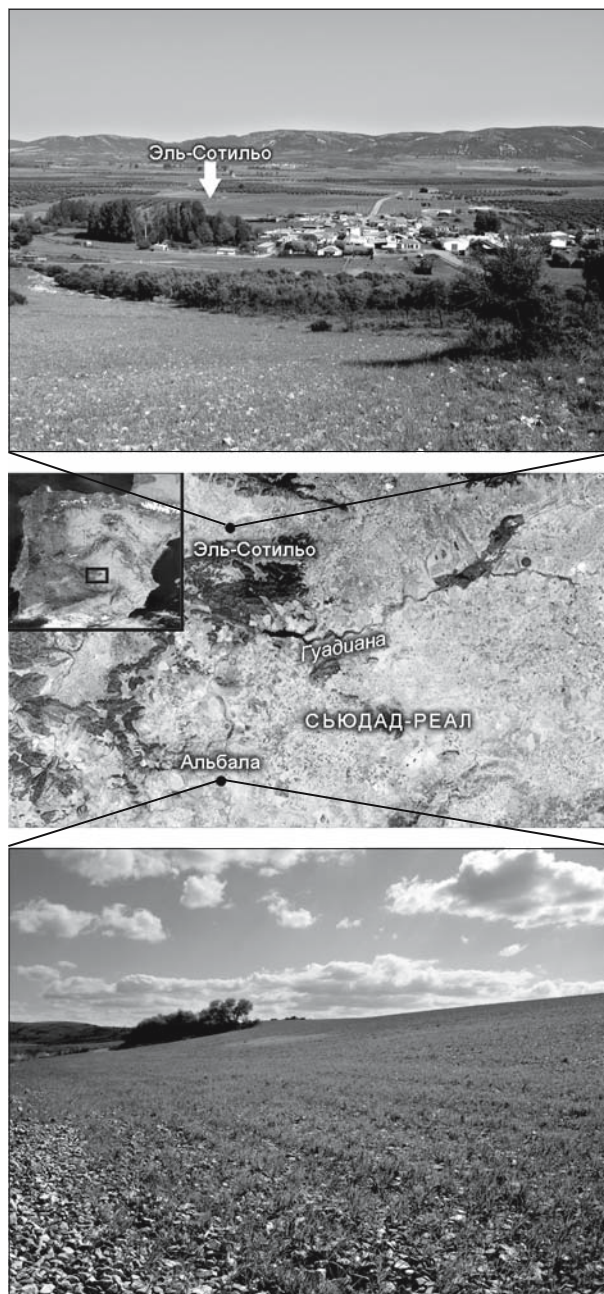

Рис. 1. Расположение и общий вид стоянок Альбала и Эль-Сотильо в Кампо-де-Калатрава (Центральная Испания).

сительной хронологии многочисленных ашельских местонахождений [Santonja, 1996; Santonja, Pérez-González, 2002, 2010] на среднеплейстоценовых 10–13- и 8-метровых террасах этих рек. М. Лопес с соавторами датировали несколько террасовых уровней р. Гуадиана на местонахождении Молино-дель-Эмперадор, индустрия которого содержит большие режущие орудия. Методом OSL для верхней террасы (13–16 м) была получена дата $153\,867 \pm 12\,448$ л.н. [López et al., 2005]. Однако мы не можем меха-

нически перенести эту дату на стоянку Альбала, т.к. она находится на 6-метровой террасе. Пока возраст рассматриваемых комплексов может быть определен лишь приблизительно, как среднеплейстоценовый, и для установления хронологии ашеля Кампо-де-Калатрава требуется осуществление программы датирования.

Материалы и методы

Коллекции с местонахождений Альбала и Эль-Сотильо ныне хранятся в Музее провинции Сьюдад-Реал, на их основе и проводился технологический анализ. Из орудийных наборов (суммарно 700 экз.) были отобраны большие режущие орудия (далее – БРО). Следуя определениям, данным БРО М.Р. Клайндинстом [Kleindienst, 1962] и Г.Л. Айзеком [Isaac, 1977], мы классифицировали эти артефакты (табл. 1). Большинство БРО из Эль-Сотильо – это крупные отщепы без вторичной обработки, а в коллекции со стоянки Альбала они представляют собой заостренные орудия без явных следов бифасиальной отделки. Технологический анализ комплексов основывался на концепциях, разработанных Э. Боёдой с коллегами [Boëda, Geneste, Meigen, 1990], и классификации, использовавшейся ранее И. де ла Торре и Р. Мора [Torre I., Mora R., 2005].

Орудия с местонахождений Эль-Сотильо и Альбала изготовлены исключительно из кварцита, использование которого было весьма распространено на среднеплейстоценовых стоянках Кампо-де-Калатрава. Применение некремневого сырья фиксируется на ашельских местонахождениях из Ла-Манчи [Moloney, 1994; Non-flint Stone..., 1996], таких как Эль-Маринете [Santonja, Querol, 1983], Порзуна [Vallespi, Ciudad Serrano, Garcia Serrano, 1979, 1985], Пинедо [Querol, Santonja, 1979] и Пуэрте Пино

[Rodríguez de Tembleque, 2004]. Предпочтительное использование кварцита в Кампо-де-Калатрава напрямую связано с его доступностью; обычно кварцит представлен в виде желваков и галек различных размеров, которые транспортировались речными потоками и накапливались на их берегах.

Технологический анализ

Комплекс Эль-Сотильо. Все БРО (115 экз.) изготовлены из больших отщепов. Преобладают бифасы, далее следуют неопределимые БРО, кливеры и ножи (табл. 1). Морфометрический анализ (табл. 2) демонстрирует разницу в размерах в зависимости от категории, при этом наименьшие имеют бифасы. По длине выделяются две группы бифасиальных орудий: меньше и больше 80 мм (рис. 2). Среди бифасов больших размеров (40 экз.) 47,5 % оформлены на отщепах категории дежете, т.е. с осью симметрии, отклоняющейся от оси нанесения удара. Далее по количеству следуют удлинённые отщепы. Негативы сколов вторичной отделки идентичны как на вентральной, так и на дорсальной стороне изделий. Их количество варьирует от 9 до 16 на дорсале и от 9 до 13 на вентрале. Некоторые бифасы демонстрируют более интенсивную вторичную обработку, встречаются изделия, имеющие более 21 негатива сколов на одной из сторон (табл. 3). В целом на рубилах длиной более 80 мм не прослеживается стремление придать симметрию или правильное сечение орудью. Вторичная отделка нацелена исключительно на придание заостренной формы заготовке путем ретуширования краев.

Среди бифасов длиной меньше 80 мм (31 экз.) 32,3 % оформлены на коротких толстых отщепах, заостренная форма которых достигается с помощью краевой ретуши. Стремление к уплощению орудий не прослеживается, хотя некоторые предметы (5 экз.) имеют следы интенсивной обработки обеих плоскостей. По мнению некоторых специалистов, такие артефакты должны классифицироваться как скребла с бифасиальной ретушью [Ciudad Serrano et al., 1983], однако наше исследование подтверждает, что их следует рассматривать как маленькие бифасы.

Неопределимые БРО, ножи и кливеры отличаются по своей морфометрии от бифасов, т.к. их вентральная сторона не несет следов какой-либо отделки. Эти орудия также демонстрируют предпочтительное использование в качестве заготовок больших толстых краевых отщепов и сколов дежете. Остаточные ударные площадки у заготовок кливеров, ножей и неопределимых БРО преимущественно нефасетированные (15 экз.), далее следуют естественные (6 экз.) фасетированные (5 экз.) и двугранные (4 экз.). Это позволяет

Таблица 1. Типы больших режущих орудий

Категория	Альбала		Эль-Сотильо	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Бифасы	18	62,1	71	61,7
Кливеры	3	10,3	9	7,8
Ножи	–	–	3	2,6
Пики	2	6,9	–	–
Неопределимые*	6	20,7	32	27,8
<i>Всего</i>	29	100	115	100

*Термин «неопределимые БРО» используется в данной работе для идентификации орудий, чьи морфологические особенности не позволяют отнести их к какой-либо другой группе рубил.

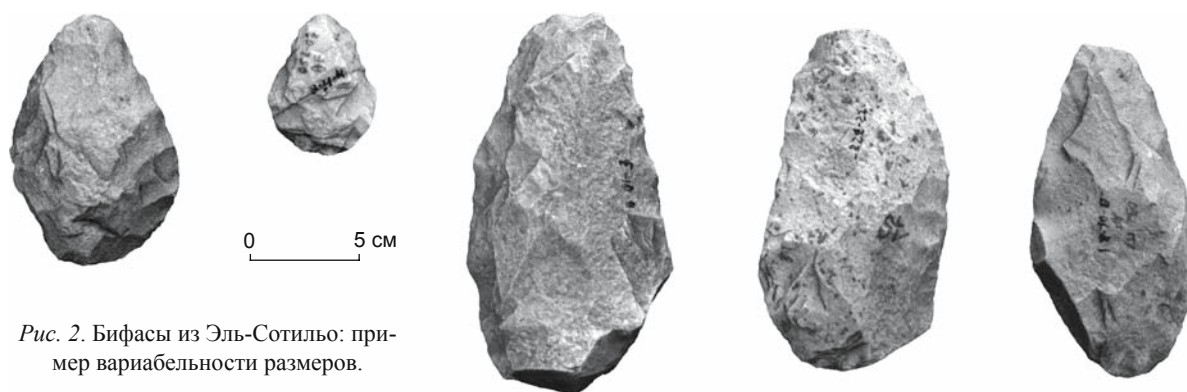

Рис. 2. Бифасы из Эль-Сотильо: пример вариабельности размеров.

Таблица 2. Размеры (мм) и масса (г) больших режущих орудий

Категория	Кол-во	Длина		Ширина		Толщина		Масса	
		Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Альбала									
Бифасы	18	141,11	24,26	77,89	8,66	50,72	9,54	565,556	213,110
Кливеры	3	112,00	15,13	86,67	8,96	46,33	10,21	503,133	227,588
Пики	2	132,00	19,80	71,00	25,46	56,00	1,41	459,600	168,999
Неопределимые	6	141,17	19,41	82,50	12,14	51,50	9,44	574,333	121,924
Эль-Сотильо									
Бифасы	71	90,69	25,07	57,75	11,19	30,06	7,23	173,380	124,002
Кливеры	9	147,11	24,65	93,33	14,27	44,11	8,87	668,267	290,918
Ножи	3	141,33	8,33	85,67	9,24	41,67	9,61	485,500	174,763
Неопределимые	32	138,00	30,60	88,77	17,86	39,60	8,24	559,723	357,753

Таблица 3. Типы заготовок и интенсивность обработки больших режущих орудий

Категория	Кол-во	Орудия на желваках		Орудия на отщепах		Негативы снятий на дорсальной плоскости				Негативы снятий на вентральной плоскости			
		Кол-во	%	Кол-во	%	1–8	9–16	> 17	Без снятий	1–8	9–16	> 17	Без снятий
Альбала													
Бифасы	18	7	38,8	1	5,5	72,2	22,2	0	0	83,3	11,1	0	0
Кливеры	3	0	0	3	66,6	100	0	0	0	33,3	0	0	66,6
Пики	2	1	50,0	0	0	100	0	0	0	0	100	0	0
Неопреде- лимые	6	5	83,3	0	0	50,0	50,0	0	0	33,3	16,6	0	33,3
Эль-Сотильо													
Бифасы (> 80 мм)	40	0	0	19	47,5	15,0	57,5	7,5	0	12,5	70,0	5,0	0
Бифасы (< 80 мм)	31	0	0	10	32,3	9,6	45,1	0	0	25,8	29,0	0	0
Кливеры	9	0	0	7	77,8	55,5	33,3	0	0	66,6	0	0	22,2
Ножи	3	0	0	3	100	100	0	0	0	66,6	0	0	33,3
Неопреде- лимые	32	0	0	27	90,0	56,6	13,3	3,3	3,3	30,0	0	0	50,0

предположить, что производились определенные операции по подготовке площадок у нуклеусов, с которых скалывались отщепы-заготовки.

Среди заготовок орудий были выделены следующие основные типы:

а) отщепы с естественной коркой: сколы с дорсальной поверхностью, покрытой естественной коркой, и легкой ретушью на одном или двух продольных краях (рис. 3, а);

б) отщепы, снятые со специально подготовленных нуклеусов: большие сколы с радиальной или псевдо-радиальной огранкой дорсала (рис. 3, б);

в) отщепы комбева: присутствие по меньшей мере 2 экз. (рис. 4) позволяет предположить использование отщепов в качестве нуклеусов для снятия сколов, которые в дальнейшем могли применяться как БРО.

Комплекс Альбала. Среди отобранных 29 экз. БРО преобладают бифасы, далее следуют неопределимые, кливеры и пики (см. табл. 1). Около половины изделий (44,8 %) были изготовлены из галек и лишь четыре (13,7 %) – из отщепов, остальные заготовки неопределимые.

Тип заготовки определял морфологию орудия, при этом подготовке его объема не придавалось осо-

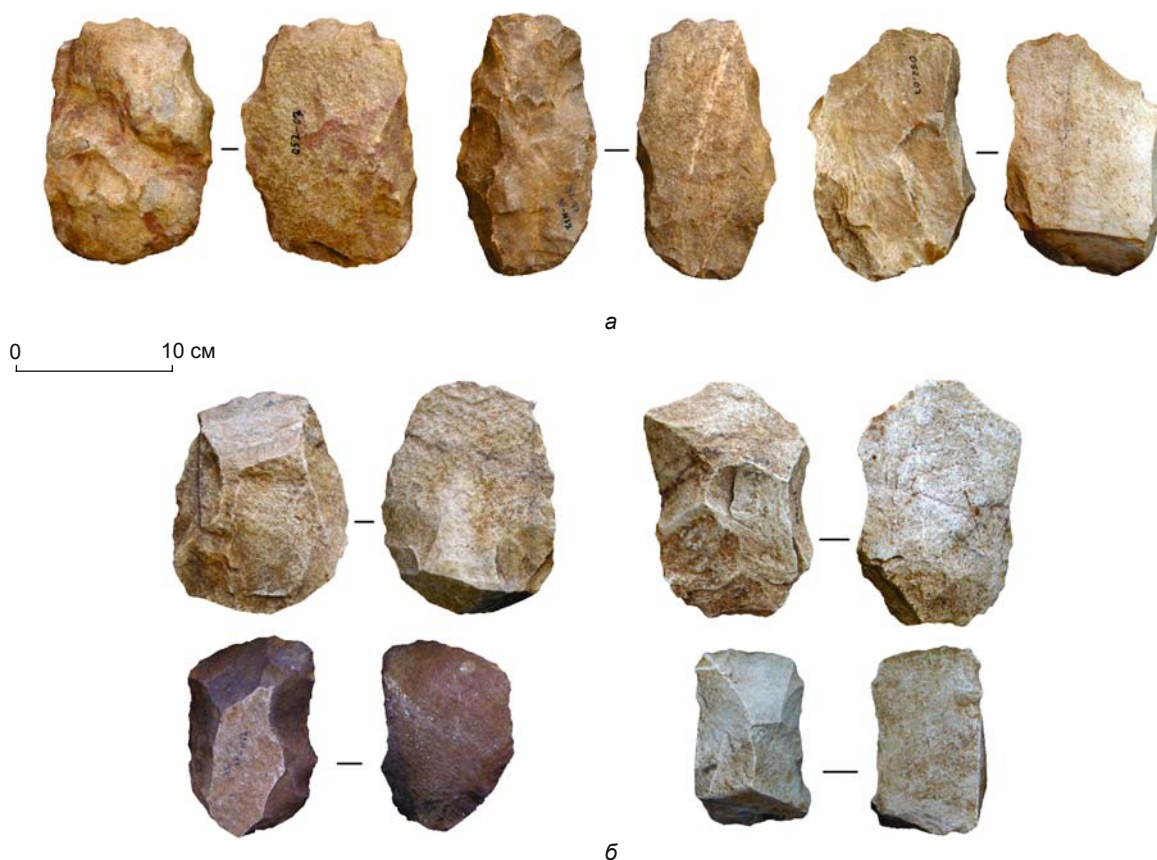

Рис. 3. Типы больших отщепов из Эль-Сотильо (дорсальная и вентральная стороны).
а – с естественной коркой; б – полученные со специально подготовленного нуклеуса.

Рис. 4. Отщепы комбева из Эль-Сотильо.

бого значения. В данном комплексе не удалось выявить разницу в размерах между различными группами БРО (см. табл. 2). То же самое относится к минимальной по количеству затраченных усилий отделке кварцитовых галек при изготовлении рубил (см. табл. 3). Нам удалось выделить четыре метода оформления БРО:

1) рубила, выполненные на плосковыпуклых гальках, демонстрируют разную интенсивность вторичной обработки сторон в зависимости от естественной формы заготовки (рис. 5, а): на выпуклой стороне от одного до четырех негативов сколов отделки прослеживается у 40 % этих орудий, пять – восемь – у 33 %, а на плоской – соответственно у 33 и 37 % изделий;

2) некоторое количество БРО было оформлено на гальках с двумя естественно-плоскими сторона-

ми (рис. 5, б), одна из которых обрабатывалась для придания изделию заостренной формы, в то время как проксимальная часть желвака обычно оставалась необработанной;

3) рубила на отщепах представлены крупным бифасом и тремя кливерами; последние сделаны из коротких толстых отщепов, которые не подвергались вторичной отделке, тем самым очень напоминают образцы из Эль-Сотильо (рис. 6);

4) два орудия (6,8 %) демонстрируют применение ромбовидной редуционной стратегии (см. рис. 5, в) [Torre I., Mora R., 2005]: выбирался плоский блок сырья, его верхняя горизонтальная плоскость использовалась для снятия отщепов на одном из углов, а нижняя – как ударная площадка для обработки противоположного угла.

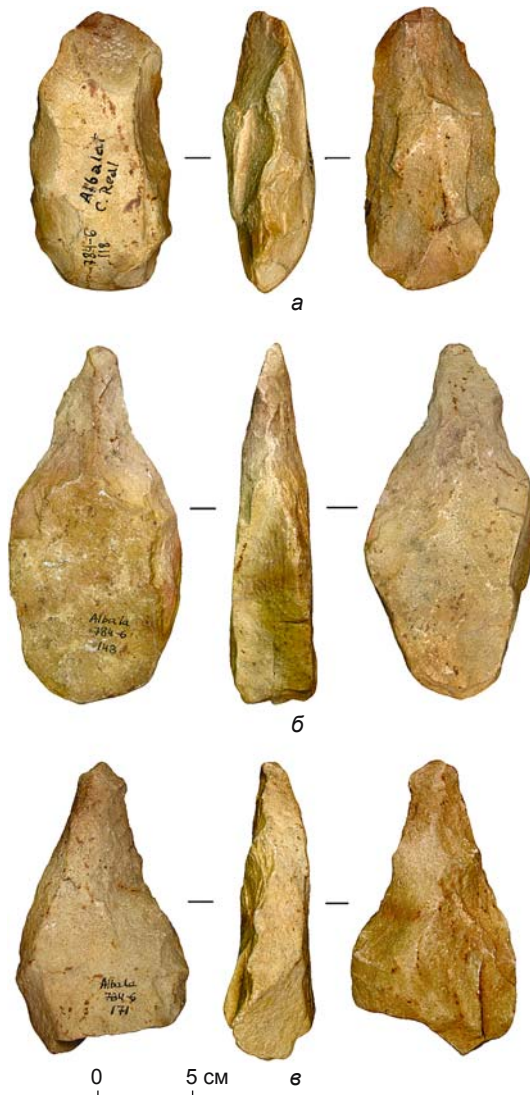

Рис. 5. Большие режущие орудия со стоянки Альбала. а, б – оформленные на плосковыпуклых желваках; в – изготовленный с помощью метода ромбовидной редукции.

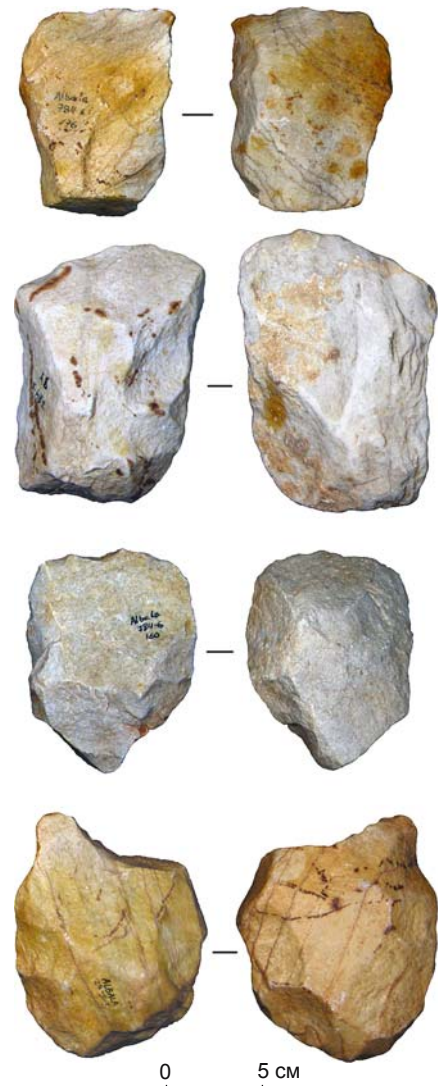

Рис. 6. Большие режущие орудия, изготовленные из отщепов, со стоянки Альбала.

Обсуждение

Результаты нашего анализа показывают сосуществование различных способов производства рубил в одной и той же области Кампо-де-Калатрава. На стоянке Альбала большие режущие орудия изготавливались преимущественно из желваков, предпочтение отдавалось плосковыпуклым заготовкам, которые обрабатывались для получения заостренного конца, противоположная часть гальки оставалась необработанной. В этом комплексе такая типичная характеристика бифасов, как наличие двух выпуклых симметричных поверхностей, редка, в то время как у бифасиальных орудий из Эль-Сотильо она четко различима (рис. 7). Несмотря на разницу между рассматриваемыми комплексами в типах заготовок, использовавшихся для изготовления рубил, существенных различий в размерах орудий не наблюдается (рис. 8). Это позволяет предположить, что индустрии обеих стоянок были нацелены на получение орудий определенной формы и размера.

Альбала имеет общие технологические особенности с другими ашельскими памятниками в Южной Месете, такими как Пуэнте Пино [Rodríguez de

Tembleque, 2004] и Пинедо [Querol, Santonja, 1979] в бассейне Тагуса, где рубила часто оформлялись на желваках, обработанных несколькими, зачастую меньше 11, сколами [Moloney, 1994].

На расположенной недалеко от Эль-Сотильо стоянке Порзуна было обнаружено более 1000 бифасов и 800 кливеров [Vallespi, Ciudad Serrano, Garcia Serrano, 1985]. Большинство рубил (65 %) изготовлено из крупных отщепов и, как правило, весьма тщательно оформлено [Moloney, 1994]. Тем самым эта индустрия, так же как и комплекс из Эль-Сотильо, характеризуется предпочтением больших стандартизированных отщепов в качестве заготовки для БРО. Сходные технологические особенности зафиксированы на стоянке Эль-Сартальехо, где представлены бифасы, кливеры, пики и нуклеусы для производства больших отщепов [Santonja, 1985; Santonja, Villa, 2006]. Здесь 77 % рубил были изготовлены из больших отщепов, а заготовками для 16 % изделий послужили желваки, как правило, толстые и асимметричные [Moloney, 1994].

Прием оформления ашельских рубил на больших отщепах не слишком распространен на Пиренейском полуострове. Между комплексами того или иного

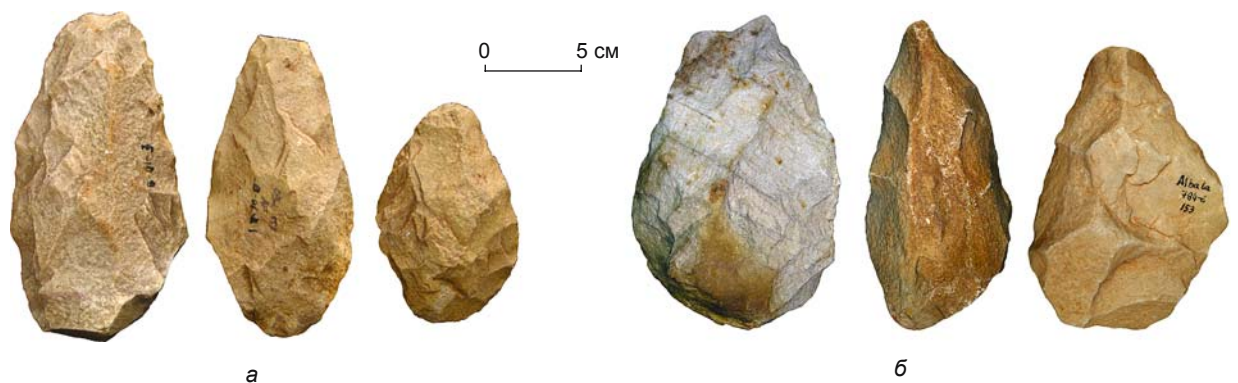

Рис. 7. Рубила из Эль-Сотильо (а) и Альбалы (б).

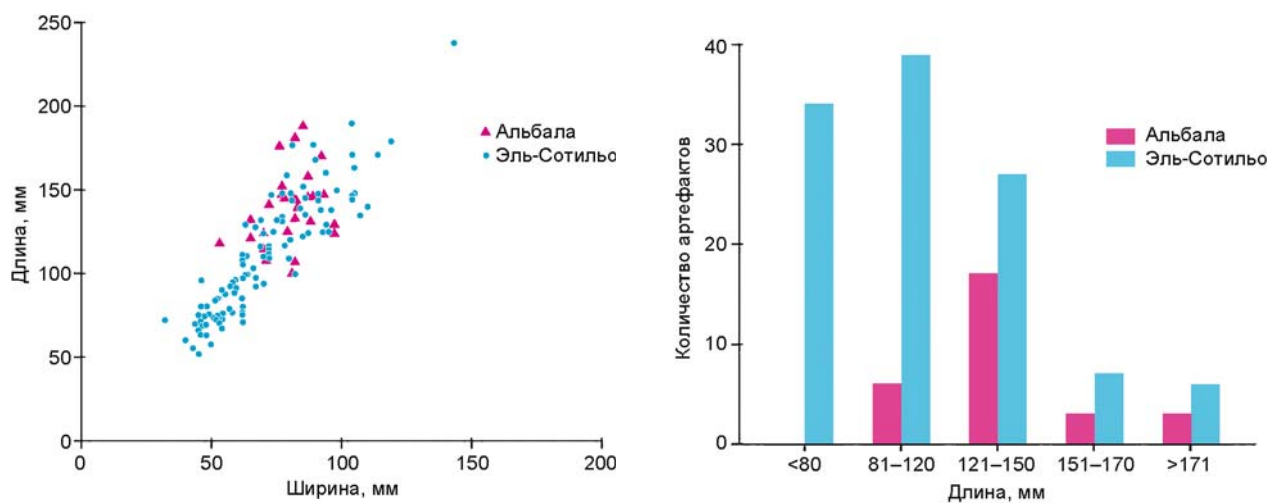

Рис. 8. Сравнение размеров артефактов из комплексов Альбала и Эль-Сотильо.

географического региона прослеживаются заметные различия. В то время как на классических ашельских стоянках Торральба и Амброня рубила изготавливались из кремня [Freeman, 1994], на других стоянках Северной Месеты была более распространена эксплуатация некремневого сырья. Комплекс местонахождения Галерия в Атапуэрке характеризуется преобладанием радиальных нуклеусов и рубил [Carbonell et al., 2001]. Здесь кремнь также является наиболее широко использовавшимся материалом, далее следует кварцит и другие местные породы, в частности песчаник. На этой стоянке зафиксировано изготовление рубил из больших отщепов [Terradillos, 2010].

Существует гипотеза, согласно которой технология использования больших отщепов отражает некие влияния из Африки на ашель Испании [Alimen, 1975; Freeman, 1975; Sharon, 2011]. В то же время т.н. ашельский индустриальный вариант больших отщепов [Sharon, 2010] представлен и во многих других местах за пределами Африки, например в Леванте, Индии, Китае и, как мы только что обсуждали, на Иберийском полуострове.

Если оставить в стороне географическое распространение технологии использования больших отщепов, то можно отметить, что она существовала на протяжении более 1 млн лет. По мнению Г. Шэрона [Ibid.], эта технология исчезла 0,5 млн л.н. в Леванте и предположительно в Северной Африке, где ее вытеснила технология, в основе которой лежало использование кремня и тонкозернистых каменных пород для производства бифасов и кливеров. Однако такие стоянки, как Эль-Сотильо и Порзуна, вероятно относящиеся к более поздним этапам ашеля, дают основание предположить, что технология больших отщепов существовала на территории Центральной Испании на протяжении поздних периодов среднего плейстоцена.

Заключение

В Кампа-де-Калатрава (Центральная Испания) несколько ашельских комплексов известно начиная с 1970-х гг., однако до сих пор попытки систематического анализа каменных орудий были крайне редки. Эта область имеет значительный потенциал для изучения проблематики ашеля Испании. На местонахождениях Эль-Сотильо и Порзуна зафиксировано систематическое производство рубил, заготовками для которых служили большие отщепы, в то время как на других стоянках доминировала галечная технология.

Индустрии, основанные на технологии использования больших отщепов, были распространены в других регионах, таких как Африка, Индия и Ближний Восток. Они могли играть важную роль в развитии ашельского комплекса Иберийского полуост-

рова. Сходство с индустриями африканского ашеля позволяет предполагать существование связей между двумя регионами (см.: [Freeman, 1975; Sharon, 2011]), но также нельзя исключать и возможность конвергентного развития технологий. Только будущие исследования и получение новых данных могут помочь в решении этой проблемы.

Благодарности

Авторы выражают признательность сотрудникам Музея провинции Сьюдад-Реал Мануэлю Осуну и Эстер Ариас за помощь во время работы над коллекциями, а также Норе Молона за ее комментарии по поводу ранней версии этой статьи.

Список литературы

- Alimen H.M.** Les 'isthmes' hispano-marocain et siculo-tunisien aux temps acheuléens // *L'Anthropologie*. – 1975. – Vol. 79. – P. 399–436.
- Beyene Y., Katoh S., WoldeGabriel G., Hart W.K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G., Asfaw B.** The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia // *Proceedings of National Academy of Sciences*. – 2013. – Vol. 110, N 5. – P. 1584–1591.
- Boëda E., Geneste J.M., Meignen L.** Identification de chaînes opératoires lithiques du Paléolithique ancien et moyen // *Paléo*. – 1990. – Vol. 2. – P. 43–80.
- Carbonell E., Mosquera M., Ollé A., Rodríguez X.P., Sahnouni M., Sala R., Vergès J.M.** Structure morphotechnique de l'industrie lithique du Pléistocène inférieur et moyen d'Atapuerca (Burgos, Espagne) // *L'Anthropologie*. – 2001. – Vol. 105. – P. 259–280.
- Ciudad Serrano A., García Serrano R., Caballero Klink A., Francia Villajos A.** Materiales paleolíticos de "El Sotillo". – Ciudad Real: Museo de Ciudad Real, 1983. – 72 p. – (Estudios y Monografías; N 8).
- Freeman L.G.** Acheulean Sites and stratigraphy in Iberia and the Maghreb // *After the Australopithecines: Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene* / eds. K.W. Butzer, G.L. Isaac. – The Hague; P.: Mouton Publishers, 1975. – P. 661–743.
- Freeman L.G.** Torralba and Ambrona: A review of discoveries // *Integrative Paths to the Past: Paleoanthropological Advances in Honor of F.C. Howell* / eds. R. Corruccini, R. Ciochon. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1994. – P. 597–637.
- Freeman L.G., Butzer K.W.** The Acheulean station of Torralba (Spain): A Progress Report // *Quaternaria*. – 1966. – Vol. VIII. – P. 9–21.
- Gaillard C., Mishra S., Singh M., Deo S., Abbas R.** Lower and Early Middle Pleistocene Acheulean in the Indian subcontinent // *Quaternary International*. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 234–241.
- Goren-Inbar N., Saragusti I.** An Acheulean biface assemblage from Gesher Benot Ya'aqov, Israel: Indications of African affinities // *J. of Field Archaeology*. – 1996. – Vol. 23, N 1. – P. 15–30.

Howell F.C., Butzer K.W., Aguirre E. Noticia preliminar sobre el emplazamiento achelense de Torralba. Madrid: Ministerio de Cultura, 1962. – 38 p. – (Excavaciones Arqueológicas en España; Vol. 10).

Isaac G.L. Studies of early culture in East Africa // World Archaeology. – 1969. – Vol. 1, N 1. – P. 1–28.

Isaac G.L. Olorgesailie: Archaeological Studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya. – Chicago: The University of Chicago Press, 1977. – XVI, 272 p.

Kleindienst M.R. Components of the East African Acheulean assemblage: an analytic approach // Actes du IVème Congrès Panafricain de Préhistoire et de l'Etude du Quaternaire. – 1962. – Vol. 40. – P. 81–105.

Leakey M.D. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II 1960–1963. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – 306 p.

Lepre C.J., Roche H., Kent D.V., Harmand S., Quinn R.L., Brugal J.-P., Texier P.-J., Lenoble A., Geibel C.S. An earlier origin for the Acheulean // Nature. – 2011. – Vol. 477. – P. 82–85.

López M., Morín J., Escalante S., González J.A., Baena J., Carrión E., Conde C., Cuartero, F., Arteaga C., Escolá M., Fernández C., Lázaro A., Pérez-Juez A., Regidor D., Requejo V., Sánchez F., Velázquez R. La ocupación paleolítica en Ciudad Real. Nuevos datos geomorfológicos y cronoestratigráficos de las terrazas cuaternarias del río Guadiana // O paleolítico: actas do IV Congresso Nacional de Arqueologia Peninsular (Faro, 14 a 19 de Setembro de 2004) / ed. by N. Ferreira Bicho. – Algarve, 2005. – P. 303–309.

Méndez E. El yacimiento achelense de As Gándaras de Budiño: La industria en facies fluviales // Complutum. – 2007. – Vol. 18. – P. 27–45.

Moloney N. Lithic assemblages from the Middle Pleistocene of Iberia: The typology and technology of quartzite artefacts in the Spanish Meseta and Portugal: unpublished PhD/ University College London. – L., 1994. – 369 p.

Non-flint Stone tools and the Palaeolithic Occupation of the Iberian Peninsula / eds. N. Moloney, L. Raposo, M. Santonja. – Oxford: Tempus Reparatum, 1996. – 191 p. – (BAR Intern. Ser.; N 649).

Poblete Piedrabuena M.A. Evolución y características geomorfológicas del sector central del Campo de Calatrava // Elementos del medio natural en la provincia de Ciudad Real: libro guía de las excursiones de las XII Jornadas de campo de Geografía Física / coord. E. González Cárdenas, J.L. García Rayego. – Ciudad Real, 1997. – P. 131–160.

Portero J.M., Ancochea E., Gallardo J., Pérez-González A. Mapa Geológico de España 1 : 50 000. Hoja 784 (Ciudad Real). – Madrid: Ynstituto Geologico y Minero de España, 1988.

Querol M.A., Santonja M. El yacimiento achelense de Pinedo (Toledo). – Madrid: Ministerio de Cultura, 1979. – 181 p. – (Excavaciones arqueológicas en España; vol. 106).

Rodríguez de Tembleque J.M. Yacimiento de Puente Pino: nuevas perspectivas de Estudio de Paleolítico Inferior de la Península Ibérica // Zona Arqueológica. – 2004. – Vol. 4, N IV. – P. 440–451.

Santonja M. El yacimiento achelense de El Sartalejo (Valle del Alagón, Cáceres): Estudio preliminar. – Cáceres: Universidad de Extremadura, 1985. – 109 p. – (Series de Arqueología Extremeña; N 2).

Santonja M. The lower Palaeolithic in Spain: sites, raw material and occupation of the land // Non-flint Stone tools and the Palaeolithic occupation of the Iberian Peninsula / eds. N. Moloney, L. Raposo, M. Santonja. – Oxford: Tempus Reparatum, 1996. – P. 1–20. – (BAR Intern. Ser.; N 649).

Santonja M., Panera J., Rubio S., Pérez-González A. La industria lítica de Ambrona. Características generales y contexto estratigráfico // Zona Arqueológica. – 2005. – Vol. 5. – P. 306–333.

Santonja M., Pérez-González A. El Paleolítico inferior en el interior de la Península Ibérica: Un punto de vista desde la Geoarqueología // Zephyrus. – 2002. – Vol. 53/54. – P. 27–77.

Santonja M., Pérez-González A. Mid-Pleistocene Acheulean industrial complex in the Iberian Peninsula // Quaternary International. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 154–161.

Santonja M., Querol M.A. La industria Achelense de El Martinete (Ciudad Real) // Homenaje al Profesor Martín Almagro. – Madrid: Ministerio de Cultura, 1983. – Vol. 1. – P. 83–93.

Santonja M., Querol M.A., Peña J.L. Aplicación de la tipología de industrias paleolíticas a la datación del Pleistoceno Superior en el Campo de Calatrava (Ciudad Real) // Actas IIª Reunión Nacional Grupo Español Trabajo Cuaternario. Trabajos sobre Neógeno-Cuaternario: Sección de Paleontología de Vertebrados y Humana, CSIC, Madrid. – 1977. – Vol. 6. – P. 251–261.

Santonja M., Villa P. The Lower Paleolithic of Spain and Portugal // J. of World Prehistory. – 1990. – Vol. 4, N 1. – P. 45–94.

Santonja M., Villa P. The acheulean in Southwestern Europe // Axe age: Acheulean toolmaking form quarry to discard / eds. N. Goren-Inbar, G. Sharon. – L.: Equinox, 2006. – P. 429–475.

Sharon G. Large flake Acheulean // Quaternary International. – 2010. – Vol. 223/224. – P. 226–233.

Sharon G. Flakes crossing the straits? Entame flakes and Northern Africa–Iberia contact during the Acheulean // African Archaeological Review. – 2011. – Vol. 28, N 2. – P. 125–140.

Terradillos M. El Paleolítico Inferior en la Meseta Norte: Sierra de Atapuerca, La Maya, El Basalito, San Quirce y Ambrona: Estudio tecnológico y experimental: unpublished PhD/Universidad de Burgos. – Burgos, 2010. – 674 p.

Torre I., de la, Mora R. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai Beds I and II. – Liège: Université de Liège, 2005. – 255 p. – (ERAUL; vol. 112).

Vallespí E., Ciudad Serrano A., García Serrano R. Achelense y musteriense de Porzuna (Ciudad Real): Materiales de Superficie. – Ciudad Real: Museo de Ciudad Real, 1979. – T. I: Colección E. Oliver. – 54 p., 85 p. de lám. – (Estudios y Monografías; N 1).

Vallespí E., Ciudad Serrano A., García Serrano R. Achelense y musteriense de Porzuna (Ciudad Real): Materiales de Superficie. – Ciudad Real: Universidad de Castilla-La Mancha, 1985. – T. II: Muestra de las Colecciones de A. Retamosa y M. Expósito. – 80 p.

*Материал поступил в редколлегию 08.05.13 г.,
в окончательном варианте – 29.05.13 г.*

УДК 903

И. Караванич¹, Ф.Х. Смит²¹Университет Загреб, Хорватия

University of Zagreb

Ivana Lučića, 3, Zagreb, HR – 10000, Croatia

E-mail: ikaravan@ffzg.hr²Университет штата Иллинойс, США

Illinois State University

Campus Box 4660, Schroeder Hall 332, Normal, IL 61790-4660, USA

E-mail: fsmith@ilstu.edu

МАТЕРИАЛЫ КОНЦА СРЕДНЕГО – НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ПЕЩЕРЫ ВИНДИЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ХОРВАТИЯ) И ИХ МЕСТО В ПАЛЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И АДРИАТИКИ

В работе приводится краткая история изучения материалов конца среднего – начала верхнего палеолита из пещеры Виндия. Освещаются альтернативные интерпретации этого явления с различных позиций (археологических, палеоантропологических и генетических) в контексте других континентальных и средиземноморских (адриатических) стоянок. Констатируются незначительные различия между переходными индустриями Виндии и комплексами Восточной Адриатики. Альтернативные объяснения и новые данные раскопок последних лет позволяют дискутировать о принципах взаимодействия неандертальцев и ранних Homo Sapiens в Центральной Европе и Адриатике.

Ключевые слова: неандертальцы, люди современного физического типа, средний палеолит, верхний палеолит, Виндия, Хорватия.

Введение

Палеолитические стоянки в Хорватии преимущественно расположены в двух географических регионах: континентальном и адриатическом. Наиболее известные (Крапина, Виндия, Велика Печина) находятся внутри континента на северо-западе Хорватии. Стоянки этого региона, известного как Хорватское Загорье, в географическом и экологическом плане отличаются от средиземноморских, расположенных далеко к югу на Адриатическом побережье или прилегающих к нему районах (рис. 1). В то время как наивысшие горы на северо-западе Хорватии достигают примерно 1000 м, Динариды (юго-восточные отроги Альп, которые протянулись с северо-запада на юго-восток вдоль побережья) превышают 2000 м и к

тому же имеют очень крутой и пересеченный западный склон. В течение плейстоцена они могли быть частично покрыты мелкими ледниковыми образованиями [Marjanac T., Marjanac L., Oreški, 1990], что служило преградой для миграций между побережьем и континентом.

Благодаря исследованиям в Крапине удалось обнаружить остатки неандертальцев, которые сопровождались мустьерской индустрией [Simek, Smith, 1997]. В отличие от этой стоянки, Виндия и Велика Печина содержат также верхнепалеолитические слои и играют важную роль в дискуссии о взаимодействии неандертальцев и людей современного антропологического типа, а также проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Центральной Европы [Wolpoff, 1999; Smith, Janković, Karavanić,

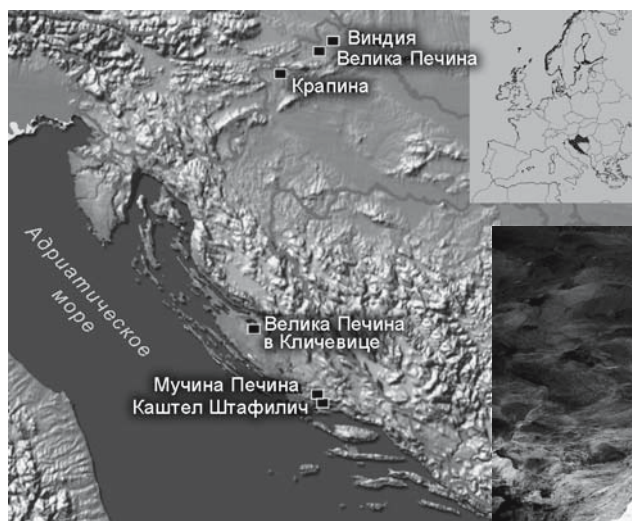

Рис. 1. Местоположение важнейших мустьерских стоянок Хорватии.

Рис. 2. Вид из пещеры Виндия. Фото И. Караванича.

2005]. Данные из Виндии в последнее время обсуждались в ряде работ с археологической, палеоантропологической, геологической и генетической точек зрения [Zilhão, 2009; Green et al., 2010; Janković et al., 2011]. Относительно каменной индустрии слоя G1, где найдены останки неандертальцев, выдвигались различные гипотезы [Zilhão, 2009]. В данной работе предлагается альтернативное объяснение перехода от среднего к верхнему палеолиту по материалам пещеры Виндия в контексте стоянок Центральной Европы и Восточной Адриатики. В отличие от территории Северо-Западной Хорватии, в Восточной Адриатике ни на одном местонахождении не зафиксирована стратиграфическая последовательность отложений со средне- и верхнепалеолитическими слоями, хотя здесь есть археологические объекты и с позднемустьерскими, и с ориньякскими артефактами [Karavanić, 2009]. Тем не менее стоянки этих двух регионов дают дополнительную информацию для интерпретации поведения человека в течение позднего среднего и раннего верхнего палеолита и помогают приблизиться к пониманию сложных процессов биокультурной эволюции рода *Homo*.

Расположение стоянки и история исследования

Пещера Виндия расположена в 2 км к западу от д. Донья Воча и в 20 км к западу от г. Вараждина. Ее размеры свыше 50 м в длину, до 28 м в ширину и более 10 м в высоту (рис. 2). С. Вукович открыл пещеру в 1928 г. и исследовал ее в течение более 20 лет с небольшими перерывами [Vuković, 1950]. В 1974 г.

М. Малез начал систематические работы в Виндии, которые проводились ежегодно до 1986 г. В течение этого периода была собрана большая часть каменных артефактов, фаунистических остатков и все известные антропологические материалы. Стратиграфический разрез мощностью приблизительно 9 м (рис. 3) содержит ок. 20 геологических горизонтов, которые, согласно М. Малезу и Д. Рукавиной [Malez, Rukavina, 1979], образовались в период от начала рисского стадия (кислородно-изотопная стадия 6 или раньше) до голоцена (см. также: [Karavanić, 1995]).

Фаунистическая коллекция из Виндии неоднократно исследовалась [Miracle, 1991; Brajković, 2005; Brajković, Miracle, 2008; Karavanić, Patou-Mathis, 2009]. Результаты остеологического и изотопного анализов показали, что обитатели пещеры были в высшей степени плотоядными и получали едва ли не все пищевые белки из мяса животных [Karavanić, Patou-Mathis, 2009; Richards et al., 2000]. В этом плане они похожи на других неандертальцев из различных частей Европы [Bocherens, Drucker, 2006].

Костные остатки неандертальцев были обнаружены в комплексе G, который включает в себя пять геологических горизонтов, пронумерованных сверху вниз (от G1 до G5). Слой G3 содержал ок. 100 фрагментов их костей в сопровождении позднемустьерской индустрии. По этим костям получены две AMS-

даты: >42 тыс. л.н. [Krings et al., 2000] и порядка 38 тыс. л.н. [Serre et al., 2004]. Еще одна, также полученная по костным остаткам неандертальца из комплекса G (горизонт неизвестен), – ок. 44 тыс. л.н. [Green et al., 2010] (другие даты см.: [Wild et al., 2001; Ahern et al., 2004, tabl. 1]). В слое G1 тоже обнаружена серия фрагментов человеческих костей, морфологические особенности которых позволяют соотносить их с неандертальцами [Smith, Ahern, 1994; Smith et al., 1999]. По фаунистическим остаткам из этого слоя получено несколько различных радиоуглеродных дат (см.: [Ahern et al., 2004, tabl. 1]). Наиболее важными являются результаты прямого датирования по костям неандертальцев. Первоначально по ним были получены даты 28 и 29 тыс. л.н. [Smith et al., 1999], а позднее при использовании более точной методики – ок. 33 тыс. л.н. [Higham et al., 2006], что хорошо коррелирует с одной из дат, полученных ранее по костям животных [Karavanić, 1995].

Толща отложений в Виндии содержит как среднепалеолитические (мустье), так и верхнепалеолитические индустрии. Орудия из нижних мустьерских горизонтов изготовлены из местного сырья [Kurtanek, Marci, 1990; Blaser, Kurtanek, Paunović, 2002] при помощи леваллуазского способа расщепления. В материалах слоя G3 последний не представлен, однако зафиксировано использование местного сырья (кремень, кварц, туф и др.). Кроме того, в слое G1 ископаемые останки неандертальцев сопровождаются каменным инвентарем и верхнепалеолитическими костяными остриями, что является наиболее интересной и запутанной проблемой на этом памятнике, которая будет подробно рассмотрена ниже.

Антропологические остатки

Скелетные остатки неандертальцев из слоя G3 показывают четкие изменения в морфологии лицевых костей по сравнению с более ранними представителями данного вида *Homo*. Эти отличительные черты характерны не для отдельных черепов и их фрагментов, а для всего краниологического материала из данного слоя (см.: [Smith, 1984; Wolpoff, 1999; Ahern et al., 2004; Cartmill, Smith, 2009]). Они включают в себя изменение формы надглазничного валика, уменьшение альвеолярной высоты верхней челюсти и ширины носа, более вертикальное положение нижнечелюстного симфиза и несколько более высокий черепной свод. По всем этим признакам обитатели пещеры Виндия, чьи скелетные остатки найдены в слое G3, занимают промежуточное положение между геологически более ранними неандертальцами из Крапины и верхнепалеолитическими европейцами, хотя все-таки ближе к первым [Smith, 1994; Karavanić, Smith, 1998; Cartmill,

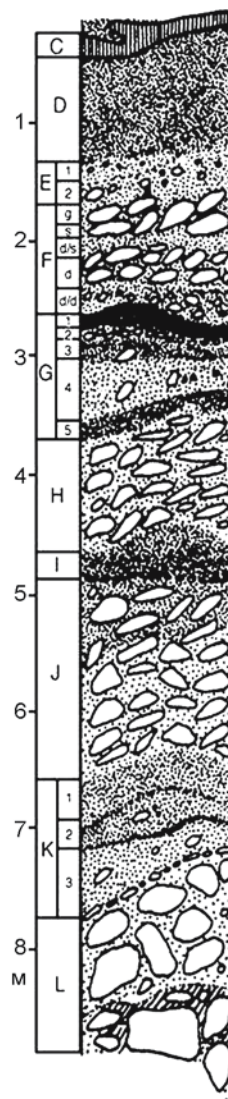

Рис. 3. Стратиграфический профиль Виндии (по: [Ahern et al., 2004, fig. 1]).

Smith, 2009]. Небольшая неандертальская выборка из слоя G1 характеризуется, в сущности, теми же признаками [Smith, Ahern, 1994]. Антропологические материалы из Виндии сыграли важную роль в обосновании ассимиляционной модели происхождения людей современного вида [Smith, Falsetti, Donnelly, 1989]. Эта модель подразумевала небольшой, но заметный вклад неандертальцев в сложение популяции сапиенсов, мигрировавших в Центральную Европу. В последнее время морфологический тип людей из Виндии рассматривается как проявление небольшой сапиентной примеси у поздних неандертальцев [Smith, Janković, Karavanić, 2005; Cartmill, Smith, 2009; Janković et al., 2011]. Ассимиляционная модель равносильна генетической «в основном из Африки», а также недавно предложенной модели «неполного замещения» (см.: [Gibbons, 2011]).

Артефакты

Орудийный набор из слоя G3 составляет 17 % от общего количества каменного инвентаря. В этой позднемустье́рской индустрии преобладают скребла и зубчато-выемчатые изделия, хотя присутствуют и некоторые верхнепалеолитические типы орудий (например, скребки [Karavanić, Smith, 1998]). Часть скребков может происходить из верхнепалеолитических горизонтов, являясь результатом механического смешения слоев. Тем не менее материалы слоя G3 помимо отщеповой технологии свидетельствуют о производстве бифасов и пластинчатом расщеплении [Karavanić, Smith, 1998]. Новые исследования [Karavanić, Patou-Mathis, 2009] показали, что некоторые «петушеры» из слоя G [Karavanić, Šokec, 2003; Ahern et al., 2004] на самом деле являются псевдоорудиями. Насечки на приаповой кости пещерного медведя [Karavanić, Smith, 1998] также могут быть результатом природных процессов, а не человеческой деятельности.

Сочетание средне- и верхнепалеолитических типов орудий характерно и для слоя G1, в котором обнаружены разнообразные каменные изделия, костяные острия и останки неандертальцев. Некоторые каменные артефакты из этого слоя, изначально определенные как орудия, возможно, таковыми не являются (см.: [Zilhão, D'Errico, 1999; Janković et al., 2006; Zilhão, 2009]). Тем не менее относительно бедная коллекция каменного инвентаря свидетельствует о дальнейшем развитии мустье́рской технико-типологической традиции (без леваллуазского метода расщепления). Костяные орудия из слоя G1 имеют типично верхнепалеолитический облик. Такое неординарное сочетание неандертальских останков и верхнепалеолитических костяных острий представлялось и как результат механического смешения различных горизонтов [Kozłowski, 1996; Zilhão, D'Errico, 1999; Bruner, 2009; Zilhão, 2009], и как культурное своеобразие целостной коллекции [Montet-White, 1996; Karavanić, 1995, 2000, 2007; Karavanić, Smith, 1998, 2000; Janković et al., 2006; Karavanić, Patou-Mathis, 2009]. В последних работах для решения этой проблемы использовались тафономический анализ [Karavanić, Patou-Mathis, 2009], ремонтаж каменных артефактов [Bruner, 2009], а также анализ псевдоорудий, типология каменных изделий, изучение костяных орудий и процессов формирования стоянки [Zilhão, 2009].

Относительно каменной индустрии из слоя G1 был предложен ряд интерпретаций (см., напр.: [Karavanić, 1995, 2000; Kozłowski, 1996; Montet-White, 1996; Karavanić, Smith, 1998; Miracle, 1998; Zilhão, 2009]). Я. Козловски [Kozłowski, 1996] считал ее мустье́рской, И. Свобода [Svoboda, 2001] предполагал родство с селетом, а А. Монте-Уайт [Montet-White, 1996]

для ее определения использовал термин «ольшевиан». Этим термином И. Караванич [Karavanić, 2000, 2007] обозначил возможную специфическую «переходную» индустрию в регионе. В одной из последних работ Ж. Зелао [Zilhão, 2009] отнес комплекс из слоя G1 к селету. В более широком плане Л.Г. Страус [Straus, 1999], А. Монте-Уайт [Montet-White, 1996], И. Караванич и Ф.Х. Смит [Karavanić, Smith, 1998], Дж. Ахерн с коллегами [Ahern et al., 2004] и И. Янкович с соавторами [Janković et al., 2006, 2011] рассматривали необычную индустрию из слоя G1 в контексте сложной проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Европе.

Обсуждение

Пещера Виндия на северо-западе Хорватии сыграла важную роль в многочисленных дискуссиях, касающихся форм перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Европе. Морфологические характеристики обитателей этой пещеры послужили одним из главных аргументов в пользу гипотезы о гибридизации неандертальцев с людьми современного типа. Они сыграли важную роль в дискуссиях о причинах вымирания неандертальцев [Smith, Falsetti, Donnelly, 1989; Smith, 1994; Ahern et al., 2004; Smith, Janković, Karavanić, 2005; Cartmill, Smith, 2009]. В последнее время биологические исследования в Виндии сместились от морфологии к палеогенетике: в 2010 г. приблизительно 3 млрд пар оснований генома неандертальцев были секвенированы из трех небольших неопределимых фрагментов длинных костей с этой стоянки [Green et al., 2010]. Сравнение с геномами современных людей показало: неандертальцы Виндии несколько ближе к современным евразийцам, чем к африканцам. Р. Грин с соавторами установили, что наиболее вероятным объяснением данного факта является неандертальская примесь в размере 1–4 %, впитанная сапиенсами после их выхода из Африки. Такое объяснение, наряду с последней интерпретацией генома «денисовца» [Reich et al., 2010; Gibbons, 2011], подкрепляет теорию, согласно которой расселение мигрировавших из Африки сапиенсов по Евразии сопровождалось небольшим смешением с архаическими популяциями этого континента. Генетики называют такую интерпретацию «моделью неполного замещения» [Gibbons, 2011], что, в сущности, не отличается от ассимиляционной модели.

В то время как генетические данные свидетельствуют о неандертальской примеси у современных людей, следы сапиентной примеси у поздних неандертальцев не выявляются. Р. Грин с соавторами отмечают, что примесь обычно фиксируется в генофонде колонистов (в данном случае – людей со-

временного вида), а не аборигенов (в данном случае – неандертальцев). Авторы, впрочем, не исключают возможности сапиентной примеси у неандертальцев [Green et al., 2010, p. 721]. В пользу этого может свидетельствовать то, что сапиентная тенденция по ряду морфологических признаков проявляется у поздних неандертальцев Виндии сильнее, чем у прочих неандертальских групп.

Недавно в подтверждение ассимиляционной модели в литературе появилось мнение, что последние опубликованные даты 34–33 тыс. л.н. [Higham et al., 2006], полученные по костям двух неандертальцев из слоя G1 Виндии, показывают возможный минимальный возраст, а в действительности эти образцы должны быть древнее [Zilhão, 2009]. Р. Грин с коллегами [Green et al., 2010] полагают, что скрещивание между неандертальцами и ранними современными людьми должно было происходить до момента разделения последних на европейскую и азиатскую ветви, т.к. геном неандертальцев в равной мере схож с современными европейцами и азиатами. По их мнению, скорее всего, гибридизация имела место на Ближнем Востоке ок. 100 тыс. л.н. Однако, поскольку маловероятно, что поток генов между современными европейцами и азиатами после их разделения отсутствовал, скрещивание могло продолжаться и позже. Кроме того, Виндия может служить доказательством влияния современных людей на поздних неандертальцев независимо от того, как рассматривать имеющиеся даты: в качестве минимального возраста или нет. Ж. Зелао [Zilhão, 2009] утверждает, что для принятия ассимиляционной модели стоянка должна иметь более ранние даты, чем первые современные люди Центральной Европы. Однако это не совсем так, особенно если рассматривать антропологические материалы из Виндии в качестве показателя потока генов в неандертальских популяциях. В любом случае, аргументы Ж. Зелао в пользу того, что даты стоянки указывают лишь на возможный минимальный возраст, касаются и датирования ранних людей современного анатомического типа в Европе, следовательно, их возраст также следует рассматривать как минимальный.

Значительная часть дискуссий относительно возможности гибридизации неандертальцев и людей современного физического типа основана на археологических материалах из Виндии. Вероятно, некоторые каменные изделия (напр. Vi 1061, Vi 3383) на самом деле представляют собой псевдоорудия, что недавно было отмечено Ж. Зелао [Ibid.]. Мы ранее обращали на этот факт внимание и учитывали его в более поздних интерпретациях (см.: [Janković et al., 2006]). Утверждение Ж. Зелао о том, что индустрия относится к селету, не является новым. М. Малез высказывал это предположение более 30 лет назад [Malez, 1979], хотя остается неясным, материа-

лы какого слоя комплекса G он имел в виду. И. Свобода также отмечал некоторую близость индустрии из слоя G1 к селету [Svoboda, 2001]. Напротив, Я. Козловски усматривал больше сходства с леваллуа-мустьерскими комплексами Центральной Европы и Балкан [Kozłowski, 1996]. Обе точки зрения имеют свои недостатки. Слой G1 не содержит никаких свидетельств технологии леваллуа, хотя может определяться как мустьерский. Такую же ситуацию мы видим при изучении коллекции из слоя G3. Предположение о присутствии селетской индустрии в слое G1 базируется исключительно на одном орудии – хорошо профилированном бифасиальном острие. Нет оснований говорить, что это орудие было изготовлено на месте; кроме того, оно выполнено из красного радиоларита, происходящего с территории Венгрии [Montet-White, 1996; Biró, Markó, 2007]. В последние несколько лет благодаря исследованиям Д. Перхоча [Perhoč, 2009] в Хорватии увеличился объем работ по поиску и картированию источников сырья, использовавшихся в различные эпохи, и такая разновидность сырья не была обнаружена. Следовательно, это нехарактерное для коллекции из Виндии орудие (бифасиальные изделия из слоя G3 отличаются от него типологически и изготовлены из местного сырья) не пригодно для культурной атрибуции всей индустрии. Тем более оно не может являться показателем селета, присутствие которого до сих пор еще не доказано ни на одном хорватском памятнике. Наличие этого орудия, однако, свидетельствует о контактах с другими географическими регионами в течение времени обитания людей на уровне слоя G1.

Присутствие псевдоорудий и результаты ремонта [Bruner, 2009; Zilhão, 2009] подтверждают, что смешение разновременных материалов характерно для различных слоев. Этим может объясняться наличие верхнепалеолитических типов каменных изделий из высококачественного кремня в слоях G1 и G3. В исследованиях К. Брюнер [Bruner, 2009] вертикальное смешение рассматривается как результат постдепозиционных процессов, затронувших в общем 2,4 % определимых орудий. Приблизительно 8 % артефактов из слоя G1 апплицируются. Однако часть находок из ниже- и вышележащих отложений также может собираться посредством ремонта в одно изделие. Это, по мнению К. Брюнер, говорит о том, что слой G1 один из самых нарушенных на стоянке [Ibid., p. 77]. В течение длительных наблюдений нами установлено наличие в Виндии процессов как биотурбации, так и криотурбации, которые являются наиболее вероятной причиной смешения артефактов из разных слоев в некоторых частях пещеры [Smith, 1984; Karavanič, Smith, 1998]. Однако участки с наиболее значимыми находками не несут следов деформаций. В свете зафиксированных нарушений отнесение каменного ин-

вентаря из слоя G1 к ольшевиану как к переходной индустрии [Karavanić, 2000, 2007] не представляется возможным. Наиболее вероятно, что его средние и верхнепалеолитические характеристики являются результатом механического смешения слоев. Тем не менее проблема совместного залегания костей неандертальцев и верхнепалеолитических костяных острей остается открытой. М. Пахер [Pacher, 2010] верно указала на отсутствие диагностических признаков, позволивших бы отнести ольшевскую индустрию к началу верхнего палеолита, однако нельзя согласиться с ее утверждением, что человеческие останки из слоя G1 Виндии якобы не принадлежат неандертальцам. Они действительно очень фрагментарны, но, как показано в целом ряде статей и книг (см., напр.: [Karavanić, Smith, 1998; Wolpoff, 1999; Cartmill, Smith, 2009]), несомненно, имеют неандертальские признаки (как и некоторые признаки современного типа). Результаты тафономического анализа показывают сходство степени сохранности костяных орудий и костных остатков крупных млекопитающих и людей из одного слоя [Karavanić, Patou-Mathis, 2009]. Эти находки не несут следы топтания (за исключением базальной части т.н. острей младеческого типа – Vi 2510). Характерный для отложений слоя G1 красноватый цвет был зафиксирован на поверхности т.н. острей младеческого типа Vi 3439 и костях неандертальцев из данного слоя. Таким образом, существуют надежные доказательства того, что эти находки были погребены в одном стратиграфическом слое в течение одного временного интервала.

Общая доля апплицирующихся каменных изделий из различных слоев относительно невелика. В то время как ремонт может служить доказательством смешения слоев, мы предполагаем, что изменение характера используемого сырья от слоев раннего среднего палеолита до поздних верхнепалеолитических (увеличение количества кремня и уменьшение доли кварцита; см.: [Blaser, Kurtanjek, Paunović, 2002]) является гораздо более существенным показателем, отражающим поведенческие изменения. Согласно исследованиям Дж. Ахерна с коллегами [Ahern et al., 2004, tabl. 9], по этому показателю слой G1 занимает промежуточное положение между мустьерским (G3) и верхнепалеолитическими.

В отличие от Ж. Зелао [Zilhão, 2009, tabl. 2], который видит в материалах слоя G1 смешение селета, ориньяка 1 и 2, а находки из слоя Fd/d интерпретирует как ориньяк 2 или 3/4, мы имеем два возможных объяснения. Первое – индустрия G1 относится к мустье. В этом случае упомянутое бифасиальное каменное острие рассматривается в качестве импорта и является свидетельством контактов различных неандертальских групп на территории Северо-Западной Хорватии и Венгрии (если селет ассоциировать с неандерталь-

цами) или неандертальцев и ранних современных людей (если селет ассоциировать с последними). Верхнепалеолитические элементы, в частности костяные острия и, возможно, некоторые типы каменных изделий, указывают на контакты (обмен или аккультурация) между неандертальцами и группами людей современного анатомического типа.

Второе объяснение заключается в следующем. Индустрия является мустьерской, вышеупомянутое каменное бифасиальное острие – принесенным, а наличие костяных острей и верхнепалеолитических каменных орудий в слое G1 – следствие смешения с верхними слоями стоянки. В этом случае индустрия из стратиграфических горизонтов Fd/d и Fd соотносится с ориньяком. Однако вследствие разнообразия ориньякской индустрии (см.: [Churchill, Smith, 2000; Kozłowski, Otte, 2000; Teyssandier, Bon, Bordes, 2009]) незначительный процент типичных ориньякских изделий в Виндии и факт типологического отличия каменной индустрии от ориньяка французских памятников не позволяют безоговорочно использовать термины «ориньяк 1, 2, 3/4» для коллекций из Виндии (см.: [Miracle, 1998]). В то же время ранне-верхнепалеолитические костяные острия на стоянках в Хорватии и Словении часто находят в сопровождении совсем небольших коллекций каменного инвентаря (исключение – Поточка Зиджялка). Таким образом, отсутствие типичных ориньякских орудий в Виндии и на других памятниках может объясняться функциональной специализацией стоянок, связанной с специфической охотничьей деятельностью (ср.: [Hahn, 1977]).

Несмотря на то что прямое датирование костяных острей из Виндии и Великой Печи не увенчалось успехом [Smith et al., 1999], возраст слоя «i» последней определен в 34 тыс. лет (конвенциональная дата) [Malez, Vogel, 1970]. Следовательно, к этому времени можно относить костяные острия (предположительно с расщепленными основаниями) из него [Ibid.]. Аналогичное орудие (наиболее вероятно, с расщепленным основанием) из Дивже Бабе I (Словения) происходит из слоя, возраст которого также примерно 34 тыс. лет [Nelson, 1997], в то время как острия младеческого типа из Поточки Зиджялки датируются в интервале 31–29 тыс. л.н. [Hofreiter, Pacher, 2004], из пещеры Мамутова в Польше под г. Краковом – 33–32 тыс. л.н. [Wojtal, 2007], острия ранней поры верхнего палеолита с германских стоянок – 32–27 тыс. калиброванных л.н. [Conard, Bolus, 2003, 2008; Bolus, Conard, 2006], а возраст (прото)ориньякских острей с расщепленным основанием из Тру-де-ля-Мер-Клошетт на северо-востоке Франции 33–35 тыс. лет [Szmídt, Brou, Jaccottet, 2010]. Хотя некоторые из перечисленных стоянок географически значительно отдалены от Виндии, необходимо отметить, что среди указанных

дат одни более ранние, чем для неандертальского слоя G1 Виндии, другие – более поздние. Хотя мы не располагаем данными прямого датирования острий, даты сопоставимых археологических слоев свидетельствуют о том, что костяные острия из Великой Печины и Дивже Бабе I древнее неандертальского слоя G1 Виндии или они одновременны. Если придерживаться общепринятой точки зрения, согласно которой эти острия ассоциируются с современными людьми, то возникает вопрос о возможных контактах последних с неандертальцами.

Ж. Зелао [2006] рассматривает неандертальцев как предшествующих по времени ранним современным людям во всей Европе, за исключением территории к югу от «границы Эбро». Таким образом, по его модели на стоянках типа Виндии свидетельства возможных контактов являются проблематичными. По мнению Ж. Зелао, даже поздние неандертальцы должны быть более древними, чем слой G1 Виндии. Это объясняет его настойчивость в трактовке дат, полученных для данного слоя (34–33 тыс. л.н.), как возможного минимального возраста [Zilhão, 2009]. Мы всегда соглашались, что в Виндии имеются проблемы стратиграфической последовательности [Karavanić, Smith, 1998, 2000], а также понимали, что всегда будут сомнения касательно «чистоты» коллекций из комплекса G (особенно G1). Тем не менее свидетельства генетического смешения между неандертальцами и ранними современными людьми [Green et al., 2010; Reich et al., 2010], даже для достаточно позднего времени существования неандертальцев в Европе [Sankararaman et al., 2012], и возможность присутствия современных людей в Европе раньше, чем считалось [Benazzi et al., 2011; Higham et al., 2011], означают, что данные в пользу такого взаимодействия должны быть в археологическом материале. Они наверняка будут неявными и, как в случае с Виндией, потенциально трудно отделимыми от возможных искусственных смешений.

В Восточной Адриатике было найдено только одно костяное острие: в слое H стоянки Шандалья II в Истрии (Хорватия) [Karavanić, 2009]. Оно относительно небольшое в сравнении с остриями из Центральной Европы, имеет расщепленное основание и округлое поперечное сечение, обнаруживает сходство с мадленскими остриями Франко-Кантабрии (устное сообщение Л. Страуса). Судя по последним датам для слоя F Шандалья II, данный артефакт должен быть древнее 32 тыс. л.н. (устное сообщение М. Ричардса). Помимо этой стоянки в Истрии известны только один памятник ранней поры верхнего палеолита и два среднепалеолитических [Komšo, Balbo, Miracle, 2007; Komšo, 2008]. В Далмации есть несколько мустьерских стоянок, из которых лишь Мучина Печина исследовалась систематически [Karavanić, 2009].

Значительная концентрация мустьерских местонахождений открытого типа обнаружена в регионе к северу от г. Задар. Объяснением такой ситуации, по-видимому, может служить не большая плотность населения, а высокая степень мобильности людей в среднем палеолите, т.к. большинство этих памятников представляют собой кратковременные стоянки [Vujević, 2007]. Если допустить, что по крайней мере некоторые среднепалеолитические охотники из континентальных районов Хорватии пересекали хр. Велебит в поисках менее суровых климатических условий в течение холодных периодов плейстоцена, то вышеупомянутый адриатический регион можно рассматривать в качестве транзитной территории [Ibid.]. Стоянки, относящиеся к ранней поре верхнего палеолита, в этом регионе редки, так же как и в Восточной Адриатике в целом [Karavanić, 2009; Mihailović, 2009]. Более того, ни одна индустрия здесь не имеет прогрессивных признаков, свидетельствующих о местном переходе к верхнему палеолиту. К примеру, улущо в Восточной Адриатике отсутствует, хотя эта индустрия представлена на стоянках в Италии и Греции [Koumouzelis et al., 2001; Peresani, 2008].

Остается неясным, почему до сих пор в Восточной Адриатике не найдены памятники, отражающие переход от среднего палеолита к верхнему, и редко встречаются ранневерхнепалеолитические. Возможными причинами этого являются незначительное количество разведанных стоянок, затопление или абразия мест обитания древних людей в результате подъема уровня моря, низкая плотность населения территории в период перехода от среднего к верхнему палеолиту и в течение ранней поры последнего.

Тем не менее новые исследования дополняют наши представления о закономерностях распространения носителей мустьерских традиций и сложности процессов, лежащих в основе взаимодействия между средне- и верхнепалеолитическими популяциями в позднем плейстоцене. Ключевое значение будет иметь продолжение работ, включающих картирование и разведочные раскопки стоянок пещерного и открытого типа в обоих регионах Хорватии. Наиболее вероятно, что многие места обитания палеолитических охотников-собирателей исчезли вследствие поднятия уровня моря в конце плейстоцена. Однако некоторые стоянки, такие как Каштел Штафилич, до сих пор сохраняются под водой [Karavanić et al., 2009]. Реализация подводных проектов может обогатить наши знания о степени мобильности носителей мустьерских традиций и помочь решению загадки переходной эпохи в Восточной Адриатике. Региональные различия между северо-западной и адриатической частями Хорватии должны рассматриваться в контексте как географических факторов, так и сложных культурных процессов в период перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Благодарности

Мы выражаем благодарность исследователям, оказавшим различную помощь в получении информации для настоящей статьи: И. Янковичу, Д. Комсо, Я. Козловски, К. Собщуку, М. Ричардсу, Д. Перхочу, Л. Страусу, Дж. Эхерну, М.Д. Пападжанни. Мы также признательны организаторам симпозиума «Особенности перехода к верхнему палеолиту в Евразии: культурная динамика и развитие рода *Homo*» (4–10 июля 2011 г. Денисова пещера. Алтай) А.П. Деревянко и М.В. Шунькову. Исследования были проведены при поддержке Министерства науки, образования и спорта (проект № 130-0000000-0871) и Министерства культуры Республики Хорватии, а также Университета штата Иллинойс.

Список литературы

- Ahern J.C.M., Karavanić I., Paunović M., Janković I., Smith F.H. New discoveries and interpretations of hominid fossils and artifacts from Vindija Cave, Croatia // *J. of Human Evolution*. – 2004. – Vol. 46. – P. 25–65.
- Benazzi S., Douka K., Fornai C., Bauer C., Kullmer O., Svoboda J., Pap I., Mallegni F., Bayle P., Coquerelle M., Condemi S., Ronchitelli A., Harvati K., Weber G. The early dispersal of modern humans in Europe and implications for Neanderthal behavior // *Nature*. – 2011. – Vol. 479. – P. 525–528.
- Biró K., Markó A. Stones “hit the road” // *Highways and Byways in Space and Time* / ed. by T. Kovács. – Budapest: Hungarian National Museum, 2007. – P. 14–19.
- Blaser F., Kurtanek D., Paunović M. L'industrie du site néandertalien de la grotte de Vindija (Croatie): une révision des matières premières lithiques // *L'Anthropologie*. – 2002. – Vol. 106. – P. 387–398.
- Bocherens H., Drucker D. Dietary competition between Neanderthals and modern humans: insights from stable isotopes // *When Neanderthals and Modern Humans Met* / ed. by N. Conard. – Tübingen: Kerns Verlag, 2006. – P. 129–143.
- Bolus M., Conard N.J. Zur zeitstellung von geschosspitzen aus organischen materialien im späten Mittelpaläolithikum und Aurignacien // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. – 2006. – Bd. 36. – S. 1–15.
- Brajković D. Korelacija tafodema skupine Ungulata iz gornjopleistocenskih špilja Vindija, Velika pećina i Veternica u sjeverozapadnoj Hrvatskoj: Unpublished PhD Dissertation / University of Zagreb. – Zagreb, 2005. – 284, XXXIII str.
- Brajković D., Miracle P.T. Middle Palaeolithic and early Upper Palaeolithic subsistence practices at Vindija cave, Croatia // *The Palaeolithic of the Balkans* / eds. A. Darlas, D. Mihailović. – Oxford: Archaeopress, 2008. – P. 107–116.
- Bruner K.M. Testing Stratigraphic Integrity of Upper and Middle Paleolithic Deposits in Vindija Cave (Croatia): A Chipped Stone Refitting Analysis: Unpublished Master Thesis / University of Kansas. – Lawrence, 2009. – 124 p.
- Cartmill M., Smith F. *The Human Lineage*. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2009. – 609 p.
- Churchill S., Smith F.H. Makers of the Early Aurignacian of Europe // *Yearbook of Physical Anthropology*. – 2000. – Vol. 43. – P. 61–115.
- Conard N.J., Bolus M. Radiocarbon dating the appearance of modern humans and timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // *J. of Human Evolution*. – 2003. – Vol. 44. – P. 331–371.
- Conard N.J., Bolus M. Radiocarbon dating the late Middle Paleolithic and the Aurignacian of the Swabian Jura // *J. of Human Evolution*. – 2008. – Vol. 55. – P. 886–897.
- Gibbons A. A new view on the birth of *Homo sapiens* // *Science*. – 2011. – Vol. 331. – P. 392–394.
- Green R., Krause J., Briggs A., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Li H., Zhai W., Fritz M., Hansen N., Durand E., Malaspina A-S., Jensen J., Marques-Bonet T., Alkan C., Prüfer K., Meyer M., Burbano H., Good J., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Höber B., Höffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander S., Russ C., Novod N., Afourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajković D., Kucan Ž., Gušić I., Doronichev V., Golovanova L., Lalueva-Fox C., de la Rassa M., Fortea J., Rosas A., Schmitz R., Johnson P., Eichler E., Falush D., Birney E., Mullikin J., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Pääbo S. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science*. – 2010. – Vol. 328. – P. 710–725.
- Hahn J. Aurignacien: das Ältere Jungpaläolithikum in Mittel- und Osteuropa. – Köln: Böhlau, 1977. – 355 S. – (Fundamenta. Ser. A.; vol. 9).
- Higham T., Compton T., Stringer C., Jacobi R., Shapiro B., Trinkaus E., Chandler B., Gröning F., Collins C., Hillson S., O'Higgins P., FitzGerald C., Fagan M. The earliest evidence for modern humans in northwest Europe // *Nature*. – 2011. – Vol. 479. – P. 521–524.
- Higham T., Ramsey C.B., Karavanić I., Smith F.H., Trinkaus E. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G1 Upper Paleolithic Neandertals // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2006. – Vol. 103. – P. 553–557.
- Hofreiter M., Pacher M. Using ancient DNA to elucidate raw material origin of bone points from Potočka zijalka (Slovenia): preliminary Results // *Potočka Zijalka: Palaeontological and Archaeological Results of the Campaigns 1997–2000* / eds. M. Pacher, V. Pohar, G. Rabeder. – Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. – P. 201–210.
- Janković I., Karavanić I., Ahern J.C.M., Brajković D., Mauch Lenardić J., Smith F.H. Vindija Cave and the modern human peopling of Europe // *Collegium Anthropologicum*. – 2006. – Vol. 30. – P. 457–466.
- Janković I., Karavanić I., Ahern J.C.M., Brajković D., Mauch Lenardić J., Smith F.H. Archaeological, paleontological and genomic perspectives on late European Neandertals at Vindija cave, Croatia // *Continuity and Discontinuity in the Peopling of Europe: one Hundred Fifty Years of Neanderthal Study* / eds. S. Condemni and G.-C. Weniger. – N. Y.: Springer, 2011. – P. 299–313. – (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology).
- Karavanić I. Upper Paleolithic occupation levels and late-occurring Neandertal at Vindija Cave (Croatia) in the context of Central Europe and the Balkans // *J. of Anthropological Research*. – 1995. – Vol. 51. – P. 9–35.
- Karavanić I. Olschewian and appearance of bone technology in Croatia and Slovenia // *Neanderthals and Modern Hu-*

mans – Discussing Transition / eds. J. Orschiedt, G-Ch. Weniger. – Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. – P. 159–168. – (Wissenschaftliche Schriften des Neanderthal Museums; Bd. 2).

Karavanić I. The Middle/Upper Paleolithic interface in Croatia // *New Approaches to the Study of Early Upper Paleolithic “Transitional” Industries in Western Eurasia: Transitions great and small* / eds. J. Riel-Salvatore, G.A. Clark. – Oxford: Archaeopress, 2007. – P. 75–89. – (BAR Intern. Ser.; N 1620).

Karavanić I. Adriatic coast of Croatia and its hinterland from 50 000 to 25 000 BP // *The Mediterranean from 50 000 to 25 000 BP: Tutning points and new directions* / eds. M. Camps, C. Szmidt. – Oxford: Oxbow Books, 2009. – P. 163–178.

Karavanić I., Patou-Mathis M. Middle/Upper Paleolithic interface in Vindija Cave (Croatia): new results and interpretations // *Sourcebook of Paleolithic Transitions: Methods, Theories and Interpretations* / eds. M. Camps, P. Chauhan. – N. Y.: Springer, 2009. – P. 397–405.

Karavanić I., Smith F.H. The Middle/Upper Paleolithic interface and the relationship of Neanderthals and early modern humans in the Hrvatsko Zagorje, Croatia // *J. of Human Evolution*. – 1998. – Vol. 34. – P. 223–248.

Karavanić I., Smith F.H. More on the Neanderthal problem: the Vindija case // *Current Anthropology*. – 2000. – Vol. 41. – P. 838–840.

Karavanić I., Šokec T. The Middle Paleolithic percussion or pressure flaking tools? The comparison of experimental and archaeological material from Croatia // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. – 2003. – Sv. 20. – Str. 5–14.

Karavanić I., Zupčić K., Pešić M., Parica M., Šošić Klindžić R. Kaštel Štafilić – podvodno paleolitičko nalazište // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2009. – Sv. 5 (2008). – Str. 549–551.

Komšo D. Limski kanal // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2008. – Sv. 4 (2007). – Str. 264–267.

Komšo D., Balbo A., Miracle P.T. Čepičko polje // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2007. – Sv. 3 (2006). – Str. 225–228.

Koumouzelis M., Ginter B., Kozłowski J.K., Pawlikowski M., Bar-Yosef O., Albert R.M., Lityńska-Zajšć M., Stworzewicz E., Wojtal P., Lipecki G., Tomek T., Bocheński Z.M., Pazdur A. The Early Upper Palaeolithic in Greece: The excavations in Klisoura Cave // *J. of Archaeological Science*. – 2001. – Vol. 28. – P. 515–539.

Kozłowski J.K. Cultural context of the last Neanderthals and early Modern Humans in Central-Eastern Europe // *Proceedings of the XIII UISPP Congress: The Lower and the Middle Palaeolithic* / eds. O. Bar-Yosef, L.L. Cavalli-Sforza, R.J. March, M. Piperno. – Forlì: Abaco, 1996. – Vol. 5. – P. 205–218.

Kozłowski J.K., Otte M. The formation of Aurignacian in Europe // *J. of Anthropological Research*. – 2000. – Vol. 56. – P. 513–534.

Krings M., Capelli C., Tschentscher F., Geisert H., Meyer S., Von Haeseler A., Grossschmidt K., Possnert G., Paunović M., Pääbo S. A view of Neanderthal genetic diversity // *Nature Genetics*. – 2000. – Vol. 26. – P. 144–146.

Kurtanek D., Marci V. Petrografska istraživanja paleolitskih artefakata spilje Vindije // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. – 1990. – Sv. 449. – Str. 227–238.

Malez M. Nalazišta paleolitskog i mezolitskog doba u Hrvatskoj // *Praistorija jugoslavenskih zemalja* / ed. by. A. Benac. – Sarajevo: Svjetlost, 1979. – Sv. I. – Str. 227–276.

Malez M., Rukavina D. Položaj naslaga spilje Vindije u sustavu članjenja kvartara šireg područja Alpa // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. – 1979. – Sv. 371, N 17. – Str. 187–218.

Malez M., Vogel J.C. Die Ergebnisse der Radiokarbonanalysen der quartären Schichten der Velika Pečina in Nordwest-Kroatien // *Bull. scientifique Conseil des Academies des Sciences et des Arts de la RSF de Yougoslavie*. – 1970. – Vol. 15, N 11/12. – P. 390–391.

Marjanac T., Marjanac L., Oreški E. Glacijalni i periglacijalni sedimenti u Novigradskom moru // *Geološki vjesnik*. – 1990. – Sv. 43. – Str. 35–42.

Mihailović D. Upper Paleolithic and Mesolithic Chipped Stone Industries from Crvena Stijena – Belgrade: University of Belgrade, 2009. – 152 p. – (Prehistoric settlements in caves and rock-shelters of Serbia and Montenegro; fasc. II).

Miracle P.T. Carnivore dens or carnivore hunts? A Review of Upper Pleistocene Mammalian Assemblages in Croatia and Slovenia // *Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. – 1991. – Sv. 458, N 25. – Str. 193–219.

Miracle P.T. The spread of modernity in Europe // *The Origins and Past of Modern Humans – Towards Reconciliation* / eds. K. Omoto, Ph. V. Tobias. – Singapore: World Scientific, 1998. – P. 171–187.

Montet-White A. Le Paléolithique en ancienne Yougoslavie. – Grenoble: Jérôme Millon, 1996. – 268 p.

Nelson D.E. Radiocarbon dating of bone and charcoal from Divje Babe I Cave // *Mousterian “Bone Flute” and other Finds from Divje Babe I Cave site in Slovenia* / ed. by I. Turk. – Ljubljana: Slovenian Academy of Sciences and Arts, 1997. – P. 51–64.

Pacher M. Raw material analysis of Upper Paleolithic bone points and the invention of the Olschewian // *New Aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic – methods, chronology, technology and subsistence* / eds. Ch. Neugebauer-Maresch, L.R. Owen. – Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – P. 319–325.

Peresani M. A new cultural frontier for the last Neanderthals: the Uluzzian in Northern Italy // *Current Anthropology*. – 2008. – Vol. 49. – P. 725–731.

Perhoč D. Sources of chert in Middle Dalmatia: Supplying raw material to Prehistoric lithic industries // *A Connecting Sea: Maritime Interaction in Adriatic Prehistory* / ed. by S. Forenbacher. – Oxford: Archaeopress, 2009. – P. 25–46. – (BAR Intern. Ser.; N 2037).

Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.V., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. – 2010. – Vol. 468. – P. 1053–1060.

Richards M.P., Pettitt P.B., Trinkaus E., Smith F.H., Paunović M., Karavanić I. Neanderthal diet at Vindija and Neanderthal predation: The evidence from stable isotopes // *Proceedings of the National Academy of Science of the United States of America*. – 2000. – Vol. 97. – P. 7663–7666.

- Sankararaman S., Patterson N., Li H., Pääbo S., Reich D.** The Date of Interbreeding between Neandertals and Modern Humans // *PLoS Genetics*. – 2012. – Vol. 8, N 10: e1002947. doi:10.1371/journal.pgen.1002947.
- Serre D., Langaney A., Chech M., Teschler-Nicola M., Paunović M., Hofreiter M., Possnert G., Pääbo S., Mendecier P.** No evidence of Neandertal mtDNA contribution to early Modern Humans // *PLoS Biology*. – 2004. – Vol. 2. – P. 313–317.
- Simek J.F., Smith F.H.** Chronological changes in stone tool assemblages from Krapina (Croatia) // *J. of Human Evolution*. – 1997. – Vol. 32. – P. 561–575.
- Smith F.H.** Fossil Hominids from the Upper Pleistocene of Central Europe and the origin of modern Europeans // *The Origin of Modern Humans: A world survey of the fossil evidence* / eds. F. H. Smith, F. Spencer. – N. Y.: Alan R. Liss, 1984. – P. 137–209.
- Smith F.** Samples, species and speculations in the study of modern human origins // *Origins of Anatomically Modern Humans* / eds. M. Nitecki, D. Nitecki. – N. Y.: Plenum, 1994. – P. 227–249.
- Smith F.H., Ahern J.C.** Brief Communication: additional cranial remains from Vindija Cave, Croatia // *Am. J. of Physical Anthropology*. – 1994. – Vol. 93. – P. 275–285.
- Smith F.H., Falsetti A.B., Donnelly S.M.** Modern Human origins // *Yearbook of Physical Anthropology*. – 1989. – Vol. 32. – P. 35–68.
- Smith F.H., Janković I., Karavanić I.** The assimilation model, modern human origins in Europe, and the extinction of Neandertals // *Quaternary International*. – 2005. – Vol. 137. – P. 7–19.
- Smith F.H., Trinkaus E., Pettitt P.B., Karavanić I., Paunović M.** Direct radiocarbon dates for Vindija G1 and Velika Pećina Late Pleistocene hominid remains // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 1999. – Vol. 96. – P. 12281–12286.
- Straus L.G.** The Neanderthal problem continued: Reply // *Current Anthropology*. – 1999. – Vol. 40. – P. 352–355.
- Svoboda J.** La question szélétienne // *Les industries a outils bifaciaux du paléolithique moyen d'Europe occidentale* / ed. by D. Cliquet. – Liège: Univ. de Liège, 2001. – P. 221–330. – (ERAUL; vol. 98).
- Szmidt C.C., Brou L., Jaccottet L.** Direct radiocarbon (AMS) dating of split-based points from the (Proto)Aurignacian of Trou de la Mère Clochette, Northeastern France: Implications for the characterization of the Aurignacian and the timing of technical innovations in Europe // *J. of Archaeological Science*. – 2010. – Vol. 37. – P. 3320–3337.
- Teyssandier N., Bon F., Bordes J.-G.** Within projectile range: Some thoughts on the appearance of the Aurignacian in Europe // *J. of Anthropological Research*. – 2009. – Vol. 66. – P. 209–229.
- Vujević D.** Srednji paleolitik na području južno od Ražanca: Unpublish Master Theses / University of Zadar. – Zadar, 2007. – 181 str.
- Vuković S.** Paleolitska kamena industrija spilje Vindije // *Historijski zbornik*. – 1950. – Sv. 1–4. – Str. 241–256.
- Wild E.M., Paunović M., Rabeder G., Steffan I., Steier P.** Age determination of fossil bones from the Vindija Neanderthal site in Croatia // *Radiocarbon*. – 2001. – Vol. 43. – P. 1021–1028.
- Wojtal P.** Zooarchaeological studies of the Late Pleistocene sites in Poland. – Kraków: Institute of Systematics and Evolution of Animals, Polish Academy of Sciences, 2007. – 189 p.
- Wolpoff M.H.** *Paleoanthropology*. – 2 ed. – N. Y.: McGraw-Hill, 1999. – 878 p.
- Zilhão J.** Neandertals and moderns mixed, and it matters // *Evolutionary Anthropology*. – 2006. – Vol. 15. – P. 183–195.
- Zilhão J.** Szeletian, not Aurignacian: A review of the chronology and cultural associations of the Vindija G1 Neandertals // *Sourcebook of Paleolithic Transitions* / eds. M. Camps, P. Chauhan. – N. Y.: Springer, 2009. – P. 407–426.
- Zilhão J., D'Errico F.** The Neanderthal problem continued: Reply // *Current Anthropology*. – 1999. – Vol. 40. – P. 355–364.

*Материал поступил в редколлегию 22.01.13 г.,
в окончательном варианте – 28.01.13 г.*

УДК 903.2

**А.П. Деревянко¹, Е.П. Рыбин¹, С.А. Гладышев¹, Б. Гунчинсүрэн²,
А.А. Цыбанков¹, Д. Олсен³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; ryber@archaeology.nsc.ru
paleomongolia@yandex.ru; tsibankov@yandex.ru

²Институт археологии АН Монголии
ул. Жукова, 77, Улан-Батор, Монголия
E-mail: bgunchinsuren@yahoo.com

³Университет Аризоны, США
University of Arizona
E. South Campus Drive, 1009, Tucson, AZ 85721-0030, USA
E-mail: jwo@arizona.edu

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОРУДИЙ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (по материалам стоянок Толбор-4 и -15)*

Работа посвящена сравнительному анализу орудийных комплексов и предметов, имеющих регулярную вторичную обработку, из ранневерхнепалеолитических горизонтов стоянок Толбор-4 и -15, расположенных в горной системе Хангая на севере Монголии. На протяжении существования этих индустрий происходила последовательная эволюция в технике расщепления от использования крупных бипродольных нуклеусов для получения удлиненных пластин до эксплуатации плоскостных однонаправленных и ортогональных ядрищ. Кроме того, изменялась морфология заготовок в сторону уменьшения их размеров. При этом типологический реестр орудий оставался практически неизменным. Основным свидетельством развития культурных традиций в сфере изготовления и использования орудий является увеличение в орудийном наборе доли изделий, выполненных на отщепах, и уменьшение средних размеров инструментов. Анализ материалов стоянок Толбор-4 и -15 дает возможность показать сохранение культурной преемственности от начальной до финальной стадии раннего верхнего палеолита Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Южная Сибирь, начальная и ранняя стадии верхнего палеолита, каменные технологии, орудийный набор, эволюция индустрий.

Введение

За последние девять лет (начиная с 2004 г.) на территории Северной Монголии, в Хангайской горной стране, в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, правого при-

тока р. Селенги, было обнаружено более 20 местонахождений каменного века. Археологические работы в этом регионе проводились в рамках долгосрочной

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 12-06-00037а «Технологические портреты верхнепалеолитических индустрий Монголии», 12-06-33041 мол_а_вед «Инновации и консерватизм в пе-

реходные эпохи каменного века Центральной и Северной Азии», 13-06-1203 офи-м «Палеоэкология и хронология переломных этапов развития культур каменного века запада Центральной Азии», 13-06-12002 офи-м «Палеоэкологический и культурный контекст заселения человеком Алтая в плейстоцене».

программы научного сотрудничества между ИАЭТ СО РАН и Институтом археологии Монгольской академии наук под руководством академика А.П. Деревянко. Большинство местонахождений представляют собой объекты с поверхностным залеганием каменных артефактов, которые относятся к разным периодам верхнего палеолита и голоценовому времени. Четыре пункта имеют особое значение, т. к. являются многослойными стратифицированными палеолитическими памятниками: Толбор-4, -15, -16 и -21 (далее Т-4, Т-15, Т-16 и Т-21). Стоянка Т-4 исследовалась три полевых сезона (2004–2006 гг.), Т-15 – четыре (2008–2011 гг.). Местонахождение Т-16 было протестировано разведочными шурфами в 2010 г., а Т-21 – в 2011 г. Культуросодержащие горизонты этих памятников демонстрируют материалы двух периодов

верхнего палеолита. Вверху залегают комплексы финальнопалеолитических, отщеповых индустрий. По образцу кости из верхних отложений шурфа на памятнике Т-16 была получена дата $15\,660 \pm 40$ л.н. (14938, г. Тюбинген, Германия). В нижних отложениях шурфов на местонахождениях Т-16 и -21 были зафиксированы индустрии крупных пластин, относящиеся к раннему верхнему палеолиту. Возраст этих комплексов определяется датами $33\,320 \pm 180$ (14932, Тюбинген, Германия) и $> 45\,400$ л.н. (АА-93134, г. Тусон, США) для Т-16, $39\,240 \pm 360$ и $44\,640 \pm 690$ л.н. (14933 и 14936, г. Тюбинген, Германия) для Т-21.

Напомним, что памятник Т-4 находится на пологом склоне делювиального шлейфа, огибаемого ручьем Их-Булаг, который впадает вскоре в р. Их-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол

№ п/п	Лабораторный номер	Дата, л.н.	Литологический слой*	Материал образца
<i>Толбор-4</i>				
1	АА-93139	$14\,547 \pm 73$	3	Скорлупа яйца страуса
2	АА-84135	$26\,700 \pm 300$	4	То же (бусины)
3	АА-93140	$31\,210 \pm 410$	5	Скорлупа яйца страуса
4	АА-79326	$> 41\,050$	5	Кость
5	АА-93141	$35\,230 \pm 680$	6	Скорлупа яйца страуса
6	АА-79314	$37\,400 \pm 2\,600$	6	Кость (орудие)
<i>Толбор-15</i>				
7	АА-84136	$14\,056 \pm 81$	3	Скорлупа яйца страуса
8	Beta-263742	$14\,930 \pm 70$	3	То же
9	Beta-263744	$14\,680 \pm 70$	4	»
10	Beta-263745	$14\,820 \pm 70$	4	»
11	АА-84137	$28\,460 \pm 310$	5	»
12	АА-93136	$32\,200 \pm 1\,400$	5	Кость
13	АА-84138	$29\,150 \pm 320$	7	Скорлупа яйца страуса
14	АА-93137	$33\,200 \pm 1\,500$	7	Кость
15	MAMS-14934	$34\,010 \pm 200$	7	»
16	MAMS-14935	$33\,470 \pm 190$	7	»
17	MAMS-14937	$34\,340 \pm 210$	7	»
<i>Толбор-16</i>				
18	MAMS-14938	$15\,660 \pm 40$	3	»
19	MAMS-14932	$33\,320 \pm 180$	4	»
20	АА-93134	$> 45\,400$	5 в шурфе 2	»
<i>Толбор-21</i>				
21	MAMS-14933	$44\,640 \pm 690$	4 в шурфе 1	»
22	MAMS-14936	$39\,240 \pm 360$	3 в шурфе 2	»

*№ 1–19 – слои в раскопах.

Тулбэрийн-Гол, в 6 км от впадения последней в р. Селенгу. Высота памятника над уровнем ручья 36 м, над р. Их-Тулбэрийн-Гол 59 (расстояние до реки 540 м), над уровнем моря 1044 м. Общая площадь раскопок составила 69 м², а суммарная коллекция каменных артефактов насчитывает более 30 тыс. предметов. В разрезе памятника выделено шесть археологических горизонтов, залегающих непосредственно друг над другом, без стерильных прослоек. Мощность отложений, содержащих артефакты, увеличивается по мере удаления от бровки уступа шлейфа к его тыловому шву от 80–85 до 160–165 см. Первые три археологических горизонта финальнопалеолитические, для 3-го получена дата $14\,547 \pm 73$ л.н. (AA-93139, г. Тусон, США). Горизонты 4–6 относятся к раннему верхнему палеолиту (табл. 1). Обращает на себя внимание значительный перерыв в осадконакоплении между аккумуляцией слоев с индустрией раннего верхнего палеолита и началом формирования финальнопалеолитических горизонтов. Исходя из имеющихся у нас дат он приходится на интервал 26,0–14,5 тыс. л.н., который включает в себя начало и наиболее холодный период сартанского оледенения в Северной Азии.

Стационарные раскопки многослойного памятника Т-15 начались в 2008 г. Стоянка расположена на второй террасе р. Их-Тулбэрийн-Гол, практически на ее бровке. Высота террасы 10–12 м над урезом реки. Часть площади стоянки уничтожена дорожным карьером, в котором артефакты были извлечены на поверхность, благодаря чему памятник и обнаружили. Кроме того, на территории палеолитического объекта расположены два гуннских кургана, что значительно сократило площадь исследования. Всего за четыре года работ на памятнике вскрыто ок. 130 м² площади. Коллекция артефактов, полученная в ходе раскопок, насчитывает более 30 тыс. предметов. В разрезе выделено шесть литологических подразделений, в которых залегают семь археологических горизонтов. Общая мощность рыхлых отложений, содержащих археологический материал, колеблется от 2,2 до 2,4 м. Накопление низов толщи происходило в условиях, близких к современным. Параметры аккумуляции перекрывающего слоя склонового генезиса еще сохраняли черты динамичности тектоно-климатической обстановки, ее температурной и влагообеспечивающей составляющей, что свойственно периодам относительных потеплений, к примеру каргинскому межстадиалу. Верхние археологические горизонты стоянки Т-15 относятся к финальному палеолиту и датируются 14–15 тыс. л.н. В горизонтах 5–7 обнаружен ранневерхнепалеолитический комплекс, возраст которого 28–34 тыс. лет (табл. 1). В разрезе стоянки Т-15 также фиксируется перерыв в осадконакоплении, он приходится на интервал 28 – 15 тыс. л.н.

Богатейший материал, собранный за годы раскопок на стоянках Т-4 и Т-15, позволяет достаточно аргументированно говорить о технологических традициях расщепления и обработки каменного сырья верхнепалеолитическим населением данного региона и вплотную подойти к рассмотрению таких ключевых проблем, как формирование индустрий раннего верхнего палеолита и их дальнейшее развитие на этой территории. За время изучения комплексов с памятников Т-4 и Т-15 получена большая серия радиоуглеродных дат, охватывающая период от финала верхнего палеолита до предела возможности самого метода (ранний верхний палеолит). В настоящей статье рассматривается вся совокупность данных, связанных с характеристикой орудий и других предметов, имеющих участки с регулярной вторичной обработкой.

Сырье для изготовления артефактов

Во всех слоях стоянок Т-4 и Т-15 петрографический состав каменного сырья, из которого были изготовлены артефакты, однороден. Это средне- и мелкозернистые темно-серые песчаники, алевропесчаники и алевролиты. Первичные выходы сырья имеются на расстоянии нескольких сот метров от стоянки Т-4, далее они простираются по бортам долины р. Их-Тулбэрийн-Гол и ее притоков на протяжении нескольких километров от памятника. Другим источником камня был галечный аллювий реки и ее притоков, расстояние до них составляет в настоящее время от нескольких десятков метров (Т-15) до полукилометра (Т-4). Сырье, использовавшееся на стоянках Т-15 и Т-4, различается по своему качеству и степени внутренней однородности. На первой его источник не менялся на протяжении всего периода существования стоянки и легко определим. Это аллювиальный галечник р. Их-Тулбэрийн-Гол. Сложнее выглядит ситуация на памятнике Т-4. Анализ распределения сырья из первичных и вторичных источников залегания, осуществленный на основе подсчета количества артефактов со следами галечной и желвачной корки на дорсальной поверхности, позволяет предположить, что во время формирования горизонтов 5, 6 в равной мере эксплуатировались источники обоих типов, расположенные поблизости, популяция, оставившая комплекс горизонта 4 использовала преимущественно материал из удаленных первичных источников [Деревянко и др., 2007].

Состав комплексов

Состав различных категорий артефактов отличается известным своеобразием. Обращает на себя внимание большая доля нуклеусов в индустриях (за ис-

Таблица 2. Основные категории каменного инвентаря со стоянок Толбор-4 и -15*

Категория	Толбор-4				Толбор-15, горизонты 5–7	
	Горизонт 4		Горизонты 5, 6			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Нуклевидные формы	79	1,8	452	4,0	382	5,2
Неретушированные сколы	3 990	90,0	9 892	86,5	6 393	87,2
Орудия	364	8,2	1 092	9,5	554	7,6
<i>Всего</i>	4 433	100	11 436	100	7 329	100

*За исключением чешуек, осколков и обломков.

ключением комплекса из горизонта 4 стоянки Т-4, где она очень мала) и значительный процент нуклевидных изделий (табл. 2). Удельный вес орудий в коллекциях колеблется от 7,6 до 9,5 %, что в 2–3 раза меньше аналогичных показателей других индустрий раннего верхнего палеолита Южной Сибири и Северной Монголии [Васильев, Рыбин, 2009]. Велика доля неретушированных сколов, и крайне высок процент чешуек и обломков. В коллекциях Т-4 последние составляют 14,5 (горизонты 5, 6) и 18,5 % (горизонт 4), в комплексе Т-15 (горизонты 5–7) – 19,9 %. Большая доля обломков объясняется особенностями каменного сырья, некоторые отдельности которого характеризуются высокой степенью внутренней неоднородности. Процент чешуек в коллекциях Т-4 достигает 16,5 (горизонт 4) и 16,8 % (горизонты 5, 6), в комплексе Т-15 (горизонты 5–7) – 24,3 %, т.е. почти каждый четвертый артефакт – мелкий скол отделки, что связано с интенсивными процессами изготовления и использования орудий.

Технология расщепления

Ранняя стадия верхнего палеолита на стоянке Т-4 представлена материалами горизонтов 6–4. Эти индустрии неоднородны, прослеживаются направленные во времени изменения технологии раскалывания. Утилизация нуклеусов из горизонтов 5, 6 осуществлялась в рамках нелеваллуазского бипродольного, а также, заметно реже, однонаправленного параллельного расщепления, о чем свидетельствует наличие двух основных техноморфологических категорий нуклеусов – плоскостных и подпризматических. Раскалывание последних, зачастую имеющих обработанные ретушью латерали, было ориентировано на получение крупных, массивных пластин правильной формы. При бипродольном расщеплении получали остроконечные пластины или сколы, напоминающие удлиненные леваллуазские острия, но технологически не являющиеся таковыми. Здесь же представлены своеобразные плоские микронук-

леусы, имеющие аналогии в материалах ряда ранневерхнепалеолитических памятников Южной Сибири (Кара-Бом, Толбага). Все они изготовлены из сколов или фрагментов сколов, с них снимались мелкие пластинки неправильной формы.

В комплексе из горизонта 4 стоянки Т-4 прослеживаются отчетливые изменения в технологии расщепления, которые проявляются как в составе нуклеусов, так и в морфологии продуктов раскалывания. Первичное расщепление в этом комплексе представлено теми же вариантами, которые были определены нами для индустрий из горизонтов 5, 6. Однако здесь наблюдается резкое увеличение доли плоскостных, ортогональных и кубовидных нуклеусов, а также явное уменьшение размеров сколов и ядрищ. На фронтах скалывания нуклеусов, по сравнению с образцами из нижних горизонтов, возрастает количество негативов сколов, имеющих пропорции отщепов. Отмечается заметное сокращение производства пластин и увеличение доли отщепов. В этой индустрии при сохранении значения однонаправленного расщепления сильно уменьшается доля сколов, сохранивших следы встречной огранки, и резко возрастает удельный вес ортогонального и бессистемного раскалывания. Среди остаточных ударных площадок сколов доминируют нефасетированные разновидности, фасетированных только 3 % (горизонты 5, 6 – 8 %).

Верхнепалеолитические комплексы из горизонтов 5–7 стоянки Т-15 характеризуются теми же приемами расщепления, которые зафиксированы на памятнике Т-4. Судя по морфологическим особенностям многочисленных преформ, несомненный отпечаток на технологию раскалывания наложило преимущественное использование в качестве сырья не крупных овальных галек. Здесь представлены плоскостные, подпризматические, торцовые и ортогональные нуклеусы. Среди сколов доминируют отщепы, вместе с тем имеются и относительно крупные пластины. Особенностью индустрии является самая большая среди толборских комплексов ранней поры верхнего палеолита доля пластинок. Предметы (сколы и нук-

леусы), имеющие следы бипродольного двухплощадочного расщепления, количественно значительно уступают артефактам с признаками однонаправленного и ортогонального раскалывания. Здесь весомо представлены мелкие подпризматические и плоскостные нуклеусы с негативами снятий пластинок (включая кареноидные разновидности). Некоторые ядрища по своей морфологии напоминают клиновидные нуклеусы [Gladyshev, Tabarev, 2009]. В целом ранневерхнепалеолитическая индустрия Т-15 по своим технологическим параметрам близка комплексу из горизонта 4 стоянки Т-4.

Морфологические характеристики орудийного набора

Общее количество орудий, подвергшихся нашему анализу, составило 2 009 экз. (табл. 3). Их типология и особенности вторичной обработки позволяют выделить два основных компонента индустрий ранней стадии верхнего палеолита из горизонта 4 стоянки Толбор-4 (далее Т-4, Г 4), горизонтов 5, 6 этой стоянки (далее Т-4, Г 5, 6) и из горизонтов 5–7 памятника Толбор-15 (далее Т-15, Г 5–7).

Первый компонент мы обозначаем как фоновую группу орудий. Это наиболее массово представленные типы, которые не сохранили свидетельств каких-либо специфических способов обработки, позволяющих придать им значение артефактов, характеризующих культурную традицию. Также они зачастую не обладают устойчивой морфологией. Вторичная обработка фиксируется на различных участках края, и, как правило, они занимают лишь небольшую его часть. Характер вторичной обработки таких изделий не позволяет предположить, что они предназначались для выполнения специализированных трудовых операций или что их форма была задана для использования в составных орудиях. Совокупная для каждой индустрии доля подобных «неформальных» орудий идентична: Т-4, Г 4 – 64,4 %; Т-4, Г 5, 6 – 64,3; Т-15, Г 5–7 – 62 %. Скорее всего, такой примечательный униформизм в удельном весе фоновой группы может объясняться одинаковыми трудовыми операциями в условиях стабильного природного окружения и использованием каменного сырья одного и того же типа.

В состав «неформальных» орудий входят зубчатые, выемчатые и зубчатые изделия. Их облик формировался главным образом наложением изолированных или следующих друг за другом ретушированных выемок, образующих зубчатый рабочий край. Доля этих орудий весьма значительна: от 9,6 % в Т-15, Г 5–7 до 20,7 % в Т-4, Г 4. Шиповидные орудия являются своего рода «универсальными инструментами»

толборского технокомплекса. Скорее всего, они могли использоваться и как перфораторы, и как режущие орудия. Основной рабочий элемент – выступающий шип – выделялся на разных частях изделия (дистальном окончании, углу, продольном крае) с помощью сочетания ретуши, различных анкошей и преднамеренной фрагментации сколов (рис. 1, 1, 2; 2, 9, 10; 3, 5, 6, 9). Наибольший удельный вес шиповидных орудий в Т-4, Г 4 (27 %), в остальных индустриях он существенно ниже.

Очень распространенными (а в Т-15, Г 5–7 доминирующими) являются отщепы и пластины с участками разнообразной преднамеренной ретуши на краях (как правило, на одном из продольных). Их удельный вес прямо отражает особенности первичного раскалывания. Пластины с обработанными участками продольных краев больше всего в Т-4, Г 5, 6, ретушированных отщепов – в Т-15, Г 5–7.

Второй компонент индустрий – орудия (формальные), нацеленные на выполнение специфических операций. Соотношение их основных типов определяет типологические особенности комплексов раннего верхнего палеолита в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол. Удельный вес и стандартизация, а также качество обработки скребел в верхнем палеолите Северной и Центральной Азии возрастают от наиболее ранних к поздним этапам. Материалы толборской группы памятников подтверждают эту тенденцию. Доля скребел остается незначительной на протяжении всего раннего верхнего палеолита, однако в наиболее поздних индустриях (Т-4, Г 4) она увеличивается и достигает 7,4 %. Здесь же могут быть выделены серии тщательно обработанных орудий этой категории (см. рис. 1, 6). Для всех трех индустрий характерны самые простые типы скребел – поперечные и продольные прямые (рис. 4, 6). Вместе с тем во всех комплексах есть орудия, на которых фиксируется один и тот же элемент обработки, а именно подготовка вентральной плоскости с помощью серии уплощающих сколов (см. рис. 1, 7; 3, 7; 4, 7). Яркая особенность индустрий – наличие бифасиально обработанных скребел (см. рис. 4, 12), наиболее многочисленных в Т-4, Г 5, 6, где они имеют двухстороннюю обработку, занимающую большую часть периметра.

Ведущей как в количественном, так и в качественном отношении типологической группой являются скребки. Их доля меняется незначительно и составляет от 14,9 до 18,2 % всех орудий. Если же анализировать соотношения различных типов скребков внутри этой категории, то выявляются существенные различия. Подавляющее большинство изделий имеет рабочий край в дистальном сегменте заготовки. Наиболее многочисленны разновидности концевых скребков с полукруглым рабочим краем, оформлен-

Таблица 3. Типологический список орудий со стоянок Толбор-4 и -15

Типы орудий	Толбор-4				Толбор-15, горизонты 5–7	
	Горизонт 4		Горизонты 5, 6			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7
Скребла	27	7,4	48	4,4	30	5,4
одинарные продольные прямые	5	19,2	12	25,0	14	46,7
одинарные продольные прямые бифасиальные	1	3,8	2	4,2	1	3,3
одинарные продольные выпуклые	7	26,9	4	8,3	1	3,3
одинарные поперечные прямые	–	–	12	25,0	6	20,0
одинарные поперечные выпуклые	3	11,5	8	16,7	2	6,7
двойные продольные прямые	2	7,7	1	2,1	1	3,3
двойные продольные прямо-выпуклые	1	3,8	–	–	–	–
двойные поперечные прямые	1	3,8	–	–	–	–
двойные продольно-поперечные прямые	2	7,7	4	8,3	1	3,3
двойные конвергентные	2	7,7	–	–	–	–
двойные угловатые	–	–	–	–	2	6,7
обработанные на 3/4 периметра	3	11,5	2	4,2	–	–
обработанные на 3/4 периметра бифасиальные	–	–	3	6,3	–	–
обработанные по периметру	–	–	–	–	2	6,7
Скребки	66	18,2	163	14,9	89	16,1
одинарные концевые	7	10,6	59	36,2	49	55
одинарные концевые высокой формы	2	3	6	3,7	5	5,6
одинарные концевые с ретушированными краями	3	5	6	3,7	1	1,1
двойные концевые	2	3	1	0,6	2	2,2
угловые	41	62,1	57	35,0	13	14,6
боковые	–	–	10	6,1	6	6,7
кареноидные	4	6,1	5	3,1	1	1,1
с «носом»	6	9,1	18	11,0	7	7,9
обработанные по периметру	–	–	1	0,6	1	1,1
микроскребки	1	1,5	–	–	4	4,5
Зубчато-выемчатые	17	4,7	47	4,3	12	2,2
Зубчатые	17	4,7	43	3,9	2	0,4
Выемчатые	41	11,3	121	11,1	39	7,0
Шиповидные	97	26,7	189	17,3	82	14,8
Ножи унифасиальные	–	–	2	0,2	19	3,4
Долотовидные	1	0,3	2	0,2	1	0,2
Резцы	14	3,8	29	2,7	8	1,4
плоские	–	–	–	–	2	25,0
угловые	13	92,9	7	24,1	5	62,5
срединные	1	7,1	1	3,4	1	12,5
резцы-нуклеусы	–	–	18	62,1	–	–
поперечные	–	–	3	10,3	–	–
Острия	11	3,0	18	1,6	14	2,5
скошенные (тронкированные)	1	9,1	6	33,3	5	35,7
с притупленным краем	8	72,7	8	44,4	7	50,0

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
с притупленным краем и вентральной подправкой терминала	—	—	1	5,6	1	7,1
симметричные с вентральной подправкой терминала	—	—	2	11,1	—	—
с вогнутым насадом	1	9,1	—	—	—	—
симметричные с утонченным основанием	1	9,1	—	—	—	—
с вентральной подправкой кончика острия	—	—	1	5,6	1	7,1
Орудия с поперечной вентральной подтеской дистального края	2	0,5	3	0,3	2	0,4
Комбинированные	4	1,1	64	5,9	17	3,1
Оригинальные	—	—	6	0,5	—	—
Ножи бифасиальные	1	0,3	3	0,3	2	0,4
Струги	1	0,3	3	0,3	16	2,9
Пластины со вторичной обработкой	22	6,1	233	21,3	75	13,5
пластинки с притупленным краем	—	—	—	—	7	9,5
с черешком	3	13,0	18	7,7	3	4,1
с утонченным насадом	—	—	3	1,3	1	1,4
с ретушью по продольным краям	19	82,6	212	90,6	63	85,1
Отщепы с ретушью	42	11,6	118	10,8	137	24,7
Обломки с ретушью	—	—	—	—	9	1,6
<i>Всего</i>	363	100	1 092	100	554	100

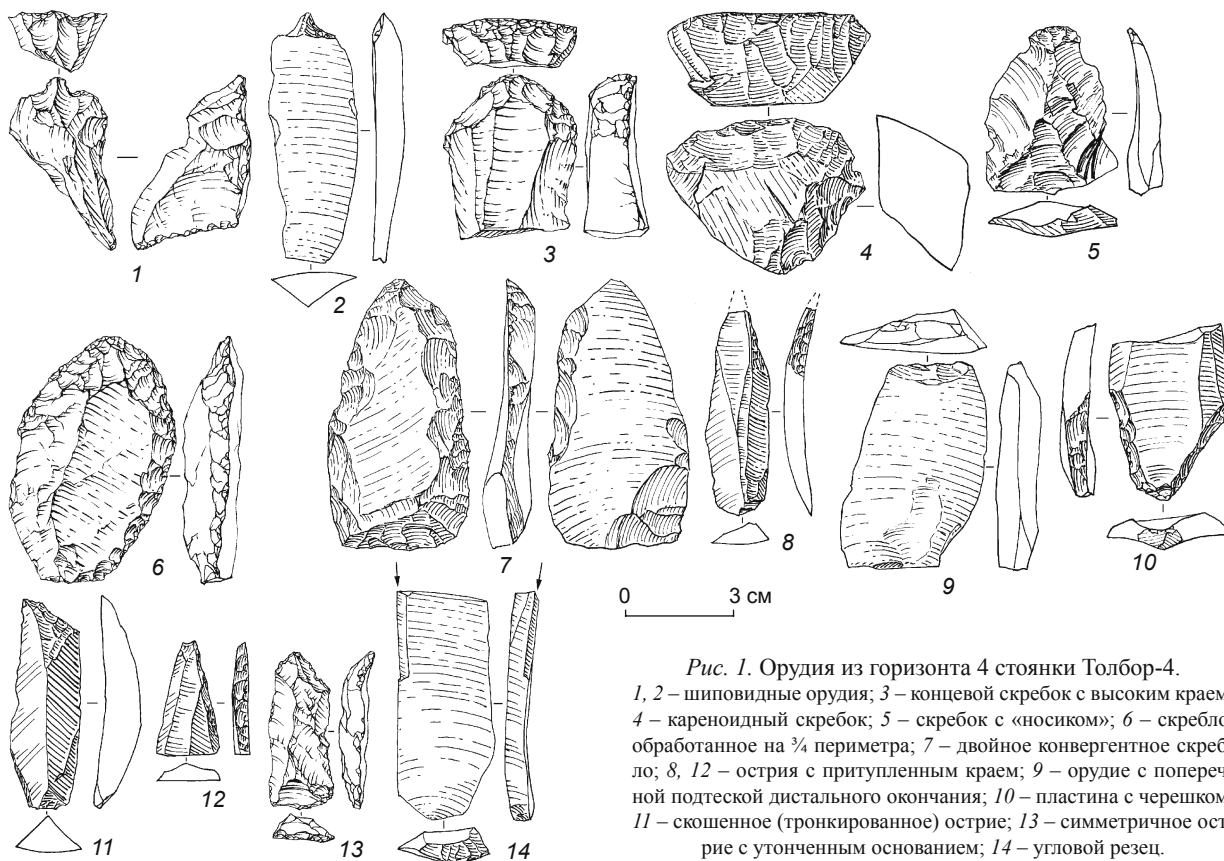

Рис. 1. Орудия из горизонта 4 стоянки Толбор-4.

1, 2 – шиповидные орудия; 3 – концевой скребок с высоким краем; 4 – кареноидный скребок; 5 – скребок с «носом»; 6 – скребло, обработанное на $\frac{3}{4}$ периметра; 7 – двойное конвергентное скребло; 8, 12 – острия с притупленным краем; 9 – орудие с поперечной подтеской дистального окончания; 10 – пластина с черешком; 11 – скошенное (тронкированное) острие; 13 – симметричное острие с утонченным основанием; 14 – угловой резец.

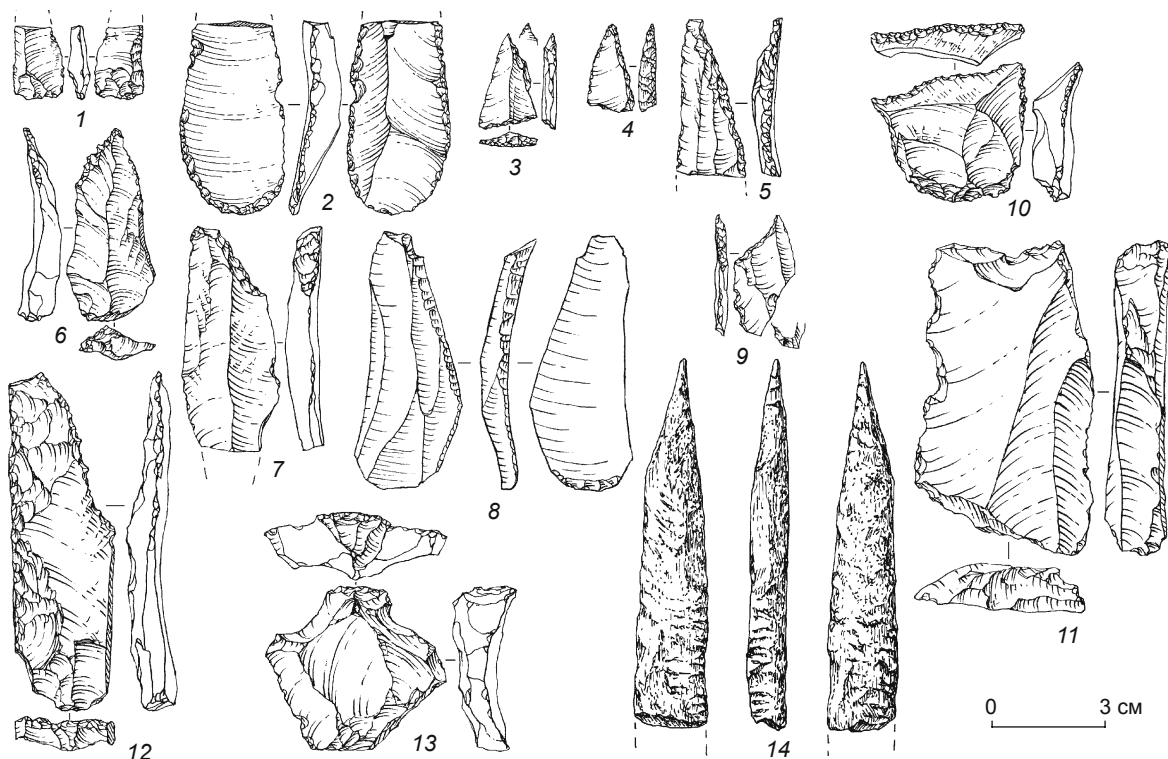

Рис. 2. Орудия из горизонтов 5, 6 стоянки Толбор-4.

1, 2 – симметричные острия с вентральной подправкой терминала; 3 – 5 – острия с притупленным краем; 6, 7 – скошенные (тронкированные) острия; 8 – острие с притупленным краем и вентральной подправкой терминала; 9 – шиповидное орудие с черешком; 10 – шиповидное орудие; 11 – резец-нуклеус; 12 – нож; 13 – скребок с «носиком»; 14 – костяное острие.

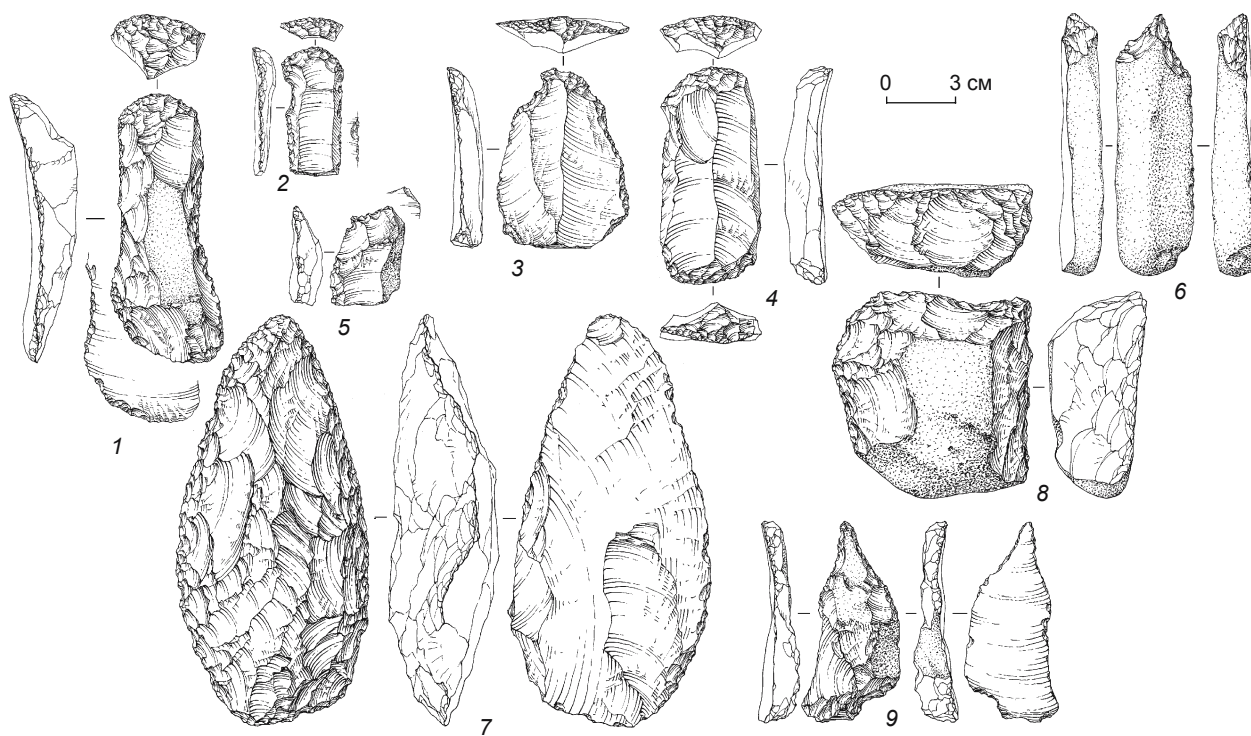

Рис. 3. Орудия из горизонтов 5–7 стоянки Толбор-15.

1 – концевой скребок на проксимальном окончании; 2 – концевой скребок; 3 – скребок с «носиком»; 4 – двойной концевой скребок; 5, 6, 9 – шиповидные орудия; 7 – скребло с вентральной подтеской, обработанное по всему периметру; 8 – струг.

ным на поперечной грани параллельной и чешуйчатой ретушью (см. рис. 3, 1, 2; 4, 4). В Т-4, Г 5, 6 они составляют более половины всех скребков (как правило, изготовлены из крупных удлиненных пластин), в Т-15, Г 5–7 – более трети (основная заготовка – отщеп), в Т-4, Г 4 их доля намного меньше. Среди этих орудий встречаются и двойные концевые скребки (см. рис. 3, 4), в т.ч. изготовленные из крупных пластин с перехватом, напоминающие ориньякские (Т-4, Г 5, 6) (см. рис. 4, 2). В Т-4, Г 4 наиболее распространены угловые формы (см. рис. 4, 1), они составляют более половины всех скребков. Реже встречаются скребки высокой формы (см. рис. 1, 3; 4, 3). Некоторые орудия по своим морфологическим признакам приближаются к кареноидным изделиям (см. рис. 1, 4; 4, 5). Представлены и скребки «с носиком» (см. рис. 1, 5; 2, 13; 3, 3).

Остальные типы специализированных орудий малочисленны (от десяти предметов до единиц). Вместе с тем их значение как индикатора развития конкретной индустрии и культурных и/или технологических связей толборских стоянок с другими комплексами раннего верхнего палеолита очень велико. Одной из наиболее ярких групп орудий являются острия (от 1,6 до 3,0 %). Она включает предметы, у которых с помощью вторичной обработки задается конвергенция сторон, в результате чего на одном из продольных краев заготовки образуется заостренный рабочий элемент. Среди них выделяется отдельный тип – скошенные (тронкированные) острия, представленные во всех трех комплексах. У этих орудий, изготовленных из пластин, дистальный участок продольной грани обработан тронкирующей ретушью, которая формирует диагональные к оси симметрии изделия контуры рабочего края (см. рис. 1, 11; 2, 6, 7; 5, 3). Скошенные (тронкированные) острия выявлены во многих индустриях раннего верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии (Кара-Бом, Денисова пещера, Каменка А, Подзвонкая, Чихэн-2) [Деревянко, 2001; Деревянко и др., 1998, 2000; Природная среда и человек в палеолите..., 2003; Ташак, 1996; Природная среда и человек в неоплейстоцене..., 2003]. Другим, не менее показательным для рассматриваемых комплексов типом являются острия с притупленным краем (спинкой). Эти изделия, скорее всего, предназначались для закрепления в составных орудиях. Они выполнены на пластинчатых сколах, чаще всего фрагментированных. Один продольный край орудий обработан отвес-

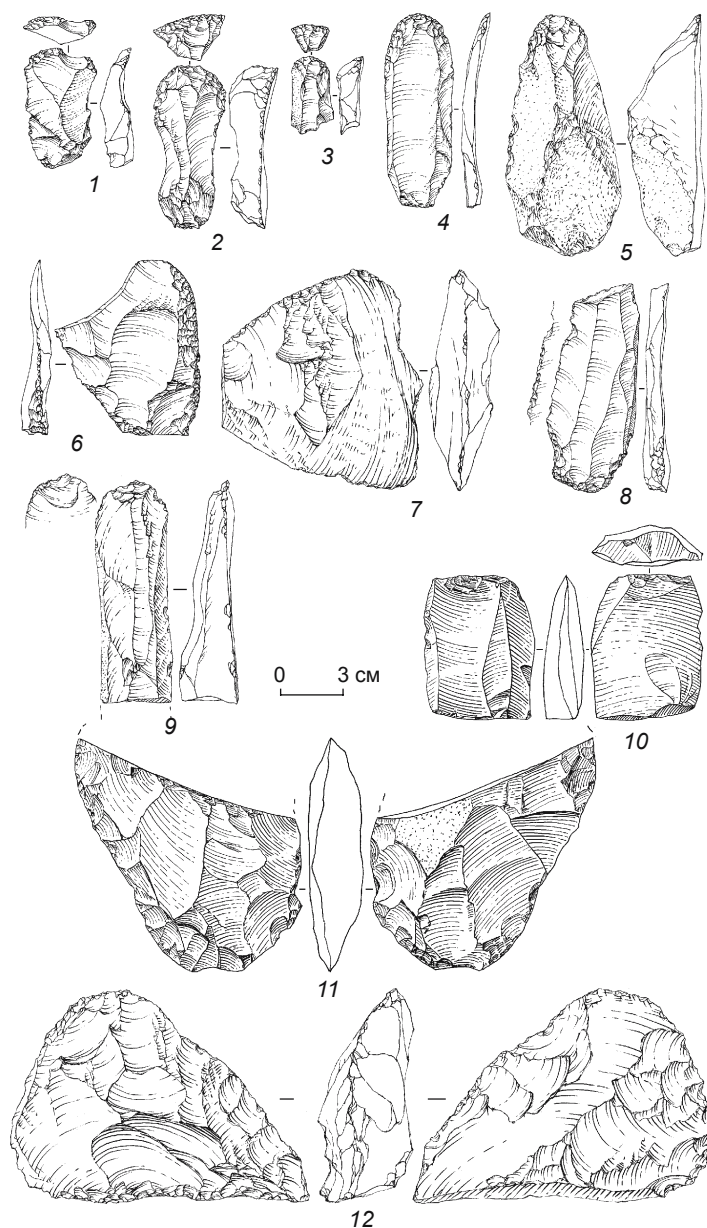

Рис. 4. Орудия из горизонтов 5, 6 стоянки Толбор-4.

1 – двойной угловой скребок; 2 – двойной концевой скребок; 3 – концевой скребок с высоким краем; 4 – концевой скребок; 5 – кареноидный скребок; 6 – продольное скребло; 7 – продольное скребло с вентральной подтеской; 8 – пластина с черешком; 9 – орудие с поперечной подтеской дистального окончания; 10 – долотовидное орудие; 11 – бифасиальный нож; 12 – бифасиальное скребло.

ной ступенчатой и параллельной ретушью, формирующей своеобразную спинку изделия и задающей его заостренные контуры (см. рис. 1, 8, 12; 2, 3–5; 5, 1, 6). Эти орудия были найдены во всех слоях начального и раннего этапов верхнего палеолита анализируемых здесь памятников. Их удельный вес среди острий стабильно высок, составляя 50–75 % от числа артефактов данной типологической группы. Показательным является изменение характера заготовки изделий при

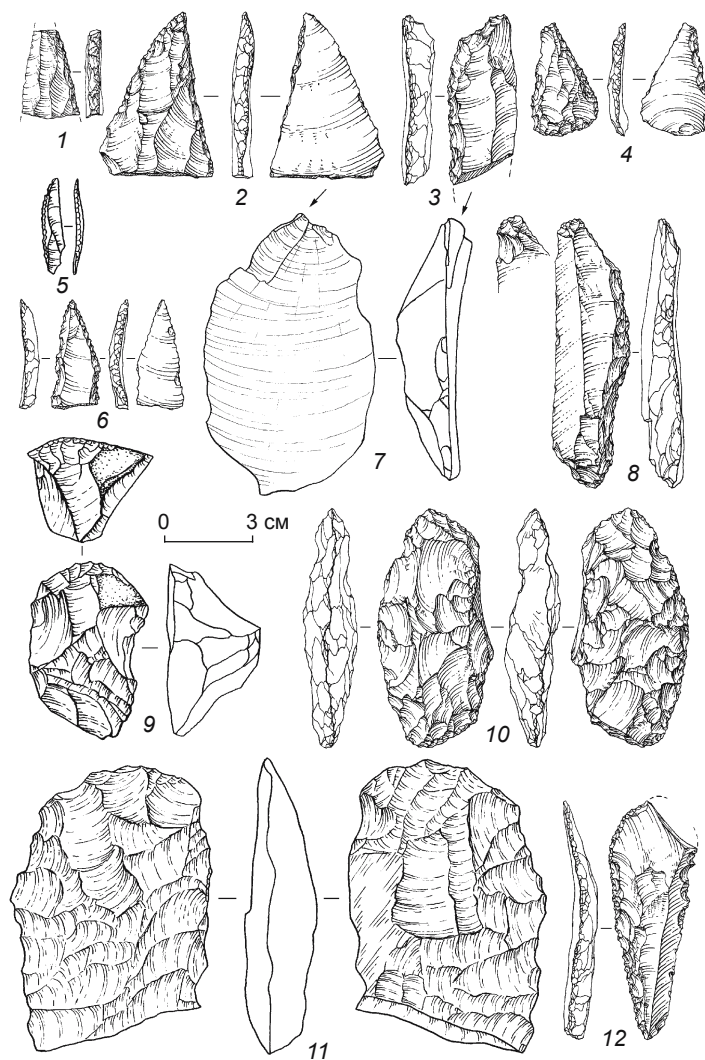

Рис. 5. Орудия из горизонтов 5–7 стоянки Толбор-15.

1 – острие с притупленным краем; 2 – нож; 3 – скошенное (тронкированное) острие; 4 – острие с притупленным краем и вентральной подправкой терминала; 5 – пластинка с притупленным краем; 6 – острие с притупленным краем; 7 – плоский резец; 8, 12 – пластины с черешком; 9 – кареноидный скребок; 10, 11 – бифасиальные ножи.

остающей стабильной морфологии вторичной обработки. В Т-4, Г 5, 6 они изготавливались как из пластин, так и из пластинок, в более поздних индустриях – исключительно из пластинок. Кроме того, в Т-15, Г 5–7 представлена серия пластинок с притупленным краем без выделенного острия (см. рис. 5, 5). Очень показательным типом изделий являются острия с вентральной подтеской поперечного края. Эти орудия характерны для начального этапа верхнего палеолита Сибири и могут рассматриваться как своего рода реминисценция эмирейских острий Леванта. Они выявлены в наиболее ранних верхнепалеолитических комплексах на обширных территориях (Кара-Бом, Малояломанская пещера, Усть-Каракол-1, Кара-Тенеш в Горном Алтае, Макарово-4 в Прибайкалье, Каменка А

в Забайкалье [Рыбин, 2000; Деревянко и др., 1998; Проблемы..., 1998; Аксенов, 2009; Природная среда и человек в неоплейстоцене..., 2003]). Для подобных орудий характерна обработка продольных краев пластин модифицирующей ретушью, задающей конвергенцию. Один поперечный край изделия обработан плоскими сколами и ретушью с вентральной стороны (см. рис. 2, 1, 2). Очевидно, это позволяло закреплять орудия в каких-либо насадах. В Монголии такие орудия встречены только в наиболее древних слоях (Т-4, Г 5, 6), что подтверждает данные хронологии. Вариантом этого типа являются острия с притупленной спинкой и основанием, подправленным легкой вентральной ретушью (см. рис. 2, 8; 5, 4), а также симметричные острия с дорсальным утончением (см. рис. 1, 13).

Наряду с обычными для толборских комплексов пластинами с ретушью, нанесенной на продольные края, выделяется общий для ранневерхнепалеолитических индустрий Т-4 и Т-15 тип – пластины с ретушированным основанием (черешком). У них вертикальной сильно модифицирующей дорсальной ступенчатой ретушью в проксимальной части заготовки формировалось основание, утонченное с латералей (см. рис. 1, 10; 4, 8; 5, 8, 12). Эти изделия наиболее многочисленны в Т-4, Г 5, 6. Их аналоги известны на территории Горного Алтая (Кара-Бом) и Забайкалья (Толбага) [Деревянко и др., 1998; Васильев, Рыбин, 2009].

Другим типом орудий, характерным для нижних слоев обеих стоянок, являются изделия с вентральной подтеской дистального окончания. Аналогичные орудия (типологически близкие т.н. ножам костенковского типа) встречаются в комплексах наиболее ранних верхнепалеолитических объектов Алтая (Кара-Бом), Забайкалья (Каменка и Подзвонка) и Монголии (Орхон-7). У этих изделий поперечная дистальная грань обработана плоскими мелкими сколами и ретушью, формирующими прямой или слегка извилистый рабочий край (см. рис. 1, 9; 4, 9) [Рыбин, 2006].

Резцы в толборских индустриях раннего верхнего палеолита, как правило, маловыразительные. Они представлены простыми формами угловых (см. рис. 1, 14), плоских (см. рис. 5, 7) и срединных резцов. Однако необычны и выразительны т.н. резцы-нуклеусы. Серия этих изделий (18 экз.) имеется в Т-4, Г 5, 6. На узкой торцевой грани (возможно, фонт скалывания) предметов сохраняются негативы снятий удлиненных сколов небольшой ширины. Резцы-нуклеусы изготавливались из краевых пластин, сколов рету-

шированного ребра подпризматических нуклеусов и крупных первичных отщепов. На узкой стороне изделий прослеживаются негативы встречных снятий узких пластинок. На противоположных концах заготовок оформлялись сильно скошенные в сторону острого контрфронта (или латерали) ударные площадки, дополнительно подправленные по краю ретушью (см. рис. 2, 11). Эти предметы имеют прямую аналогию в комплексах стоянок Кара-Бом (Горный Алтай) и Каменка (Забайкалье) [Деревянко и др., 1998; Zwyns et al., 2012]. Однозначное определение подобных форм как нуклеусов или орудий затруднительно; морфология изделий данного типа со стоянки Т-4 все же свидетельствует в пользу отнесения их к своеобразным режущим орудиям.

В Т-15, Г 5–7 весьма высока доля унифасиальных ножей – форм с обушком, искусственно образованным или естественным, и противолежащим ему режущим рабочим краем, обработанным ретушью (см. рис. 5, 2). В Т-4, Г 5, 6 таких предметов единицы (см. рис. 2, 12). Во всех трех комплексах представлены немногочисленные (1–3 экз.) бифасиальные ножи. Они имеют вытянутую овальную (листовидную) и подпрямоугольную форму. Поперечное сечение орудий со стоянки Т-4 плосковыпуклое (см. рис. 4, 11), с памятника Т-15 – двояковыпуклое (см. рис. 5, 10, 11). У этих изделий обе плоскости обработаны центростремительными и продольными сколами, по краям подправлены чешуйчатой и параллельной ретушью. Лезвие, оформленное под острым углом, позволяет предположить, что орудия использовались как ножи. Аналогии этих изделий имеются в верхнепалеолитических материалах стоянки Кара-Бом [Деревянко, Шуньков, 2002]. Объединяет комплексы Т-15 и Т-4 наличие обушков у бифасиальных форм (включая и бифасиальные скребла с обушком).

В материалах нижних горизонтов Т-15 весьма представительны струги, которые в индустриях раннего верхнего палеолита Т-4 единичны. Это широко распространенный тип орудий на верхнепалеолитических памятниках Сибири. Как правило, струги сделаны из галек или массивных обломков, часть окружности которых обработана короткими крутыми сколами. Образованное в результате этого высокое лезвие подправлялось крутой или отвесной ступенчатой ретушью (см. рис. 3, 8). Необычным для раннего верхнего палеолита региона является крайняя редкость долотовидных орудий (см. рис. 4, 10). В Т-4, Г 5, 6 и Т-15, Г 5–7 относительно велика доля комбинированных орудий, что характерно для широкого круга ранневерхнепалеолитических индустрий Сибири. Представлены различные комбинации морфологических элементов основных типологических групп, выделенных в комплексах: скребков, зубчато-выемчатых и шиповидных орудий.

Яркой и уникальной находкой для палеолита Монголии является формальное костяное орудие из горизонта 6 стоянки Т-4. Острие, изготовленное из плотного костного материала, несет следы обработки, локализованной в черешковой части, а также продолжительного использования, выразившиеся в сильной заполированности острия (см. рис. 2, 14). Именно на основе этого изделия была получена ^{14}C -дата 37 400 л.н. для данного культурного горизонта.

Типология и морфология заготовок для орудий

Наименьший суммарный удельный вес всех категорий отщепов среди заготовок орудий, как покрытых естественной коркой, так и без следов таковой, в Т-4, Г 5, 6 (43, 3 %), несколько больше он в Т-4, Г 4 и резко увеличивается в Т-15, Г 5–7 (табл. 4). Суммарная доля пластин-заготовок в Т-4, Г 5, 6 составляет 50,3 %, она уменьшается в более поздних комплексах, при этом наименьшая зафиксирована в Т-15, Г 5–7 (29 %). Показательны данные о различиях в морфологическом составе пластинчатых форм. Характерные для наиболее ранних стадий верхнего палеолита крупные удлиненные остроконечные пластины, полученные с помощью бипродольного раскалывания, в Т-4, Г 5, 6 составляют 1,9 % от всех сколов-заготовок; в Т-15, Г 5–7 их крайне мало, а в Т-4, Г 4 нет совсем. В то же время удельный вес пластинок (ширина которых 6–12 мм) в более поздних комплексах в 2 раза выше, чем в Т-4, Г 5, 6. Доля орудий, изготовленных из реберчатых пластин, игравших значительную роль в первичном расщеплении индустрии начального верхнего палеолита толборского региона, при смене технологии раскалывания очень резко уменьшается.

Для лучшего понимания того, какими были принципы отбора заготовок, следует рассмотреть и соотношения различных категорий неретушированных сколов, не использовавшихся для изготовления орудий (табл. 5). Суммарная доля неретушированных отщепов со следами естественной корки и без них одинакова в Т-4, Г 4 и Т-15, Г 5–7 – ок. 77 %. На 10 % ниже этот показатель в Т-4, Г 5, 6. Удельный вес сколов с коркой велик во всех индустриях, однако неожиданным является то, что наименьшим он оказался в комплексе Т-15, Г 5–7, артефакты которого изготавливались из расположенного поблизости речного галечника (низок он и среди заготовок для орудий). Вероятно, первичная обработка нуклеусов производилась за пределами стоянки и первичные сколы в качестве заготовки в меньшей степени интересовали древних мастеров. То, что объединяет анализируемые нами индустрии, – это явно выраженная ориентация на пластинчатые сколы при выборе заготовок для орудий. Суммарная доля

Таблица 4. Заготовки для орудий со стоянок Толбор-4 и -15

Тип заготовки	Толбор-4				Толбор-15, горизонты 5–7	
	Горизонт 4		Горизонты 5, 6			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Первичный и вторичный отщепы	32	8,8	101	9,2	40	7,2
Отщеп	148	40,7	372	34,1	298	53,8
Пластина	143	39,3	483	44,2	130	23,5
Остроконечная пластина	0	0	21	1,9	4	0,7
Пластинка	14	3,8	17	1,5	20	3,6
Реберчатая пластина	3	0,8	28	2,6	7	1,3
Нуклеус	0	0	5	0,5	1	0,2
Технический скол	15	4,1	49	4,5	31	5,6
Осколок, обломок	7	1,9	9	0,8	9	1,6
Галька, желвак	1	0,3	5	0,5	12	2,2
Неопределимый	1	0,3	2	0,2	2	0,4
Всего	364	100	1 092	100	554	100

Таблица 5. Типологический состав неретушированных сколов* со стоянок Толбор-4 и -15

Тип скола	Толбор-4				Толбор-15, горизонты 5–7	
	Горизонт 4		Горизонты 5, 6			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Первичный и вторичный отщепы	600	15,0	1 137	11,5	548	8,6
Отщеп	2 494	62,5	5 350	54,1	4 381	68,5
Пластина	508	12,7	2 134	21,6	716	11,2
Остроконечная пластина	0	0	76	0,8	0	0
Пластинка	169	4,3	497	5,0	363	5,7
Реберчатая пластина	85	2,1	272	2,7	80	1,2
Технический скол	134	3,4	426	4,3	305	4,8
Галька, желвак	0	0	0	0	0	0
Всего	3 990	100	9 892	100	6 393	100

*Без отходов и нуклеусов.

неретушированных пластин в Т-4, Г 5, 6 составляет 30,1 %, что на 20 % уступает удельному весу пластинчатых форм среди заготовок орудий. В Т-4, Г 4 и Т-15, Г 5–7 она меньше – 18–19 %. При этом доля пластин среди заготовок орудий превышает данный показатель в Т-4, Г 4 более чем в 2 раза, в Т-15, Г 5–7 – на 10 %. Удельный вес пластинок среди неретушированных сколов несколько больше, чем среди заготовок орудий. Это говорит о том, что пластинки во многом оставались побочным продуктом расщепления. Однако и здесь можно проследить некоторое увеличение их доли в более поздних комплексах.

Рассмотрим морфометрические показатели пластинчатых сколов. Вся совокупность целых пластин (как ретушированных, так и неретушированных) была разделена нами по их длине на четыре размерные группы: 60 мм и меньше; 61–90; 91–120; 121 мм и больше. Так как в рассматриваемых индустриях использовалось главным образом местное сырье, утилизация камня не приводила к значительному истощению нуклеусов и уменьшению размеров орудий. Поэтому сопоставление длины неретушированных и ретушированных предметов является правомочным. От 13,9 до 21,7 % (в зависимости от размерной

группы) всех целых пластин в Т-4, Г 5, 6 было переформлено в орудия. Наименьшие показатели характерны для первой размерной группы, в остальных они примерно одинаковы. В более поздних индустриях пластины длиной больше 120 мм для изготовления орудий практически не использовались. Низкие показатели и в первой размерной группе (Т-15, Г 5–7 – 11,5 %, Т-4, Г 4 – 15,3 %). Наиболее используемыми в трудовых операциях и подвергавшимся вторичной обработке оказываются пластины длиной 61–90 и 91–120 мм, вместе составляющие в Т-4, Г 4 64,9 %, в Т-15, Г 5–7 – 78,5 %. Таким образом, анализ сохранившихся артефактов показывает, что в поздних индустриях раннего верхнего палеолита этого региона большая часть пластинчатых заготовок средних размеров переоформлялась в орудия.

Несмотря на преимущественное использование пластин для производства орудий, с течением времени предпочтения при выборе морфологии заготовок менялись. В Т-4, Г 5, 6 (учитывались только целые сколы) средний показатель удлиненности (отношения длины к ширине) составлял 1,72, в Т-4, Г 4 – 1,53, в Т-15, Г 5–7 – 1,55. Таким образом, невзирая на относительно небольшой удельный вес пластинчатых форм в качестве заготовок орудий, в индустриях развитой и поздней стадий раннего верхнего палеолита прослеживается явное тяготение к более коротким и широким преформам. Это отражается и в очертаниях орудий, определявшихся особенностями заготовок. Во всех индустриях преобладают прямоугольные в плане орудия (учитывались только целые изделия)

(Т-4, Г 5, 6 – 55,3 %; Т-4, Г 4 – 45,6; Т-15, Г 5–7 – 53,1 %); доля трапецевидных в более поздних комплексах (Т-4, Г 4 – 29,6 %, Т-15, Г 5–7 – 33,6 %) заметно выше, чем в Т-4, Г 5, 6 (23,7 %). Орудия треугольных очертаний составляют от 8,6 % (Т-15, Г 5–7) до 15,2 % (Т-4, Г 4). Суммарный удельный вес остальных вариаций форм (овальная, сегментовидная, аморфная) не превышает 10 %.

Рассмотрим основные метрические характеристики наиболее представительных категорий орудийного набора, а также всех орудий в целом (табл. 6). За исключением острий, учитывались только нефрагментированные предметы. Наибольшее среднее значение длины всех орудий в Т-4, Г 5, 6, ширины и толщины – в Т-15, Г 5–7; в Т-4, Г 4 все три показателя наименьшие. При рассмотрении конкретных категорий орудийного набора явно прослеживаются более крупные размеры скребел и скребков, а также зубчато-выемчатого компонента в Т-4, Г 5, 6. Наиболее ощутимая разница между ранним и более поздними комплексами отмечается при сопоставлении метрических характеристик ретушированных пластин и отщепов. Для первой категории предметов наибольшие размеры отмечены в Т-4, Г 5, 6, наименьшие – в Т-15, Г 5–7. Ретушированные отщепы крупнее в Т-15, Г 5–7.

Анализ распределения пластинчатых заготовок орудий, рассмотренных в пределах тех же четырех размерных групп, которые обсуждались выше (учитывались только целые предметы), показывает, что больше всего орудий, изготовленных из пластин длиной меньше 60 мм, в хронологически наиболее позднем

Таблица 6. Основные метрические показатели орудий со стоянок Толбор-4 и -15, мм

Типы орудий	Толбор-4								Толбор-15, горизонты 5–7			
	Горизонт 4				Горизонты 5, 6							
	Кол-во	Длина	Ширина	Толщина	Кол-во	Длина	Ширина	Толщина	Кол-во	Длина	Ширина	Толщина
Скребла	15	65/13	59/21	17/8	32	80/20	79/28	22/9	5	75/34	67/20	17/7
Скребки	31	57/18	36/13	13/5	71	60/23	38/17	12/6	18	56/19	34/14	13/6
Зубчато-выемчатая группа	26	53/14	37/13	9/4	96	62/23	41/15	11/5	25	61/21	42/15	14/5
Шиповидные	21	43/11	31/11	9/4	71	54/25	34/13	11/5	24	45/13	38/12	11/4
Ножи	0	0	0	0	2	87/15	26/9	10/4	8	85/15	52/7	21/8
Острия	11	46/18	16/7	6/2	18	42/22	18/8	6/3	14	45/16	24/7	9/5
Комбинированные	0	0	0	0	28	65/20	45/18	14/5	6	48/27	27/16	16/12
Пластины ретушированные	3	86/29	28/7	12/2	33	96/37	33/8	13/5	11	77/24	29/10	13/6
Отщепы ретушированные	26	44/22	45/21	10/5	72	55/23	47/17	13/6	27	59/25	57/26	17/6
Все типы орудий	133	53/20	39/18	12/5	423	65/28	43/20	13/6	138	61/25	44/20	14/7

Примечание: первая цифра – средний размер, после черты – стандартное отклонение.

комплексе Т-4 (40,7 %), в остальных их удельный вес не превышает 22 %. Во всех индустриях самая представительная группа орудий на пластинах – изделия длиной 61–90 мм (Т-4, Г 5, 6 – 42,9 %; Т-4, Г 4 – 44,4; Т-15, Г 5–7 – 57,1 %). Доля более длинных пластин колеблется от 14,8 % в Т-4, Г 4 до 34,9 % в Т-4, Г 5, 6 с промежуточным показателем 21,4 % в Т-15, Г 5–7. Таким образом, различия в размерах пластинчатых форм сводятся к тому, что в более поздних индустриях расширяется использование в качестве заготовок пластин меньшей длины, чем в самом раннем комплексе, где больше крупных пластин.

Характер вторичной обработки

У большей части орудий ретушь локализована на дорсальной плоскости (Т-4, Г 5, 6 – 69,2 %; Т-4, Г 4 – 64,4; Т-15, Г 5–7 – 64,1 %), реже встречается вентральная (соответственно 14; 16,9 и 15,7 %). Чередующаяся, противоположащая и бифасиальная ретушь во всех трех комплексах фиксируется на 15–20 % орудий.

Типология ретуши, согласно форме фасеток, несколько более разнообразна (табл. 7). Больше половины орудий (55,4 %) в Т-4, Г 5, 6 несут параллельную ретушь. В Т-4, Г 4 и Т-15, Г 5–7 увеличивается доля ступенчатой (максимальный показатель 16,9 % в Т-4, Г 4, очевидно, за счет наиболее высокого процента скребел в орудийном наборе), удельный вес чешуйчатой также высок. В этих индустриях участие параллельной ретуши в формообразовании орудий сокращается относительно Т-4, Г 5, 6 на 5–10 %. Очень велика доля анкошей в сочетании с различными типами ретуши в комплексах Т-4; в Т-15, Г 5–7 она в 2 раза меньше.

Дополнительной характеристикой вторичной обработки могут служить результаты анализа частоты встречаемости разных морфологических элементов (разнотипной ретуши, различных подтесок, резцовых

сколов и следов преднамеренного фрагментирования) на одном орудии. Два-три морфологических элемента имеют 33,7 % орудий в Т-4, Г 5, 6. В остальных индустриях этот показатель много ниже: в Т-15, Г 5–7 – 22,9 %, в Т-4, Г 4 – 15,3 %, причем орудия с тремя морфологическими элементами отсутствуют.

Прием преднамеренной фрагментации был широко распространен в толборских индустриях. Он является очень характерным для раннего верхнего палеолита Забайкалья, например для стоянки Толбага [Константинов, 1994]. Следы преднамеренной фрагментации зафиксированы на 18,9 % орудий в Т-4, Г 5, 6, на 22,9 % в Т-15, Г 5–7 и на 28,8 % в Т-4, Г 4, где отмечается наибольшая доля фрагментированных орудий. Самым распространенным приемом было усечение орудия или скола-заготовки с помощью поперечных ударов (56–70 % всех фрагментированных изделий с максимальной долей в Т-4, Г 4). У 45 % орудий в Т-4, Г 5, 6 и Т-15, Г 5–7 место фрагментации дополнительно подправлялось ретушью.

Вторичная отделка в индустриальных комплексах толборской группы памятников раннего верхнего палеолита характеризуется значительной долей ретуши, в средней и сильной степени изменяющей форму края орудия. В Т-4, Г 5, 6 орудия с такой обработкой составляют 55,5 %, в Т-15, Г 5–7 – 60,4, в Т-4, Г 4 – 64,4 %. Самая большая доля изделий с сильно модифицирующей ретушью (20,4 %) отмечена в Т-15, Г 5–7. Здесь же значительно выше удельный вес предметов со вторичной обработкой половины и большей части периметра. В Т-4, Г 5, 6 и Т-4, Г 4 орудия с ретушью меньшей протяженности (1/4 периметра и менее) составляют соответственно 61,2 и 66,7 %.

В целом анализ вторичной обработки свидетельствует о стремлении к интенсивному и разнообразному использованию орудий, характеризующихся следами многочисленных переоформлений и наличием модифицирующей ретуши, занимающей значительные участки.

Таблица 7. Типологические характеристики ретуши орудий со стоянок Толбор-4 и -15

Тип ретуши	Толбор-4				Толбор-15, горизонты 5–7	
	Горизонт 4		Горизонты 5, 6			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Параллельная	27	45,8	226	55,4	130	48,9
Чешуйчатая	3	5,1	45	11,0	39	14,7
Ступенчатая	10	16,9	31	7,6	32	12,0
Анкоши в сочетании с различными типами ретуши	14	23,7	83	20,4	26	9,7
Сочетание различных типов ретуши	5	8,5	23	5,6	39	14,7
Всего	59	100	408	100	266	100

Обсуждение

Анализ типологии и морфологии орудийных комплексов раннего верхнего палеолита, происходящих из расположенных в одной долине двух многослойных памятников и основывавшихся на одном и том же сырье, позволил выявить характер эволюции культуры человека на протяжении, как минимум, 10 тыс. лет. Серия дат дает возможность выстроить последовательность технологических изменений от наиболее древних комплексов (Т-4, Г 5, 6) через занимающие промежуточные хронологические позиции (Т-15, Г 5–7) до наиболее поздней индустрии (Т-4, Г 4). Материалы толборских стоянок позволяют проследить эволюцию в технике раскалывания на всем протяжении раннего этапа верхнего палеолита. Комплексы из горизонтов 5, 6 Т-4 характеризуются бипродольным параллельным расщеплением, направленным на производство удлиненных пластин, в т.ч. специфических для наиболее ранних верхнепалеолитических индустрий региона остроконечных пластин с бипродольной огранкой. Толборские комплексы относятся к категории нефасетированных, преобладают естественные, гладкие, точечные и линейные остаточные ударные площадки. Технология раскалывания нацелена на производство отщепов с использованием параллельного однонаправленного, ортогонального и «бессистемного» (ситуационного) расщепления. Хотя доля пластин в индустриях невелика, присутствует небольшое количество подпризматических нуклеусов параллельного принципа раскалывания, в т.ч., возможно, и отжимные микронуклеусы, предназначенные для получения пластинок и микропластинок.

Основным свидетельством развития культурных традиций в сфере изготовления и использования орудий является увеличение среди заготовок доли отщепов и уменьшение средних размеров инструментов. В орудийном наборе возрастает удельный вес скребел, шиповидных изделий и ретушированных отщепов. Некоторые специфические типы формальных орудий представлены либо только в самом раннем комплексе Т-4, Г 5, 6 (резцы-нуклеусы, симметричные острия с вентральной подтеской края, бифасиальные скребла), либо только в более поздних (пластинки с притупленным краем, микроскребки). Однако остальные характеристики орудий остаются стабильными: сохраняется ведущая роль наиболее многочисленных групп изделий – скребков, зубчато-выемчатых и шиповидных орудий. Способы изготовления этих предметов на всем протяжении раннего верхнего палеолита остаются прежними. Основные характеристики вторичной обработки сохраняют стабильность, исключением является увеличение доли ретуши, характерной для оформления скребел, зубчато-выемчатых и шиповидных орудий, в Т-4, Г 4. Мы не можем назвать ни

один уникальный для какого-нибудь комплекса способ подправки орудий. Очень важным представляется то, что, несмотря на уменьшение доли пластин среди заготовок, все же во всех индустриях прослеживается стремление к максимально интенсивному их использованию для изготовления орудий.

В высшей степени показательным является наличие большой и разнообразной группы специализированных формальных орудий, представленных во всех слоях. Среди них кареноидные скребки, тронкированные острия, острия с притупленным краем, орудия с поперечной вентральной подтеской дистального края, бифасиальные ножи, пластины с черешком. Именно они несут значимую информацию о генетических связях групп населения, оставивших стратиграфически последовательные комплексы артефактов, и являются свидетельством передачи культурных традиций, несмотря на произошедшую смену техники раскалывания. Также имеются специфические способы отделки орудий (такие как обработка дистального окончания скребел с вентральной стороны, подтеска вентрального бугорка, создание черешка у орудий). Все эти признаки могут быть свидетельством передачи стилистических особенностей изготовления орудий, происходившей на протяжении поколений.

Заключение

Основная тенденция развития индустрий на стоянках Толбор-4 и -15 может быть сформулирована следующим образом: изменения в технике раскалывания при сохранении общих черт в орудийном наборе. Выделяются два культурно-хронологических комплекса: начальной стадии верхнего палеолита и финала его раннего этапа. Первый представлен материалами из горизонтов 5, 6 стоянки Толбор-4. Ближайшие аналогии (учитывая как технику раскалывания, так и специфические, «редкие» типы орудий) могут быть найдены в материалах южно-сибирских и монгольских памятников: Орхон-1 (горизонт 3), Мойльтын-ам (горизонты 5–3) (Монголия); Каменка А, Подзвонкая (восточный и нижний комплексы), Хотык (слои 3, 4) (Юго-Западное Забайкалье); Макарово-4 (Прибайкалье); Кара-Бом (слой ВП6-5), Усть-Каракол-1 (слой 3, раскопки 1986 г.), Денисова пещера (слой 11), Кара-Тенеш (Горный Алтай) [Деревянко и др, 1998; Природная среда и человек в палеолите..., 2003; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Проблемы..., 1998; Окладников, 1981; Bertran et al., 1998; Природная среда и человек в неоплейстоцене..., 2003; Ташак, 1996, 2002; Аксенов, 2009]. Отдельные слои или горизонты внутри слоев этих памятников датируются в интервале 45–35 тыс. л.н. Прямые аналогии с толборскими комплексами прослеживаются в материале

лах Шуйдунгоу (Северный Китай), где возраст нижних культурных слоев пунктов 1 (слой LCL-B) и 2 (слои CL7 и CL5a), как показывают новые результаты датирования, составляет 34–38 тыс. лет [Li et al., 2013], что близко к радиоуглеродному возрасту T-4, Г 5, 6. Определенное своеобразие техники раскалывания, разное соотношение тех или иных категорий орудийного набора, отсутствие отдельных типов орудий – все это неизбежно при столь значительной территории распространения индустрий. Однако в указанных выше регионах наблюдаются общие черты: ориентация на получение крупных удлиненных пластин с помощью плоскостного расщепления, подпризматического раскалывания, в т.ч. направленного на производство пластинок. В наиболее древних комплексах могут быть отмечены важная роль бипродольного расщепления, нацеленного на получение остроконечных пластин и сколов, напоминающих леваллуазские острия, и весомая доля фасетированных ударных площадок. Среди орудий, помимо общих для всех комплексов скребков, ретушированных пластин и зубчато-выемчатых изделий, следует выделить симметричные острия с вентральным уплощением ударного бугорка, резцы-нуклеусы, орудия с вентральной подтеской дистального окончания, острия с притупленным краем и тронкированные, бифасы (в т.ч. листовидные) и пластины с черешком, оформленным ретушью. В целом данный комплекс артефактов может быть определен как южносибирско-центральноазиатский начального этапа верхнего палеолита.

К финальной стадии раннего верхнего палеолита относятся материалы из горизонта 4 стоянки Толбор-4 и из горизонтов 5–7 памятника Толбор-15, датируемые в интервале 31–26 тыс. л.н., что соответствует финалу МИС-3. Основываясь на наличии общих типов маркирующих орудий и особенностях вторичной обработки, мы предполагаем, что эти индустрии имеют непосредственные культурно-генетические связи с начальновышнепалеолитическими. Таким образом, на примере памятников раннего верхнего палеолита в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол можно проследить локальную культурно-стратиграфическую последовательность генетически связанных пластинчатых индустрий начальной стадии верхнего палеолита и отщеповых его раннего этапа. К числу синхронных комплексов, с которыми прослеживается значительное сходство, относятся Орхон-7 (горизонты 3, 4), Чихэн-2, Дурулж (Монголия) [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Славинский, Цыбанков, 2006; Колобова, Славинский, Цыбанков, 2007; Деревянко и др., 2000; Jaubert et al., 2004]. Вполне возможно, что наиболее поздние комплексы со стоянок Толбор-4 (горизонт 4) и -15 (горизонт 5) были непосредственными предшественниками индустрий финальной стадии раннего верхнего палеолита Забайкалья (по мнению

некоторых исследователей, среднего этапа верхнего палеолита) с их ориентацией на ортогональное и призматическое раскалывание, появлением микрорасщепления; орудийным набором, включающим многочисленные скребла, скребки, шиповидные орудия, острия на пластинках (стоянки Мастеров Ключ (слои 4, 5), Читкан, Мельничный-2, Куналей (слои 2, 3), Каменка Б) [Константинов, 1994; Мещерин, 2009, 2010; Природная среда и человек в неоплейстоцене..., 2003]. На территории Северного Китая индустрии, ориентированные на получение крупных пластин, сменились комплексами, для которых характерна простая технология производства отщепов, причем происходил этот процесс, очевидно, в тех же временных рамках (29–24 тыс. л.н.), что и в Монголии [Li et al., 2013].

Анализ материалов стоянок Толбор-4 и -15 дает возможность показать сохранение культурной преемственности от начальной до финальной стадии раннего верхнего палеолита Монголии. Все имеющиеся ныне данные (в т.ч. и хронологические) говорят о последовательной и постепенной смене традиций пластинчатого раскалывания отщеповой технологией. Так как у нас нет оснований для выделения каких-либо радикальных изменений культуры на этой территории на протяжении по меньшей мере 15 тыс. лет, мы с большой долей вероятности можем предположить, что на раннем этапе верхнего палеолита в Северной Монголии не происходило замещение населения или появление интрузивных технокомплексов.

Список литературы

- Аксенов М.П.** Палеолит и мезолит Верхней Лены. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2009. – 370 с.
- Васильев С.Г., Рыбин Е.П.** Стоянка Толбага: поселенческая деятельность древнего человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 13–34.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.
- Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсүрэн Б.** Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.
- Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т.** Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Олсен Д., Цэрэндагва Я., Петрин В.Т.** Местонахождение каменного века Чихэн-2 в Южной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии

и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 50–54.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–42

Колобова К.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А. Орудийная коллекция начала верхнего палеолита памятника Орхон-7 (по материалам первого раскопа) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения М.М. Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – С. 296–301.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН; Чит. гос. пед. ин-т, 1994. – 264 с.

Мещерин М.Н. Палеолитическое поселение Мастеров Ключ // Древнее Забайкалье: культура и природа. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та, 2009. – С. 79–99.

Мещерин М.Н. Средняя пора верхнего палеолита в забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения) // РА. – 2010. – № 3. – С. 5–12.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии: Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 464 с.

Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л.В. Лбова, И.Н. Резанов, Н.П. Калмыков, В.Л. Коломиец, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, Н.В. Вашукевич, П.В. Волков, В.В. Савинова, Б.А. Базаров, Д.В. Намсараев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденева, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

Рыбин Е.П. К вопросу о «руководящих ископаемых» в индустриальных комплексах ранней поры верхнего палео-

лита Горного Алтая // Палеогеография каменного века: Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. конф. – Красноярск, 2000. – С. 123–126.

Рыбин Е.П. К вопросу о выделении локальных вариантов индустрий ранней поры верхнего палеолита Сибири // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 140–142.

Славинский В.С., Цыбанков А.А. Реконструкция технологии расщепления камня технокомплекса Орхон-7 (раскоп 1), Южный Хангай (по данным ремонтажа) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 151–173.

Ташак В.И. Палеолитическое поселение Подзвонкая // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во Чит. гос. пед. ин-та, 1996. – С. 48–69.

Ташак В.И. Подзвонкая: палеолитические материалы Нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 25–33.

Bertran P., Jaubert J., Olive M., Sitlivy V., Tsogtbaatar B. The Palaeolithic Site of Mojl'tyn-Am (Harhorin, Mongolia): Thirty Years after A.P. Okladnikov // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 210–226.

Gladyshev S., Tabarev A. New Data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // Current Research in the Pleistocene. – 2009. – Vol. 26. – P. 17–18.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar, Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol): Analogies avec les données de l'Altai et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 225–241.

Li F., Kuhn S.L., Gao X., Chen F. Re-examination of the dates of large blade technology in China: A comparison of Shuidonggou Locality 1 and Locality 2 // J. of Human Evolution. – 2013. – Vol. 64. – P. 161–168.

Zwyns N., Rybin E.P., Hublin J.-J., Derevianko A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequence in the initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny-Altai, Siberia) // Quaternary International. – 2012. – Vol. 259. – P. 33–47.

*Материал поступил в редколлегию 23.05.13 г.,
в окончательном варианте – 10.06.13 г.*

УДК 551.435.132

**И.Д. Зольников^{1,3}, Е.В. Деев², А.А. Цыбанков³, В.С. Славинский³,
А.В. Постнов³, Д.А. Чупина¹**

¹Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zol@igm.nsc.ru; Dasha.chupina@gmail.com

²Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: deeev@ngs.ru

³Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: tsybankov@yandex.ru; slavinski@yandex.ru; postnov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МОЛОДОСТИ АЛЛЮВИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АНГАРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС

В статье на примере стратиграфических разрезов археологических памятников палеолита Северного Приангарья обсуждается неоплейстоценовая и голоценовая история р. Ангары. Опираясь на полученные за последние годы в процессе работ в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС данными в области четвертичной геологии, геоморфологии, неотектоники, археологии, авторы указывают на ряд фактов, противоречащих модели «молодой Ангары», предлагаемой «геоархеологами» во главе с Г.И. Медведевым. Свидетельства произошедшего 12–7 тыс. л.н. «катастрофического выплеска Ангары из байкальского прорана» – ключевого события этой модели – не находят подтверждения ни в рельефе, ни в седиментационной летописи неоплейстоценовых и голоценовых отложений, ни в характере залегания археологических материалов палеолитических памятников Северного Приангарья.

Ключевые слова: аллювий, Ангара, надпойменная терраса, Богучанская ГЭС, неотектоника, палеолит, каргинское потепление, палеоэкология.

Введение

Представления о молодости долины р. Ангары и ее аллювия высказывались неоднократно. Однако развратно и обоснованно эта неординарная концепция впервые была изложена в обобщающей статье [Медведев и др., 2012]. Согласно данной публикации, р. Ангара возникла в результате катастрофического события, которое состоялось 12–7 тыс. л.н. «Поток Ангары, излившийся из природного байкальского прорана, сформировал рельеф своего ложа, разрушая геоморфологические сооружения, созданные до ангарского выплеска...» [Там же, с. 52]. Соответствен-

но, все террасовидные уступы и обрывистые берега были сформированы боковой эрозией прорывных потоков и не являются результатом аллювиальной деятельности, а острова – «это не острова в своем генезисе, они просто “обмылки” былых бортов северо-западной ветви великого Байкальского разлома» [Там же]. Данная концепция противоречит господствующей аллювиально-террасовой парадигме, согласно которой Ангара, так же как и другие равнинные реки, формировала свои берега в результате полициклических актов врезания и аккумуляции, обусловленных неотектоническими и палеоклиматическими причинами.

Авторами «антитеррасовой» гипотезы особо подчеркивается, что «высказывания 1985 и 1986 гг. были не первыми и не последними. Они остались без комментариев. Ситуация документирует факт непонимания и, как следствие, неуверенности и даже боязни многих специалистов в позиции переосмысления парадигмы – догмы примата аллювиально-эрозионного генезиса современного рельефа...» [Там же, с. 50]. В Заключении проблемно-постановочной статьи авторы предлагают читателям подключиться к «террасовой дискуссии», поскольку, на их взгляд, период «кухонного» состояния четвертичной геологии в Байкальской Сибири (да и не только в ней) необычайно затянулся. Настоящая публикация является откликом на этот призыв. В авторский коллектив статьи вошли специалисты не только по археологии, но и по четвертичной геологии, геоморфологии, неотектонике, что позволяет рассмотреть поставленную проблему комплексно на междисциплинарном уровне.

Кризис аллювиально-террасовой парадигмы для Северного Приангарья

Прежде чем проанализировать критику, рассмотрим основные положения аллювиально-террасовой концепции применительно к Северному Приангарью. В рамках современной стратиграфической парадигмы возраст четвертичных отложений долины Ангары увязывается с гипсометрическими уровнями террас [Стратиграфия, 1984; Ендрихинский, 1982; Равский, 1972]. Традиционно считается, что на этой территории I–IV надпойменные террасы (НПТ), объединенные в нижний ярус, имеют поздненеоплейстоценовый возраст. В соответствии с последними стратиграфическими представлениями [Унифицированная... схема..., 2010] возрастной интервал отложений оценивается:

IV НПТ (до 35 м над урезом воды) как казанцевско-муруктинский (III₁ – III₂);

III НПТ (от 16 до 27 м) как раннекаргинский (III₃);

II НПТ (от 14 до 17 м) как позднекаргинско-среднесартанский (III₃ – III₄);

I НПТ (от 9 до 12 м) как позднесартанско-раннеголоценовый (III₄ – IV);

высокая и низкая поймы (от 2 до 7 м) как голоценовый (IV).

Представления о закономерностях строения террасовых комплексов дает схема Э.И. Равского [1972], предложенная «для рек Восточной Сибири и прежде всего для Средне-Сибирского плоскогорья» (рис. 1). Согласно этой схеме, в стратиграфической последовательности снизу вверх формируются: 1) базальный валунно-галечник; 2) крупнозернистый косослоистый песок; 3) вложения параллельно-слоистых песков, супесей, суглинков, глин с торфяными прослоями; 4) параллельно-субгоризонтальное переслаивание супесей и суглинков; 5) параллельное переслаивание песков тонкозернистых, супесей, суглинков с псевдоморфозами по повторно-жильным льдам, редкими палеопочвами степного типа и солифлюкционными дислокациями; 6) лессовидные суглинки и супеси со слабовыраженной параллельной слоистостью; 7) неслоистые лессовидные суглинки и супеси с редкими палеопочвами степного типа.

Вышеприведенная последовательность отложений генетически трактуется в определенной событийно-климатической последовательности [Там же]. На протяжении первой половины межледникового в долинах рек преобладает эрозия, а на примыкающих склонах формируются почвы межледникового типа. В схеме строения (рис. 1) этой эпохе соответствует накопление грубообломочного материала (1). Во второй половине межледникового на склонах и водораздельных поверхностях продолжается формирование

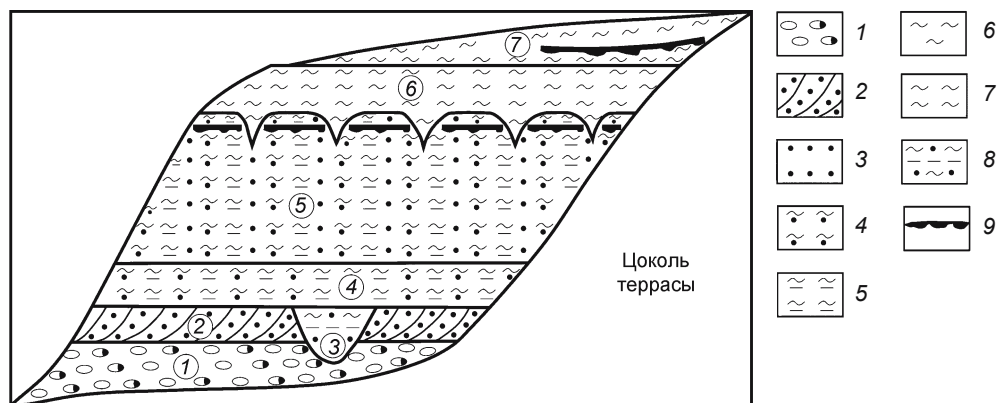

Рис. 1. Циклоклиматическая терраса (по: [Равский, 1972] с изменениями авторов статьи).

1 – валунно-галечник; 2 – косослоистые пески; 3 – тонкопараллельно-слоистые пески; 4 – слоистые супеси; 5 – слоистые суглинки; 6 – неслоистые лессовидные суглинки; 7 – слоистые лессовидные суглинки; 8 – переслаивание песков, супесей, суглинков; 9 – палеопочвы.

почв, а в речных долинах аккумуляция преобладает над эрозией. К этому же времени приурочено образование россыпей. В схеме строения (рис. 1) данной эпохе соответствует накопление отложений русловой фации (1), субфации прирусловых отмелей (2), старичной (3) и пойменной (4) фаций. С началом первой половины оледенения в речных долинах прекращается аккумуляция «нормального аллювия» (1–4) и начинается накопление «перигляциального аллювия» (5, 6). На водоразделах и склонах в это время господствуют склоновые процессы, что приводит к отложению делювия, пролювия и солифлюксия. Осадконакопление сопровождается формированием сингенетичных повторно-жильных льдов. Во второй половине оледенения при продолжающихся склоновых процессах на водоразделах, поверх террасовых площадок в результате уменьшения водности происходит накопление навесных отложений, т.е. лессов (7) и местами переветренных песков.

Таким образом, цикловые палеоклиматические террасы Ангары имеют двухъярусное строение. Нижний ярус представлен отложениями межледникового аллювия, верхний – перигляциальным аллювием и эоловыми осадками. Представление о теплом и холодном ярусах отложений террас подтверждается тем, что «наблюдается не один, а два типа спорово-пыльцевых спектров» [Там же, с. 231]. В песчано-глинистом заполнителе галечников и перекрывающих их песках преобладает пыльца древесных пород. Кроме того, в этих отложениях отмечены раковины теплолюбивых пресноводных моллюсков – анодонт и унионид. В верхнем ярусе террасовых комплексов преобладает пыльца травянистых и кустарниковых растений, присутствуют остатки тундровых животных и растений, наблюдаются криогенные текстуры.

На первый взгляд, рассмотренная концепция является удобной для определения возраста и палеоклиматических обстановок формирования отложений по гипсометрическим уровням площадок террас. Соответственно, датирование археологических находок и реконструкция условий их захоронения в рамках рассмотренной парадигмы, казалось бы, не должны представлять проблем. Однако, как показали работы в зоне затопления Богучанской ГЭС [Постнов, Зольников, Деев, 2012], низкие террасы не выдержаны по числу вдоль долины реки. Неоднократно фиксировалось «расщепление» и «слияние» террасовых площадок. Кроме того, поверхности этих террас чаще всего пологонаклонные, а потому на разных участках нередко имеют различные высоты, что не позволяет относить их к конкретным уровням надпойменных террас р. Ангары, определенным в региональной стратиграфической схеме. Это действительно ставит под сомнение надежность стратиграфической диагностики отложений террас изучаемой территории на основании

установления номеров надпойменных террас, каждой из которой якобы соответствуют строго определенные гипсометрические уровни.

Еще более значимые противоречия с аллювиально-террасовой парадигмой возникают при анализе «геоархеологических» данных. Если суммировать фактический материал по «геоархеологии» [Медведев и др., 2012; Медведев и др., 1986; Воробьева, Медведев, 1985], который привел специалистов во главе с Г.И. Медведевым к несогласию с аллювиально-террасовой парадигмой, то можно сделать два существенных обобщения. Наиболее важным представляется отсутствие приуроченности археологических памятников к разным гипсометрическим уровням террасовидных поверхностей в зависимости от возраста этих памятников, определяемого как по культурно-типологическим признакам артефактов, так и по данным радиоуглеродного датирования контекстных органических материалов. Иными словами, археологические объекты одного возраста нередко рассредоточены в отложениях по разным высотам (на протяжении десятков, вплоть до полутора сотен метров) от уровня реки. Более того, «археологические материалы палеолита Средней Сибири нигде на территории этой страны не зафиксированы в аллювиальных отложениях четвертичного возраста» [Медведев и др., 2012, с. 50]. Под площадками террасовидных поверхностей широко распространены не аллювиальные, а пролювиальные, делювиальные, солифлюкционные, эоловые и другие субазральные отложения. Все это позволило сделать вывод: «...лестница речных террас в Сибири не читается и должна быть с необходимостью поставлена под сомнение» [Там же].

Здесь следует особо подчеркнуть обстоятельство, ускользавшее от внимания тех геологов и географов-геоморфологов, которые в силу своей специализации далеки от археологической проблематики. Совсем не каждому исследователю в области наук о Земле известно, что археологами «ископаемые археологические площадки мыслились не иначе как “поселковое” жизненное пространство на берегу реки – “высоком”, “среднем”, “низком”; “близко” или “далеко” от бровки террасы» [Там же, с. 45]. Соответственно, отсутствие приуроченности молодых артефактов к низким поверхностям, а древних к высоким, а также отсутствие аллювия в непосредственном геологическом контексте археологических памятников приводит к выводу о неадекватности традиционных представлений об обязательном обитании древнего человека на берегу реки. Кризис аллювиально-террасовой парадигмы обусловил возникновение нового палеогеографического сценария [Там же], который можно свести к нескольким основным положениям:

1) доголоценовые террасы и аллювиальные отложения р. Ангары отсутствуют;

2) р. Ангара появилась в конце неоплейстоцена – начале голоцена (12–7 тыс. л.н.) в результате катастрофического прорыва вод из «байкальского прорана»;

3) острова и береговые обрывы ангарской долины представляют собой эрозионные останцы («обмылки»), выработанные прорывными потоками в субаэральном комплексе отложений водораздельного типа;

4) террасовидные слабонаклонные поверхности, обрамляющие долину р. Ангара, сложены субаэральным комплексом отложений;

5) разновысотность террасовидных поверхностей обусловлена неотектоникой.

Совершенно очевидно, что палеогеографический сценарий «раннеголоценового ангарского выплеска» возник главным образом у историков для обоснования «нового геоархеологического» видения ситуации, обусловленного тем, что закономерности распределения археологических памятников не соответствуют стандартному образу «палеолитического стойбища на удобном берегу реки». Проанализируем теперь, насколько геолого-геоморфологические данные согласуются с новой гипотезой.

Верификация геолого-геоморфологическими данными гипотезы раннеголоценового ангарского выплеска

Краеугольным камнем гипотезы о молодости Ангара является ее раннеголоценовый «выплеск из природного байкальского прорана». Соответственно, следует искать свидетельства этого события: геоморфологические следы прорыва байкальских вод и отложения, захваченные, перенесенные и аккумулярованные прорывными потоками. Ближайшим аналогом «ангарского выплеска» могут служить гляциальные суперпаводки, формирующиеся при опорожнении ледниково-подпрудных озер. Наиболее хрестоматийным примером являются прорывные потоки из оз. Миссула, которые, пересекая Колумбийское плато, изрезали его глубокими узкими каналами. Кроме каньонов для огромных прорывных потоков характерны гигантская рябь течения, эвразийские котлы сверления и другие специфические формы рельефа, достаточно детально рассмотренные А.Н. Рудым [2005]. На территории затопления Богучанской ГЭС ничего подобного в рельефе земной поверхности не наблюдается. Можно, конечно, утверждать, что трапповые слои бронировали и предохраняли значительную ее часть от эрозионных и эвразийских процессов. Однако Колумбийское плато, подвергшееся воздействию прорывных вод оз. Миссула, сложено базальтами, аналогичными по прочности траппам, что не помешало прорезанию этих пород каналами на глубину до 200 м и более. Катастрофиче-

ские селевые потоки, в результате которых появилась Ангара, не могли не оставить деструктивных следов в рельефе. Тем не менее таких следов нет.

Как известно, гигантские прорывные потоки оставляют после себя отложения, представленные специфическим набором фаций [Парначев, 1999; Зольников, Деев, 2012]. Суперпаводковый цикл начинается с базальных валунно-глыбовников селевой фации, наращивается параллельно-слоистыми песко-дресвяниками взвешенного наноса, завершается косослоистыми галечниками влекомого наноса, грязекаменными микритами, оплывающими с бортов долины при спаде паводка, и параллельно-слоистыми алевропесками вторично-подпрудных озер. В изученных нами разрезах и в опубликованных источниках нет таких литоседиментационных последовательностей. Визитной карточкой суперпаводков являются валунно-глыбовники и пескодресвяники, которые не формируются вне обстановок гигантских водокаменных селей. Данные литотипы на территории затопления Богучанской ГЭС никогда никем не описывались. Единственное геологическое наблюдение, которое могло бы претендовать на свидетельство селей, – скопления глыб и валунов на площадках поймы и I НПТ. Эти скопления иногда ошибочно принимают за морены и сейсмообвалы. Моренами они не могут быть, т.к. изучаемый район никогда не покрывался ледниками [Унифицированная... схема..., 2010], а сейсмообвалами, т.к. расположены нередко в нескольких километрах от скальных выходов. Количество валунов и глыб на площадках террас резко уменьшается по направлению к междуречным пространствам. Это и не удивительно, поскольку на пойму и низкие террасы они «затдвигаются» весенними ледоходами, что достаточно хорошо изучено и является характерным как для Ангара, так и для Енисея [Парначев, 1999]. Таким образом, отложения катастрофических прорывных потоков раннеголоценового времени на исследованной территории отсутствуют, так же как и соответствующие им специфические формы рельефа.

Идея о катастрофических прорывах вод Байкала, приведших к формированию молодой долины р. Ангара в интервале 12–7 тыс. л.н., противоречат геологические данные, характеризующие строение верховий реки. Неотектонически обусловленный разрыв ленского стока вод оз. Байкал и формирование нового направления (по Ильча-Иркутной долине) стока в систему р. Енисея фиксируются уже на рубеже 500 тыс. л.н. [Мац и др., 2002]. В свою очередь, последний был прерван в связи с опусканием ливнянского блока ок. 40–60 тыс. л.н., что привело к формированию современного ангарского истока. В результате этих неотектонических событий в верхней части течения р. Ангара сформировались два разновозрастных участка ее долины. Наиболее молодой из них

расположен от истока до места впадения р. Иркут. Здесь фиксируются первая (6–8 м), сформировавшаяся при сарганском похолодании (24–20 тыс. л.н.), и вторая (12–14 м), сопоставляемая с предшествующим каргинским потеплением, надпойменные террасы. В то же время в долине р. Ангара ниже устья р. Иркут присутствует существенно более мощный комплекс террас, высоты которых превышают 100 м [Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964]. Уже в районе г. Иркутска выделяются низкая и высокая поймы, а также четыре НПТ высотой 40–50 м [Демьянович, 2007]. При этом на их формирование помимо неотектонических процессов, происходивших в прилегающем горном обрамлении, существенную роль оказала динамика развития Ангарского разлома, по которому здесь заложена долина р. Ангара. Специализированные исследования сети активных разломов юга Сибирской платформы [Семинский и др., 2008; Лунина, Гладков, Шерстянкин, 2010], с одной стороны, показали, что долина р. Ангара участками наследует разломы различной ориентировки, с другой – не подтвердили тезис Г.И. Медведева с соавторами [2012] о существовании единого Байкало-Ангарского разлома, который загадочным образом предопределил направление движения крупного водного потока из «байкальского програна» и заложение долины «голоценовой Ангара».

В плане связи долины р. Ангара с разноориентированными системами разломов показательны наши исследования в районе ее среднего течения. Поверхность Приангарского плато здесь представляет собой пенеплен, сформировавшийся в мел-палеогеновое время. Эта древняя поверхность выравнивания маркирует период тектонического спокойствия, предшествовавший альпийскому этапу складчатости. В кайнозойскую эру, с позднего палеогена, во всем Сибирском регионе начинается стадия неотектонических подвижек, максимум которых приходится на конец неогена – начало четвертичного периода. В результате этой деятельности изначально плоская поверхность выравнивания была приподнята, слабо деформирована и в разной степени расчленена эрозионной речной сетью (рис. 2). Рисунок гидросети района контролируется множественными разноориентированными зонами разломов [Постнов, Зольников, Деев, 2012]. Долина самой Ангара представляет собой структуру растяжения. Более того, помимо основных ограничивающих долину сбросовых разломов, выделен ряд дополнительных прямолинейных и дугообразных линейamentов, отделяющих различные по масштабу блоки и формирующих, таким образом, структуру «телескопического» грабена. В результате в среднем течении р. Ангара наблюдаются: 1) мелководность реки на фоне общей значительной ширины долины; 2) чередование участков относительного сужения и расширения долины; 3) значительная гипсометрическая

разнесенность отложений неогена и четвертичного террасового комплекса; 4) наличие, часто в непосредственной близости, последовательностей как вложенных друг в друга разновозрастных аккумулятивных речных террас, так и разновозрастных осадочных тел в террасовом комплексе, разнесенных гипсометрически и разделенных фрагментами коренного цоколя. Достаточно часто вертикальные береговые стенки, представляющие собой выходы сместителей разломов, разрезаются V-образными долинами боковых притоков, и формируются треугольные тектонические фасеты. В условиях относительно слабой расчлененности рельефа, помимо зон повышенной трещиноватости и разломов, в структурном контроле древовидного рисунка гидросети существенную роль играют и вещественные характеристики эродированных дочетвертичных образований [Руденко, Молотков, 1985]. Так, по характеру водной эрозии терригенные породы (песчаники, алевролиты, аргиллиты) карбона и перми резко отличаются от образований траппового комплекса, устойчивых к денудации.

В целом же никакого структурного несогласия между ориентировкой в плане Ангара и ее притоков нет. Притоки более мелких порядков закономерно располагаются в соответствии с изгибами долины Ангара, формируя древовидные структуры (рис. 2). Следует особо подчеркнуть, что они являются тальвегами долин, прорезанных в плоскогорье на разную глубину, а не просто руслами, беспорядочно блуждающими по плоской равнине. Все это свидетельствует о синхронном формировании и развитии в течение длительного времени (заведомо намного превышающего временные рамки голоцена) гидросети района. Таким образом, конфигурация современной гидросети является опровержением «гипотезы, отрицающей существование в плейстоцене Байкальской Сибири современного рисунка Ангаро-Енисейского речного бассейна с его организующей водной артерией – р. Ангарой» [Медведев и др., 2012, с. 33].

Обратимся теперь к проблеме доголоценового аллювия р. Ангара. Как утверждают Г.И. Медведев с соавторами, «аллювиальные отложения р. Ангара и ее притоков не были обнаружены на гипсометрических уровнях комплексов “высоких”, “средних” террас, а из состава “низких” остался лишь 4–7-метровый “мерцающий” уровень специфического делювиально-аллювиального образования» [Там же, с. 46]. Насколько это подтверждается строением разрезов?

В районе причала Нижний Кеуль (Еловка) нами описан разрез террасы высотой 12,5 м над урезом воды р. Ангара (координаты: 58°47'27,5" с.ш. и 102°78'17,2" в.д.). Здесь зачищена северная стенка придорожной выемки при выезде на причал. От бровки обрыва сверху вниз на протяжении 8,5 м прослеживается чередование косослоистых песчаных гравий-

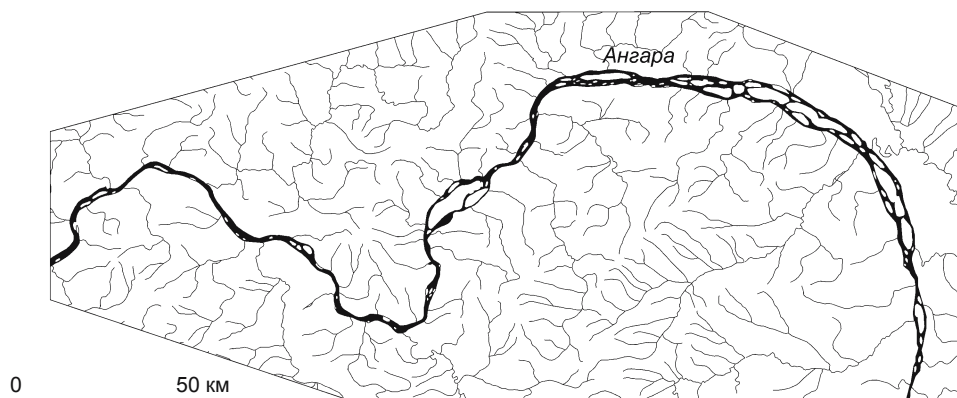

Рис. 2. Гидросеть зоны затопления Богучанской ГЭС.

но-галечников и крупнозернистых гравийных песков с субгоризонтальнопараллельно-слоистыми песками (рис. 3). В прикровельной части наблюдаются белые карбонатные выцветы. Данный разрез является показательным в том отношении, что субаэральный комплекс отложений здесь отсутствует и фактически все тело террасы на протяжении 8,5 м по вертикали сложено аллювием русловых и прирусловых фаций. При этом прослой мелкого галечника в песке прослеживаются до самого верха. Материал крупнозернистый, алевропелитовых примесей фактически нет. Косослоистые текстуры и хорошая окатанность гравийно-галечного материала показаны на рис. 3 справа

от колонки. Особо отметим, что в рельефе земной поверхности здесь четко выражена ровная пологая широкая площадка, тянущаяся вдоль Ангары, без следов каких-либо боковых палеодолин или конусов выноса. Описанный разрез не согласуется с высказыванием о том, что «на гипсометрических уровнях нестабильной “расчетной” II террасы – 8–10–15 м – повсеместно развиты слойчатые пески конусов выноса, отложения балочного генезиса, галечно-кластические скопления подсклоновых образований» [Там же, с. 50].

Здесь же следует подчеркнуть, что ниже по течению на протяжении нескольких километров терраса постепенно становится цокольной. Сначала цоколь за-

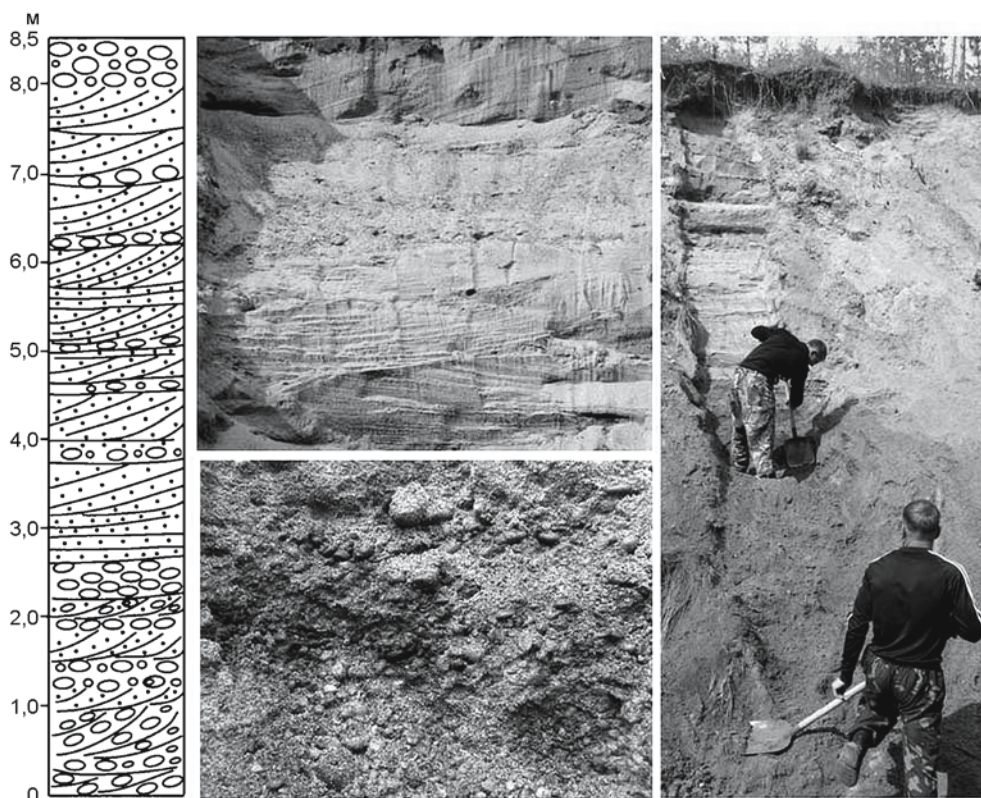

Рис. 3. Разрез аллювия в районе причала Нижний Кеуль (Еловка).

нимает 3,5 м нижней части террасы, а затем понемногу поднимается вверх до 10–12 м, в результате чего галечно-гравийно-песчаный аллювий выклинивается и берег становится целиком скальным. Все это свидетельствует о неотектоническом перекосе поверхности прируслового блока, на котором отлагался аллювий.

Анализ материалов государственного геологического картирования позволяет убедиться в том, что представление о наличии доголоценового аллювия Ангары не является галлюцинаторным, навеянным сложившимися стереотипами. Так, отложения III НПТ, вскрытые скважиной ручного бурения западнее р. Чельбихинской, представлены преимущественно песками с гравием мощностью до 15 м, а I НПТ – восьмиметровой гравийно-галечно-песчаной толщей, которая перекрывается слоем супеси (2,7 м) [Цакаулов, Гузаев, 1980]. Ниже устья р. Народимой III НПТ сложена песками (9 м) с галечником (0,6 м) [Лавриков, Смолякова, 1972]. Отложения I НПТ описаны на о-ве Тургенев у д. Аленкино, где снизу вверх прослежены: галечник (3 м), песок с галькой (1,2 м), суглинок (0,8 м), песок (1,1 м), песок с редкой галькой (2 м), песок (0,8 м) [Там же]. По данным Ю.С. Глухова и В.Н. Коткова [1973], аллювий I и II НПТ сложен песками с линзами суглинков, супесей и слоями галечников в основании. На левом берегу Ангары у д. Рожково III НПТ шириной 2,5–3,0 км имеет следующее строение снизу вверх: песок косослоистый (0,6 м), галечник косослоистый с песком и гравием (2 м), песок с редкой галькой (0,5 м), глины, сменяющиеся суглинками (21 м) [Абрамов, Крус, 1981]. Между реками Большая Пеленда и Каменная близ пос. Косой Бык вскрыты отложения мощностью 12–14 м, главным образом представленные песками и галечниками [Лавриков, Мумик, 1980]. Третья НПТ на левом берегу Ангары ниже устья р. Глинки сложена галечником (0,6 м) и перекрывающим его песком (9 м), вторая – 10–12-метровой толщей песков с маломощным галечником в основании. Первая НПТ у северо-западного конца д. Алешкино имеет следующее строение снизу вверх: галечник (3 м), песок с галькой до 30 % (1,2 м), суглинок (0,8 м), суглинок с прослоями песка (1 м), песок (1,1 м), песок с мелкой галькой (2 м), песок (0,8 м). По данным Н.М. Коткова [1980], III НПТ на левом берегу р. Каты, ниже устья р. Железной, сложена (снизу вверх) галечником (0,45 м), песком с дресвой (1,2 м), галечником с дресвой (1,5 м), суглинком (0,5 м), а I НПТ на правом берегу Ангары ниже устья Каты – галечником (0,7 м) и песком (9,7 м). Приведенные примеры еще раз иллюстрируют тот факт, что базальные слои геологических тел, слагающих террасовые формы рельефа, достаточно часто представлены галечниками или косослоистыми песками с галечными прослоями. Вряд ли это каждый раз можно интерпретировать как перемытую кору выветривания по конг-

ломератам (в частности там, где таких конгломератов в основании нет) или как отложения пролювиальных конусов (особенно тогда, когда они никак не выражены в рельефе дневной поверхности). Таким образом, фактический материал по строению разрезов, накопленный в ходе геологической съемки и авторских исследований, не позволяет отрицать аллювиальный генезис отложений нижнего яруса низких террас Ангары.

Согласно исследованию И.Э. Равского [1972] аллювиальные отложения нижнего яруса циклоклиматической террасы нередко в 2–3 раза (а то и более) меньше по толщине, нежели отложения верхнего, которые, как это было показано ранее [Постнов, Зольников, Деев, 2012], не могут быть перигляциальным аллювием, поскольку расположены на абсолютных отметках заведомо выше 130–135 м (общепринятый [Архипов, Волков, Волкова, 1980] порог стока подпрудно-ледникового Мансийского озера-моря через Тургайский прогиб на юг). Вместе с тем именно в пределах верхнего яруса циклоклиматических террас обычно закладываются археологические раскопы, глубина которых редко превышает 2–3 м. Возникает проблема генетической интерпретации мощной толщи параллельно-слоистых песков, супесей, суглинков с эфемерными палеопочвами, криогенными клиньями и солифлюкционными дислокациями, слагающей верхнюю часть террасового комплекса, зачастую на всю глубину доступную разведочным археологическим шурфам.

О присутствии делювиальных, пролювиальных, солифлюкционных отложений и лессов в толщах «перигляциального аллювия» долины Ангары упоминалось неоднократно [Равский, 1972; Ендрихинский, 1982]. Благоприятная для формирования делювия на пологих и слабонаклонных поверхностях обстановка была преимущественно в первой половине оледенения при холодных и влажных условиях, когда таежная растительность в перигляциальной зоне уступала место тундрово-степным ассоциациям. Разреженная растительность делала уязвимыми для плоскостного размыва и переотложения песчаные, пылевато-песчаные, суглинистые поверхности субгоризонтальных площадок и пологих склонов, примыкавших к руслу Ангары. Во второй половине оледенения делювиальные процессы постепенно сменялись навеванием пыли. О постепенности этого климатического перехода свидетельствует последовательное замещение параллельно-слоистых песков, супесей и суглинков слоистыми лессовидными суглинками и супесями, а затем неслоистыми лессами. Очевидно, что здесь «слоистые лессы» представляют собой не разновидность перигляциального аллювия, а полигенетический делювиально-суперфлюкционный тип четвертичных отложений. Непосредственно вблизи береговых обрывов, сложенных песками, навейные отложения часто фациально замещаются перевейными (песчаными надувами).

Показательный разрез четвертичных отложений вскрыт траншеей на сниженной части западной оконечности о-ва Сосново-Тушамский (координаты: 58°33'89,6" с.ш., 102°85'19,2" в.д.). Описывается южная стенка (рис. 4).

Слой 1 (0–0,4 м). Серый с пепельным оттенком неслоистый алевропесок с угольками, редкими щебнями. Есть кротовины. Техногенный слой, сопряженный с горизонтом вымывания современной почвы.

Слой 2 (0,4–0,7 м). Серый с табачным оттенком неслоистый тонкомелкозернистый алевритовый песок. В кровле – угольки. Имеются нечетко выраженные пятна.

Слой 3 (0,7–0,8 м). Светло-серый неслоистый мелкозернистый песок.

Слой 4 (0,8–1,1 м). Серый с табачным оттенком алевритовый тонкомелкозернистый песок с мелкопелычатой и пятнистой текстурой. Солифлюкционно преобразован.

Слой 5 (1,10–1,15 м). Темно-серый гумусированный. Эфемерная палеопочва, солифлюкционно деформированная.

Слой 6 (1,15–1,30 м). Серый, иногда с буроватым оттенком алевропесок, к подошве переходящий в алевропелит.

Слой 7 (1,30–1,35 м). Темно-серый гумусированный. Эфемерная палеопочва, солифлюкционно деформированная.

Слой 8 (1,35–1,50 м). Бурый песчаный алевропелит, солифлюкционно преобразованный.

Слой 9 (1,50–1,55 м). Темно-серый гумусированный, смятый в складки волочения и разорванный. Эфемерная палеопочва, солифлюкционно деформированная.

Слой 10 (1,55–2,0 м). Бурый с красноватым оттенком неслоистый алевропесок. Кровля и подошва неровные, смятые в складки волочения. Ориентировка этих складок и «языков» растекания соответствует пологому падению склона в сторону р. Ангары.

Слой 11 (2,0–2,3 м). Светло-серый мелко- и среднезернистый песок с волнистой и мульдобразной слоистостью. Прикровельная часть смята в складки волочения вместе с вышележащими отложениями, в приподошвенной – рябь течения, в средней – линзы и прослои бурого алевропеска.

Слой 12 (2,3–2,4 м). Мелкий хорошо окатанный галечник с заполнителем из крупнозернистого песка.

Слой 13 (2,4–2,9 м). Бурый с красноватым оттенком алевропесок с прослоями и линзами среднезернистого песка.

Слой 14 (2,9–4,1 м). Параллельное субгоризонтальное переслаивание светло-серого мелко- и среднезернистого песка и бурого алевропеска. Толщина слоев от 1–2 до 5–10 см. Внутри прослоев наблюдается тонкая параллельная слоистость. Имеются муллы.

Стратиграфо-генетическая интерпретация показывает, что в обнажении вскрыт типичный разрез циклоклиматического террасового комплекса с двухъярусным строением: аллювиальный ярус представлен слоями 10–14, субаэральный – 1–9. Послойная интерпретация: слои 1 и 2 озовые (перевейные пески); 5, 7, 9 – палеопочвы; 3 – делювий; 4, 6, 8, 9 – суперфлюкционные наносы (лессы); 10 – пойменный аллювий; 11–14 – переслаивание русловых и пойменных фаций аллювия.

Двухъярусное строение комплексов четвертичных отложений низких террас прослеживается на многих участках долины р. Ангары. Еще одним примером

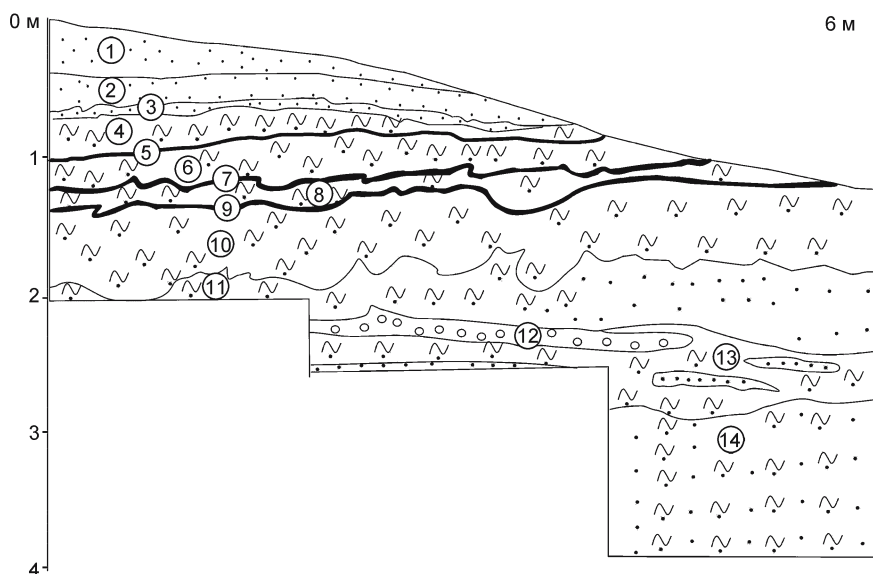

Рис. 4. Сосново-Тушамский разрез.

может служить террасовый комплекс у д. Паново на правом берегу реки (координаты: 58°95'60,7" с.ш., 101°89'28,9" в.д.). Высота обнажения в береговом обрыве цокольной террасы 7,5 м от уреза воды, поймы – 1,5 м. Цоколь представлен коренными темноцветными породами (долериты) и возвышается на 2 м над поймой (3,5 м над урезом воды). На коренных породах залегает базальный слой аллювия р. Ангара мощностью 0,9 м, представленный косослоистым и мультислоистым переслаиванием мелкого валунника, галечника, гравийника и крупнозернистого песка. Он перекрыт пологолинзовидным гравийным песком, постепенно приобретающим параллельную слоистость вверх по разрезу, видимая мощность ок. 1 м. Особый интерес представляют хорошо окатанные крупные валуны (более 0,5 м в поперечнике), которые залегают в основании аллювиального яруса цокольной террасы. Следует подчеркнуть, что валуны не могут быть результатом выветривания дочетвертичной толщи, т.к. она на данном участке долины Ангара сложена не конгломератами, а долеритами.

Представление о субаэральном ярусе дает шурф глубиной 2,4 м на высоте 11 м от уреза воды р. Ангара.

Слой 1 (0–0,6 м). Серый неслоистый мелкозернистый алевроитистый песок. От середины слоя к подошве меняет цвет на бурый.

Слой 2 (0,6–1,1 м). Светло-серый тонкопараллельно-субгоризонтально-слоистый песок с линзами, выпуклыми вверх (надувами).

Слой 3 (1,1–1,6 м). Светло-серый песок с более четко выраженной слоистостью и мелкими мульдами. В подошве цепочечный прослой мелкой гальки.

Слой 4 (1,6–2,4 м). Параллельное субгоризонтальное переслаивание светло-серого и серого песка. В верхней половине слоистость мелкая, а в нижней – средняя. К подошве удельное содержание прослоев светло-серого песка снижается. Отмечаются мелкие солифлюкционные дислокации. Подошва слоя не вскрыта.

На наш взгляд, слои 1, 2 – это перевеянные пески, сверху частично измененные почвенными процессами, а 3, 4 – делювий. Субаэральный комплекс, представленный делювиальными, эоловыми (как перевеянными, так и навеечными) отложениями, палеопочвами, фактически и является вмещающим для большинства археологических памятников в зоне затопления Богучанской ГЭС. Что касается эоловых образований, то чем дальше на водораздел, тем большую роль играют лессовидные породы, а чем ближе к берегу Ангара, тем большую часть комплекса занимают перевеянные пески. Типичные примеры – эоловые дюны Сергушкинского и Сосновомысских островов, голоценовые и исторические в районе д. Ката и т.д. Таким образом, следует согласиться с тем, что значительная часть объема террас (верхний ярус) имеет субаэральный генезис.

Верификация археологическими данными

Новая информация о палеолитических памятниках, изученных в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС в течение 2007–2011 гг., содержит дополнительные принципиальные факты, явно не согласующиеся с моделью «молодой Ангара», излившейся с «прорана Байкала» 12–7 тыс. л.н. Во-первых, известные ранее и новые палеолитические стоянки Берямба [Гревцов и др., 2011], Колпаков Ручей [Рыбин и др., 2010; Рыбин, Мещерин, 2011], Большая Пеленда [Постнов, 2010], Ручей Смолокурный [Марковский, Дудко, 2011], Усть-Кова [Леонтьев, Вдовин, 2010; Акимов и др., 2011] обнаружены в контексте субаэральной толщи низких надпойменных террас (I, II) р. Ангара, а не в склоновых отложениях посткатастрофического генезиса (в статье рассматриваются не все открытые и исследуемые в последние годы памятники палеолита, а только те, материалы которых опубликованы). Палеолитические артефакты на указанных памятниках образуют стояночные локализованные комплексы без каких-либо признаков катастрофических перемещений археологического материала и нарушений вмещающей его стратиграфической последовательности. Они обнаружены в покровной толще верхнего яруса террас, представленного отложениями субаэрального генезиса в виде эоловых, делювиальных, лессово-почвенных, деформированных мерзлотными клиньями и солифлюкцией слоев. Началом формирования вмещающих археологические материалы отложений, судя по имеющимся ¹⁴C-датам (см. далее), можно считать вторую половину каргинского времени.

Во-вторых, описывая стратиграфический контекст также недавно обнаруженных в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС стоянок палеолита Усть-Едарма I, III, Едарма II [Липнина и др., 2010; Липнина, Лохов, 2012; Новосельцева, 2011; Роговской и др., 2012], «геоархеологи» указывают на перетолженный характер артефактов, найденных в толще оползневых отложений, отмечая при этом наличие в ней палеопочвы позднекаргинского времени (обнаруженной в 10 шурфах [Роговской и др., 2012]). Вопрос, каким образом она сохранилась при столь катастрофических событиях, произошедших 12–7 тыс. л.н., остается открытым.

В-третьих, при некоторых допущениях можно принять уникальность памятников Усть-Едарма I, III, Едарма II в геоморфологическом и стратиграфическом аспекте, но при условии отсутствия аналогий по технико-типологическим характеристикам с памятниками Берямба, Колпаков Ручей, Ручей Смолокурный, Усть-Кова, а они явно прослеживаются даже при первом знакомстве с коллекциями, представленными краткими описаниями и единичными рисунка-

ми в предварительных публикациях. На этой стадии изучения материала можно констатировать сходство в технологии расщепления камня, где на фоне общего преобладания различных плоскостных техник, направленных на получение отщепов, используются торцовые, подпризматические и плоскостные, нацеленные на производство пластинчатых заготовок различной морфологии и размерности. Среди орудийного набора коллекций наиболее типологически выражены концевые скребки, в т.ч. высокой формы; различные орудия с элементами утончения корпуса; угловые резцы и т.д. В целом индустрии обладают полным набором технико-типологических характеристик, которые свойственны палеолитическим комплексам Средней Сибири, соотносимым хронологически с каргинским временем (более подробная и четкая интерпретация археологических данных – тема отдельной статьи). Еще одно сходство данных коллекций – сохранность поверхности артефактов: на многих наблюдается слабая коррозия и глянцевый блеск, обусловленные долгим пребыванием в открытом состоянии, в условиях холодного климатического эпизода (похолодания второй половины каргинского интерстадиала и/или сартанское оледенение). Близки эти группы памятников и хронологически: Едарма II – $27\,345 \pm 385$ л.н. (СОАН-8295), $26\,890 \pm 420$ (СОАН-8296); Усть-Едарма III – $27\,805 \pm 245$ (СОАН-8353) [Роговской и др., 2012]; Усть-Кова – $32\,865$ (СОАН 1875), $30\,100 \pm 150$ (ГИН-1741), $28\,050 \pm 670$ (СОАН-1876), $34\,300 \pm 900$ л.н. (ГИН-5929) [Лаухин и др., 1980; Дроздов, Чеха, 2002; Дроздов, Чеха, Пономарева, 2011].

Использование модели «молодой Ангары» в реконструкции палеоэкологии человека, на наш взгляд, делает большей частью бессмысленными и малопродуктивными дальнейшие «междисциплинарные взаимоотношения геологов, геоморфологов, археологов в производстве изысканий», к которым призывают Г.И. Медведев с соавторами [2012, с. 53]. Так уж получается, исходя из термина «геоархеолог», что эти специалисты обладают методиками широкого комплексного профиля и вооружены принципиально новой (совсем не похожей на все ранее написанное в научной литературе) моделью реконструкции прошлого.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, отметим, что представления о голоценовом возрасте Ангары не находят подтверждения ни в рельефе, ни в седиментационной летописи неоплейстоценовых отложений Приангарья. В частности, нет геологических свидетельств раннеголоценового катастрофического «выплеска ангарских вод из природного байкальского прорана». Наоборот, анализ рисунка долин разных порядков,

сопоставление рельефа и особенностей геологического строения территории указывают на длительность формирования гидросети изучаемого района начиная со второй половины палеогена. Вместе с тем в ряде обнажений уступов террас как по материалам геологической съемки, так и в результате авторских исследований задокументированы аллювиальные отложения, представленные галечниками и песками.

Необходимо отметить, что критика «аллювиально-террасовой парадигмы» оказалась небеспочвенной. Важнейшим результатом «террасовой дискуссии» является установление того факта, что в Приангарье не работает алгоритм определения возраста отложений по гипсометрическим уровням террас. В районе затопления Богучанской ГЭС геолого-геоморфологическое строение территории, прилегающей к магистральной реке, в значительной мере обусловлено неотектонической спецификой. Плоское днище р. Ангары и широкое распространение вертикальных скальных берегов свидетельствуют о дискретно-перманентном «проваливании» фрагментов долины относительно водоразделов и, соответственно, о фрагментировано-блоковом «воздымании» междуречных пространств на протяжении неогена – плейстоцена. Процессы денудации преобладали в целом над процессами аккумуляции, что не позволило сформироваться мощным толщам высоких, средних и низких аллювиальных террас, врезанных друг в друга. На протяжении всей четвертичной истории Ангары мало-мощные аллювиальные комплексы «вздергивались» в составе неотектонических блоков, обрамляющих магистральную реку, и погребались субаэральными отложениями. Таким образом, число и высота прирусловых площадок рельефа в большей мере контролировались неотектоническим фактором, нежели климатическим.

Еще одним важным результатом можно считать установление субаэрального генезиса верхнего яруса террас, который ранее традиционно диагностировался как перигляциальный аллювий. Это обстоятельство следует считать особенно значимым, т.к. верхний, субаэральный ярус по мощности обычно значительно менее аллювиального. Более того, чем древнее аллювиальный комплекс основания террасы, тем больше время формирования субаэральной толщи, облекающей аллювий, а значит, и ее мощность. Следовательно, представления Г.И. Медведева с коллегами [2012] о том, что артефакты и другие следы жизнедеятельности палеолитического человека захоронены преимущественно в отложениях субаэрального происхождения, являются вполне адекватными и подтверждаются нашими исследованиями. Достаточно убедительными представляются данные, согласно которым люди в эпоху камня селились не только на берегу магистральной реки, но и на удаленных от Ангары пространствах

Среднесибирского плоскогорья, не лишенных, кстати, более мелких рек. Понятно желание объяснить местонахождение палеолитических стоянок человека в менее привлекательных условиях, чем около большой реки, тем, что ее на момент существования древнего человека не было. Однако «изъятие Ангары» из природной истории неоплейстоцена Прибайкальской Сибири противоречит всему накопленному комплексу геологических знаний о данной территории. Следовательно, на наш взгляд, нужно искать другие факторы, обуславливающие закономерности пространственного распределения палеолитических стоянок в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС и на Среднесибирском плоскогорье в целом.

Критика «террасового» подхода к определению хронологии памятников и призыв к дискуссии по данной проблеме, по крайней мере в области археологических исследований, видятся нам запоздалыми на десятилетия. Изучение палеолитических стоянок с привлечением специалистов разного профиля во время и после полевых работ, применение при хронологических построениях данных не только по гипсометрическому уровню террас практикуются повсеместно. Более того, начиная с 60-х гг. прошлого века «террасовый» подход в чистом виде в палеолитоведении практически не используется. Исследование стратиграфического контекста памятников палеолита Северного Приангарья и «Байкальской Сибири» в целом в рамках общего для региона катастрофического сценария – простой путь, избегающий трудоемких процессов постоянного изучения специфики четвертичной геологии, геоморфологии, неотектоники, стратиграфических разрезов палеолитических объектов и районов их расположения с неременной верификацией полученных данных.

Список литературы

- Абрамов В.А., Крусъ З.И.** Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-47-VI: объяснит. зап. – М.: Союзгеолфонд, 1981. – 96 с.
- Акимов Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Мотузко А.Н., Пазиллов Д.С., Томилова Е.А., Харевич В.М.** Новые данные по палеолиту Усть-Ковы (работы 2011 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 354–358.
- Архипов С.А., Волков И.А., Волкова В.С.** Палеогеография // Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 91–99.
- Воробьева Г.А., Медведев Г.И.** Субаэральные позднечетвертичные отложения и стратиграфия палеолитических находок южного Приангарья // Вопросы геологии и палео-

географии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. – С. 71–84.

Глухов Ю.С., Котков В.Н. Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-47-XII: объяснит. зап. – М.: ВСЕГЕИ, 1973. – 67 с.

Гревцов Ю.А., Мещерин М.Н., Галухин Л.Л., Журавков С.П. Стоянка Берямба – новый объект палеолита в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 391–395.

Демьянович Н.И. Особенности ангарских террас как территориального ресурса Иркутска // География и природные ресурсы. – 2007. – № 1. – С. 100–106.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 163–177.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Пономарева Е.А. Палеогеография конца позднего плейстоцена района палеолитической стоянки Усть-Кова (по результатам палеокарпологических и палеомерзлотных исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 54–57.

Ендрихинский А.С. Последовательность основных геологических событий на территории Южной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 6–35.

Зольников И.Д., Деев Е.В. Проблемы диагностики отложений гляциальных суперпаводков неоплейстоцена в Горном Алтае // Лед и Снег. – 2012. – № 3 (119). – С. 79–86.

Котков Н.М. Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-48-VII: объяснит. зап. – М.: Союзгеолфонд, 1980. – 80 с.

Лавриков В.М., Мумик Н.А. Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-47-XI: объяснит. зап. – М.: Союзгеолфонд, 1980. – 95 с.

Лавриков В.М., Смолякова В.П. Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-47-XI: объяснит. зап. – М.: ВСЕГЕИ, 1972. – 74 с.

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Панычев В.А., Орлова Л.А. Усть-Кова на Ангаре – самая древняя датированная радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Уралом и Леной // Докл. АН СССР. – 1980. – Т. 254, № 2. – С. 182–185.

Леонтьев В.П., Вдовин А.С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 534–537.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н. Спасательные работы на объектах археологического наследия Усть-Едарма II и де-

ревня Едарма в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 448–452.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Роговской Е.О. Результаты спасательных работ на местонахождениях Усть-Едарма I–III в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 538–541.

Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. – М.: Наука, 1964. – 196 с.

Лунина О.В., Гладков А.С., Шерстянкин П.П. Новая электронная карта активных разломов юга Восточной Сибири // Докл. РАН. – 2010. – Т. 433, № 5. – С. 662–667.

Марковский Г.И., Дудко А.А. Результаты полевых исследований стоянок Ручей Смолокурный и Мыс Столбы в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 437–442.

Мац В.Д., Фуджин Ш., Машико К., Гранина Л.З., Осипов Э.Ю., Ефимова И.М., Климанский А.В. К палеогидрологии Байкала в связи с неотектоникой // Геология и геофизика. – 2002. – Т. 43, № 2. – С. 142–154.

Медведев Г.И., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., Когай С.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н. Ископаемые литотехнические отложения плейстоцена и голоцена в геоморфологических ситуациях антропогена Байкальской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. – 2012. – № 1 (1). – С. 33–57.

Медведев Г.И., Воробьева Г.А., Бердникова М.А., Пархоменко Ю.С., Федоренко А.Б. Состояние изученности палеолита Средней Сибири – региональные проблемы и перспективы исследований // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – С. 57–62.

Новосельцева В.М. Проблемы стратиграфии и хронологии палеолита Северного Приангарья по результатам работ на геoarхеологическом объекте Усть-Едарма III // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.: Великий Новгород, 2011. – С. 75–77.

Парначев С.В. Геология высоких алтайских террас (Яломанско-Катунская зона). – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 1999. – 137 с.

Постнов А.В. Результаты полевых исследований стоянки Большая Пеленда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы

итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 565–568.

Постнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В. Проблемы генетической и стратиграфической диагностики отложений низких террас средней и нижней Ангары // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2012. – № 3 (11). – С. 25–31.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 334 с.

Роговской Е.О., Когай С.А., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Попов А.А., Таракановский С.П. Геоархеологические исследования на палеолитических объектах Северного Приангарья // Изв. Иркут. гос. ун-та. – 2012. – № 1 (1). – С. 203–219.

Руденко Т.А., Молотков Н.К. Геологическая карта четвертичных отложений СССР О-47(48). Новая серия. – 1 : 1000 000. – М.: ВСЕГЕИ, 1985.

Рудой А.Н. Гигантская рябь течения (история исследований, диагностика, палеогеографическое значение). – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. – 224 с.

Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 575–581.

Рыбин Е.П., Мещерин М.Н. Колпаков ручей – новый палеолитический памятник в Среднем Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 113–118.

Семинский К.Ж., Гладков А.С., Вахромеев А.Г., Черемных А.В., Бобров А.А., Когут Е.И. Разломы и сейсмичность юга Сибирской платформы: особенности проявления на разных масштабных уровнях // Литосфера. – 2008. – № 4. – С. 3–21.

Стратиграфия СССР: Четвертичная система. – М.: Недра, 1984. – Полутом 2. – 556 с.

Унифицированная региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Средней Сибири (Таймыр, Сибирская платформа): объяснит. зап. / под ред. В.С. Волковой, Б.А. Борисова, В.А. Камалетдинова. – Новосибирск: СНИИГГиМС, 2010. – 90 с.

Цакаулов Б.Г., Гузаев А.А. Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист О-47-Х: объяснит. зап. – М.: Союзгеолфонд, 1980. – 94 с.

*Материал поступил в редколлегию 01.02.13 г.,
в окончательном варианте – 07.02.13 г.*

УДК 903

Е.Л. Лычагина

Пермский государственный педагогический университет
ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия
E-mail: LychaginaE@mail.ru

РАННИЙ НЕОЛИТ ПРИКАМЬЯ

В статье подводятся итоги исследований ранненеолитических памятников Прикамья, на которых представлены две культурные традиции – камская и волго-камская, связанные с разной керамикой: первая – с орнаментированной гребенчатым штампом, вторая – с декорированной наколотыми узорами. После анализа жилищ, керамики, каменного инвентаря и хронологии данных культурных традиций делается вывод об их различном происхождении и отсутствии родственных связей. Имеющееся сходство в расположении памятников, формах жилищ, номенклатуре орудий труда объясняется одновременностью функционирования и схожестью хозяйственных занятий.

Ключевые слова: неолит, камская культура, волго-камская культура, жилища, керамика, каменный инвентарь, хронология.

Введение

В неолите Прикамья выделяют две культуры – камскую и волго-камскую. Понятие «камская неолитическая культура» было введено в науку О.Н. Бадером [1970, с. 157]. Он же предложил разделить ее на два этапа: хutorской (развитый неолит) и левшинский (поздний неолит) [Бадер, 1978]. С открытием в 1970–1980-х гг. памятников раннего неолита был добавлен еще один [Васильев, Выборнов, 1993]. В настоящее время в камской неолитической культуре выделяются три этапа: ранненеолитический, хutorской и левшинский [Лычагина, 2008, с. 63–75].

Понятие «волго-камская культура» было введено в науку А.Х. Халиковым, который разделил ее на пять этапов, последовательно сменявших друг друга [1969, с. 40–92]. К первому он относил памятники докерамического неолита, ко второму – стоянки с наколотой керамикой, на основе которой возникли комплексы с гребенчатой керамикой (третий этап). Четвертый и пятый этапы выделялись по аналогии с периодизацией камской культуры, предложенной О.Н. Бадером (хutorской и левшинский соответственно), и были связаны исключительно с памятниками с гребенчатой керамикой.

Позднее идея возникновения гребенчатой керамики на основе наколотой не нашла своего подтверждения [Третьяков, 1972; Калинина, 1979; Выборнов, 1992]. В настоящий момент под волго-камской культурой понимаются комплексы только с наколотой керамикой [Выборнов, 2008a] и выделяются два этапа – ранненеолитический и развитый [Лычагина, 2009].

Вопрос о том, какая из двух культур появилась в Прикамье раньше, до сих пор дискуссионен. Это связано как с малой изученностью ранненеолитических памятников, так и с отсутствием значительной серии радиоуглеродных дат. Поэтому назрела необходимость обобщить все имеющиеся данные по раннему неолиту региона.

Обсуждение материалов

Камская культура. К раннему неолиту могут быть отнесены стоянки Мокино, Усть-Букорок (Среднее Прикамье), Зиарат (Икско-Бельское междуречье), Усть-Шижма I, Тархан I (Камско-Вятское междуречье), Щербеть II (устье Камы). Они располагались на всхолмлениях в поймах небольших рек, впадающих в Каму

Рис. 1. Расположение основных раннеолитических памятников на территории Прикамья.

1 – Чашкинское Озеро VI; 2 – Чашкинское Озеро VIII; 3 – Лёвшино; 4 – Мокино; 5 – Усть-Букорок; 6 – Чернушка; 7 – Заборное Озеро; 8 – Зиарат; 9 – Кыйлуд II; 10 – Кыйлуд IV; 11 – Тархан I; 12 – Усть-Шижма I; 13 – Кошкинская; 14 – Худяки; 15 – Коктыш II; 16 – Щербеть II; 17 – Тетюшская IV.

а – памятники с накольчатой керамикой; *б* – с гребенчатой; *в* – со смешанной.

и Вятку (Мокино, Усть-Букорок, Тархан I), уступе второй надпойменной террасы оз. Сауз (Зиарат), первых надпойменных террасах Камы и ее притоков (Усть-Шижма I, Щербеть II) (рис. 1). Практически на всех перечисленных памятниках производились археологические раскопки, хотя часть учтенного материала относится к сборам с поверхности. Стоит отметить, что большинство коллекций не значительны, часть из них (Усть-Шижма I, Тархан I, Щербеть II) носит смешанный характер (встречается как гребенчатая, так и накольчатая керамика) [Гусенцова, 1993, с. 92–94; Наговицын, 1988б, с. 71; Третьяков, 1972, с. 48].

Жилища. Они изучены на двух памятниках – Усть-Букорок и Тархан I. На стоянке Усть-Букорок В.П. Мокрушиным исследованы остатки слабоуглубленного жилища, для сооружения которого использовалась естественная западина (рис. 2, 1). Очертания хорошо прослеживались с севера и востока. Южная и западная части жилища фиксировались нечетко. Ориентировочные размеры постройки 11×6 м. С востока отмечался коридор длиной 3 м и шириной до 0,7 м. Напротив него выявлен очаг подовальной формы, мощностью до 10 см, рядом – овальная яма глубиной до 20 см. Пол жилища был углублен в стерильный песчаный слой на 30 см. В пределах сооружения встречались изделия из кремня и мелкие фрагменты керамики [Мельничук и др., 2001, с. 158].

На поселении Тархан I изучено жилище прямоугольной формы, размером 5,7×4,5 м, углубленное в материк до 40 см, ориентированное по сторонам света (рис. 2, 2). Пол был более углублен в северной половине, где находился очаг диаметром 80 см, мощностью 45 см. Рядом с ним располагалась хозяйственная яма. Напротив очага выявлены две ямки от столбов, возможно, здесь был выход, направленный в сторону озера. У юго-восточной стенки жилища находилась большая яма с кремневыми изделиями [Гусенцова, 1993, с. 93].

Таким образом, на раннем этапе камской неолитической культуры встречаются

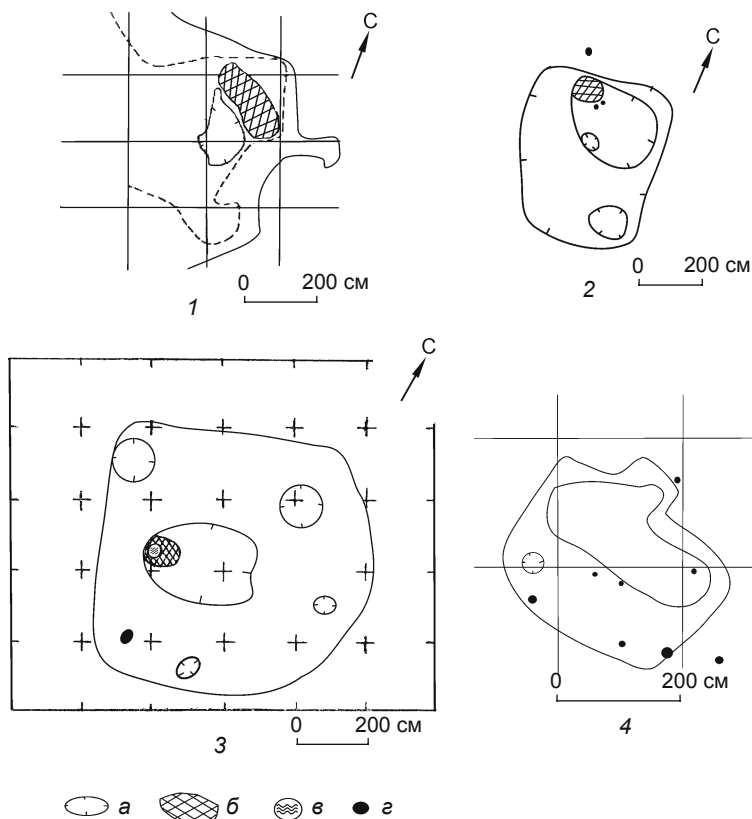
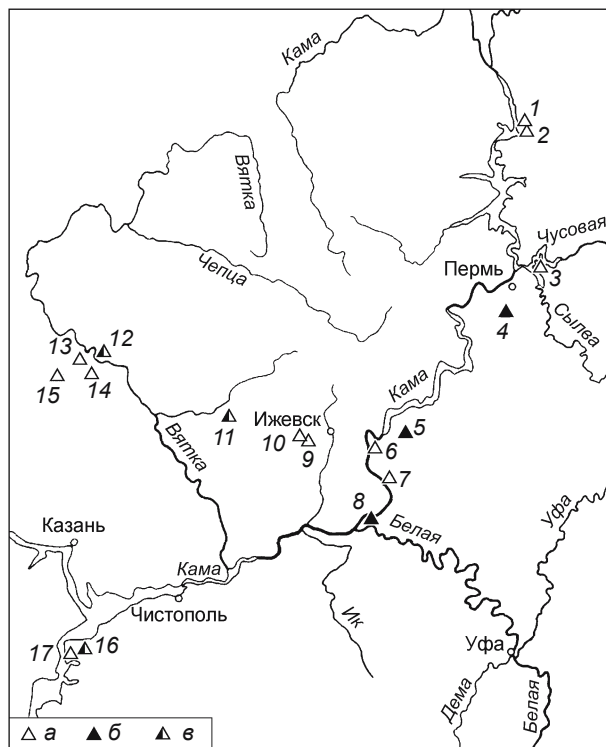

Рис. 2. Планы раннеолитических жилищ.

1 – Усть-Букорок (по: [Мельничук и др., 2001, с. 144, рис. 1, 2]); 2 – Тархан I (по: [Гусенцова, 1993, с. 228, рис. 104, 3]); 3 – Кыйлуд II (по: [Гусенцова, 1993, с. 109, рис. 29]); 4 – Коктыш II (по: [Карпова, 1983]).

а – хозяйственная яма; *б* – очаг; *в* – провал; *г* – яма от столба.

ся жилища площадью 25,5–66,0 м², подпрямоугольной формы, углубленные в материк на 30–40 см, с одним очагом, расположенным в непосредственной близости от выхода, и хозяйственными ямами. Возможно, при дальнейшем исследовании ранненеолитических памятников с гребенчатой керамикой эта характеристика будет дополнена и уточнена.

Керамика. Керамические комплексы на большинстве памятников незначительны: Усть-Букорок – 3 фрагмента, Мокино – 11, Зиарат – 70, Тархан I – 233, Усть-Шижма I – ок. 200 фрагментов. И.Н. Васильевой был проведен технологический анализ керамики со стоянки Зиарат [Васильева, Выборнов, 2012, с. 36–40]. В качестве сырья для изготовления посуды использовалась жирная ожелезненная глина. Формовочная масса состояла из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1 : 1, 1 : 2, 1 : 3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использования крупной фракции шамота (менее 3–5 мм) составляла 70 %. Проведение в дальнейшем технологического анализа керамики с других ранненеолитических памятников (Мокино, Тархан I, Усть-Шижма I) покажет, насколько данные, полученные по материалам стоянки Зиарат, можно распространять на весь регион. Пока же можно констатировать, что вся ранненеолитическая гребенчатая керамика изготовлена из глин со значительной примесью шамота.

Поверхности всех сосудов заглажены мягким предметом, средняя толщина стенок 0,9–1,0 см. Торцы венчиков либо округлый, либо скошенный. Незначительный наплыв зафиксирован только на венчике со стоянки Мокино (рис. 3, 12) [Мельничук и др., 2001, с. 160, рис. 14, 3]. К сожалению, небольшие размеры коллекций не позволили полностью реконструировать ни один сосуд. Однако на основании имеющихся верхних и нижних частей сосудов можно предполо-

жить, что это были емкости полуяйцевидной формы с прямым или чуть прикрытым горлом.

Орнамент выполнен мелко- и среднезубчатыми длинными штампами с ограниченным применением овального короткого, в основном для разделения орнаментальных зон [Выборнов, Крижевская, 1988, с. 73, рис. 1, 1–18; Выборнов, 1992, с. 98, рис. 13, 1–7; Третьяков, 1972, с. 51, рис. 13, 7, 9–12]. Преобладают ряды наклонных оттисков, вертикальный зигзаг, ряды длинных отпечатков, разделенные короткими оттисками (рис. 3). На стоянках Усть-Шижма I и Тархан I зафиксировано по одному случаю использования тонкой «шагающей гребенки» [Наговицын, 1986; Гусенцова, 1993, с. 140, рис. 60, 4]. На памятниках Усть-Шижма I и Мокино обнаружены черепки сосудов, орнаментированных только рядами неглубоких ямок (рис. 3, 14) [Наговицын, 1988а, рис. 9, 8; Мельничук и др., 2001, с. 160, рис. 14, 6]. На восьми фрагментах керамики со стоянки Зиарат имеются ногтевидные насечки [Выборнов, Крижевская, 1988, с. 74] (рис. 3, 4, 5). На памятнике Усть-Шижма I обнаружены два черепка сосудов, орнаментированных вертикальными рядами косых оттисков гребенчатого штампа.

Таким образом, к особенностям ранненеолитического комплекса можно отнести редкое использование напыла при конструировании венчиков, широкое применение в орнаментации посуды длинного штампа и редкое – «шагающей гребенки».

Каменный инвентарь. На всех памятниках он значительно более многочисленный, чем керамика (Усть-Букорок – 192 экз., Мокино – 149, Зиарат – 163, Тархан I – 1 775 экз.).

В качестве сырья использовался кремний в виде галечника и плиток. Индустрия пластинчато-отщеповая с преобладанием орудий на узких и средних пластинах [Выборнов, Крижевская, 1988, с. 73, рис. 1,

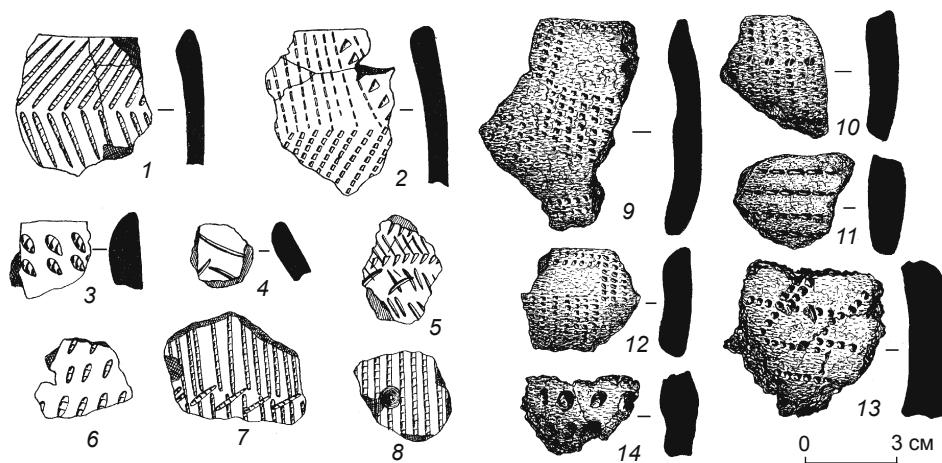

Рис. 3. Ранненеолитическая керамика камской культуры. 1–8 – Зиарат (по: [Выборнов, 1992, с. 98, рис. 13]); 9–14 – Мокино (по: [Мельничук и др., 2001, с. 160, рис. 14]).

19–29; Выборнов, 1992, с. 98, рис. 13, 9–18; Гусенцова, 1993, с. 141, рис. 61; Мельничук и др., 2001, с. 154–155, рис. 11, 12; с. 159, рис. 13]. Нуклеусы параллельного принципа скалывания – призматические, конические вплоть до карандашевидных (рис. 4, 22, 23). Основные категории орудийного набора: пластины и сечения с ретушью (рис. 4, 1–6), концевые скребки (рис. 4, 7–10), угловые резцы (рис. 4, 13–16), острия на пластинах. В то же время выделяется группа орудий с бифасиальной обработкой, изготовленных из плиток кремня, – ножи, наконечники стрел (рис. 4, 17–21). Также встречаются шлифованные изделия – топоры, тесла.

Индустрия имеет как мезолитические (широкое использование пластин с краевой ретушью, концевые скребки на пластинах, угловые резцы), так и неолитические (орудия с бифасиальной обработкой на плитке) черты. Аналогичная индустрия фиксируется на памятниках позднего мезолита Прикамья (Усть-Половинное, Шабуничи, Голый Мыс, Усть-Мечкар [Мельничук и др., 2001, с. 143–153, рис. 2–10]). Все это может свидетельствовать в пользу предположения о том, что сложение камской неолитической культуры происходило на основе местной позднемезолитической.

Хронология. На сегодняшний день по фрагментам керамики получены радиоуглеродные даты для трех памятников – Зиарат, Тархан I, Усть-Шижма I [Выборнов, 2008а, с. 243, 246; Выборнов, Гусенцова, Ковалюх и др., 2008, с. 91–92]. На основании этих данных ранний этап камской неолитической культуры может быть датирован в пределах второй половины VI – первой половины V тыс. до н.э. (табл. 1). Перед исследователями стоит задача продолжения датирования ранне неолитических памятников, в т.ч. и с использованием AMS-метода.

Волго-камская культура. Круг памятников, которые могут быть отнесены к раннему этапу традиции

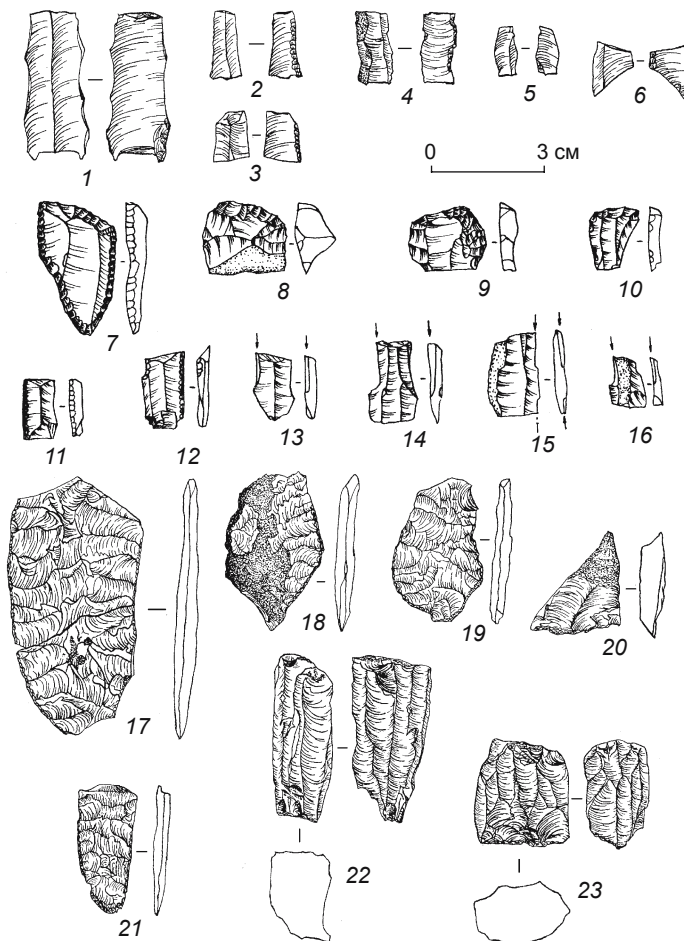

Рис. 4. Кремневый инвентарь ранне неолитических памятников камской культуры.

1–6 – Усть-Букорок; 7–16 – Зиарат; 17–23 – Мокино.

1–6, 17–23 – по: [Мельничук и др., 2001, с. 155, рис. 12; с. 159, рис. 13]; 7–16 – по: [Выборнов, 1992, с. 98, рис. 13].

накольчатой орнаментации керамики в Прикамье, значительно шире, чем ранне неолитических объектов с гребенчатой керамикой. Это стоянки Чашкинское Озеро VI и VIII (ранний комплекс), Лёвшино, Чернушка, Заборное Озеро I (Верхнее и Среднее Прикамье),

Таблица 1. Радиоуглеродные даты, полученные для памятников раннего этапа камской неолитической культуры (гребенчатая керамика) в Прикамье*

Памятник	Индекс лаборатории**	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванные значения, лет до н.э.	
			1σ	2σ
Зиарат	Ki-15087	6 110 ± 80	5 210–5 170	5 280–4 800
Зиарат	Ki-15061	6 070 ± 80	5 070–4 840	5 300–4 700
Усть-Шижма I	Ki-14435	6 020 ± 90	4 810–4 590	4 940–4 490
Тархан I	Ki-14433	6 280 ± 90	5 360–5 200	5 470–4 990

*Составлено по: [Выборнов, 2008а, с. 243, 246].

**Ki – радиоуглеродная лаборатория Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (г. Киев).

Кошкинская, Кыйлуд II и IV, Тархан I, Коктыш II, Худяки, Усть-Шижма I (Камско-Вятское междуречье), Тетюшская IV, Щербеть II (устье Камы) (см. рис. 1). На всех, за исключением IV Тетюшской, были проведены раскопки площадью не менее 200 м². Памятники располагались на всхолмлениях в поймах небольших рек, впадающих в Вятку (Коктыш II, Тархан I, Кошкинская), первой надпойменной террасе Камы и ее притоков (Чашкинское Озеро I и VIII, Заборное Озеро I, Кыйлуд II и IV, Усть-Шижма I, Чернушка, Щербеть II, Тетюшская IV), второй надпойменной террасе р. Чусовой (Лёвшино). Серьезных различий в расположении стоянок, на которых представлены накольчатая и гребенчатая орнаментальные традиции, не выявлено. Косвенно это подтверждается наличием памятников, где фиксируется одновременное залегание ранней накольчатой и ранней гребенчатой керамики (Усть-Шижма I, Тархан I, Щербеть II).

Жилища. Те, которые достоверно можно соотнести с ранним этапом накольчатой традиции, были изучены на стоянках Кыйлуд II и Коктыш II. На первой зафиксировано сооружение подквадратной формы с закругленными углами, размером 7,5×7,5 м, углубленное в материк на 15–20 см и ориентированное по линии СВ–ЮЗ (см. рис. 2, 3). В центре жилища находилось овальное гумусированное пятно (305×215 см), фиксировавшее понижение культурного слоя. Оно углублялось в материк по сравнению с полом жилища на 21 см. В юго-западной половине понижения располагалась очажная яма диаметром 90 см, глубиной 28 см, прокаленное заполнение мощностью до 15 см содержало обильные углестые включения, а также фрагменты керамики. Четыре небольшие хозяйственные ямы диаметром 50–100 см, глубиной 18–41 см находились вдоль стенок сооружения. В южной части постройки зафиксированы следы одной ямки от столба. Большинство находок обнаружено на полу жилища и в ямах [Гусенцова, 1993, с. 82].

На стоянке Коктыш II было исследовано жилище прямоугольной формы, размером 5,0×4,5 м, углубленное в подстилающий песок на 15–43 см и ориентированное по линии СВ–ЮЗ (см. рис. 2, 4). У северо-восточной стенки обнаружен выступ (выход?) размером 132×75 см. В этой половине сооружения зафиксировано углубление пола неправильно-овальной формы, размером 4,2×2,5 м, заполненное темно-серой супесью с включениями угля [Там же, с. 107]. В юго-западной части постройки находилась округлая хозяйственная яма диаметром 30 см. Вдоль стенок жилища, а также в его центральной части зафиксированы следы семи ямок от столбов [Карпова, 1983]. Очаг не обнаружен, что наряду со слабой насыщенностью заполнения постройки находками может свидетельствовать о кратковременном использовании данного объекта.

Таким образом, на раннем этапе волго-камской культуры встречаются подквадратные и подпрямо-

угольные жилища площадью 22,5–56,5 м², углубленные в материк на 15–40 см, с одним очагом или без него. В заполнении сооружений фиксируются развалы сосудов и скопления орудий труда. По форме, структуре и заполнению жилища раннего этапа волго-камской и камской культур практически не различаются. Для выделения характерных черт этих построек и их сравнения необходимо расширение источниковой базы.

Керамика. Коллекции керамики значительно меньше, чем каменного инвентаря, однако более представительны, нежели раннеолитические гребенчатые комплексы (Чашкинское Озеро VIII – 320 фрагментов, Чашкинское Озеро VI – ок. 500, Лёвшино – 1 200, Чернушка – 90, Заборное Озеро I – ок. 500, Кыйлуд II – 360, Тархан I – 14, Коктыш II – 7, Кошкинская – 250, Усть-Шижма I – ок. 600, Щербеть II – 869, Тетюшская IV – 469 фрагментов). И.Н. Васильевой был проведен технологический анализ керамики со стоянок Заборное Озеро I, Чашкинское Озеро VI и VIII [Васильева, Выборнов, 2012, с. 41–44]. Он показал, что для изготовления посуды использовались глины (62,5 %) и илестые глины (37,5 %). В обоих случаях предпочтение отдавалось «тощему» сырью (соответственно 67 и 60 %). Дробление илестых глин в сухом виде не отмечено, в то время как для глин этот прием зафиксирован (33 %). Формовочные массы слабодекорированной и неорнаментированной керамики имели отличия от таковых гребенчатого комплекса: доля рецептов с большим содержанием шамота составляла всего 42 % (ср.: Зиарат – 100 %), а с шамотом в концентрации 1 : 4 и 1 : 5 – 58 %. При этом использовалась преимущественно крупная фракция (размером менее 3–5 мм) – 83 %. По мнению исследователей стоянок Кошкинская и Щербеть II, технологический анализ керамических комплексов которых не проводился [Гусенцова, 2000, с. 308; Халиков, 1969, с. 52], в формовочной массе встречается органическая примесь.

Поверхности всех сосудов заглажены мягким предметом, иногда подлощены, средняя толщина стенок 0,6–0,8 см. Для большинства сосудов характерны прямые шейки, уплощенные или округлые торцы венчиков. Последние иногда украшались насечками или налестами, под ними нередко наносились сквозные проколы. Днища плоские. Орнамент разреженный, часто располагался только по венчику или в верхней трети сосуда. В орнаментации преобладали ряды «отступающей палочки» с овальными, треугольными и пунктирными оттисками (рис. 5). Сложные узоры и полное заполнение орнаментального поля практически не встречались [Габышев, 1976, с. 43, рис. 4; 2003, с. 165, рис. 21–22; Гусенцова, 1993, с. 110, рис. 30; с. 122, рис. 42; 2000, с. 309, рис. 3; Лычагина, 2009, с. 155, рис. 1; Мокрушин, Лычагина, 2003, с. 35, рис. 3, 1–6; Халиков, 1969, с. 55, рис. 13, 1–3, 6–9, 11, 12, 16].

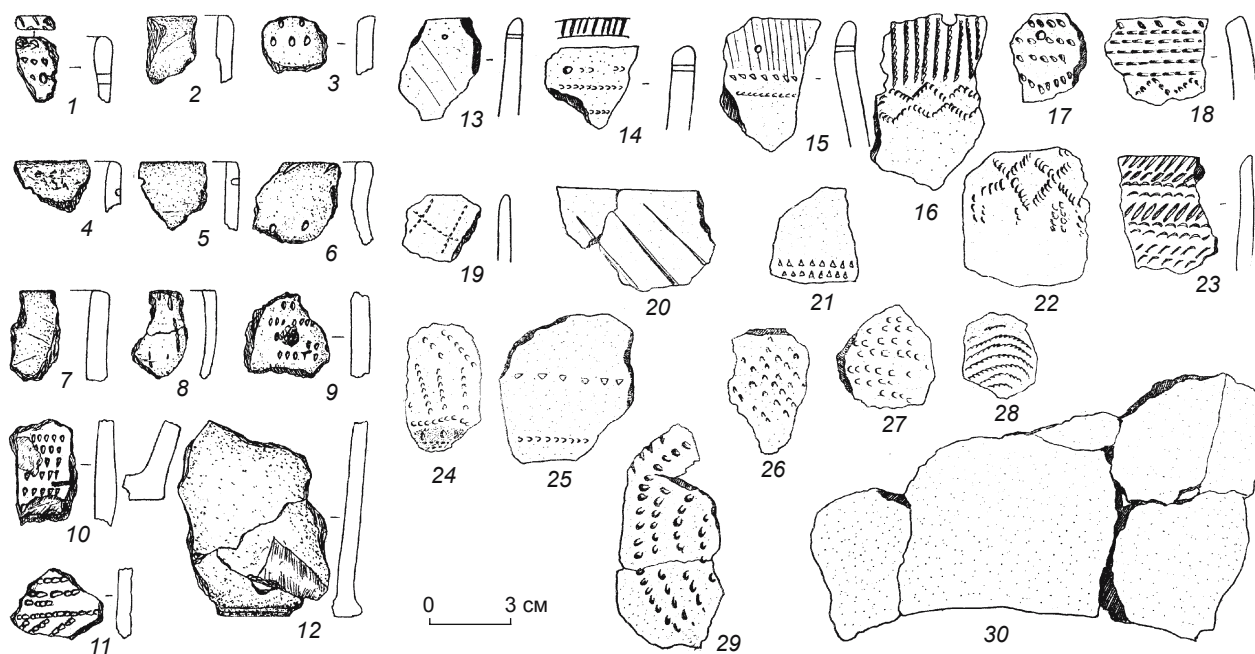

Рис. 5. Раннеолитическая керамика волго-камской культуры.

1–12 – Кошкино (по: [Гусенцова, 2000, с. 309, рис. 3]); 13–30 – Кыйлуд II (по: [Гусенцова, 1993, с. 110, рис. 30]).

Сравнение раннеолитической накольчатой керамики с гребенчатой показывает большее разнообразие в отборе исходного пластического сырья и составе формовочных масс. Это может объясняться как разными источниками формирования традиции, так и лучшей изученностью данного комплекса. Возможно, при дальнейшем изучении ранней гребенчатой керамики она также окажется более разнообразной. В то же время необходимо отметить, что порядка 1/3 накольчатой керамики полностью повторяет состав исходного пластического сырья и формовочных масс гребенчатой керамики. Значительные различия между сравниваемыми комплексами наблюдаются по толщине стенок (гребенчатая керамика – более 0,8 см, накольчатая – менее 0,8 см), форме сосудов (соответственно полуяйцевидные и плоскодонные баночной формы), способу орнаментации (гребенчатый штамп и наколы).

Каменный инвентарь. На большинстве памятников он значительно более многочисленный, чем керамика (Чашкинское Озеро VIII – 455 экз., Лёвшино – 767, Чернушка – 908, Кыйлуд II – 374, Коктыш II – 48, Кошкинская – 4 500, Щербеть II – 2 223 экз.). Для изготовления орудий использовался в основном серый кремль различных оттенков. Индустрия отщепово-пластинчатая (на большинстве памятников фиксируется незначительное преобладание орудий на отщепах) с широким применением краевой односторонней ретуши (двусторонняя обработка и техника шлифования использовались эпизодически). Основные категории орудий: пластины с ретушью или следами использования (рис. 6, 8–16), скребки на ши-

роких пластинах и отщепах, в т.ч. около половины из них концевые (рис. 6, 17–29), однолезвийные ножи на крупных пластинах и отщепах (рис. 6, 6), наконечники стрел на пластинах (рис. 6, 1), угловые резцы (рис. 6, 5, 7), проколки и сверла на пластинах и отщепах с

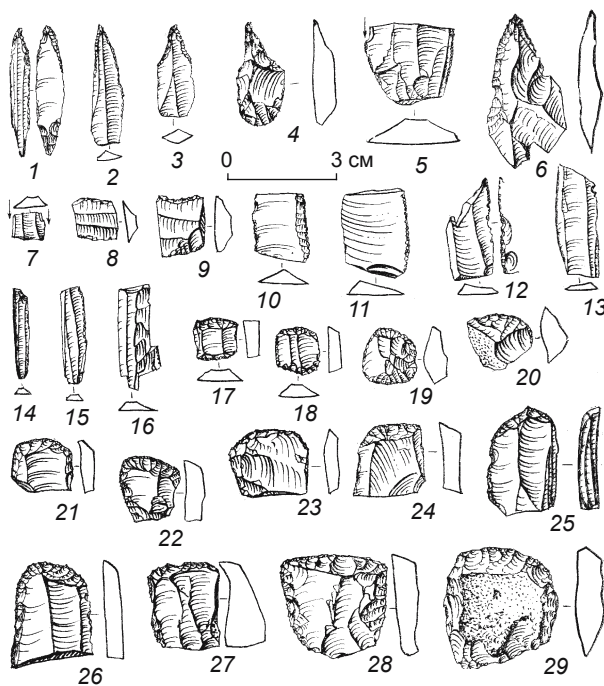

Рис. 6. Кремневый инвентарь с раннеолитического памятника волго-камской культуры Кыйлуд II (по: [Гусенцова, 1993, с. 111, рис. 31]).

симметричным лезвием или рабочим концом (рис. 6, 2–4) [Габышев, 1976, с. 38, рис. 2; 2003, с. 159–161, рис. 15–17; Гусенцова, 1993, с. 111–112, рис. 31–32; с. 176, рис. 97; 2000, с. 309, рис. 4; Мокрушин, Лычагина, 2003, с. 35, рис. 3, 7–17; Халиков, 1969, с. 57, рис. 14, 1–14, 16, 19–21, 24, 27–29, 31, 33].

Сравнение каменного инвентаря раннеолитических памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой показало их близость по технике расщепления, номенклатуре орудий труда, сходство некоторых форм последних (концевые и подокруглые скребки, угловые резцы и др.). В то же время выявлен ряд отличий. На стоянках с гребенчатой керамикой отмечено широкое использование плиток кремня и бифасиальной обработки. На этих стоянках средние размеры орудий меньше, чем на памятниках с накольчатой керамикой. В частности, для первых характерны пластины шириной до 1 см, а для вторых – 1,0–1,5 см. Различия также касаются некоторых основных форм орудий, в первую очередь, наконечников стрел (на памятниках волго-камской культуры это орудия на пластинах с частичной краевой ретушью, а на камских – на отщепах с бифасиальной обработкой). Отмеченное выше сходство может быть связано с хронологической близостью комплексов и (или) схожестью хозяйственных занятий, а различия имеют культуроопределяющее значение.

Хронология. На сегодняшний день восемь памятников данной группы имеют 15 радиоуглеродных дат [Выборнов, 2008а, с. 243, 246–247; 2008б, с. 19–20; Выборнов, Габышев, Галимова и др., 2008, с. 44–45; Лычагина, 2011, с. 30]. Однако только две из них получены по углю, остальные – по керамике. В то же время необходимо отметить, что даты, определенные по углю и керамике, не противоречат друг другу. На основании этих данных ранний этап волго-камской культуры может быть датирован в пределах середины VI – начала V тыс. до н.э. (табл. 2).

Таким образом, традиции накольчатой и гребенчатой орнаментации керамики существовали одновременно. В то же время даты для памятников волго-камской культуры в среднем несколько более ранние. Но это не может служить достаточным аргументом в пользу большей древности накольчатой керамики на территории региона, т.к. раннеолитические стоянки камской культуры изучены намного хуже и количество дат для них не достаточно. О большей древности гребенчатой керамики свидетельствуют даты, полученные для керамики камского типа на стоянке Пезмог IV на территории Европейского Северо-Востока [Карманов, 2003, с. 49]. Помочь в решении этого вопроса может AMS-датирование эталонных раннеолитических памятников региона.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты, полученные для памятников раннего этапа волго-камской культуры (накольчатая керамика) в Прикамье

Памятник	Индекс лаборатории*	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванные значения, лет до н.э.		Источник
			1σ	2σ	
Чашкинское Озеро VI	ГИН-13276	6 230 ± 160	5 370–4 990	5 500–4 750	[Лычагина, 2011, с. 30]
Чашкинское Озеро VIII	Ki-15095	6 310 ± 90	5 380–5 200	5 480–5 050	[Выборнов, 2008а, с. 247]
Чашкинское Озеро VIII	Ki-14537	5 770 ± 90	4 720–4 500	4 810–4 440	[Там же]
Кыйлуд II	Ki-14434	6 410 ± 80	5 480–5 310	5 530–5 210	[Там же, с. 246]
Кошкинская	Ki-14576	6 260 ± 90	5 320–5 200	5 500–4 950	[Там же]
»	Ki-14577	6 110 ± 90	5 100–4 900	5 300–4 800	»
»	Ki-14913	6 480 ± 90	5 520–5 320	5 620–5 290	»
»	Ле-5549	6 160 ± 100	5 270–4 960	5 270–4 840	[Гусенцова, 2000, с. 308]
Усть-Шижма I	Ki-14436	6 130 ± 100	5 150–4 920	5 310–4 800	[Выборнов, 2008а, с. 246]
Щербеть II	Ki-14530	6 090 ± 90	5 080–4 900	5 260–4 780	[Там же, с. 243]
»	Ki-14098	6 530 ± 90	5 560–5 460	5 630–5 320	[Там же]
»	Ki-14134	6 620 ± 90	5 620–5 480	5 720–5 460	»
»	Ki-14531	6 270 ± 90	5 340–5 200	5 500–4 950	»
Тетюшская IV	Ki-14452	6 170 ± 90	5 260–4 990	5 320–4 900	»
Заборное Озеро I	Ki-16859	5 970 ± 80	4 950–4 770	5 100–4 600	[Там же, с. 246]

*Ki – радиоуглеродная лаборатория Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (г. Киев); ГИН – лаборатория геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (г. Москва); Ле – лаборатория археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург).

Заключение

Проведенный анализ показал недостаточность источниковой базы для решения основных вопросов, связанных с неолитизацией региона. В то же время можно сделать некоторые предварительные выводы. Отмеченное сходство в расположении стоянок, формах жилищ, составе формовочной массы части керамики, номенклатуре каменных орудий труда может быть связано с хронологической близостью (одновременностью) памятников двух культурных традиций, схожей хозяйственной деятельностью населения, контактами и взаимовлиянием. А выявленные различия в изготовлении посуды, способах вторичной обработки кремня имеют культуруопределяющее значение и свидетельствуют о том, что эти культуры не являются родственными.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171.
- Бадер О.Н.** Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. – 1978. – № 153. – С. 72–74.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.** Некоторые итоги изучения неолита Волго-Камья // XII Уральское археологическое совещание: тез. докл. – Екатеринбург, 1993. – С. 20–21.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.** К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – 2012. – Вып. 8. – С. 33–50.
- Выборнов А.А.** Неолит Прикамья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ин-та, 1992. – 148 с.
- Выборнов А.А.** Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008а. – 490 с.
- Выборнов А.А.** Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008б. – № 4. – С. 15–24.
- Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.** Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2008. – Вып. 2. – С. 36–45.
- Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В.** К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2008. – С. 88–94.
- Выборнов А.А., Крижевская Л.Я.** Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая // КСИА. – 1988. – № 193. – С. 72–74.
- Габяшев Р.С.** Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ Казан. фил. АН СССР, 1976. – С. 35–46.
- Габяшев Р.С.** Население Нижнего Прикамья в III–V тыс. до н.э. – Казань: ФЭН, 2003. – 224 с.
- Гусенцова Т.М.** Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1993. – 230 с.
- Гусенцова Т.М.** Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки // Тверской археологический сборник. – 2000. – Вып. 4, т. 1. – С. 306–310.
- Калинина И.В.** Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. – 1979. – № 20. – С. 5–27.
- Карманов В.Н.** Памятники камского гребенчатого неолита на европейском Северо-Востоке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: тез. докл. – Пермь, 2003. – С. 49–50.
- Карпова Н.П.** Отчет об исследованиях в Арбажском и Свечинском районах Кировской области, проведенных летом 1982 г. Ижевск, 1983 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8974.
- Лычагина Е.Л.** Каменный век Пермского Предуралья. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. – 118 с.
- Лычагина Е.Л.** О двух хронологических группах накольчатой керамики на территории Пермского Предуралья // Тверской археологический сборник. – 2009. – Вып. 7. – С. 154–158.
- Лычагина Е.Л.** О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 28–33.
- Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л.** Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. – С. 142–161.
- Мокрушин В.П., Лычагина Е.Л.** Новые исследования поселения Чернушка // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – 2003. – Вып. 3. – С. 31–40.
- Наговицын Л.А.** Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1985 г. Устинов, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1. № 10943.
- Наговицын Л.А.** Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1987 г. Ижевск, 1988а // Архив ИА РАН. Р-1. № 12759.
- Наговицын Л.А.** Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. – Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ Урал. отд-ния АН СССР, 1988б. – С. 67–77.
- Третяков В.П.** Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. – 1972. – № 131. – С. 46–52.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

*Материал поступил в редколлегию 25.06.12 г.,
в окончательном варианте – 10.06.13 г.*

УДК 903

И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, г. Тюмень, 625003, Россия
E-mail: i.usachova@gmail.com

«УТЮЖКИ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ ФУНКЦИИ

В статье по совокупности данных комплексного анализа (ландшафтной и топографической приуроченности памятников, набора сырьевых и метрических стандартов, трасологических и этнографических данных, контекстуальной специфики и т.п.) обосновывается реконструкция функционального назначения «утюжков». Согласно этой гипотезе, желобчатые изделия с пазом определенного диаметра, выполненные из огнеупорных неабразивных материалов, являются специализированными инструментами для изготовления (выпрямление) тростниковых древков стрел и дротиков с применением в работе нагревания.

Ключевые слова: «утюжки», поперечно-желобчатые изделия, «човники», «челноки», «праски», выпрямители тростниковых древков стрел, огнеупорные породы, технологическая инновация.

Введение

«Утюжками»^{*} принято называть уникальные поликультурные артефакты, представляющие собой небольшие (3–23 см, чаще 6–12 см) разнообразные по форме, качеству обработки, декору предметы из камня или глины с поперечным желобком определенного (0,7–1,7 см) диаметра (рис. 1). Они фиксируются в материалах не менее 60 культур и культурных типов от мезолита/протонеолита до эпохи бронзы (X–IX – первая треть II тыс. до н.э.). Территория распространения «утюжков» обширна и включает Ближний Восток, северо-восточное и южное побережье Африки, степные, лесостепные и полупустынные пространства Северо-Восточной Европы и Азии от Молдавии до Монго-

лии (рис. 2). Максимальные концентрации отмечены в Украине, на Урале и Ближнем Востоке. Прослеживается выраженное тяготение находок к памятникам, расположенным у мелководных участков рек и озер, особенно вблизи мест, где плесы переходят в переймы и пороги. Чаще всего поперечно-желобчатые изделия (ПЖИ)^{*} встречаются на памятниках поселенческого типа, хотя известны также в погребениях и ритуальных комплексах.

Критический обзор существующих гипотез функционального назначения «утюжков» показал, что ни одна из них не способна в полной мере объяснить феномен поликультурности изделий и происхождение повсеместно наблюдаемых однотипных следов сработанности в желобке [Усачева, 2012]. Требовались новые данные, а главное, новые исследовательские подходы, способные отнестись к ПЖИ как явлению с присущей ему причинной обусловленностью и динамикой.

^{*}В литературе встречаются также названия «выпрямилки», «гладилки», «шлифовальники», «выпрямители древков стрел», «праски» (укр.), «човники» («челноки») (укр.). В западной литературе используются наименования описательного или функционально-ориентированного плана: «grooved stones», «pierres à rainures» («камни с желобком»), «shaft-straighteners» («выпрямители древков»), «polissoirs», «poliroval'niki» («полировальники»), «polissoirs à rainures» («полировальники с желобком»).

^{*}Синоним «утюжков», описывающий их через ведущий морфологический признак. Предлагаемый термин универсален для всех территорий, что позволяет преодолеть региональный характер, а порой и многозначность большинства локальных наименований данного артефакта.

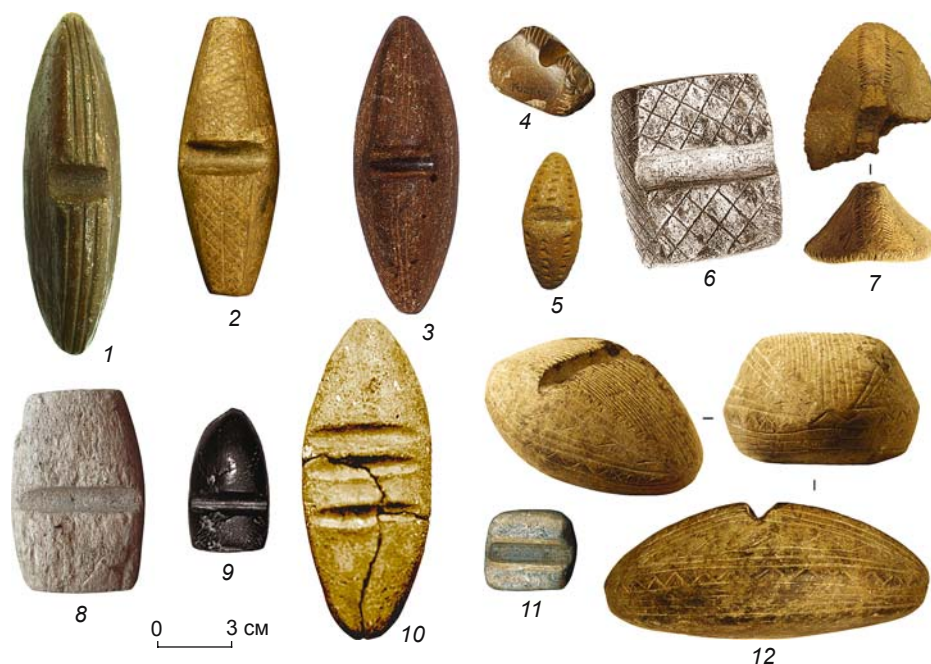

Рис. 1. «Утюжки».

1 – Кокшаровский холм, Урал; 2 – Каргополье, Зауралье; 3 – Скворцовская гора-5, Урал; 4 – Серебрянка-1, Зауралье; 5 – Палатки I, Урал; 6 – Перевозный III, Урал; 7, 12 – Андреевская-1, Зауралье; 8 – Нязепетровская-2, Урал; 9 – Усть-Иша, Алтай; 10 – Коптяки-9, Урал; 11 – Русско-Шуганский могильник, Центральная Россия.

1, 5, 7, 10 – глина; 2–4, 6, 8–9, 11, 12 – камень.

1–5, 7, 8, 10, 12 – фото автора; 6 – фото В.Т. Петрина; 9 – фото Б.Х. Кадикова; 11 – фото М.Ш. Галимовой.

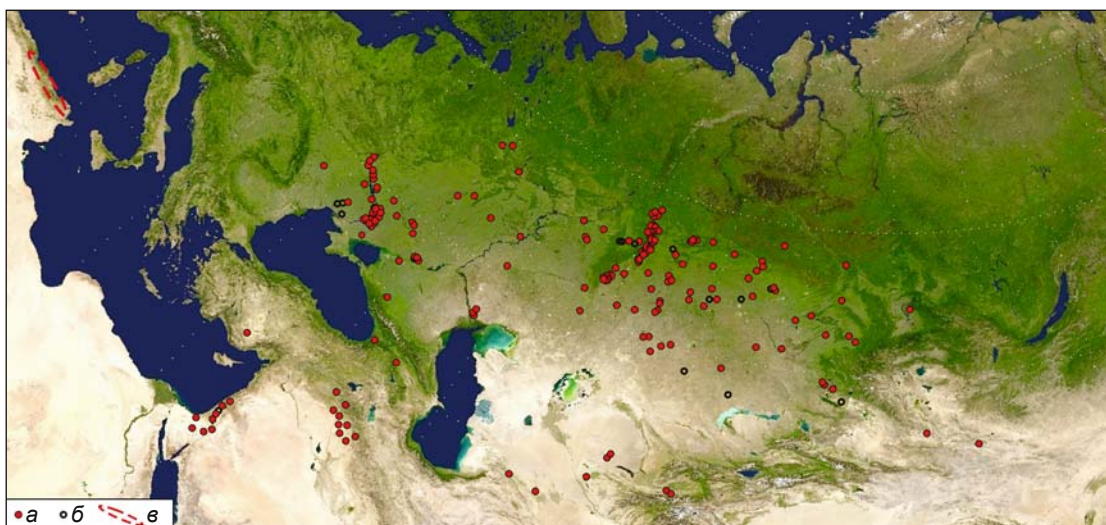

Рис. 2. Карта-схема распространения «утюжков».

а – памятники с «утюжками»; б – точное место обнаружения «утюжка» не известно; в – ареал памятников с «утюжками», упоминаемых в литературе без указания точного места расположения.

Фактические данные

Комплексный источниковедческий анализ значительной коллекции «утюжков» (446 экз.), включивший помимо развернутого предметного анализа ПЖИ характеристику природно-экономического контекста находок и дополненный картографированием по хро-

носрезам [Усачева, 2013], позволил установить ряд интересных фактов.

1. «Утюжки» появились на разных территориях Евразии не конвергентно, а распространились из одного-двух центров, расположенных на Ближнем Востоке.

2. Их появление совпадает по времени с периодом глобальных природно-климатических изменений ру-

бежа плейстоцена и голоцена и предположительно стимулировано этим обстоятельством через кризис традиционного природопользования. Сравнительный анализ динамики ареала ПЖИ и значимых экологических кризисов в зоне их бытования показал, что и в другие эпохи распространение «утюжков» было в значительной мере обусловлено данным фактором.

3. Палеогеографические характеристики памятников с «утюжками» демонстрируют выраженное тяготение к ландшафтам открытого типа (степи, лесостепи, полупустыни и т.п.), очевидно наиболее оптимальным для функционирования ПЖИ. Находки в ином природном контексте единичны. Некоторое исключение, на первый взгляд, представляет Средний Урал, где «утюжки» отмечены на озерных массивах горно-лесной зоны восточного склона. Однако новейшие палинологические и стратиграфические данные склоняют к тому, что палеоландшафты местности распространения ПЖИ скорее недостаточно изучены, нежели противоречат правилу [Панова, Антипина, 2007; Зарецкая, Успенская, 2007; Зарецкая, 2010].

4. Традиция изготовления «утюжков» зародилась в недрах экономики присваивающего типа. И в дальнейшем на всех этапах своего существования они оставались принадлежностью коллективов, у которых были приоритетны рыболовство, охота и собирательство первоначально в рамках присваивающей экономики, позднее – в составе ранних комплексных форм хозяйства. Из 60 культур и культурных типов, где зафиксированы «утюжки», только четыре характеризуются относительно развитым производящим хозяйством. Причем ПЖИ этих последних либо единичны (джейтунская и шулавер-шомутепинская культуры), либо обнаружены в сакральном контексте (майкопская, архаизмы кург. 31, в урочище Клады; ритуальный комплекс поселения Константиновское) [Усачева, 2005, с. 19–20]. Более того, было установлено, что именно распространение производящей экономики в ландшафтной нише «утюжков» явилось причиной их исчезновения.

5. Выявлено существование определенного набора стандартов, которого на протяжении восьми тысячелетий (X – II тыс. до н.э.) придерживались все изготовители ПЖИ. Регламентировались сырье, диаметр желобка и отчасти размеры «утюжка». Морфология предметов, так же как и декор, судя по большой вариативности форм, стандартизации не подвергалась. В сырье оказались приоритетны мягкие неабразивные породы: тальковый, тальк-карбонатный, тальк-хлоритовый сланцы, хлорит, стеатит и т.д. (свыше 76 %, хотя, скорее всего, указанный процент сильно занижен). Помимо мягкости они обладают еще рядом общих свойств, в частности, огнеупорностью в сопряжении с термостойкостью и теплоемкостью [Шеков, Мясникова, Иванов, 2010, с. 171–172; Тальк]. Имеется немало

фактов, указывающих на то, что эта особенность данных пород была хорошо известна древним народам и целенаправленно ими использовалась (см., напр.: [Семенов, 1968, с. 30]). То же качество присуще обожженной глине, из которой изготовлена часть «утюжков».

6. Установлено, что следы сработанности в желобках на изделиях со всех территорий однотипны, тогда как на других поверхностях они спорадичны и специфичны для разных регионов. Наиболее массовыми являются тонкие продольные линейные следы и отдельные поперечные риски в желобках, свидетельствующие об обработке в них тонких округлых предметов (типа древков стрел и дротиков [Крижевская, 1968, с. 69; Коробкова, 1963, с. 217; и др.]) из мягких эластичных материалов [Алексашенко, 2004, с. 248], но не кости или дерева (как показал эксперимент, дерево оставляет другие следы). Достаточно часто отмечается заполировка с темным «углистым» оттенком, иногда трещиноватость. Кинематика движений реконструируется как возвратно-поступательная (продольные линейные следы) и вращательная (поперечные риски) [Коробкова, 1963, с. 217; Алексашенко, 2004, с. 248–249].

7. Отмечена массовая фрагментация изделий (ок. 55 %) без следов механического воздействия (удара)*. Рваный характер излома при выраженной мягкости исходного минерального сырья, которое хорошо отзывается на распиловку и абразивную обработку [Алексашенко, 2004, с. 245–247], но мало пригодно к ударному воздействию, может расцениваться как прямое свидетельство в пользу термического характера раскалывания «утюжков». О том, что камни могли подвергаться действию огня, говорят условия нахождения отдельных предметов (Зуух-7, Монголия – «утюжок» залегал *in situ* в кострище [Fairservis, 1993, р. 41]; Роза Ветров-2, Зауралье – тот же контекст (устное сообщение А.А. Ткачева) и т.д.). Ранее уже высказывалась мысль о возможной связи с высокотемпературным воздействием таких показателей, как «углистый» оттенок заполировки желобков, присутствие мельчайших углистых включений в микрорельефе поверхности, трещиноватость и следы корочки обжига [Алексашенко, 2004, с. 248–251]. Наконец, об этом прямо свидетельствуют результаты рентгеновского дифрактометрического и петрографического анализов, выполненных в лаборатории Саклера Колумбийского университета, где были обследованы два ближневосточных образца. Оба анализа показали наличие следов сильного разогрева [Drew, 1970].

*Целенаправленный поиск таких следов дал отрицательный результат. Исключение составляют только преднамеренно испорченные «утюжки» из погребений последнего периода их бытования (могильники Боровянка-17, Усть-Иша).

Обсуждение фактов и обоснование реконструкции функционального назначения «утюжков»

Вывод, следующий из вышеизложенных наблюдений, представляется достаточно однозначным: «утюжки» изначально имели утилитарную функцию. На это прямо указывают жестко заданный набор сырьевых, метрических и палеогеографических стандартов, а также экологический и экономический фон времени появления ПЖИ. В совокупности с феноменом поликультурности отмеченные факты автоматически исключают из области применения чисто сакральную и/или социальную сферы, кроме, быть может, последнего периода существования. Условия появления и широкое распространение в однотипных ландшафтах позволяют рассматривать «утюжки» как некую новацию, которая, будучи стимулирована экологическим кризисом рубежа плейстоцена и голоцена, сохраняла свое значение, как минимум, до III тыс. до н.э. О ее значимости в системе жизнеобеспечения обществ с присваивающей экономикой свидетельствуют территориально-хронологические рамки находок. По мере перехода носителей культур данной природной ниши к прогрессивным формам хозяйствования потребность в этой функции постепенно сошла на нет и исчезла.

Наиболее непротиворечиво объединить вышеизложенные наблюдения – особенности палеогеографии находок (избирательность ландшафтно-топографического окружения), петрографические характеристики (преобладание огнеупорных видов сырья), трасологические данные (однотипность следов сработанности в желобке и их специфические черты), характер разрушений (термическое), а также экономическую направленность культур-носителей (зависимость от присваивающего типа хозяйства) – способна гипотеза об использовании «утюжков» в качестве инструмента для

изготовления (выпрямление) легких (тростник) древков стрел и дротиков. Именно легких, соответственно ландшафтным и географическим приоритетам, поскольку, перефразируя С.А. Семенова, в природе не так часто встречаются вполне прямые стебли тростника, пригодные для изготовления древков [1968, с. 108]. Суть новационной технологии сводится к выпрямлению на предварительно разогретом «утюжке» узловатых заготовок через деликатное воздействие на них в технике нажима с элементами вращения и возвратно-поступательных движений. Она существенно отличается от той, что используется для изготовления древков из древесных прутьев. Выпрямление прута осуществляется с помощью техники сгибания, и здесь всегда были более удобны и эффективны простые «щебилки» – деревянные, костяные и каменные перфорированные инструменты, которые позволяли фиксировать и удерживать точку изгиба (рис. 3) [Там же, с. 109]. В неолите Европы и Азии для изготовления деревянных древков широко применялась также абразивная техника с использованием специализированных орудий из песчаника в виде одного-двух полуцилиндров или брусков с продольным желобком на плоской стороне (рис. 4) [Müller-Karpe, 1968, taf. 134-27-29; 201- В-10, С-1; 400-1-4; Неолит..., 1996; Городцов, 1915; и др.]. В дополнение к выпрямлению они позволяли осуществлять абразивную обработку поверхности (выравнивание и шлифование) и калибровку изделий [Семенов, 1968, с. 109–110]. Эффективные для дерева, обе эти техники абсолютно непригодны для тростника ввиду изначальной хрупкости последнего. Достоверность выдвинутой гипотезы убедительно подтверждают особенности территориального распространения разных типов выпрямителей: в степной зоне Евразии присутствуют «утюжки» и фактически нет абразивов-калибраторов из песчаника; в лесной, от Западной Европы до Восточной Сибири, последние фиксируются

Рис. 3. Выпрямители деревянных древков из североамериканской этнографической коллекции Американского музея естественной истории (далее в скобках указан номер каталога).

1 – США, Калифорния (50 / 3243); 2 – Канада (60.1 / 3367); 3 – США, Аризона (50.2 / 1606); 4 – США, Оклахома (50.2 / 184); 5 – США, Орегон (50 / 7163); 6 – США, Нью-Мексико (50.1 / 2848).

1, 5 – дерево; 2, 6 – кость; 3, 4 – рог.

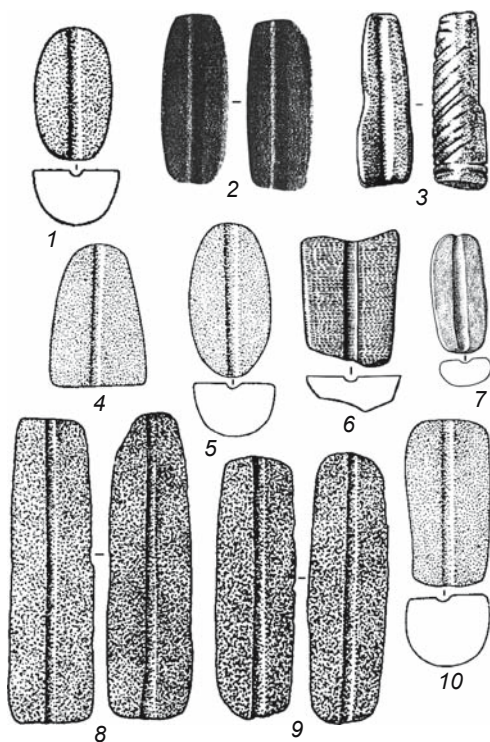

Рис. 4. Продольно-желобчатые песчаниковые абразивы-калибраторы.

1, 4, 5, 10 – Греция (по: [Müller-Karpe, 1968]); 2 – Центральная Россия (по: [Городцов, 1915]); 3 – Дальний Восток (по: [Неолит..., 1996]); 6 – Якутия (по: [Там же]); 7 – Восточная Сибирь (по: [Там же]); 8, 9 – Чехословакия (по: [Müller-Karpe, 1968]).

Масштаб изображений: 1, 4–10 – ок. 1/4 натуральной величины; 2, 3 – в публикациях не указан.

повсеместно, а «утюжки» отсутствуют; в контактной лесостепной зоне отмечены и те, и другие.

К близкому заключению в отношении ближневосточных «желобчатых камней», которые «внезапно появляются в памятниках с эппалеолитическим или протонеолитическим культурным контекстом» и по всем параметрам (контекст, морфология, петрография и т.д.) являются наиболее ранними «утюжками», пришли в свое время американские археологи Р.Л. и Р.С. Солеки, уделившие им специальное внимание [Solecki R.L., Solecki R.S., 1970]. Опираясь на свой блок доказательств, они обосновали многофункциональный характер желобчатых изделий, но преимущественно как выпрямителей тростниковых древков с применением в работе нагревания [Ibid., p. 838]. Основной упор в исследовании авторы сделали на этнографические параллели, которых удалось найти достаточно много в среде американских индейцев и у бушменов Южной Африки, а также на результаты рентгеновского дифрактометрического анализа, приведенные выше.

Дроты и стрелы с древком из тростника – явление широко распространенное и многократно опи-

санное. Они зафиксированы в Австралии, Северной и Южной Америке, Африке, Южной Азии как в этнографическом (североамериканские индейцы помо, апачи, хавасупаи, павиотсо, юма и др., мексиканские кокопах, гвианские джука, новозеландские маори и т.д.), так и в историческом (вооружение египетской армии, ближневосточных лучников, скифов) контексте. В обществах с первобытным укладом их обычно использовали для охоты на птиц, мелких животных и для лужения рыбы. Для охоты на крупного зверя чаще применялись комбинированные дроты (тростник + дерево) [Семенов, 1968, с. 96–97, 123–124, 336]. Умело пущенный с копьеметалки тростниковый дротик с массивным наконечником был способен пробить насквозь человека, защищенного панцирем [Webb, 1981, p. 9–10].

Для изготовления древков употреблялся тростник обыкновенный, или южный (*Phragmites australis* или *Phragmites communis*), и арундо тростниковый, или гигантский (*Arundo donax* L., *Arundo giant*) [Черников, 1970, с. 90–91; Hunter, 1992, p. 60; и др.]. Имеются сведения об использовании в этих целях сахарного тростника и специально выращиваемого злака (*Hyparrhenia rufa* (Nees) Stapf (?)) [Семенов, 1968, с. 123–124]. Все перечисленные растения обладают многоузловым, но неразветвленным стеблем высотой до 3–5 м. Тростник обыкновенный почти космополит. Он широко распространен на всех континентах, как в тропиках, так и в умеренно теплых зонах (Африка, Америка, Австралия, Северная и Южная Евразия). Ареал арундо уже – он произрастает главным образом в Средиземноморье, Западной, Средней и Южной Азии и на Кавказе [Цветковые растения, 1982, с. 355, 370].

Известно несколько способов изготовления древков из тростника, как с применением специальных выпрямителей, так и без них. Р.Л. и Р.С. Солеки приводят подборку этнографических свидетельств по изготовлению древков из тростника с применением выпрямителя [Solecki R.L., Solecki R.S., 1970, p. 836–837]. Так, у бушменов Южной Африки «древки были изготовлены из такого тростника, который растет вдоль Оранжевой реки. Этот тростник редко был совершенно прямым, а поскольку малейший дефект оказывал влияние на полет стрелы, что было значимо, они должны были исправить его. Чтобы исправлять такие дефекты, бушмены использовали желобчатые камни. Эти камни были изготовлены из материала, который не крошился в огне; иногда использовалась галька, иногда специально оформленный для этой цели кусок породы. На одной стороне у них был сделан желобок такой ширины, чтобы в него помещался тростник. Камень нагревался в огне, и тростник с нажимом двигали взад и вперед вдоль желобка горячего камня до тех пор, пока от размягченных волокон шел пар, что позволяло выпрямить любое искривле-

ние. Остывая, тростник сохранял прямизну» [Dunn, 1931, p. 69–70]. У американских индейцев на юге Калифорнии для выпрямления камышовых стрел «поперечно-желобчатый стеатитовый прямоугольник помещался в огонь. Среди племен, умеющих изготавливать керамику, вместо стеатита могла использоваться глина» [Kroeber, 1925, p. 818]. В Северо-Западной Аризоне, где тростниковые стрелы преобладают, «тростник для стрел... собирается зеленым. Чтобы выпрямить их, изогнутая часть вдавливается в золу, помещенную на плоском камне, или в желобок выпрямителя древков... Камни для этого предварительно разогревают в огне. Соединения выравниваются» [Spier, 1928, p. 150]. В Северной Неваде и прилегающих областях Калифорнии «тростник распрямлялся в желобках на каменных выпрямителях. Несколько выпрямителей из плотного стеатита с одним или несколькими поперечными желобками были найдены... Каменные выпрямители разогревались на огне, стрела вдавливалась и терлась в желобке» [Steward, 1933, p. 260].

Интересно отметить, что желобчатые орудия, согласно этнографическим данным, никогда не использовались для изготовления деревянных древков. Это касается даже тех случаев, когда и деревянные, и тростниковые заготовки правились в пределах одной этнической группы [Solecki R.L., Solecki R.S., 1970, p. 836–837]. Судя по приведенному описанию, инструмент для выпрямления древков из тростника абсолютно идентичен евразийским «утюжкам». Это же убедительно подтверждают фотографии выпрямителей, любезно предоставленные Американским музеем естественной истории (рис. 5). В этнографии североамериканских индейцев находятся также прямые подтверждения высказанному ранее предположению о том, что относительная малочисленность «утюжков» объясняется специализацией мастерства и его сосредоточением в руках людей преклонного возраста или калек [Усачева, 2009]. «Для меткой стрельбы из лука было важно, насколько добротны изготовлены стрелы, а потому индейцы очень ценили людей, умевших делать их... Изготовление стрел требовало терпения, аккуратности и высокого мастерства... Кроу высоко ценили хорошо сделанные стрелы, и десять стрел могли оцениваться в одну лошадь. У манданов стрелодельцами обычно были старики или калеки... Старик делал стрелы для живших с ними под одной крышей мужчин, которые использовали их на

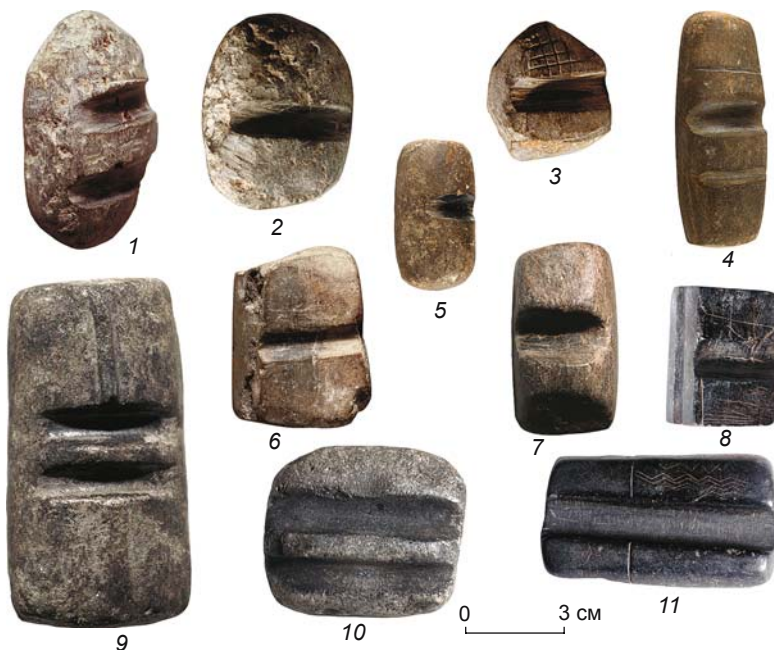

Рис. 5. Выпрямители тростниковых древков из североамериканской этнографической коллекции Американского музея естественной истории (далее в скобках указан номер каталога).

1 – 3, 8, 11 – США, Аризона (1 – 50.1/4521, 2 – 50.1/4522, 3 – 50.1/4523, 8 – 50/8669, 11 – 29.0/1170); 4, 5, 7 – Мексика, Сонора (4 – 29.0/1503, 5 – 29.0/1566, 7 – 50.1/4851); 6 – США, Аризона (?) (50/9631); 9, 10 – США, Нью-Мексико (9 – 29.1/8819, 10 – 29.0/1326).

войне или охоте. Десять готовых стрел оценивались в одну бизонью шкуру... Сиу Белый ястреб говорил, что стрелы обычно заказывали у стрелодельца штук по сто за раз. Камачи также очень ценили стариков, способных делать отличные стрелы...» [Стукалин, 2008, с. 290–291].

Заключение

Таким образом, опираясь на совокупность морфологических, трасологических, петрографических, контекстуальных, сравнительно-исторических и этнографических данных, можно утверждать, что предложенная версия об использовании «утюжков» в качестве инструмента для выпрямления тростниковых древков стрел сегодня является наиболее аргументированной среди утилитарных гипотез. В то же время нельзя не согласиться с Р.Л. и Р.С. Солеки, что эта функция была основной, но не единственной для целого ряда образцов, как на то указывают разнообразные следы сработанности, которые иногда фиксируются вне желобка. Размеры ареала «утюжков» позволяют с новых позиций взглянуть на историю развития метательного оружия в Северной Евразии, указывая, в частности, на значительно более раннее появление здесь (как минимум с эпохи мезолита) и намного более широкое распростра-

нение тростниковых стрел и дротиков, чем о том свидетельствуют исторические источники. Значимость маркированной «утюжками» технологии для жизнеобеспечения населения, ориентированного на присваивающий тип хозяйства, в зоне безлесных и малозалесенных пространств, должна была быть очень высокой, что и подтверждается территориально-хронологическими рамками ее бытования. И в качестве таковой, как и любая другая технология древности, она неизбежно должна была сопровождаться насыщенным знаковым содержанием, напрямую связанным с системой мировоззрения охотников и рыболовов.

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность коллегам, доверившим ему для обработки и публикации свои материалы, а также искренне благодарит коллектив отдела антропологии Американского музея естественной истории за предоставленную возможность изучения и публикации музейных экспонатов.

Список литературы

- Алексахенко Н.А.** «Утюжки» под микроскопом // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – С. 239–254.
- Городцов В.А.** Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского императорского исторического музея в Москве за 1914 г. – М.: [б.и.], 1915. – С. 19–38.
- Зарецкая Н.Е.** Хронология, вещественный состав и история развития Горбуновского торфяника в голоцене // III Северный археологический конгресс (8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск): тез. докл. – Екатеринбург, 2010. – С. 89–91.
- Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н.** Хронология, стратегия отложений и динамика природной обстановки // Варга 2: Раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: [б.и.], 2007. – С. 35–38.
- Коробкова Г.Ф.** Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Новые методы в археологических исследованиях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 215–233.
- Крижевская Л.Я.** Неолит Южного Урала. – Л.: Наука, 1968. – 183 с. – (МИА; № 141).
- Неолит Северной Евразии** / отв. ред. С.В. Ошибкина. – М.: Наука, 1996. – 379 с.: ил. – (Археология).
- Панова Н.К., Антипина Т.Г.** Динамика растительности и природных условий по данным палинологического и ботанического анализов // Варга 2: Раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: [б.и.], 2007. – С. 27–34.
- Семенов С.А.** Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.
- Стукалин Ю.В.** Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 688 с. – (Войны Дикого Запада).
- Тальк** // Горная энциклопедия. – URL: <http://www.mining-enc.ru/t/talk/>
- Усачева И.В.** «Утюжки» в культурах Евразии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2005. – Вып. 6. – С. 12–23.
- Усачева И.В.** «Утюжки» – социологический аспект: от мастерства к специализации // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2009. – Вып. 10. – С. 12–19.
- Усачева И.В.** Критический обзор гипотез функционального назначения «утюжков» // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2012. – Вып. 1. – С. 22–30.
- Усачева И.В.** «Утюжки» Евразии. – Новосибирск: Наука, 2013. – 352 с.
- Цветковые растения** / под ред. А.Л. Тахтаджяна. – М.: Просвещение, 1982. – 543 с.: ил. – (Жизнь растений: в 6 т.; т. 6).
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1970. – 220 с.
- Шеков В.А., Мясникова О.В., Иванов А.А.** Тальковый камень – его свойства и пути использования // Технологическая минералогия, методы переработки минерального сырья и новые материалы. – Петрозаводск: [б.и.], 2010. – С. 170–174.
- Drew I.M.** Laboratory Report // American Anthropologist. – Menacha, 1970. – Vol. 72, N 4. – P. 839–840.
- Dunn E.J.** The Bushman. – L.: G. Griffin & Co, 1931. – 259 p.
- Fairservis W.A., Jr.** Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. – Durham: Carolina Academic Press, 1993. – 253 p.
- Hunter W.** Reconstructing A Generic Basketmaker Atlatl // Bull. of Primitive Technology / Society of Primitive Technology. – 1992. – Vol. 1 (4). – P. 57–61.
- Kroeber A.L.** Handbook of the Indians of California. – Washington: Government printing office, 1925. – 1120 p. – (Bureau of American Ethnology Bull.; vol. 78).
- Müller-Karpe H.** Handbuch der Vorgeschichte. – München: Beck, 1968. – Bd. II: Jungsteinzeit. – 612 S.
- Solecki R.L., Solecki R.S.** Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq // American Anthropologist. – 1970. – Vol. 72, N 4. – P. 831–841.
- Spier L.** Havasupai Ethnography // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1928. – Vol. 29. – P. 83–392.
- Steward J.H.** Ethnography of the Owens Valley Paiute: University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. – 1933. – Vol. 33. – P. 233–350.
- Webb W.S.** The Development of the Spear Thrower. – Lexington: University of Kentucky, (1957) 1981. – 87 p. – (Occasional Papers in Anthropology; N 2).

*Материал поступил в редколлегию 15.07.11 г.,
в окончательном варианте – 08.11.12 г.*

УДК 903

К.Ю. Кирюшин¹, Ю.Ф. Кирюшин², В.П. Семибратов²¹Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
Института археологии и этнографии СО РАН
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru²Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: president@asu.ru; semibratovvladimir@mail.ru**КЕРАМИКА РАЗВИТОГО НЕОЛИТА С ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ VI***

Поселение Тыткескен VI относится к числу наиболее информативных памятников неолита, энеолита и эпохи бронзы Горного Алтая. В ходе работ 2006 г. на памятнике исследованы слои на площади более 1 500 м², обнаружены многочисленные керамические и каменные артефакты развитого и позднего неолита. Керамика развитого неолита с этого памятника находит аналоги в синхронных и более поздних неолитических материалах поселения Тыткескен II. Прослеживаются черты морфологического сходства и с энеолитической посудой из погребений афанасьевских могильников Куюм и Улаган. Керамика развитого неолита с поселений Тыткескен II и VI практически не имеет аналогов среди находок с синхронных памятников Западной Сибири, но проявляет морфологическое сходство с неолитической посудой атбасарской культуры на территории Казахстана. Кроме того, прослеживается близость этих поселенческих комплексов к кельтеминарской культуре Средней Азии. Материалы горизонта 3А поселения Тыткескен VI позволяют сделать вывод о том, что культурная традиция развитого неолита формировалась на основе раннеолитической, но при наличии какого-то импульса, связанного с проникновением на территорию Горного Алтая населения из Средней Азии или восточных районов Казахстана.

Ключевые слова: неолит, поселение, керамика, орнамент, технологический прием, искусственные добавки, формовочные массы, армирующая добавка, этнокультурные процессы.

Введение

В теории и практике археологических исследований анализу древней керамики всегда уделяется пристальное внимание, поскольку формы, орнаментация и технологические приемы изготовления глиняной посуды являются отражением этнокультурных процессов, происходивших в древних обществах. В этой работе рассматривается керамика из горизонта 3А поселения Тыткескен VI, которое находится на средней Катунь. Данный комплекс датируется второй половиной V тыс. до н.э. и относится к развитому неолиту. На основе анализа керамических материалов поднимаются

проблемы реконструкции этнокультурных процессов на территории Южной Сибири в эпоху неолита.

История изучения поселения

Памятник находится в Чемальском р-не Республики Алтай (рис. 1). Поселение Тыткескен VI расположено в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуни, в 0,1 км от места их слияния (рис. 2). В этом месте левый берег Тыткескени представляет собой 15-метровую катунскую цокольную террасу, сложенную валунно-галечным конгломератом, а в верхней части – золотым песком и гумусовыми отложениями мощностью от 0,1 до 0,5 м. Памятник открыт в 1990 г. при раскопках южной группы курганов могильника Тыткескен VI [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, 1994].

*Работа выполнена в рамках госзадания (проект № 6.3990.2011 «Комплексные исторические исследования древнейших культур Алтая»).

Керамика из горизонта 3А

Коллекция насчитывает 988 экз., в т.ч. 38 фрагментов венчика, 6 – дна и 944 – стенок сосудов, из них 541 экз. – мелкие черепки размером меньше 1×1 см. Согласно численности фрагментов венчиков, представлены обломки

не менее 15 сосудов. Большая их часть орнаментирована только по венчику, и лишь изредка встречается декор на тулове. Сосуды различаются по форме. К сожалению, ни одно изделие полностью не реконструируется, но у нескольких прослеживаются элементы, позволяющие частично воссоздать их форму (рис. 4–6).

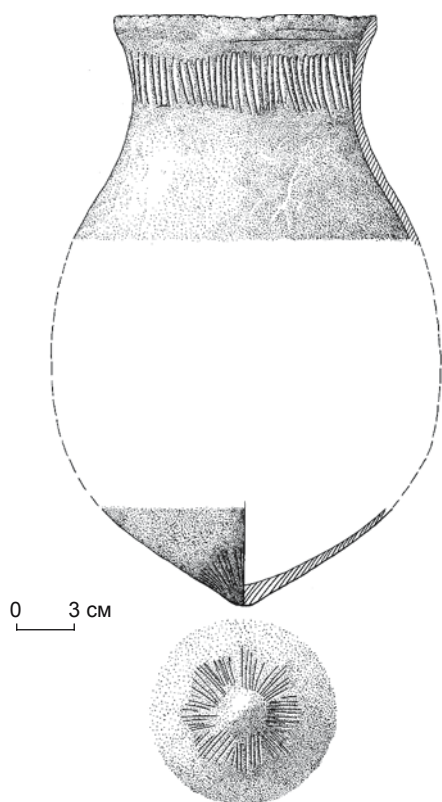

Рис. 4. Графическая реконструкция сосуда из горизонта 3А поселения Тыткесень VI.

Рис. 5. Фрагмент сосуда из горизонта 3А поселения Тыткесень VI.

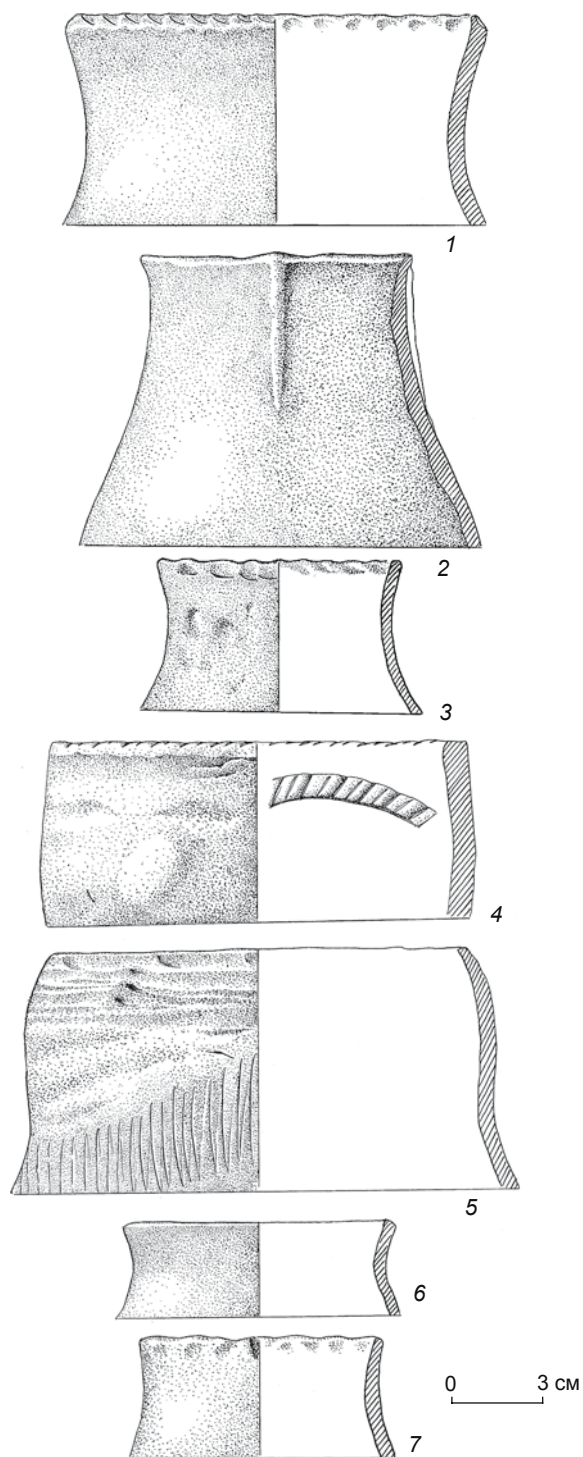

Рис. 6. Керамика из горизонта 3А поселения Тыткесень VI.

Наиболее представительная часть коллекции – фрагменты тонкостенных сосудов (толщина стенок 3–5 мм) с высоким, хорошо профилированным венчиком, отогнутым наружу (см. рис. 4–5; 6, 1–3, 6, 7). В единственном случае он загнут внутрь (см. рис. 6, 5). У одного сосуда частично реконструируется форма (см. рис. 4): складываются большие фрагменты верхней (см. рис. 5) и придонной частей, а тулово отсутствует. Это достаточно крупный сосуд (диаметр по срезу венчика 14 см), но стенки для его размеров тонкие (толщина 4–5 мм). Состав теста однородный, примеси визуально не просматриваются. Один сосуд отличается особо высокой горловиной (см. рис. 6, 2). Все фрагменты днищ (см. рис. 4; 7, 5, 6) свидетельствуют о том, что керамика остродонная.

Кромка венчиков сосудов приостренная (см. рис. 4, 5; 6, 1, 2) либо оформлена защипами подушечками пальцев (см. рис. 6, 3, 5) или ногтями (см. рис. 6, 1), часто рассечена насечками (см. рис. 4, 5). В одном случае

ряд глубоких косых насечек расположен под венчиком (рис. 8). Один сосуд по шейке и днищу украшен вертикальными параллельными линиями (см. рис. 4, 5). У другого по шейке проходит ряд гладкой качалки (см. рис. 6, 5).

На общем фоне выделяется более толстостенная керамика (толщина стенок 5–8 мм) – несколько фрагментов слабопрофилированных венчиков (см. рис. 6, 4). Это части сосудов открытой формы, близких к банкам. Венчик прямой, по срезу рассечен насечками. Наиболее интересен достаточно крупный сосуд (диаметр по срезу венчика 20 см) с толщиной стенок 8 мм. Высокий венчик слабо профилирован и слегка отогнут наружу (рис. 9). Визуально эффект изгиба усиливает утолщение по срезу венчика, который внутри и снаружи рассечен насечками (рис. 9, 10). Сосуд не орнаментирован, но на шейке сохранились следы, возможно, от шпателя. Аналогичные следы просматриваются и на внутренней поверхности.

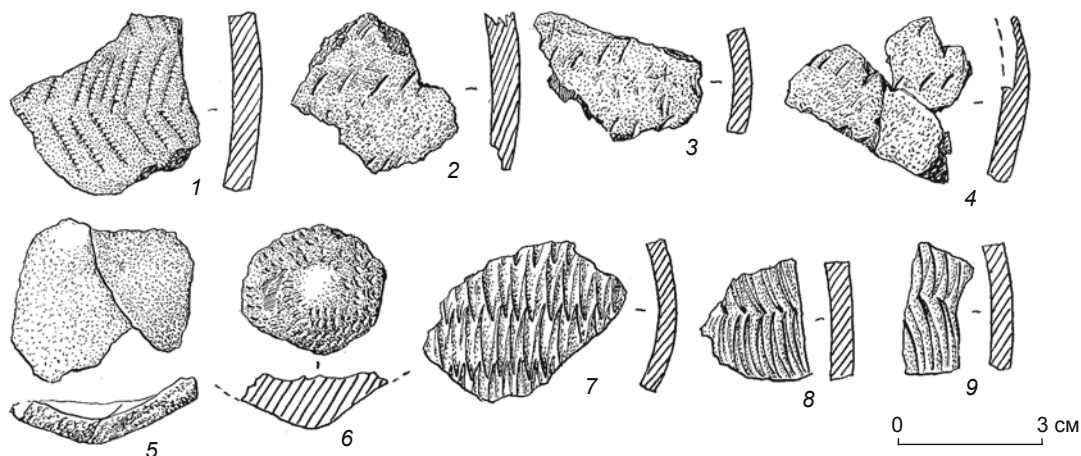

Рис. 7. Керамика из горизонта 3А поселения Тыткесень VI.

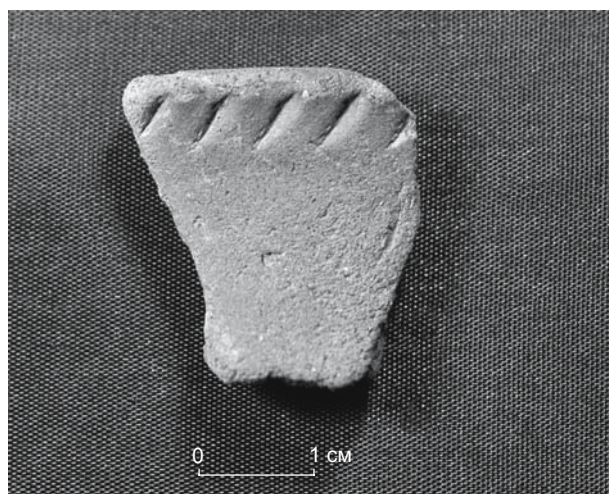

Рис. 8. Фрагмент сосуда из горизонта 3А поселения Тыткесень VI.

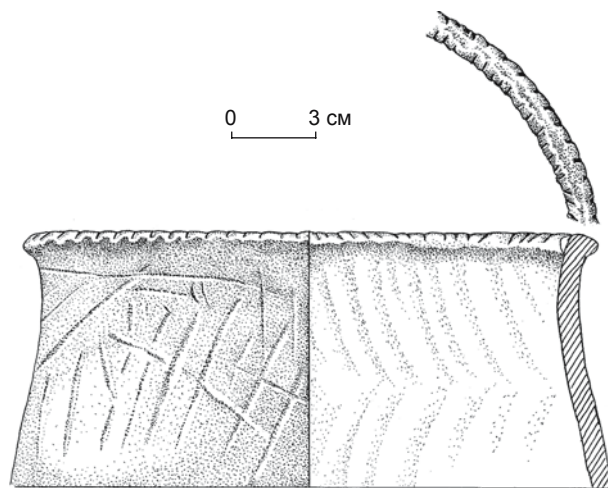

Рис. 9. Керамика из горизонта 3А поселения Тыткесень VI.

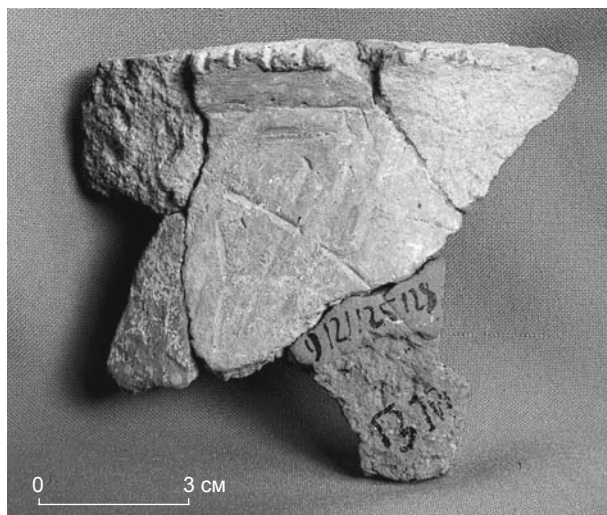

Рис. 10. Фрагмент сосуда из горизонта 3А поселения Тыткескень VI.

Три фрагмента тулова и днище украшены рядами коротких насечек (см. рис. 7, 2–4, 6), еще три фрагмента стенок орнаментированы гладкой качалкой (см. рис. 7, 7–9), а один – отпечатками гребенчатого штампа, образующего ряды «елочки» (см. рис. 7, 1; 11). Толщина последнего фрагмента 6 мм. В изломах визуальнo просматриваются следы пучков волоса (рис. 12).

Дата комплекса горизонта 3А

Наиболее близкие аналогии керамическому комплексу горизонта 3А поселения Тыткескень VI имеются в материалах памятника Тыткескень II, который находится на расстоянии нескольких сотен метров на другом берегу одноименной реки. На этом поселении тонкостенная неорнаментированная керамика и орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа встречается в слоях 7–5 и 4А, относящихся к раннему, развитому и позднему неолиту [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков, 2012]. Добавка волоса животных в стенки сосуда в процессе формовки также зафиксирована в материалах памятника [Там же]. Это базовый прием формовочной (культурной, этнографической) традиции неолитических обитателей поселения Тыткескень II, в той или иной степени представленный в комплексах от раннего до финального неолита [Там же].

Сосуд, у которого высокий венчик слабо профилирован и слегка отогнут наружу (см. рис. 9, 10) и по нему проходит утолщение, находит аналоги в материалах пятого горизонта поселения Тыткескень II (рис. 13, 14). Особое значение имеет утолщение по венчику. И.Г. Глушков, работавший с материалами поселения Тыткескень II, считает, что это важный техно-

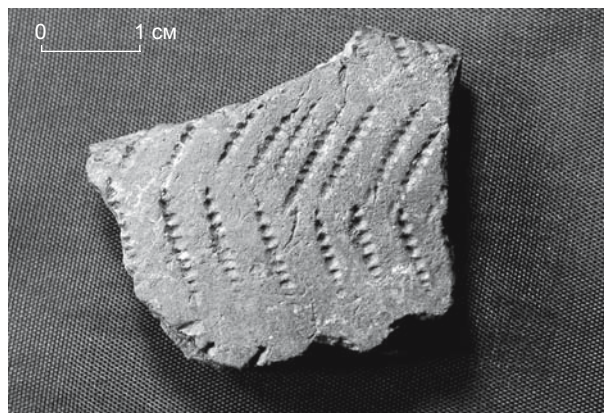

Рис. 11. Фрагмент стенки сосуда из горизонта 3А поселения Тыткескень VI.

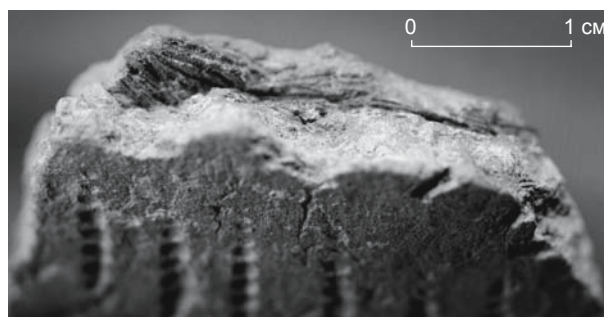

Рис. 12. Фрагмент керамики со следами волос в изломе из горизонта 3А поселения Тыткескень VI.

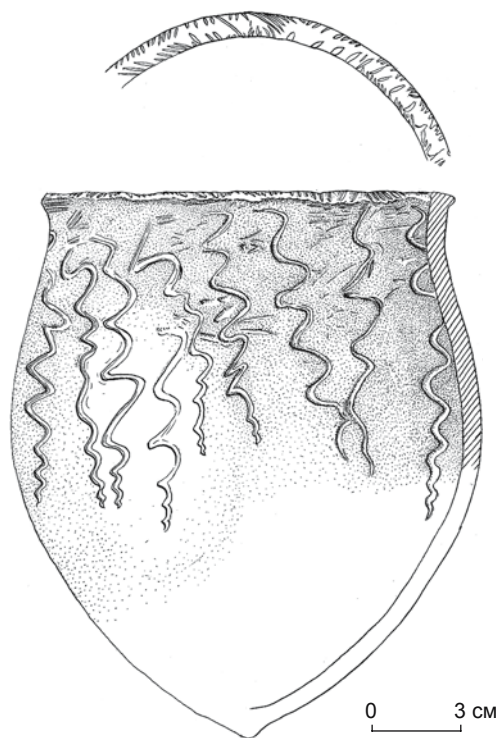

Рис. 13. Графическая реконструкция сосуда из пятого горизонта поселения Тыткескень II.

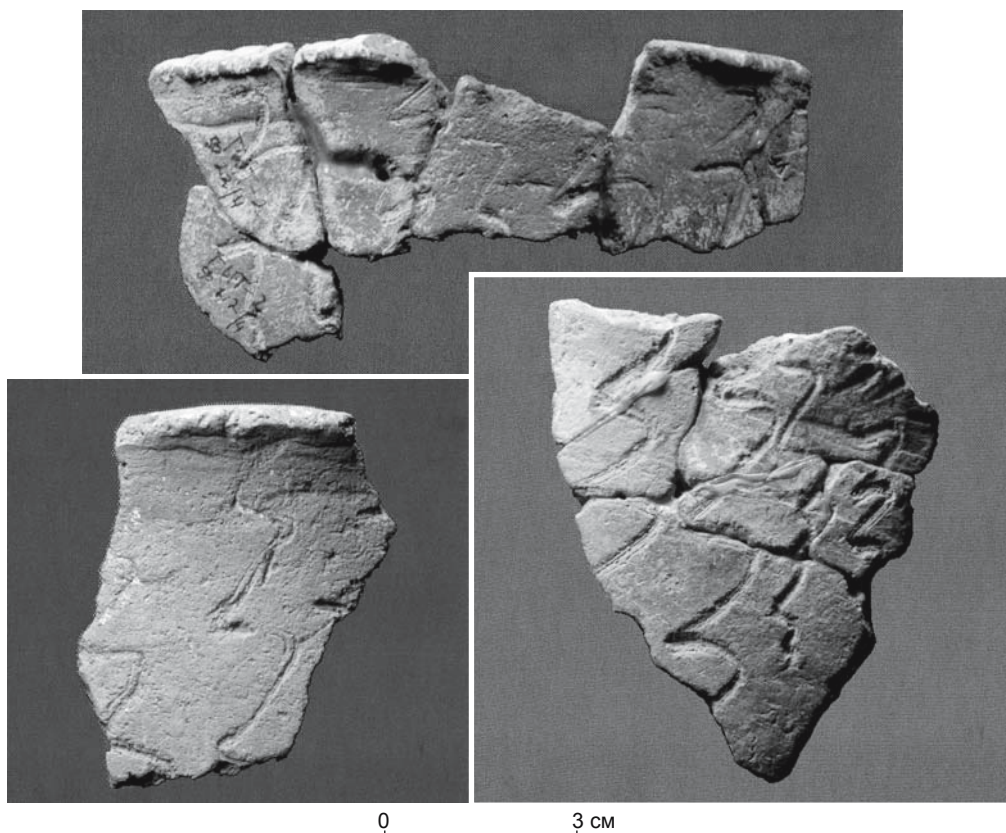

Рис. 14. Керамика из пятого горизонта поселения Тыткескень II.

логический признак способа формовки сосуда. По его мнению, формовка сосуда начиналась с устья, а днище присоединялось в последнюю очередь. Утолщение по венчику образовалось в результате проседания под тяжестью сосуда. Насечки по венчику – также технологический прием, направленный на предотвращение растрескивания керамики в процессе сушки.

Проведенный И.Г. Глушковым анализ способов формовки сосудов из пятого горизонта выявил особенности, не зафиксированные пока в керамических комплексах более ранних и более поздних горизонтов поселений Тыткескень II и VI. Сходство в формовочных операциях позволяет сделать вывод, что материалы пятого горизонта поселения Тыткескень II и горизонта 3А поселения Тыткескень VI синхронны и относятся к одной культурной традиции. Это подтверждается и наличием в них наконечников стрел кельтеминарского типа [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2011].

Со стратифицированной части поселения Тыткескень II получено 57 каменных артефактов, а 3 411 экз. найдено в ходе раскопок финальнонеолитического жилища, которое было врезано в более ранний слой развитого неолита [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]. Каменный инвентарь из горизонта 3А поселения Тыткескень VI насчитывает 9 212 экз. Предста-

вительные коллекции, позволявшие детально проанализировать технику первичного расщепления, орудийный набор, отходы производства, свидетельствуют о принадлежности комплексов к эпохе развитого неолита. Результаты исследования дают возможность утверждать, что культурная традиция развитого неолита на этой территории формировалась на основе предшествующей ранненеолитической, но при наличии какого-то постороннего импульса, что фиксируется в появлении новых специфических технологических приемов формовки керамики.

В материалах пятого горизонта поселения Тыткескень II отсутствовали органические образцы для радиоуглеродного датирования. Серия дат была получена для выше- и нижележащих слоев (для более ранних и более поздних горизонтов) [Там же]. Это позволило датировать пятый горизонт серединой – второй половиной V тыс. до н.э. Как мы уже отмечали, для горизонта 3А поселения Тыткескень VI получена радиоуглеродная дата $6\,200 \pm 210$ л.н. (СОАН-6763). Таким образом, материалы из него могут быть также отнесены к середине – второй половине V тыс. до н.э. Калибровка даты СОАН-6763 значительно удревняет культурный слой комплекса: 1 σ (вероятность 68,2 %) – 5 400–4 850 лет до н.э., 2 σ (вероятность 95,4 %) – 5 600–4 600 лет до н.э.

Обсуждение результатов

Поиск аналогов за пределами устья р. Тыткескень – дело довольно затруднительное. Во многом это связано с тем, что на Алтае и сопредельных территориях синхронные памятники либо неизвестны, либо слабо изучены, либо их дата вызывает сомнения. При отсутствии близких аналогов приходится обращаться к объектам соответствия, весьма удаленным во времени или пространстве.

Трудно избавиться от впечатления, что хорошо профилированный сосуд, у которого венчик загнут внутрь (см. рис. 6, 5), имеет много общего с афанасьевским сосудом из Куюмского могильника [Хлобыстина, 1975, рис. 2, 3], а остальные тонкостенные сосуды напоминают сосуд из могильника Улаган [Там же, рис. 2, 7]. Временной разрыв между материалами поселения Тыткескень VI и афанасьевских памятников очень значителен, и, возможно, перед нами пример «конвергентного развития культур». Вместе с тем можно предположить, что неолитическое население Алтая участвовало в сложении афанасьевской культуры. Точки зрения на ее происхождение различны [Молодин, 2002; Савинов 2012], но даже сторонники миграционной гипотезы допускают возможность контактов афанасьевцев с местным населением [Степанова, Поляков, 2010].

Среди материалов синхронных памятников сопредельных территорий необходимо отметить погребально-ритуальный комплекс Венгерово-2 в Барабинской степи [Молодин и др., 2012]. Некоторое морфологическое сходство между неолитическими керамическими изделиями с поселений Тыткескень II (пятый горизонт) и Венгерово-2 уже отмечалось в литературе [Там же, с. 120], и мы согласны с выводами коллег.

Сосуд, у которого высокий венчик слабо профилирован и слегка отогнут наружу (см. рис. 9), не орнаментирован, но его аналог с поселения Тыткескень II украшает богатая орнаментальная композиция, состоящая из вертикально расположенных асимметричных зигзагообразных и волнистых линий (см. рис. 13). Прочерченный орнамент и его композиционное построение не имеют соответствий в керамических комплексах из других горизонтов поселений Тыткескень II и VI. Ввиду того, что сосуд неполный, трудно дать его подробную характеристику, поэтому мы ограничимся только некоторыми общими замечаниями.

Необходимо отметить, что прочерченный орнамент был довольно широко распространен в эпоху неолита и являлся одним из основных в орнаментации неолитической керамики Барнаульско-Бийского Приобья. Керамика с таким орнаментом (прямолинейным, волнистым, пунктирным или прочерченным с неравномерным нажимом) преобладает на памятниках Завьялово-2 (66,6 %) и -8 (62,6 %). На Седовой Заимке

она составляет не менее 50 %, а на поселении Киприно – 18,8 % [Молодин, 1977, с. 12].

Прочерченный орнамент был широко распространен также в Южном и Среднем Зауралье [Ковалева, 1989, с. 30–38; Мосин, Григорьев, 2000, с. 93–114]. По его композиционному построению керамика этих регионов и Барнаульско-Бийского Приобья во многом близка. Сходны прочерченные прямые, волно- и зигзагообразные линии, идущие параллельно друг другу и срезу венчика; прямые и волнообразные линии, образующие геометрические взаимопроникающие фигуры – треугольники, прямоугольники и т.д. Необходимо отметить, что для керамики Среднего и Южного Зауралья характерно сочетание прочерченного орнамента с накольчатым или гребенчатым.

Асимметричное расположение линий на сосуде с поселения Тыткескень II придает динамичность всей композиции. Линии различаются по длине и ширине, иногда они пересекаются. Длина шага изгиба в одних случаях одинакова (статична), в других – постепенно уменьшается по направлению от венчика к придонной части и придает композиции динамизм. В орнаментации сочетаются острый и закругленный углы (см. рис. 13). В целом для этого сосуда, по сравнению с керамикой Верхнего Приобья, Южного и Среднего Зауралья, характерно более динамичное построение орнаментальной композиции.

Аналоги подобной керамики имеются в материалах атбасарской культуры Северного Казахстана [Зайберт, 1992, с. 159]. Прочерченный орнамент встречается и на неолитических сосудах кельтеминарской культуры в Средней Азии [Виноградов, Мамедов, 1975, с. 44, 112, 214–217]. По композиционному построению орнамента керамические находки из пятого горизонта Тыткескень II близки к расписной керамике джейтунской культуры [Коробкова, 1996, с. 90]. Наибольшее сходство они проявляют с джейтунской керамикой, украшенной вертикальным зигзагом и вертикально-волнистым орнаментом [Массон, 1971, с. 54–55]. По нашему мнению, керамика Средней Азии и Казахстана имеет больше общего с керамикой из пятого горизонта поселения Тыткескень II, чем керамика Верхнего Приобья, Южного и Среднего Зауралья. Это выражается в вертикальном расположении асимметричных зигзагообразных и волнистых линий. Наличие керамики с прочерченным орнаментом в материалах пятого горизонта может быть связано с проникновением на территорию Горного Алтая в эпоху развитого неолита племен из Средней Азии или восточных районов Казахстана.

Как мы уже отмечали, в материалах горизонта 3А поселения Тыткескень VI и пятого горизонта памятника Тыткескень II определены наконечники стрел кельтеминарского типа [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2011]. Это крайне редкая в

составе коллекций каменных артефактов с неолитических поселений Алтая, но очень выразительная категория изделий, позволяющая реконструировать этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в эпоху неолита [Там же]. Наличие кельтеминарских наконечников стрел в материалах поселений Тыткескень II и VI, по нашему мнению, связано с миграциями или инфильтрацией населения из Средней Азии либо восточных районов Казахстана на территорию Горного Алтая. Характер и интенсивность контактов точно восстановить пока невозможно. Уровень источниковой базы не позволяет реконструировать этнокультурные процессы, но мы надеемся, что с накоплением материала можно будет вернуться к этим проблемам.

Заключение

Керамический комплекс из горизонта 3А поселения Тыткескень VI, представленный несколькими группами, находит наиболее близкие аналогии в материалах пятого горизонта памятника Тыткескень II. Этот комплекс датируется серединой – второй половиной V тыс. до н.э. и относится к развитому неолиту. Материалы горизонта 3А позволяют сделать вывод о том, что культурная традиция развитого неолита на данной территории формировалась на основе предшествующей ранненеолитической, но при наличии какого-то постороннего импульса, что фиксируется в появлении новых специфических технологических приемов формовки и орнаментации керамических сосудов.

Список литературы

- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д.** Первобытный Лявлякан. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
- Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Трасологическое исследование декорированных галек поселения Тыткескень VI // Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 329–334.
- Зайберт В.Ф.** Атбасарская культура. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – 221 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф.** Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 336 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г.** Использование волос животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 41–50.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 56–64.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111–124.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Шмидт А.В., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю.** Раскопки в 2006 г. неолитического комплекса поселения Тыткескень VI // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 21–26. – (Археология, этнография, устная история; вып. 3).
- Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Грушин С.П.** Материалы эпохи бронзы с поселения Тыткескень VI на Средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 370–373.
- Ковалева В.Т.** Неолит Среднего Зауралья: учеб. пособие. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. – 80 с.
- Коробкова Г.Ф.** Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 87–135.
- Массон В.М.** Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). – Л.: Наука, 1971. – 208 с. – (МИА; № 180).
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.
- Молодин В.И.** Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – С. 97–138.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А.** Уникальный погребально-поминальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.
- Мосин В.С., Григорьев С.А.** Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2000. – Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. – 532 с.
- Савинов Д.Г.** Вместо предисловия // Афанасьевский сборник 2. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 4–7.
- Степанова Н.Ф., Поляков А.В.** Афанасьевская культура: современное состояние и история изучения // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 4–15.
- Хлобыстина М.Д.** Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. – 1975. – № 1. – С. 17–33.

*Материал поступил в редколлегию 07.02.13 г.,
в окончательном варианте – 29.05.13 г.*

УДК 903.2

И.Н. Васильева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ул. Ленинская, 127, Самара, 443041, Россия
E-mail: in.vasil@mail.ru

О ВЫДЕЛЕНИИ КАМСКОГО АРЕАЛА ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА*

В статье представлены результаты технико-технологического анализа неолитической керамики Прикамья. Источниковая база включает результаты микроскопического изучения 357 образцов керамики (условно отдельных сосудов) из коллекций 27 неолитических стоянок (последняя четверть V – IV тыс. до н.э., даты некалиброванные). Методика исследования разработана А.А. Бобринским и базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования. Проведено сравнительное изучение данных по гончарной технологии неолитического населения Верхнего, Среднего и Нижнего Прикамья. На его основе рассмотрены вопросы появления ранних керамических традиций в Волго-Камье, выделения камского ареала гончарных традиций эпохи неолита, особенностей их распространения, а также смешения различных в культурном отношении групп неолитического населения данного региона.

Ключевые слова: неолит, Прикамье, гончарная технология, технико-технологический анализ, историко-культурное направление в изучении древнего гончарства, культурные традиции.

Введение

Проблема выделения камского ареала неолитических гончарных традиций возникла в ходе изучения неолитического гончарства Поволжья. Прикамье являлось частью территории и культурного пространства неолитического Поволжья. Исследование керамических материалов данного региона очень важно для реконструкции механизмов распространения гончарства, определения ареалов различных культурных традиций в Поволжье эпохи неолита, выделения этапов в развитии этих традиций и выявления их особенностей в разных районах, а также для понимания процессов смешения традиций, фиксации черт преемственности и инноваций.

Исследование неолитического гончарства Поволжья проводилось с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разра-

ботанного А.А. Бобринским. Методика базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [Бобринский, 1978, 1999]. Указанный исследовательский подход предполагает рассмотрение каждого сосуда как результата определенных *навыков труда*, которые закреплялись в *культурных традициях* и передавались от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива. Микроскопическое изучение образца* позволяет выделить следы работы гончара, которые как результаты различных механических и химико-термических воздействий представлены в изломе сосуда и на его поверхностях [Бобринский, 1999, с. 17]. Идентификация технологических следов осуществляется посредством их сравнительного анализа с признаками приемов работы древних гончаров,

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-11-63005а (р).

*В работе используется термин «образец», под которым понимается отдельный сосуд. В качестве образцов выступают венчики, резе – крупные фрагменты стенок и придонных частей разных сосудов.

выявленными в ходе предшествующих исследований [Бобринский, 1978, 1999], а также с сериями эталонов, созданных в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства [Васильева, Салугина, 1999, 2008]. При этом используются основные исследовательские понятия: «навыки труда гончаров» и «культурные традиции». С позиции общенаучного системного подхода каждый изучаемый сосуд является частью целого – гончарного производства неолитического коллектива, оставившего конкретную стоянку. Обобщение данных по технологии изготовления всех рассматриваемых сосудов в виде статистических таблиц по памятникам и археологическим культурам дает общую информацию о гончарных традициях различных групп населения. Процентное соотношение изделий, отражающих разные традиции, позволяет определить массовый или единичный, смешанный или несмешанный характер последних. Подход к изучению древней керамики, разработанный А.А. Бобринским, характеризуется тем, что информация по технологии изготовления отдельных сосудов не экстраполируется на остальные сосуды выделенной морфологической группы и используется не в качестве иллюстрации, а как самостоятельный источник по истории населения. Интерпретация технологических данных базируется на теоретических положениях: об исторически складывавшейся системе трудовых навыков в гончарстве, о длительном их сохранении в стабильных условиях и трансформации при смешении разных групп населения, о механизмах передачи приемов труда только контактным способом и по родственным каналам, что обуславливало формирование устойчивых культурных традиций. Появление смешанных гончарных традиций было возможно только в процессе смешения носителей разных трудовых навыков [Бобринский, 1978].

Сбор информации о технологии изготовления каждого отдельного сосуда производился в соответствии со *структурой гончарного производства*, которая включает десять этапов деятельности по изготовлению сосуда [Бобринский, 1999, с. 9–11]. Однако в ходе исследования выяснилось, что для разработки проблем зарождения и распространения гончарных традиций в Поволжье наиболее важны сведения, характеризующие *представления об исходном пластичном сырье* (ИПС) и *традициях составления формовочных масс* (ФМ). Во-первых, получение этой информации возможно практически по всем анализируемым образцам. Во-вторых, представления о пластичном сырье относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии (*субстратные навыки*), которые способны сохраняться без изменений очень длительное время даже в условиях смешения разных групп населения. Изучение этого элемента гончарной техно-

гии имеет большое значение для разработки вопросов как эволюции сырьевой базы неолитического гончарства Поволжья, так и истории сложения населения, его культурогенеза.

Исследование неолитического гончарства Поволжья началось с технико-технологического анализа керамики Северного Прикаспия – полупустынных районов Нижнего Поволжья. Идентифицировать характер пластичного сырья этой керамики не удавалось, пока не была выдвинута гипотеза об использовании *илов* в качестве сырья для древнейшей керамики [Васильева, 1994, 1999а]. Гипотеза разрабатывалась несколько лет в полевых и лабораторных условиях. В исследованиях участвовали ботаники, зоологи и другие представители естественных наук. В результате было сформулировано определение илистого сырья. *Илы* – вязкие, неуплотненные илестые осадки рек и озер, располагавшиеся на прибрежных участках водоемов, современных древним коллективам. Они представляли собой естественным путем подготовленную формовочную массу, включавшую глинистый субстрат и различные минеральные примеси, а также перегнившие остатки растительности и животной органики (водоросли, корни, листья, стебли сгнивших водных и наземных растений, кости и чешуя рыб, раковины пресноводных моллюсков и др.). Гипотезу об использовании илов в неолитическом гончарстве поддержал А.А. Бобринский [Бобринский, Васильева, 1998]. Эта гипотеза нашла отражение в его теории происхождения гончарства; он отмечал, что в состав древнейших видов пластичного сырья наряду с органическими материалами (навозом животных и пометом птиц) входили «глиноподобные илестые отложения» [1999, с. 18].

Дальнейшее исследование керамики неолита (орловская и елшанская культуры) и энеолита (самарская и хвалынская культуры) выявило другой вид ИПС, который существенно отличался от илов. Возникла необходимость введения нового понятия – «илистые глины». По нашему мнению, сырье данного вида находилось также вблизи водоемов, но было связано с другими условиями образования: с береговыми залежами, более уплотненными слоями пластичного сырья. По своему составу оно ближе к глинам, но при этом сохраняет некоторые особенности илов – их органический и органоминеральный компоненты, только в измельченном перегнившем виде и в значительно меньшей концентрации. А.А. Бобринский возражал против выделения этого вида сырья, поскольку считал, что таким образом размываются два полярных понятия – «илистое сырье» и «глины». Им было предложено разделять илы на «равнинные» и «горные» [Бобринский, Васильева, 1998, с. 209]. Однако мы, учитывая сосуществование этих двух видов сырья в одних физико-географических условиях Поволжья,

значительные различия в количественном составе естественных компонентов, а также важность разделения этих видов сырья для понимания эволюции взглядов древнего населения региона на пластичное сырье, придерживаемся термина «илистые глины» [Васильева, 1999б, 2011а]. Использование илистых глин было одним из этапов эволюции неолитического гончарства Поволжья: илы – илистые глины – глины. Под *глинами* имеются в виду осадочные уплотненные горные породы. Залежи глин могут быть приурочены как к берегам водоемов, так и к удаленным от них территориям. Основным отличием глин от илов и илистых глин является полное отсутствие в них остатков водной флоры и фауны.

На основе анализа видов пластичного сырья неолитической керамики Поволжья были выделены два ареала раннеолитических гончарных традиций. Их формирование в Поволжье, согласно радиоуглеродным определениям, относится к первой четверти VI тыс. до н.э.* [Выборнов, 2008].

Первый ареал – гончарные традиции, основанные на использовании илов; их представляют культуры, для которых характерна плоскодонная керамика с прочерченно-накольчатым орнаментом. Соотносится с Нижним Поволжьем, возможно, также с территорией Украины и южной зоны восточно-европейской части России. Время – от VI до V тыс. до н.э. Наличие в керамических материалах Северного Прикаспия реликтов догончарного периода [Бобринский, 1999, с. 96–97] дает основание предполагать, что нижеволжское гончарство зародилось самостоятельно.

Второй ареал – елшанские гончарные традиции, связанные с использованием илистых глин (преимущественно запесоченных) и с «шамотной» традицией составления формовочных масс. Ранние гончарные производства в этой зоне представлены остродонными сосудами, неорнаментированными или орнаментированными ямочно-жемчужным пояском. Соотносится со Средним Поволжьем. Время – от VI до первой половины V тыс. до н.э. В Волго-Уралье елшанские гончарные традиции появились уже более развитыми, по сравнению с традициями южных культур с прочерченно-накольчатой керамикой. Начальные этапы эволюции елшанского гончарства связаны, вероятно, с Восточным Прикаспием и Средней Азией.

Расширение источниковой базы и привлечение данных радиоуглеродного датирования дали возможность определить изменения в представлениях населения Поволжья о пластичном сырье на протяжении всего периода неолита. В процессе изучения керамических материалов стратифицированной Варфоломеевской стоянки (орловская культура, степная зона

Нижнего Поволжья) удалось проследить эволюционный переход от использования илов к илистым глинам и глинам уже на развитом этапе неолита [Васильева, 2009, 2012а, б]. Причиной освоения новых видов сырья, вероятно, было изменение климата, высыхание традиционных (священных и магических) источников пластичного сырья. Установлено, что этот переход не был одновременным и хронологически фиксированным событием. Данный процесс, например, не затронул древние коллективы, оставившие стоянку позднего неолита Тентексор I в Северном Прикаспии (первая четверть V тыс. до н.э.) и стоянку Орловка в степном Поволжье [Васильева, 2008]. В неолитических материалах из Нижнего Поволжья не нашли отражения рецепты ФМ с шамотом. Параллельно с переходом к использованию илистых глин и глин формировалась только одна культурная традиция – подготовка ФМ с искусственной примесью дробленой раковины. Можно отметить также преимущественное использование жирного (незапесоченного и слабоzapесоченного) пластичного сырья.

Изменения происходили и в гончарстве Среднего Поволжья. Они имели историко-культурный характер. Продвижение на юг Среднего Поволжья нижеволжских неолитических коллективов прослеживается по керамическим материалам стоянок на р. Самаре (Ивановка, Виловатое и др.) [Васильев, Выборнов, 1988, с. 32; Васильева, Выборнов, 2012; Васильева, 2007]. В результате взаимодействия позднееелшанского населения и мигрантов с юга в данном регионе к середине V тыс. до н.э. сформировалась средневолжская культура. Для гончарных производств ее носителей характерны смешение традиций, сложившихся в двух вышеописанных ареалах раннеолитического гончарства, и их развитие.

Таковы основные выводы, полученные в результате технико-технологического анализа более 1,5 тыс. неолитических сосудов из Нижнего и Среднего Поволжья к началу исследования неолитической гончарной технологии Прикамья – северного региона, примыкающего к Среднему Поволжью.

Результаты исследования неолитической гончарной технологии Прикамья

Технико-технологическому изучению керамики Прикамья предшествовала работа по отбору образцов для анализа и разделению керамического материала на культурно-хронологические группы. Она была полностью проведена А.А. Выборновым [Васильева, Выборнов, 2012, 2013]. В настоящее время большая часть специалистов по неолиту Волго-Камья поддерживает выделение двух культур: *камской* и *волго-камской* [Га-

*Здесь и далее приводятся некалиброванные даты.

башев, 2003; Выборнов, 2008; Лычагина, 2006, 2011]. К камскому керамическому комплексу отнесены круглодонные сосуды с орнаментом, нанесенным различными видами гребенчатого штампа, к волго-камскому – в основном плоскодонные сосуды без орнамента, а также с горизонтальным рядом ямочных вдавлений под срезом венчика, с наколами, разреженными и нанесенными в отступающей технике, и «ногтевидными» насечками.

Разработка археологами Волго-Камья периодизации неолитических культур Прикамья и активное применение методики радиоуглеродного датирования керамики в последние годы позволили установить более точные хронологические рамки бытования разных керамических комплексов. Было подтверждено выделение раннего этапа камской культуры: для четырех ранних стоянок Прикамья получены шесть дат – от 6 300 до 6 000 лет до н.э. [Выборнов и др., 2008]. Развитый (хуторской) этап этой культуры датирован в интервале 5 900–5 600 лет до н.э. Для керамики волго-камской культуры имеется серия дат – от 6 700 до 6 100 лет до н.э., с учетом которой можно сделать вывод о синхронности ранних стоянок с гребенчатой и накольчатой керамикой в Прикамье, по крайней мере, в интервале 6 300–6 000 лет до н.э. [Лычагина, 2011; Васильева, Выборнов, 2013].

Исследуемый керамический материал был разделен на культурно-хронологические группы: камскую и волго-камскую. В группе камской керамики выделены

образцы, соответствующие этапам культуры – раннему развитому (хуторскому) и позднему (левшинскому). Керамика волго-камской культуры рассмотрена в целом, без уточнения хронологических позиций памятников. Проведен сравнительный анализ результатов изучения гончарной технологии двух районов Прикамья: с одной стороны, Верхнего и Среднего Прикамья, которые относятся к Пермскому Предуралью, с другой – Нижнего Прикамья, представляющего приурстевую часть Камы.

Микроскопическому изучению были подвергнуты 368 образцов (условно отдельных сосудов) из культурного слоя 27 стоянок неолитического времени Прикамья (рис. 1). По изученным материалам Прикамья выявлено два вида ИПС: *илистые глины* и *глины* (табл. 1). К илистым глинам отнесено сырье, в котором единично встречаются мелкие углефицированные остатки растительных тканей (детрит менее 1 мм) (рис. 2, 5, 6), отпечатки нитевидных растений (водорослей) длиной до 1–2 см (рис. 2, 4), отдельные включения чешуи и костей рыбы (рис. 2, 2; 3, 3–5). В нескольких образцах зафиксированы разрушенные обломки раковины (менее 1 мм). Во втором виде ИПС – глинах – признаки близости сырья к водоемам полностью отсутствуют. Важной характеристикой навыков отбора сырья является запесоченность сырья, прямо влиявшей на его пластичность. В каждом виде ИПС выделены две группы: «жирные» (незапесоченные и слабоzapесоченные; рис. 3, 1) и «тощие» (средне- и сильноzapесоченные; рис. 3, 2). Были определены следующие приемы подготовки ИПС: 1) дробление в сухом виде – фиксируется по наличию нерастворившихся окатанных комочков сухой глины размером до 5 мм, а также линз и вытянутых слоев чистой глины (см. рис. 2, 1; 3); 2) использование в естественно-влажном состоянии – при отсутствии признаков его дробления (см. рис. 2, 5, 6).

В работе приняты следующие уровни выделения информации:

1-й. *Виды ИПС*: илистые глины (ИГ), глины (Г). Отражают общие представления неолитического населения о сырье для изготовления бытовой посуды.

2-й. *Группы ИПС*: «жирные» и «тощие». Отражают культурные традиции отбора сырья.

3-й. *Навыки подготовки пластичного сырья*: дробление ИПС в сухом состоянии и использование естественно-влажного сырья.

При характеристике культурных традиций на ступени составления ФМ привлекаются данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. В качестве последних выявлены: 1) *шамот* (порошкообразная минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов); 2) *органические растворы* (различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения);

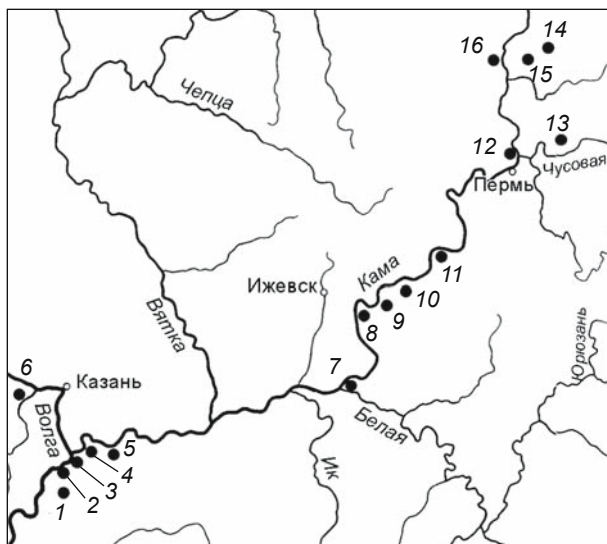

Рис. 1. Основные неолитические памятники на территории Прикамья (по: [Выборнов, 2008, с. 248]).

1 – IV Тетюшская стоянка; 2 – II Щербетская стоянка; 3 – I Лебединская стоянка; 4 – II Лебединская стоянка; 5 – VI Балахнинская стоянка; 6 – Чирки-Кильдюразы; 7 – Зиарат; 8 – Чернушка; 9 – Непряха VI; 10 – Чернашка; 11 – Кряжская стоянка; 12 – Левшинская стоянка; 13 – Боровое Озеро I; 14 – Хуторская стоянка; 15 – Чашкинское Озеро IV, VI, VIII; 16 – Усть-Залазнушка.

Таблица 1. Состав исходного пластичного сырья неолитической керамики с территории Прикамья*

Керамические комплексы	Илистые глины				Итого	Глины				Итого	Всего	
	жирные		тощие			жирные		тощие				
	увлажненные	дробленые в сухом виде	увлажненные	дробленые в сухом виде		увлажненные	дробленые в сухом виде	увлажненные	дробленые в сухом виде			
КАМСКАЯ КУЛЬТУРА (КОМПЛЕКС ГРЕБЕНЧАТЫЙ)												
Ранний этап												
Зиарат	–	–	–	–	–	–	6	–	–	6 (100)	6	
Хуторской этап												
Верхнее-Среднее Прикамье	6	1	6	2	15 (29)	15	11	4	6	36 (71)	51	
Нижнее Прикамье	20	4	2	–	26 (63)	2	10	3	–	15 (37)	41	
Левшинский этап												
Верхнее-Среднее Прикамье	7	1	3	–	11 (25)	17	10	6	–	33 (75)	44	
Нижнее Прикамье	13	22	2	–	37 (100)	–	–	–	–	–	37	
ВОЛГО-КАМСКАЯ КУЛЬТУРА (КОМПЛЕКС НАКОЛЬЧАТЫЙ)												
Слабо- и неорнаментированная керамика												
Верхнее-Среднее Прикамье	3	–	6	–	9 (37,5)	3	3	7	2	15 (62,5)	24	
Нижнее Прикамье	27	–	7	–	34 (90)	4	–	–	–	4 (10)	38	
Накольчатая керамика												
Верхнее-Среднее Прикамье	12	3	7	–	22 (47)	11	7	6	1	25 (53)	47	
Нижнее Прикамье	28	–	12	–	40 (87)	4	2	–	–	6 (13)	46	
Керамика с насечками												
Нижнее Прикамье	12	5	4	–	21 (88)	3	–	–	–	3 (12)	24	

*Указано число сосудов, изготовленных из каждого вида ИПС, и их процент от общего количества сосудов (%).

3) *обожженная глина*, этот вид минеральных добавок встречен нами впервые в неолитической керамике, предположительно идентифицируется как обожженная, а затем раздробленная глина. В отличие от шамота в ней имеются наряду с остроугольными окатанные частицы, а также глинистые частицы красновато-коричневого цвета.

В ходе исследования прикамской неолитической керамики стала очевидной необходимость получения информации о концентрации и размерности шамота (табл. 2). Концентрация минеральных примесей подсчитывалась по методике А.А. Бобринского [1999, с. 38]. В изучаемом гончарстве использовался некалиброванный шамот. Было зафиксировано использование

шамота более мелкой фракции с частицами до 2 мм и более крупной с зернами до 3–5 мм. Шамот представлен разноцветными остроугольными включениями. В его крупных частицах встречались включения также шамота, т.е. сосуды были сделаны из ФМ с шамотом. Эти данные свидетельствуют о большой устойчивости в прикамском гончарстве традиции составления ФМ с шамотом.

Использование *органических растворов* определялось по наличию в черепке прикамской керамики плоскостных и аморфных пустот размером 0,1–1,0 см. Стенки этих пустот были покрыты рыжевато-белым или густым маслянистым веществом, иногда матовым коричневатого-черным налетом. Наблюдались следы

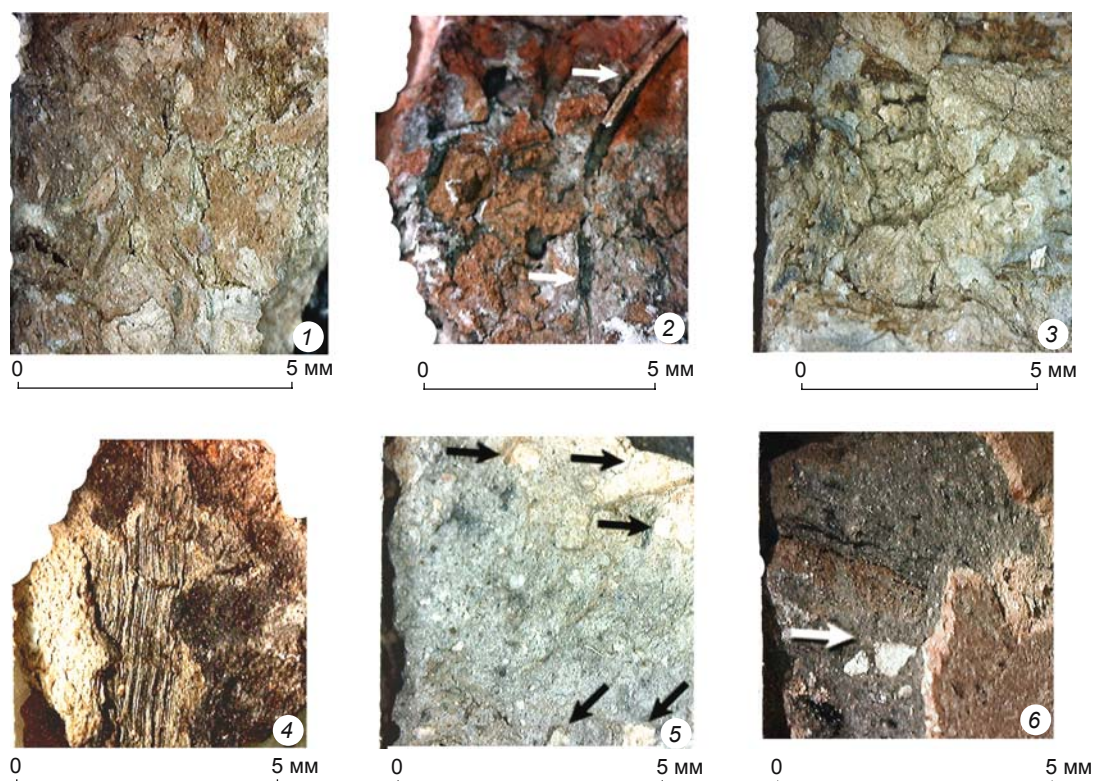

Рис. 2. Микрофотоснимки ИПС и ФМ керамики Нижнего Прикамья.

1, 3 – глина в дробленном состоянии, ФМ с большой концентрацией шамота и органического раствора в керамике камской культуры; 2 – глина с включением кости рыбы; 4 – отпечаток растений – естественной примеси илестых глин; 5, 6 – илестая глина во увлажненном состоянии, ФМ с небольшой концентрацией шамота в керамике волго-камской культуры.

1 – Зиарат; 2 – Лебедино II; 3 – Лебедино I; 4 – IV Тетюшская стоянка; 5, 6 – II Щербетская стоянка.

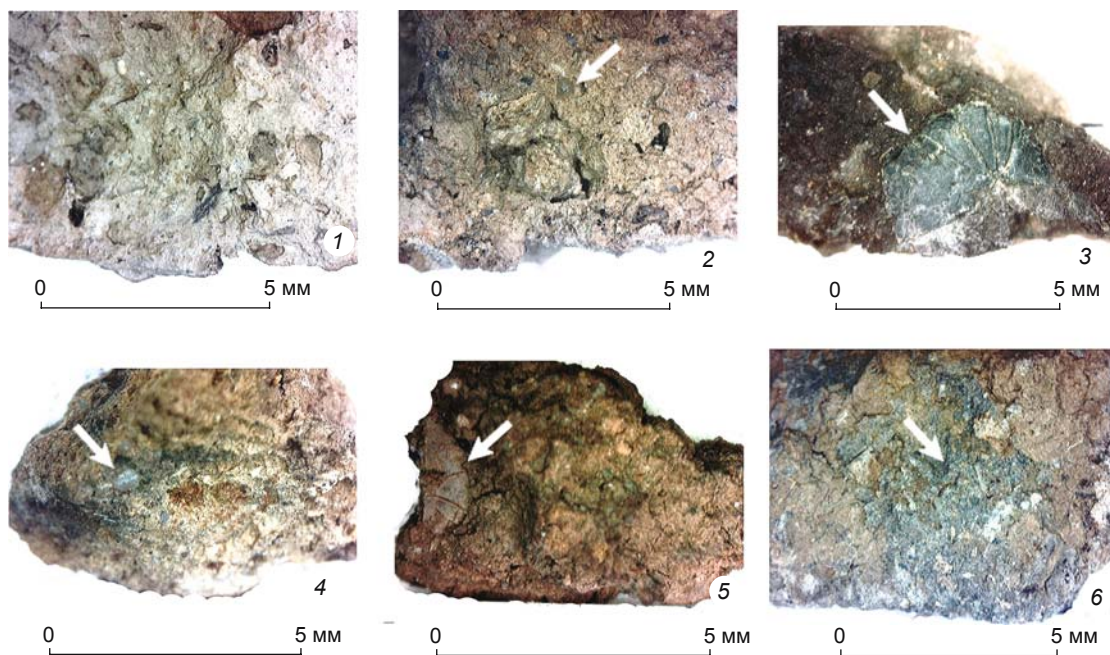

Рис. 3. Микрофотоснимки ИПС и ФМ керамики Верхнего и Среднего Прикамья.

1 – жирная глина; 2 – среднезаспесоченная глина; 3, 5 – глина с включением чешуи рыбы; 4 – глина с включением кости рыбы; 6 – органический раствор.

1 – Боровое Озеро VI; 2, 5, 6 – Чашкино Озеро VI; 3 – Заборное Озеро I; 4 – Хуторская стоянка.

Таблица 2. Состав формовочных масс неолитической керамики с территории Прикамья

Керамические комплексы	ОР	ОР + ОГ 1:4–5	ОР + Ш			Всего
			Ш 1:1–3	Ш 1:4	Ш 1:5	
КАМСКАЯ КУЛЬТУРА (КОМПЛЕКС ГРЕБЕНЧАТЫЙ)						
Ранний этап						
Зиарат	–	–	6 (100)	–	–	6
Хуторской этап						
Верхнее-Среднее Прикамье	–	–	41 (80)	10 (20)	–	51
Нижнее Прикамье	–	–	15 (36)	17 (42)	9 (22)	41
Левшинский этап						
Верхнее-Среднее Прикамье	1 (2,4)	–	27 (61)	14 (32)	2 (4,6)	44
Нижнее Прикамье	–	–	7 (19)	14 (38)	16 (43)	37
ВОЛГО-КАМСКАЯ КУЛЬТУРА (КОМПЛЕКС НАКОЛЬЧАТЫЙ)						
Слабо- и неорнаментированная керамика						
Верхнее-Среднее Прикамье	–	–	10 (42)	8 (33)	6 (25)	24
Нижнее Прикамье	10 (27)	14 (36)	1 (3)	5 (13)	8 (21)	38
Накольчатая керамика						
Верхнее-Среднее Прикамье	1 (2)	–	35 (75)	9 (19)	2 (4)	47
Нижнее Прикамье	4 (9)	16 (34)	1 (2)	6 (13)	19 (42)	46
Керамика с насечками						
Нижнее Прикамье	–	4 (18)	3 (12)	2 (8)	15 (62)	24

Примечание. Ш – шамот, ОР – органический раствор, ОГ – обожженная глина, Ш 1 : 4 – концентрация шамота: 1 часть шамота : 4 части глины.

Указано число сосудов, изготовленных по каждому рецепту, и их процент от общего количества исследованных сосудов (%).

пропитки этим веществом мелких пор на значительной площади излома черепка. Пустоты рассредоточены по всей толще черепка и не связаны с проникновением нагара в поверхностные поры. Проведенные нами экспериментальные исследования позволяют предполагать применение при замесе ФМ вместе с водой желеобразного компонента, образовавшегося при варке рыбы. В большей части изученных образцов прикамской керамики отмечена очень значительная концентрация органического раствора.

Камская культура

Ранний этап. На основе результатов изучения керамики стоянки Зиарат выделены специфичные культурные традиции в раннекамском гончарстве: 1) распространение представлений о глине как о сырье для производства керамики; 2) использование только жирных глин; 3) дробление сырья в сухом виде; 4) абсолютное преобладание приемов составления ФМ из

сухих смесей: дробленых глины и шамота в концентрации 1 : 1, 1 : 2, 1 : 3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использования крупной фракции шамота (менее 3–5 мм) составляла 70 %.

Развитый (хуторской) этап. Гончарные традиции носителей камской культуры этого периода Верхнего и Среднего Прикамья, с одной стороны, и Нижнего Прикамья – с другой, были различны.

Гончарство первого района обладало большим сходством с раннекамским гончарством; это нашло отражение в преобладании глин в общем объеме ИПС (71 %) и в преимущественном отборе жирных глин (72 %)*, дроблении их в сухом состоянии (47 %), подготовке ФМ с крупным шамотом и органическим раствором в большой концентрации (80 %). Вместе с тем

*Далее в тексте используются результаты подсчета, не указанные в таблицах. Такой подсчет производился при определении: а) доли находок из разных видов ИПС в общем количестве образцов керамики конкретных этапов и

в нем проявились новые приемы труда, не известные на раннем этапе камской культуры: использование *илистых глин* в качестве сырья (29 %) как жирных (47 %), так и тощих (53 %), а также дробление илистых глин в сухом состоянии (20 % от общего количества сосудов из илистых глин). Следует отметить распространение в первом районе на хutorском этапе традиции составления ФМ с шамотом в концентрации 1 : 4 (20 %).

Во втором районе широко представлены культурные традиции, не характерные для раннего этапа камской культуры. Керамика с гребенчатым орнаментом изготавливалась преимущественно из *илистых глин* (63 %). Отбирались в основном жирные илистые глины (92 %), чаще всего в увлажненном состоянии (77 %). Использовались приемы дробления илистых глин в сухом состоянии (23 %). Прослежена также преемственность гончарных традиций изучаемого и раннего этапов: взгляды на глины продолжали разделять 37 % изготовителей гребенчатой керамики, при этом они использовали преимущественно жирные глины (80 %), которые дробили в основном в сухом состоянии. Анализ материалов отдельных стоянок Нижнего Прикамья позволяет увидеть более разнообразную картину: из глин изготовлено 43 % от общего количества изученных сосудов стоянки Лебедино II и 58 % – II Щербетской стоянки, но всего 25 % – стоянки Лебедино I. Представляется, что этот разброс данных объясняется различиями в интенсивности культурных контактов или хронологической принадлежности памятников. Обобщение результатов изучения навыков составления формовочных масс показало, что доля изделий, изготовленных по рецептам ФМ с большой концентрацией шамота (1 : 1–3), в керамике Нижнего Прикамья составляла 36 %. Существенно больше сосудов из масс с концентрацией шамота 1 : 4 – 42 %. При этом среди них преобладают изделия, сделанные по рецептам с крупным шамотом (82 %). Обращает на себя внимание традиция подготовки ФМ с добавкой шамота в концентрации 1 : 5 (22 %), в т.ч. мелкого шамота (78 %). В материалах из первого района она не зафиксирована.

Сравнительное изучение данных по гончарной технологии двух вышеназванных районов показало, что у гончаров эпохи неолита Нижнего Прикамья на хutorском этапе южные традиции получили значительно большее распространение, чем у северных коллективов. В этом можно видеть результат более тесных и интенсивных контактов населения приустьевой части Камы с южными неолитическими сообществами.

комплексов; б) доли изделий из жирного и тощего сырья и приемов дробления в количестве изученных сосудов, изготовленных из данного вида ИПС.

Поздний (левшинский) этап. Показатели по двум элементам гончарной технологии в Верхнем и Среднем Прикамье были примерно такие же, как и на хutorском этапе. Однако в соотношении видов ИПС (*илистые глины* (25 %) и *глины* (75 %)) немного увеличилась доля глин. При отборе илистых глин предпочтение отдавалось жирному сырью (73 %). Снизилось значение способов дробления илистых глин (до 9 %). При отборе глин увеличилась доля жирных (до 82 %), но снизилось применение приемов дробления (до 30 %). В целом же керамические традиции этого периода отражают преемственную связь с раннекамским гончарством. Для ступени составления ФМ характерно сокращение рецептов с крупным шамотом в концентрации 1 : 1–3 (61 %). Однако эти рецепты оставались самыми массовыми в гончарстве первого района. Доля керамики, представляющей рецепты с концентрацией шамота 1 : 4, увеличилась до 32 %. Появились рецепты с меньшей концентрацией шамота 1 : 5 (4,6 %).

Левшинская керамика Нижнего Прикамья отражает абсолютное господство представлений о илистых глинах как гончарном сырье. На VI а Балахчинской стоянке сосуды изготавливали только из жирных (в основном высокопластичных) илистых глин. Большая их часть дробилась в сухом состоянии (71 %). Сосуды стоянки Чирки-Кильдюразы сделаны из жирных (67 %) и тощих (33 %) илистых глин, которые использовались в естественно-влажном состоянии. На этапе подготовки ФМ снизилась роль рецептов с шамотом в концентрации 1 : 1–3 (до 19 %). Доля керамики, изготовленной по рецептам с концентрацией шамота 1 : 4, также уменьшилась до 38 %. Однако удельный вес использования крупного шамота в тех и других оставался высоким. Значительно повысился процент керамики, сделанной по рецептам с меньшей концентрацией шамота 1 : 5, – 30 % и появились сосуды, выполненные с символической примесью шамота, – 13 %.

Расширение источниковой базы в будущем внесет изменения в наши выводы о левшинском гончарстве Нижнего Прикамья, основанные на материалах только двух стоянок. Имеющиеся данные о преобладании приемов отбора илистых глин и нехарактерного для средневожского неолитического гончарства способа их подготовки (дробления) свидетельствуют о смешении камских и южных гончарных традиций. Обращает на себя внимание также отсутствие сосудов, изготовленных в соответствии с ранними камскими гончарными традициями. Это дает основание предполагать полную смену представлений населения камской культуры о сырье: вместо глин стали использовать илистые глины, но прием их подготовки путем дробления остался прежним. Полное перерождение представлений о пластичном сырье как субстратных навыках труда в гончарстве могло произойти в условиях смешения в течение жизни не менее пяти-шести

поколений гончаров, причем, если каждое новое поколение вступало в контакт с носителями иных технологических традиций изготовления керамики [Бобринский, 1978, с. 244]. Полученные результаты указывают на длительность процесса смешения населения Нижнего Прикамья, изготавливавшего гребенчатую камскую керамику, с инокультурными коллективами, который начался на хуторском (или раннем) этапе. В результате к левшинскому времени произошла полная смена представлений о гончарном сырье, хотя орнаментальные традиции остались прежними.

Волго-камская культура

Обобщение данных о гончарной технологии носителей волго-камской культуры Прикамья основывается на результатах изучения керамики разных морфологических групп из двух районов Прикамья – Верхнего и Среднего, а также Нижнего.

1. *Группа слабо- и неорнаментированной керамики.* В гончарных производствах этой керамики на Верхнем и Среднем Прикамье преобладали традиции отбора *глин* (62,5 %). При этом преимущественное распространение получили приемы отбора тощих глин (60 %). Доля изделий из илестых глин достигала 37,5 %. Население, использовавшее илестые глины, чаще всего отбирало тощее сырье (67 %). Приемы дробления илестых глин в сухом виде не отмечены, при этом о дроблении глин свидетельствуют 33 % керамики. Традиции составления ФМ у производителей слабо- и неорнаментированной керамики и у камских гончаров различались. У первых изделия, выполненные по рецептам с большой концентрацией шамота, составляли всего 42 % (ср.: Зиарат – 100 %, керамика хуторского этапа – 80, левшинского – 61%), при этом распространенность рецептов с шамотом в концентрации 1 : 4 и 1 : 5 была существенно выше – 33 и 25 % соответственно, в целом 58 %. При этом у них преобладали приемы использования крупной фракции шамота (размером менее 3–5 мм) – 83 %.

В Нижнем Прикамье керамика этой группы изготовлена преимущественно из илестых глин в естественно-влажном состоянии (90 %). Находки свидетельствуют о преобладании навыков отбора жирных илестых глин (80 %), а также об использовании тощих илестых глин (20 %). Из коллекции IV Тетюшской стоянки изучено четыре сосуда (10 %), которые были сделаны из жирных глин, но без дробления сырья в сухом состоянии. Гончарные традиции населения Нижнего Прикамья, изготавливавшего неорнаментированные сосуды на уровне субстратных представлений о сырье и приемах его подготовки, не проявляли сходства с раннекамскими традициями изготовления гребенчатой керамики. Кроме того, они существенно

отличаются по составлению ФМ от традиций гребенчатой керамики Нижнего Прикамья: доля рецептов с большой концентрацией шамота и ОР составляла всего 3 % (ср.: Зиарат – 100 %, керамика хуторского этапа – 36, левшинского – 19 %). Распространенность рецептов с шамотом в концентрации 1 : 4 и 1 : 5 была достаточно высокой – 13 и 21 % соответственно, в целом 34 % (3 % – керамика с единичными включениями шамота). Велика доля керамики, представляющей рецепты с обожженной глиной (36 %), в которых концентрация минеральной примеси составляла 1 : 4–5. Почти треть неорнаментированных сосудов группы (27 %) изготовлена вообще без шамота, с одним органическим раствором.

2. *Группа накольчатой керамики.* Изделия этой группы из Верхнего и Среднего Прикамья свидетельствуют о почти равном распространении представлений об илестых глинах (47 %) и глинах (53 %). При отборе илестых глин снизилась доля тощего сырья (32 %). Обращает на себя внимание появление приемов дробления илестых глин в сухом состоянии (14 %). Гончары, изготавливавшие посуду из глин, жирное сырье использовали в 75 % случаев, тощее – в 25 %. Применение приема дробления глин в сухом состоянии представляют 33 % находок. В накольчатом комплексе керамика, сделанная по рецептам с большой концентрацией шамота, достигает 75 %. Общая доля рецептов с концентрацией шамота 1 : 4 и 1 : 5 всего 23 %. При этом фиксируется ведущая роль рецепта ФМ с крупной фракцией шамота (менее 3–5 мм) – 98 %. Можно сделать вывод о существенном влиянии камских традиций на мастеров накольчатой керамики в этом районе.

Анализ посуды с накольчатым орнаментом из Нижнего Прикамья выявил иную ситуацию – преобладание сосудов, сделанных из илестых глин в естественно-влажном виде (87 %). Навыки отбора илестых глин получили отражение в 31 % находок. Использование приемов дробления илестых глин в сухом состоянии при производстве керамики с накольчатым орнаментом не зафиксировано. Только 13 % от общего количества изученных сосудов этой группы изготовлены из жирных глин. Однако из них лишь два сосуда имеют признаки дробления пластичного сырья. Находки из Нижнего Прикамья существенно отличаются от находок из Верхнего и Среднего Прикамья по традициям составления ФМ: доля керамики, выполненной по рецептам с шамотом в концентрации 1 : 5 и с единичными зернами шамота, составила 42 %, а с большой концентрацией шамота (1 : 1–3) – всего 2 % (в Верхнем и Среднем Прикамье – 75 %). Отмечается распространение рецептов ФМ без шамота, только с органическим раствором (9 %). Более трети сосудов с накольчатым орнаментом из Нижнего Прикамья содержали примесь обожженной глины (34 %). Данная традиция в гончарстве Верхнего и Среднего Прикамья пока не прослежена.

3. *Группа керамики с насечками.* Изучена по материалам Нижнего Прикамья. По традициям изготовления близка к группам неорнаментированной и накольчатой керамики. При этом она характеризуется более массовым распространением приемов дробления илистых глин. Следует отметить, что смешанные приемы выявлены также при изучении керамики камской культуры. Их проявление зафиксировано в материалах хutorского этапа, а очень большое распространение (60 %) – левшинского периода в Нижнем Прикамье. Наличие таких приемов у изготовителей керамики с насечками указывает на их культурную или хронологическую близость к левшинским группам населения. Керамика с насечками отличалась от неорнаментированной и накольчатой керамики из Нижнего Прикамья полным отсутствием рецептов ФМ без шамота. Рецепты с шамотом также несколько отличаются от двух вышеописанных: рецепты с большой концентрацией составляют 12 % (но крупность шамота менее 2 мм), с шамотом в концентрации 1 : 5 – 50 %, с единичной концентрацией шамота – 12 %. Были зафиксированы и рецепты с обожженной глиной (18 %).

Обобщая результаты изучения, отметим, что по традициям составления ФМ керамические изделия без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками обнаруживают определенную близость между собой, а также с аналогичными изделиями носителей средневожской культуры. Последние относились к смешанному населению, включавшему постелшанские группы, коллективы с традицией изготовления накольчатой посуды и гребенчатой керамики. Сходство прослеживается, во-первых, в традиции составления ФМ только с органическим раствором (причем в значительно меньшей концентрации, чем в посуде с гребенчатой орнаментацией), без добавки шамота; во-вторых, в навыках подготовки ФМ с небольшой концентрацией более мелкого шамота. Наблюдаются и различия: массовое распространение «шамотной» традиции, не характерное для Южного Средневожья, а также, хотя и единичное, применение камских рецептов.

Обсуждение результатов

Результаты изучения гончарной технологии Прикамья свидетельствуют о существовании в Поволжье третьего ареала неолитических гончарных традиций, связанного с носителями камской культуры. Эти традиции были основаны на специфичных представлениях о пластичном сырье с использованием сухих смесей: жирных глин, которые дробились в сухом состоянии и смешивались с шамотом почти в равных долях, затем буквально «склеивались» органическим раствором. Можно предполагать изначальную связь этих технологических приемов с традициями орнаментирова-

ния керамики гребенчатым штампом. На основании серии радиоуглеродных дат наиболее ранняя керамика камской культуры отнесена к последней четверти V тыс. до н.э. Истоки данной керамической традиции не ясны. Связывать ее происхождение непосредственно с двумя известными в настоящее время ареалами раннеолитических гончарных традиций Поволжья (нижневожским и елшанским) и средневожской культурой пока нет оснований. На современном этапе исследования можно предположить, что в Поволжье «шамотная» традиция раньше всего появилась в елшанском гончарстве. Концентрация шамота в большей части елшанской керамики незначительна: единичная и не более 1 : 5, использовался шамот менее 1–2 мм. Доля сосудов с шамотом в ранних елшанских комплексах не превышала 5 %. В свете этих данных введение шамота в ФМ приобретает скорее ритуальный, чем технологический характер. Поиск ответов на вопрос о происхождении камских неолитических традиций требует расширения географических рамок исследования. Представляют интерес заключения, сделанные по зауральским материалам [Васильева, 2011б]. Дробление глин в сухом состоянии, составление сухих смесей с шамотом и органическим раствором в большой концентрации прослежены по материалам Кокшаровского холма (полуденский тип) и стоянки Амня в Зауралье.

Исследование неолитической гончарной технологии подтвердило выводы исследователей, предполагавших взаимодействие и смешение двух различных в культурном отношении групп неолитического населения Прикамья: камской и волго-камской. Сравнительное изучение технологических данных показало, что процессы смешения групп населения имели разную направленность в Нижнем Прикамье, с одной стороны, и в Среднем и Верхнем Прикамье, с другой стороны.

В Среднем и Верхнем Прикамье признаки смешения южных средневожских и камских традиций производства гребенчатой керамики незначительны. Технология изготовления керамики без орнамента и с накольчатым орнаментом характеризуется большим разнообразием, что объясняется, вероятно, смешанностью населения. Значительная часть такой посуды изготовлена в соответствии с камскими традициями, на основании чего можно предположить почти полную ассимиляцию южных групп камским населением.

По материалам из Нижнего Прикамья прослежена противоположная тенденция. В производстве гребенчатой керамики уже на хutorском этапе преобладали смешанные навыки труда, а на левшинском этапе произошло практически полное изменение субстратных представлений о сырье: массовое распространение получил отбор илистых глин. Это может свидетельствовать о значительной степени ассимиляции носителей камских традиций южными группами населения.

Традиции же изготовления керамики волго-камской культуры, близкие к средневожским, в этом районе были очень устойчивые. Лишь единичные сосуды этого комплекса изготовлены в соответствии с камской технологией. Однако в среде волго-камского населения массовое распространение получила «шамотная» традиция, не характерная для средневожских групп. По-видимому, это произошло под влиянием камского гончарства. Предполагается, что традиция изготовления накольчатой керамики на территории Прикамья бытовала в первой половине V – первой половине IV тыс. до н.э., а к позднему левшинскому этапу (середина – вторая половина IV тыс. до н.э.) она прекратила свое существование [Лычагина, 2011, с. 32]. Керамика именно левшинского этапа демонстрирует почти полное перерождение камской гончарной технологии в Нижнем Прикамье. Это могло произойти в результате смешения камского и средневожского населения, которое завершилось полным слиянием двух разных в культурном отношении групп представителей эпохи неолита.

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 193–214.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.** Неолит Поволжья: степь и лесостепь. – Куйбышев: Изд-во Куйб. гос. пед. ин-та, 1988. – 111 с.
- Васильева И.Н.** Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тез. Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии. – СПб., 1994. – Т. II. – С. 111.
- Васильева И.Н.** Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999а. – С. 72–96.
- Васильева И.Н.** Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 1999б. – Вып. III. – С. 191–216.
- Васильева И.Н.** О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. VIII. – С. 23–38.
- Васильева И.Н.** О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. обл. ист.-краевед. музея им. П.В. Алабина, 2008. – С. 40–47.
- Васильева И.Н.** Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 65–77.
- Васильева И.Н.** Ранне-неолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011а. – № 2. – С. 70–81.
- Васильева И.Н.** О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2011б. – Вып. 26. – С. 103–124.
- Васильева И.Н.** Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2012. – Вып. 9. – С. 5–17.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.** Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2012а. – Вып. 10. – С. 23–42.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.** К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. гум.-пед. ун-та, 2012б. – Вып. VIII. – С. 33–50.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.** О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. – 2013. – № 1. – С. 60–86.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.** Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 181–198.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.** Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале (III). – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 156–159.
- Выборнов А.А.** Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – 490 с.
- Выборнов А.А., Габышев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.** Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: Изд-во Перм. гос. гум.-пед. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 36–45.
- Габышев Р.С.** Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань: ФЭН, 2003. – 223 с.
- Лычагина Е.Л.** Проблемы периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: Изд-во Перм. гос. гум.-пед. ун-та, 2006. – Вып. 1. – С. 11–24.
- Лычагина Е.Л.** О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 28–33.

*Материал поступил в редколлегию 20.05.13 г.,
в окончательном варианте – 29.05.13 г.*

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.5

В.И. Молодин¹, И.А. Дураков²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

²Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: Idurakov@yandex.ru

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ – РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА ОРДЫНСКОЕ-1 (новая версия историко-культурной интерпретации)

В статье обобщены материалы погребений эпохи ранней – развитой бронзы многослойного могильника Ордынское-1. Дается общий обзор истории их изучения и интерпретации. Рассматриваются проблемы датировки и культурной принадлежности основных погребальных комплексов кротовской и елунинской культур.

Ключевые слова: эпоха ранней – развитой бронзы, кротовская и елунинская культуры, межкультурное взаимодействие.

Введение

Могильник Ордынское-1 является разнотипным памятником, включающим погребения эпохи неолита, развитой бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. Он расположен на высоком мысу левого берега Новосибирского водохранилища и Ордынского залива, образованного одноименной рекой в месте ее впадения в р. Обь, в 2 км к юго-востоку от р.п. Ордынское Ордынского р-на Новосибирской обл. (рис. 1). До заполнения ложа водохранилища западная оконечность мыса представляла собой низкую надпойменную террасу р. Орды, восточная – высокий увал.

В 1950-е гг. на территории памятника Ордынское-1 М.П. Грязнов частично раскопал две неолитические стоянки – Западную и Восточную – и при исследовании курганного могильника раннего железного века нашел два энеолитических погребения [1954; 1956, с. 29]. В 1961 г. В.П. Алексеев опубликовал краниологическую серию эпохи неолита и бронзы, в т.ч. из могильника Ордынское-1 [1961].

На наиболее высокой части террасы Орды находились некрополи, среди них – курганы эпохи бронзы Ордынское-1г, группа курганов раннего железного

века и средневековья Ордынское-1е. В северо-восточной части могильника под насыпью кург. № 17 прослежены остатки жилища самусьской культуры. В.А. Захом вскрыта небольшая часть котлована и выявлены восемь столбовых ямок диаметром 0,1–0,2 м и глубиной 0,1 м [Зах, 1983, с. 58, 64]. Обнаруженная в жилище керамика аналогична посуде 1-й группы с поселения Самусь IV [Там же, с. 64].

Весь этот замечательный комплекс был открыт в 1953 г. М.П. Грязновым, им же в 1952–1954 гг. проведены первые исследования памятника [Грязнов и др., 1973, с. 14–17; Завитухина, 1968, с. 28]. Позже объект неоднократно раскапывался: в 1962 г. – В.А. Дрёмовым, в 1965, 1967, 1970, 1994 гг. – Т.Н. Троицкой, в 1973–1975 гг. – В.А. Захом, в 1987 г. – А.В. Новиковым [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 97; Троицкая, 2010, с. 19–58, 66; Комарова, Молодин, 1973]. По большей части это были охранные работы, включающие исследования постоянно разрушающегося края береговой линии; поэтому многие из вскрытых здесь комплексов были уже сильно повреждены.

Еще на ранних этапах изучения памятника встал вопрос о культурной принадлежности ряда погребений могильника, а также о своеобразии комплек-

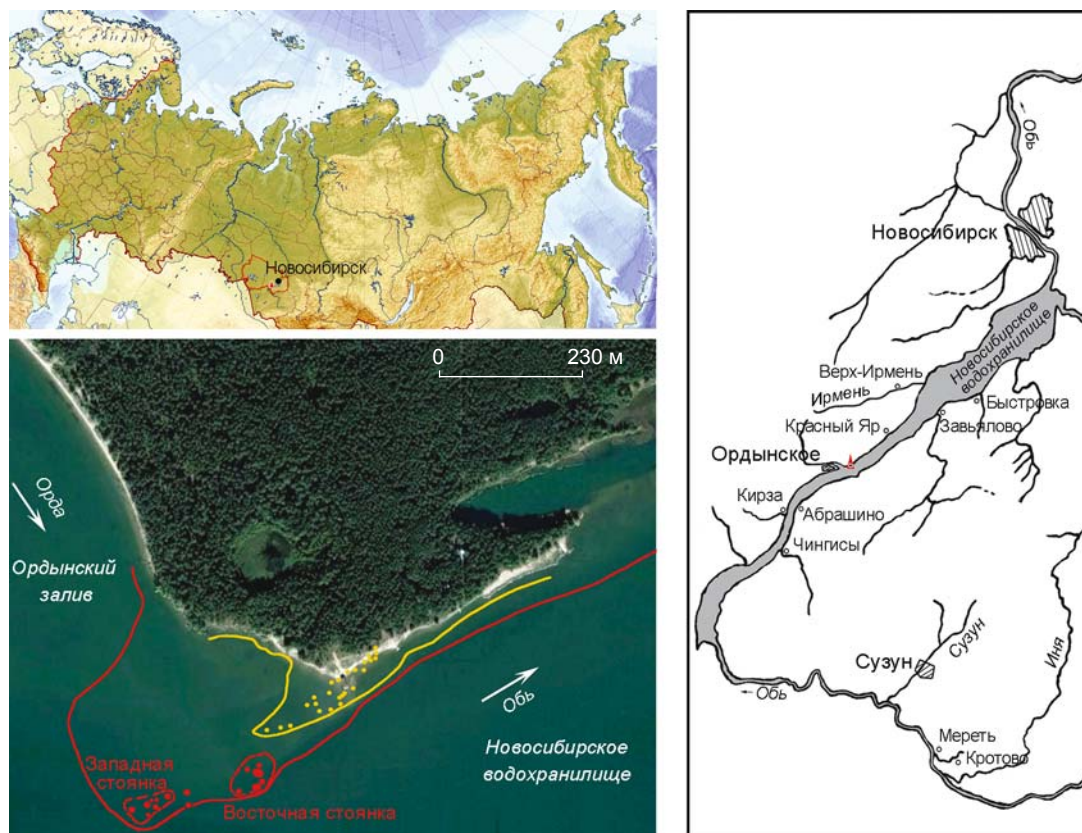

Рис. 1. Расположение могильника Ордынское-1. На нижней врезке красным обозначена зона береговой линии затопления ложа Новосибирского водохранилища, желтым – граница береговой линии после затопления (состояние на 1962 г.).

са керамики, представленного серией археологически целых сосудов. Одну часть могил исследователи интуитивно относили к периоду неолита или раннего металла, другую – предположительно к культурам раннего железного века [Троицкая, 1973, с. 92]. Большую группу погребений атрибутировать вообще не удалось [Там же, с. 100; Зах, 1983, с. 65]. Значительная часть захоронений, относящихся к эпохе неолита [Молодин, 1977], диагностирована как большебереченские и кулайские [Завитухина, 1968; Троицкая, 1979, с. 22–25, 71–73; Зах, 1983, с. 65]. Кроме того, были обработаны и введены в научный оборот материалы поселенческих комплексов.

Часть керамического комплекса, представленная археологически целыми сосудами, первоначально была датирована эпохой энеолита или ранней бронзы и сопоставлена с материалами поселения Кротово-7/8 [Троицкая, 1973, с. 92]. В.И. Матющенко опубликовал два сосуда из этой коллекции и определил их как самусьские [1973, рис. 54, 1,2]. Позже часть керамического комплекса Ордынского-1 одним из авторов данной статьи была отнесена к кротовской культуре [Молодин, 1977, с. 50, 54–55, табл. LIV, 1,2; LVI, 1,2; LVII, 2; LVIII, 7,8].

В связи с обнаружением на уровне материка внепоселенческого слоя археологически целых сосудов возникло предположение о существовании на территории памятника особого могильника. Первоначально считалось, что его погребения были полностью разрушены при возведении курганных насыпей раннего железного века [Троицкая, 1973, с. 92]. Вопрос о принадлежности конкретных могил к кротовской культуре впервые был поставлен В.А. Захом [1979; 1983, с. 64]. Открытие в Барабинской лесостепи могильника Сопка-2/4Б, сходного по погребальному обряду и инвентарю с указанным кротовским могильником, позволило поставить вопрос об единокультурности этих памятников и отнести к ним ряд недатированных могил Ордынского-1 [Молодин, 1985, с. 83–84].

Таким образом, в процессе исследования многослойного памятника Ордынское-1 на его территории был обнаружен могильник кротовской культуры. Судя по распространению кротовской керамики и расположению погребений, он находился под насыпями близлежащих кург. № 2, 7, 8 и 11, а также на межкурганном пространстве, вскрытом сплошной площадью в 1973–1975 гг. (рис. 2, 2).

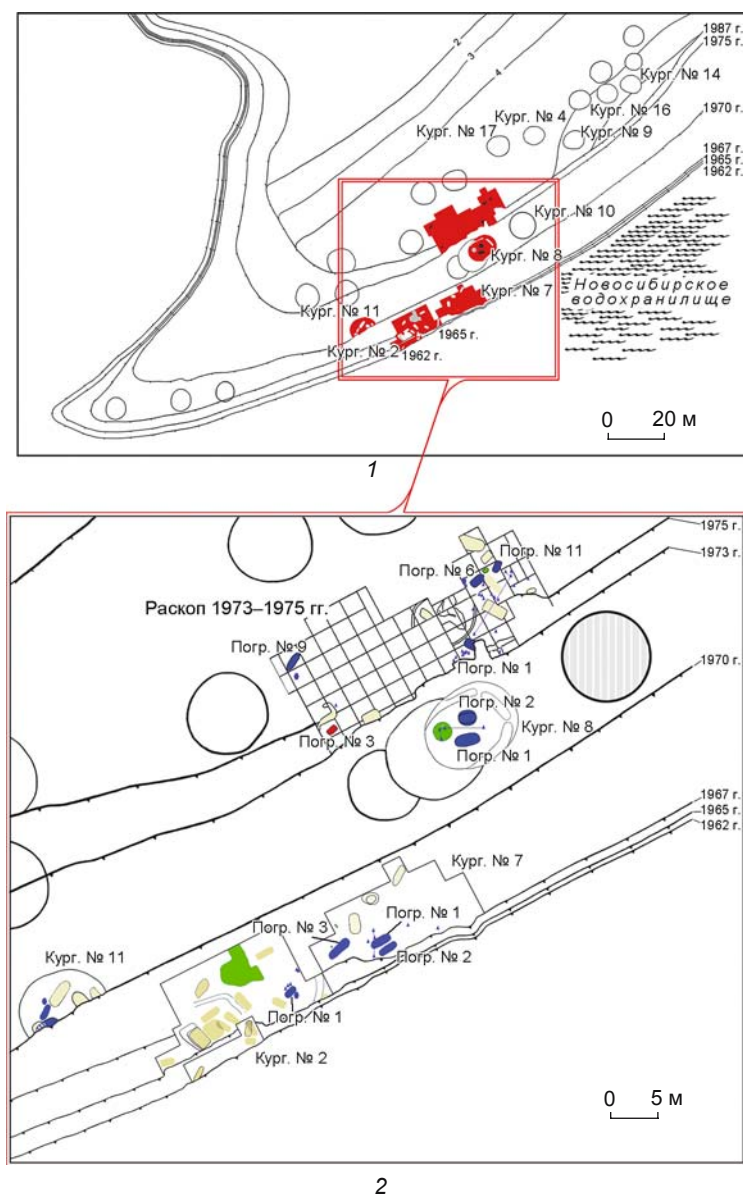

Рис. 2. План могильника Ордынское-1 (1) и схема расположения раскопов 1962–1973 гг. (2).

Во второй половине 1980-х гг. Ю.Ф. Кирюшин отнес поселенческие материалы, в т.ч. с памятника Ордынское-1, к кротовской культуре [1986, с. 20]. В начале XXI в. находки с восточной стоянки (Ордынское-1а) он датировал энеолитом [2002, с. 39]. Артефакты с Западной стоянки Ордынское-1б исследователь причислил ко 2-й группе (2-я подгруппа) материалов этого периода [Там же, с. 40]. Находки из четырех захоронений памятника Ордынское-1а (три из них исследованы М.П. Грязновым и одно В.А. Захом) Ю.Ф. Кирюшин предложил рассматривать как изделия ирбинского типа [Там же, с. 45, рис. 48, 2–8, 11; 64, 66, 67, 70].

Территория в районе памятника Ордынское-1, по мнению Ю.Ф. Кирюшина, является северной оконеч-

ностью ареала выделенной им елуинской культуры [Там же, с. 46]. В 1-ю группу елуинской посуды он включает «семь сосудов, обнаруженных Т.Н. Троицкой в насыпях курганов 2, 7, 8 и 11 могильника Ордынское 1» [Там же, с. 50, рис. 99, 1–3; 100]. К елуинской культуре исследователь относит и три захоронения Ордынского могильника, исследованные В.А. Захом [Там же, с. 68; Кирюшин, Грушин, 2001, с. 40]. Вместе с тем Ю.Ф. Кирюшин разделяет мнение В.И. Молодина о принадлежности ряда погребений могильника к кротовской культуре [Кирюшин, 2002, с. 69], считая, что этот памятник находился на границе ареалов кротовской и елуинской культур [Там же, с. 88].

Новое обращение к материалам могильника Ордынское-1 представляется нам актуальным по целому ряду обстоятельств. Во-первых, кротовский материал могильника пока до конца не обобщен и не систематизирован, ввиду чего его использование в научной литературе крайне затруднено. Во-вторых, после выделения Ю.Ф. Кирюшиным в 1986 г. особой елуинской культуры [1986], синхронной кротовской, некоторые специалисты стали причислять к первой и памятники, которые считались кротовскими с момента выделения М.Н. Комаровой кротовского типа керамики [1956, с. 98–99, 101, рис. 42, 1–7]. К кротовским могильник Ордынское-1 относили и позже, после выделения В.Ф. Генингом и его учениками памятников кротовского типа [Генинг и др., 1970], а впоследствии, с расширением источниковой базы, и особой (кротовской) культуры [Молодин, 1975а, б].

Стремление Ю.Ф. Кирюшина изменить определение культурной принадлежности коснулось и захоронений памятника Ордынское-1, которые некоторыми барнаульскими исследователями определяются как елуинские [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 553; Грушин, 2001, с. 219]. Такое положение дел приводит к терминологической путанице и требует специального анализа. Важное значение для решения данной проблемы имеет рассматриваемая часть могильника Ордынское-1. Территория памятника, находящаяся в пограничной зоне распространения кротовской и елуинской культур [Кирюшин, 1987, с. 121; 2002, с. 88], использовалась, очевидно, носителями этих культур для сооружения захоронений.

Описание памятника

Результаты анализа материалов многолетнего изучения памятника Ордынское-1, в т.ч. архивных данных, позволяют рассматривать интересующие нас комплексы в рамках, по-видимому, особого могильника, сильно нарушенного более поздними захоронениями (рис. 2; 3, 1).

Курган № 2 (рис. 3, 1). К моменту изучения его насыпь оказалась более чем наполовину разрушенной

Новосибирским водохранилищем. Исследования объекта были начаты в 1962 г. В.А. Дрёмовым; им были вскрыты слои на площади 21,5 м² [1962]. Полностью курган раскопан в 1965 г. Т.Н. Троицкой. Полученные данные частично опубликованы [1973, с. 89, рис. 1, Б]. Изделия кротовской культуры обнаружены около погр. № 1 и в углубленной в материк грабительской яме (рис. 3, 2–4).

Погребение № 1 (рис. 3). Находилось на уровне материка у восточного края курганной насыпи

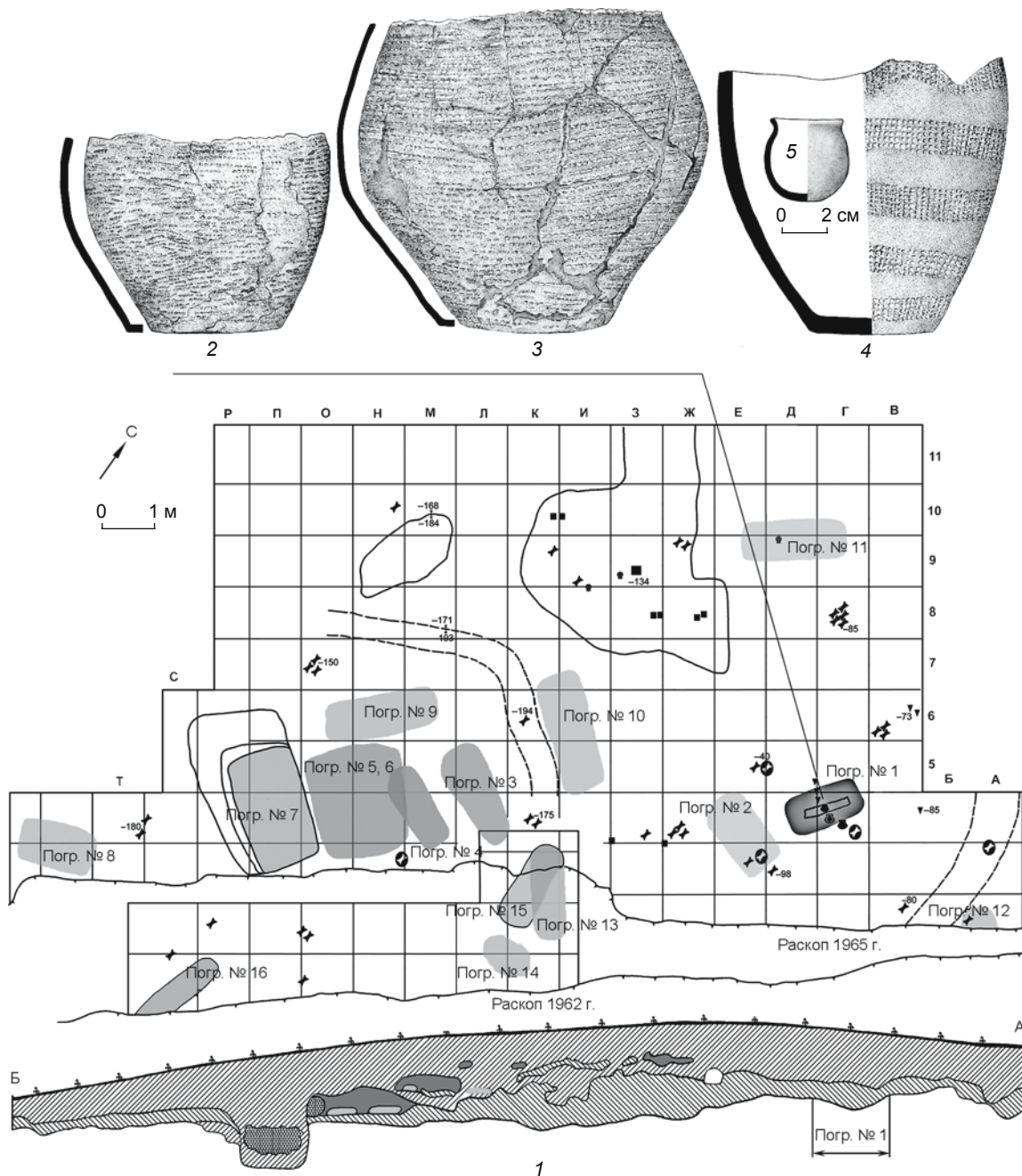

Рис. 3. План раскопов 1962 и 1965 гг. (1) и сосуды из погр. № 1 в кв. Г4 (2–4) кург. № 2.

(кв. 4/г-д). Ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Сохранились остатки истлевшего дерева перекрытия. Скелет ребенка полностью разложился; ориентацию погребенного определить не удалось. Четкие контуры могилы не прослеживались. Могильная яма фиксировалась только в стратиграфическом разрезе. Заполнение могилы – светлая супесь, дно неровное, с повышением в северо-восточной части.

Справа от погребенного, у южного края могилы, на материке обнаружены развалы трех кротовских сосудов: два, видимо, были вставлены друг в друга, в 0,2 м от них стоял третий. Его фрагменты найдены и у северного края могилы (рис. 3, 2–4). Четвертый сосуд – миниатюрный слабопрофилированный неорнаментированный горшок – зафиксирован на истлевшем перекрытии (рис. 3, 5). Первоначально сосуд определен как кулайский; отмечены его сходство с больше-реченскими образцами и отличия от них по обработке

поверхности и составу формовочного материала [Троицкая, 1979, с. 24]. С учетом наличия аналогичной посуды в материалах керамического комплекса поселения Преображенка-3 и контекста залегания сосуд следует отнести к кротовской культуре.

В грабительской яме у северной стенки раскопа найдена серебряная серьга в виде незамкнутого кольца диаметром 1,7 см [Троицкая, 1973, рис. 3, ж]. Она изготовлена из литого круглого в сечении стержня толщиной 0,16 см. Подобные кольца часто встречаются в материалах кротовских могильников Сопка-2/4Б и Тартас-1 [Молодин, 1985, с. 65–66, рис. 32, 3–5, 9–15, 24, 26; 34, 26].

Яма неправильной вытянутой формы, ориентирована продольной осью по линии запад – восток. Ее максимальные размеры 4,5×2,1 м, глубина от уровня материка 0,33 м. От ямы к северной стенке раскопа тянется канава шириной 1,4 м. Серебряное кольцо лежало вместе с обломками бус из листовидной бронзы (кв. 9/и). На расстоянии 0,25 м к югу от этих находок обнаружен череп человека, обращенный лицевой стороной вверх. Вероятно, яма являлась разрушенным кротовским погребением.

Курган № 7 (рис. 4, 1). Вплотную примыкал к кург. № 2 и своей западной полой полностью сливался с ним [Троицкая, 1967, с. 8, рис. 21]. Раскопан Т.Н. Троицкой в 1967 г.* [Там же, с. 6–8, рис. 23–32, 35]. На момент раскопок насыпь больше чем наполовину была разрушена Новосибирским водохранилищем. Ее длина по линии обрыва составляла 20 м, ширина 17, высота 1 м. Материалы частично опубликованы [Троицкая, 1973, с. 84–88]. Курган, вероятно, представлял собой наложение друг на друга нескольких насыпей. На территории раскопа обнаружены шесть погребений. Одно из них (№ 5) датировано периодом поздней бронзы, еще два (№ 4 и 6) – концом I тыс. до н.э. [Там же, с. 93, 95]. Три погребения (№ 1–3) отнесены к кротовской культуре. Могилы расположены компактно под восточным краем курганной насыпи. Погребения № 1 и 2 находились в одном ряду, мог. № 3 – в 3,2 м к западу от них (см. рис. 4, 1).

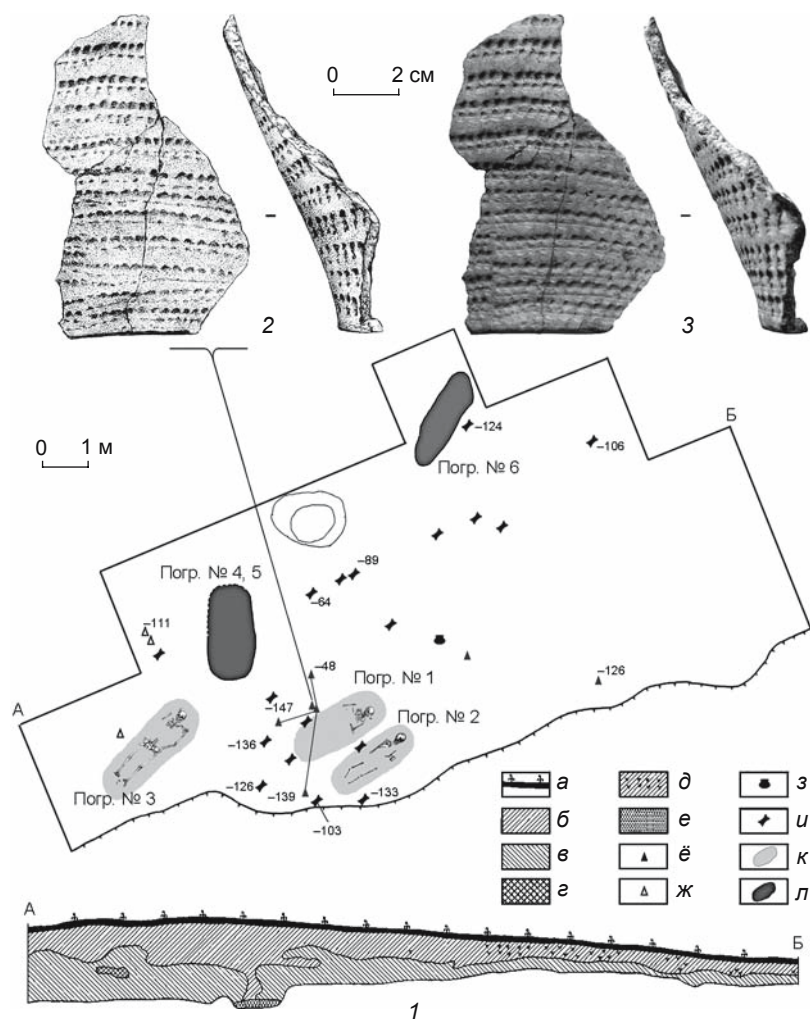

Рис. 4. План и разрез кург. № 7 (1), фрагмент керамического сосуда из него (2, 3). а – дерн; б – черная супесь; в – светлая супесь; г – остатки дерева; д – вкрапления пепла; е – погр. № 4, 5; ё – кротовская керамика; ж – прочая керамика; з – керамический сосуд; и – кости животных; к – кротовские погребения; л – прочие погребения.

*В раскопах 1967 г. участвовал один из авторов настоящей статьи.

Погребение № 1 (рис. 5, 2). Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет находился на уровне материка. Могила ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Очевидно, что глубина могильной ямы была небольшой и соответствовала мощности погребенной почвы. Погребение № 1 находилось в одном ряду с погр. № 2. Умерший был погребен на спине, головой на северо-восток. Сохранились череп в сочленении с нижней челюстью, шесть позвонков с семью ребрами и левая ключица. Кости рук лежали вдоль костяка; *in situ* сохранились плечевые кости. Локтевая и лучевая кости левой руки были смещены, хотя и находились в сочленении. Слева от височных костей погребенного обнаружена хорошо окатанная круглая галька размерами 4,7×3,4 см со следами забитости. Она опубликована Т.Н. Троицкой [1979, табл. XXV, 23]. В насыпи на участке, прилегающем к погребению с юго-запада, в предматериковом слое найдены обломки человеческих костей, фрагменты придонной части и тулова кротовского сосуда, видимо, из разрушенной части могилы (см. рис. 4, 2, 3).

Первоначально погребение было отнесено Т.Н. Троицкой к кулайской культуре. Заключение сделано с учетом ориентации могилы и найденной в ней гальки-ударника – предмета, часто встречаемого в кулайских погребениях могильника Каменный Мыс [1973, с. 99]. Однако погребальный обряд, сохранность костей, расположение могилы в одном ряду с кротовским погр. № 2 и явная связь с найденным рядом развалом кротовского сосуда позволяют уверенно отнести ее к кротовской культуре.

Погребение № 2 (см. рис. 5, 1). Ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Контуры могильной ямы зафиксировать не удалось. Глубина могилы была невелика и, по-видимому, соответствовала мощности погребенной почвы. Подросток 11–12 лет был похоронен на уровне материка вытянуто на спине, головой на северо-восток [Там же, с. 89]. При погребении правая нога была вытянута, левая слегка согнута в колене, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Около локтевого сгиба левой руки найдена тонкая прямоугольная пластина из серого мелкозернистого песчаника (рис. 5, 3, 4). Ее длина 11,3 см, ширина 8, толщина колеблется от 0,4 до 0,14 см. Ближе к краям толщина пластины плавно уменьшается; в

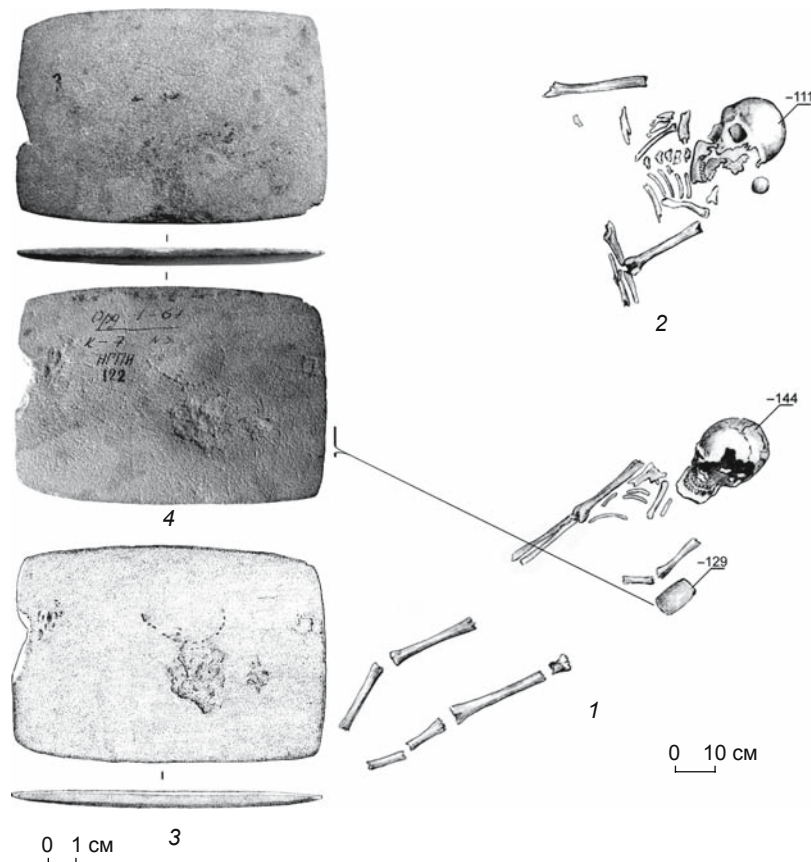

Рис. 5. Планы погр. № 2 (1) и № 1 (2) кург. № 7, каменная пластина из погр. № 2 (3, 4).

сечении она почти линзовидной формы. Поверхность тщательно отшлифована. На одной стороне прослеживается слабая забитость в виде скоплений неглубоких ямок (рис. 5, 3, 4). На другой стороне имеются микровкрапления окислов меди. Функциональное назначение изделия не ясно. В настоящее время оно хранится в музее Новосибирского государственного педагогического университета (№ 122). Аналогичная пластина найдена в кротовском погр. № 13 (кург. 6) могильника Сопка-2/4Б [Молодин, 1985, с. 44–45, рис. 18, 10]. Она также изготовлена из мелкозернистого песчаника. Пластина была аккуратно распилена пополам, и в могилу положена только одна половина. Специфическая форма изделия делает его своего рода культуродиагностирующим маркером, и значение находки трудно переоценить.

Погребение № 3 (см. рис. 2; 6). Ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Контуры могилы не выявлены. Глубина соответствовала толщине погребенной почвы. Над скелетом прослеживался слой засыпки могилы толщиной в 2–3 см, состоящей из почвы с вкраплениями углей и золы [Троицкая, 1967, с. 7].

Умерший был погребен на уровне материка на спине, головой на северо-восток. При захоронении

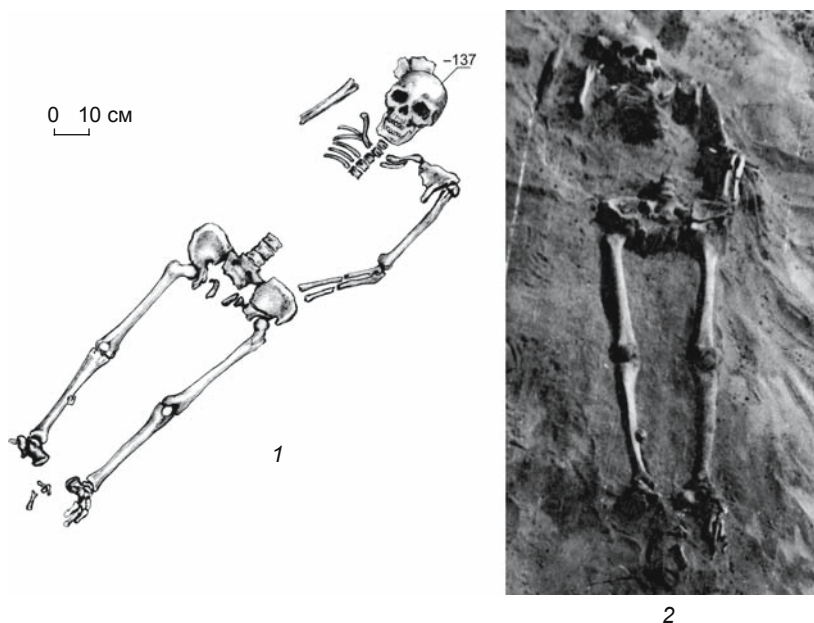

Рис. 6. План (1) и фото (2) погр. № 3 кург. № 7.

руки были положены вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте. Лучевая и локтевая кости правой руки утрачены. Грудная клетка сильно повреждена. Сохранились пять грудных позвонков в сочленении с пятью правыми ребрами и одним левым, а также три позвонка поясничного отдела. Кости ног вытянуты, стопы развернуты в разные стороны. Находок в погребении не обнаружено.

Кургan № 8 (см. рис. 2; 7, 1). Расположен в 10 м к северо-востоку от кург. № 2 и 7. Исследован Т.Н. Троицкой в 1967 г. [1967, с. 8–9, рис. 34–39]. Материалы частично опубликованы [Троицкая, 1973, с. 89–90, рис. 1, к; 3, д, е].

Кургan представлен северо-восточной половиной длинной невысокой (0,2–0,3 м) насыпи, принятой сначала за несколько слившихся вместе курганов. В полевой сезон 1967 г. удалось вскрыть только часть насыпи, под которой были обнаружены ровик, две могилы и круглая яма. В ходе работ выяснилось, что прослеженный под насыпью ровик уходит за пределы раскопанной территории, следовательно, была вскрыта только часть длинного кургана. Работы предполагалось продолжить, однако когда они возобновились в 1970 г., этот участок могильника был уже полностью размыт.

Насыпь кургана состояла из двух горизонтов: верхний представлен очень плотной темной супесью, нижний – светлой супесью, которая заполняла ров, яму и частично могилу (рис. 7, 1). По структуре насыпи и погребальному обряду рассматриваемый курган значительно отличался от остальных курганов могильника, поэтому сначала его датировка и атрибуция вызвали затруднение [Троицкая, 1973, с. 100]. Позже В.И. Молодин на основе анализа инвентаря и особенностей погреб-

бального обряда отнес погребения к кротовской культуре [1985, с. 83].

Погребение № 1 (рис. 8). Расположено в южном секторе кургана. Могила частично перекрыта мощным слоем прокаленной почвы, пепла и угольков. Размеры прокала 1,3×0,95 м, толщина 0,22 м.

Могильная яма имеет форму вытянутого овала. Ее длина 1,60 м, ширина 0,95, глубина 0,5–0,8 м. Яма ориентирована по линии запад – восток. Северная, южная и восточная стенки могилы отвесные, западная – наклонная. Дно неровное – у западной стенки оно выше на 30 см, чем у восточной, поэтому вся юго-западная часть могилы несколько приподнята.

2

Погребение потревожено в древности. Заполнение могильной ямы – плотная светлая супесь. Над погреб-

ленным прослеживается слой древесного тлена перекрытия. В разрезе заметен след грабительского проникновения в виде доходящей до перекрытия линзы темной супеси.

Умерший погребен на спине, головой на запад, с немного согнутыми в коленях и слегка разведенными в стороны ногами. При захоронении его руки были вытянуты вдоль туловища, торс и голова приподняты за счет неровности дна и, видимо, опирались на западную стенку могилы. В западной части погребение потревожено при разграблении. Череп, нижняя челюсть и плечевая кость левой руки были смещены и лежали в беспорядке.

Погребение № 2 (рис. 9, 1). Расположено на границе северного и западного секторов кургана, в 0,65 м к северу от погр. № 1. Могильная яма имеет форму овала. Ориентирована по линии запад – восток. Углублена в материк уступами. Ее длина по верхнему контуру 1,5 м, ширина 1,25, глубина от материка 0,8–0,85 м. На глубине 9 см яма резко сужается и образует вдоль южной и северной стенок широкую ступеньку. Размеры могилы по краю уступа уменьшаются: длина 1,3 м, ширина 0,7 м. Дно могилы неровное – его уровень повышается к западной стенке на 5 см.

Погребение потревожено в древности. Заполнение могильной ямы – плотная светлая супесь с линзами серого песка и темной супеси – след грабительского проникновения. Над костяком прослеживается слой древесного тлена.

В могиле был погребен ребенок в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп отсутствовал. При захоронении руки были положены вдоль туловища и слегка разведены в стороны, ноги вытянуты;

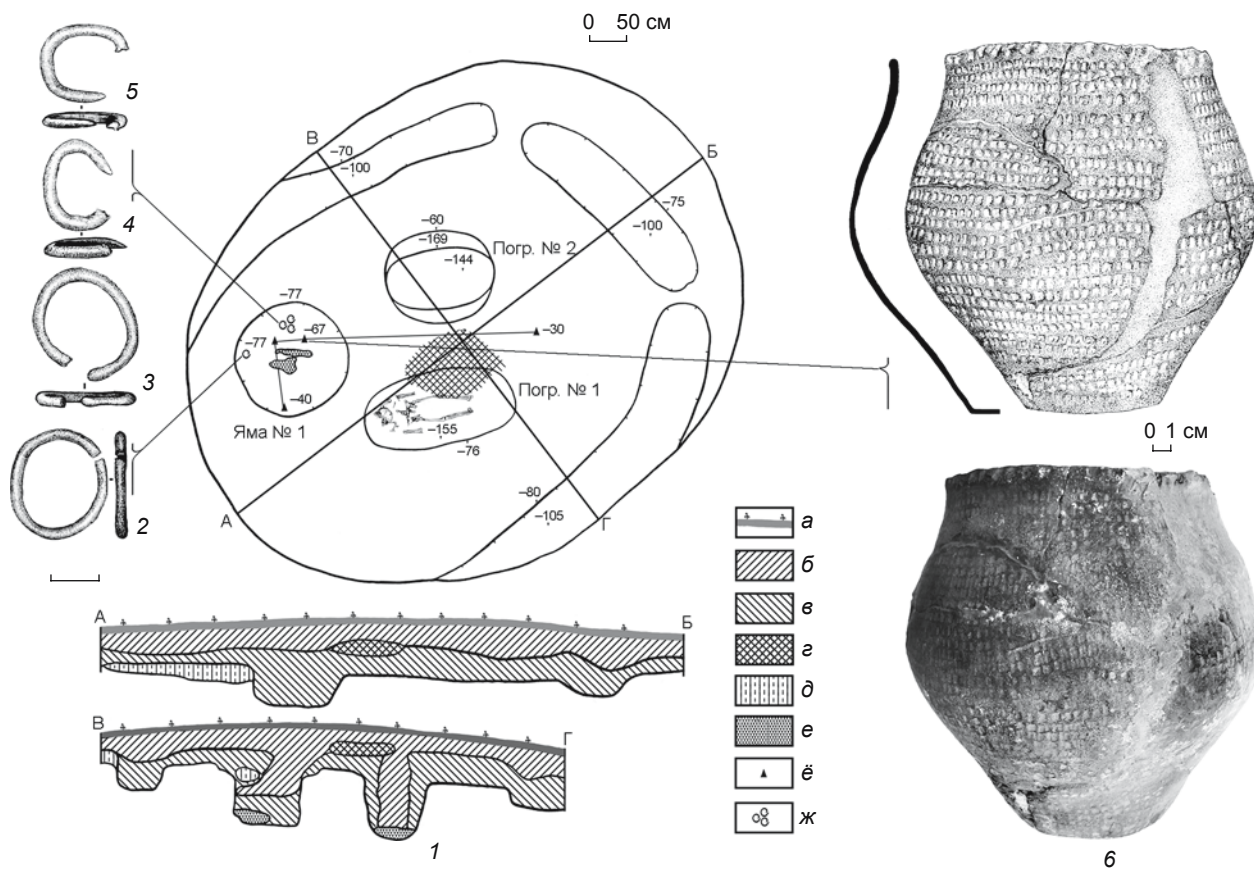

Рис. 7. План раскопа и разрез кург. № 8 (1), металлические украшения (2–5) и керамический сосуд из ямы № 1 (6).

а – дерн; *б* – темно-серая почва; *в* – светло-серая почва; *г* – прокаленная почва; *д* – серый песок; *е* – дерево; *ё* – фрагмент керамики; *ж* – металлические кольца. 2, 3 – серебро; 4, 5 – бронза.

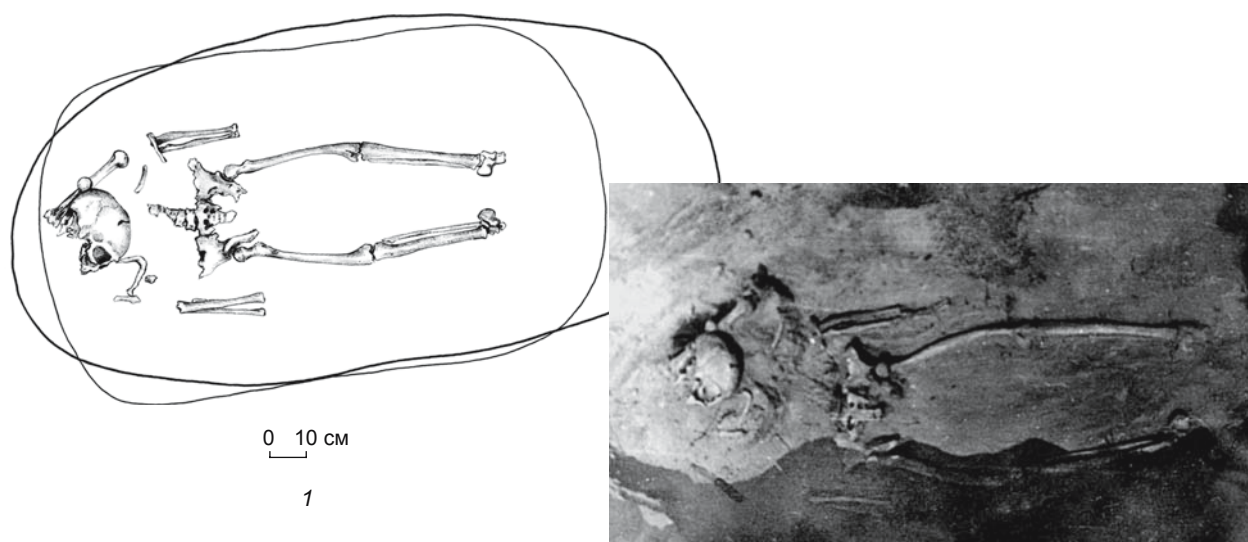

Рис. 8. План (1) и фото (2) погр. № 1 кург. № 8.

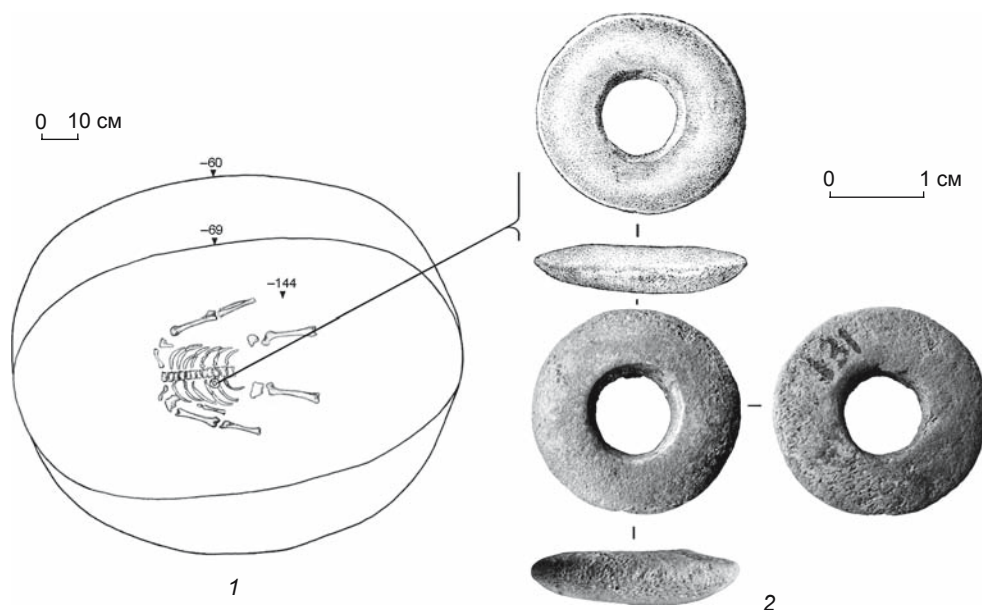

Рис. 9. План погр. № 2 кург. № 8 (1) и костяной диск (2).

in situ находились только бедренные кости. Грудная клетка сохранилась полностью; на ребрах лежала подвеска в виде слегка выпуклого с обеих сторон рогового диска с круглым отверстием в центре (рис. 9, 2). Его диаметр 2,2 см, толщина 0,6, диаметр отверстия 1 см. Подобные изделия из рога, кости и камня широко представлены в материалах кротовской культуры. Практически такое же костяное кольцо только с насечками по краю обнаружено в погр. № 13 кург. 6 могильника Сопка-2/4Б [Там же, с. 53, рис. 25, 9]. В этой же могиле находился еще один диск из розового мрамора [Там же, с. 42, рис. 18, 1]. Два аналогичных изделия из камня встречены в погр. № 1 кург. № 48 и погр. № 6 кург. № 44 на Сопке-2/4Б [Там же, с. 42, рис. 18, 2, 3]. Все диски, зафиксированные *in situ* в могильниках Сопка-2/4Б и Ордынское-1, находились в районе пояса, что указывает на их использование в качестве украшения костюма [Там же, с. 42, 67].

В 0,45 м к северо-западу от погр. № 1 и в 0,8 м к юго-западу от погр. № 2 располагалась яма № 1 круглой формы. Ее диаметр 1,5 м, глубина 0,4 м. В заполнении ямы обнаружены обломки кротовского сосуда. Фрагмент этого же сосуда залегал на уровне материка в 0,7 м к северо-востоку от погр. № 1. Сосуд реконструируется практически полностью (см. рис. 7, б). Он горшковидной формы, высота его составляла 16,5 см, диаметр по венчику 10,5, диаметр дна 9 см. Вся поверхность изделия орнаментирована тесно поставленными оттисками отступающего гребенчатого штампа. Край венчика украшен вдавлениями той же гребенки [Молодин, 1977, табл. LVII, 2].

У северной стенки ямы компактной кучкой лежали три серьги: две бронзовые и одна серебряная

(см. рис. 7, 3–5). Еще одна такая же серебряная серьга найдена у западной стенки той же ямы (см. рис. 7, 2). Бронзовые серьги изготовлены из круглого в сечении прутика диаметром 0,3 см. Прутик согнут в кольца диаметром 2,2 см таким образом, что в месте соединения концов зазоры не превышают 0,1 см. Серебряные серьги представляют собой незамкнутые кольца диаметром 1,5 и 1,7 см, выполненные из прутика толщиной 0,3–0,4 см. Часть находок опубликована [Троицкая, 1973, рис. 3, д, е]. Серьга, аналогичная последним, найдена в описанной выше грабительской яме кург. № 2 рассматриваемого могильника.

Прутики, из которых сделаны серьги, отлиты по восковым моделям в неразъемных литейных формах. На это указывают неравномерная толщина – результат раскатывания пластичной массы в тонкий жгут, а также отсутствие литейных швов. Для изготовления колец пруттик был разделен на отрезки нужной длины. Судя по сломам, после нескольких повторных перегибаний он был просто переломлен без какой-либо предварительной подрезки. Затем отрезок прутика согнули в форме кольца. Бронзовые серьги слегка проковывались на круглом шаблоне. Остальные сгибали в кольцо через упор. Такие изделия широко представлены в материалах культур ранней – развитой бронзы Евразии. Важно отметить их наличие в материалах как кротовской [Молодин, 1985, с. 65–66], так и елунинской [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010] культур.

Описанные захоронения вряд ли имеют непосредственное отношение к кургану. Земляное сооружение, как и ровик, является, вероятно, более поздней конструкцией большереченской (?) культуры; часть его вместе с захоронением осталась недоисследованной.

Курган № 11. Находится в 10 м к западу от кург. № 2 и 7 (см. рис. 2; 10, 1). Раскопан Т.Н. Троицкой в 1970 г. [1970, с. 21, рис. 88–90]. Часть материалов опубликована [1973, с. 90, рис. 5, в]. На момент раскопок насыпь была уже наполовину размыта и обрушилась в Новосибирское водохранилище. Длина оставшейся части по береговой линии 9,46 м, ширина 4,8, высота 0,3 м. В кургане обнаружены шесть погребений, из них три (№ 2, 3, 6) датируются концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. [Там же, с. 95, 99; 1979, с. 73]. Могила № 1 и 5 не датированы. К кротовской культуре принадлежит только погр. № 4.

Погребение № 4 (рис. 10; 11, 1). Могила овальной формы, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Погребение сильно повреждено. Его южная стенка размыта и обрушилась в Новосибирское водохранилище. Юго-западная часть могилы разрушена перерезающим ее более поздним погр. № 5. Стенки сохранившейся части могильной ямы отвесные, глубина от уровня материка 0,25 м. Заполнение могилы однородное, представлено темной супесью. В насыпи кургана прослежен образовавшийся при сооружении погребения выкид в виде линзы желтого песка.

В погребении обнаружены находившийся на левом боку череп с нижней челюстью взрослого человека, а также локтевая и лучевая кости правой руки. Видимо, умерший был положен в могилу головой на северо-запад, точнее установить положение скелета не представляется возможным.

В могиле на уровне дна найдена плоская прямоугольная шлифованная каменная пластина, линзовидная в сечении. Она аналогична пластине из погр. № 2 кург. 7, изготовлена в той же технике, но меньше по размерам (см. рис. 11, 2, 3). Длина изделия 9,5 см, ширина 5,3, толщина 0,35–0,12 см. В 1,6 м к северу на уровне материка находился развал кротовского сосуда: дно и часть тулова; венчик отсутствовал (см. рис. 10, 2).

Первоначально погребение было датировано эпохой неолита [Троицкая, 1970, с. 21; 1973, с. 92], однако позже на основании аналогий с материалами могильника Сопка-2/4Б оно было отнесено к кротовской культуре [Молодин, 1985, с. 44–45].

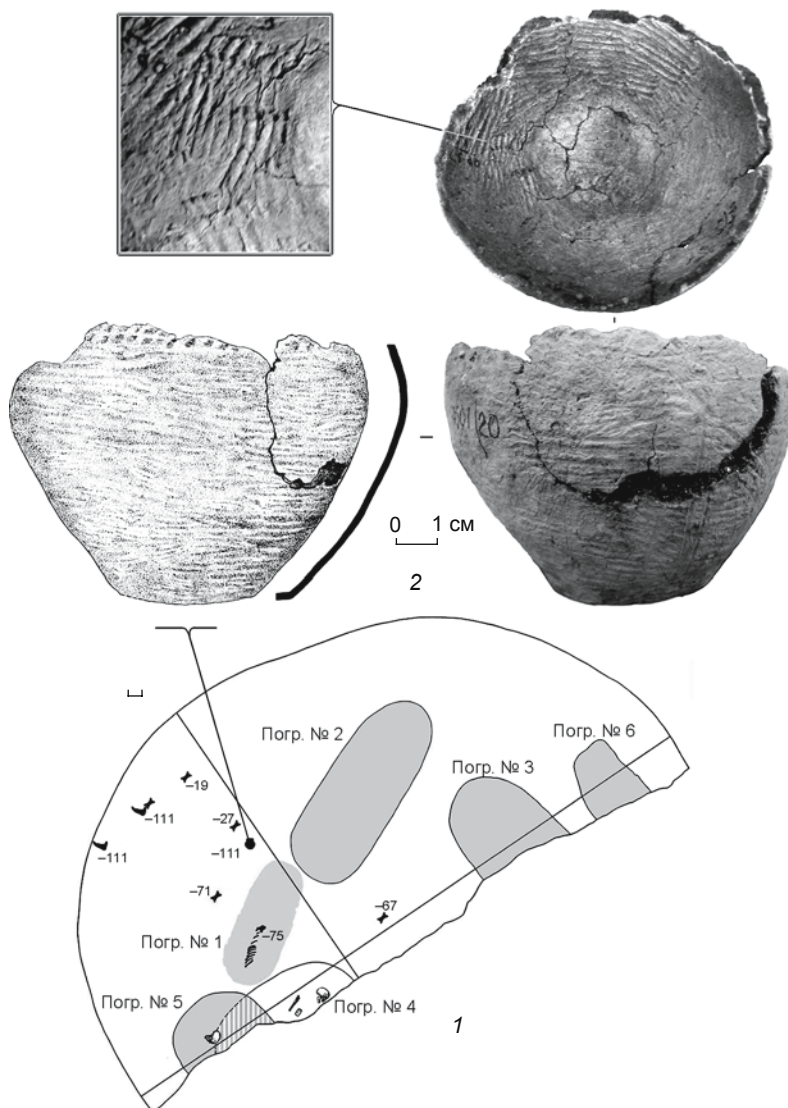

Рис. 10. План кург. № 11 (1) и керамический сосуд из насыпи кургана (2). На врезке – следы гребенчатого штампа на поверхности сосуда.

Часть межкурганного пространства к северу и северо-востоку от кург. № 8 в 1973–1975 гг. была исследована сплошной площадью (238 м²) [Зах, 1983, с. 61]. На вскрытой территории выявлены 17 разновременных захоронений, из которых пять принадлежат кротовскому времени, а четыре – вероятно, к кротовской культуре.

Погребение № 1 (см. рис. 2; 12, 1). Размыто Новосибирским водохранилищем, вся юго-восточная часть могилы обрушилась. По внешнему контуру могила прямоугольной формы, со слегка закругленными краями. Ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Длина сохранившейся части 1,20 м, ширина 0,97, глубина 0,26 м. Могила полностью разграблена. Ориентацию погребенного установить не удалось, сохранилось только несколько лежавших в беспорядке

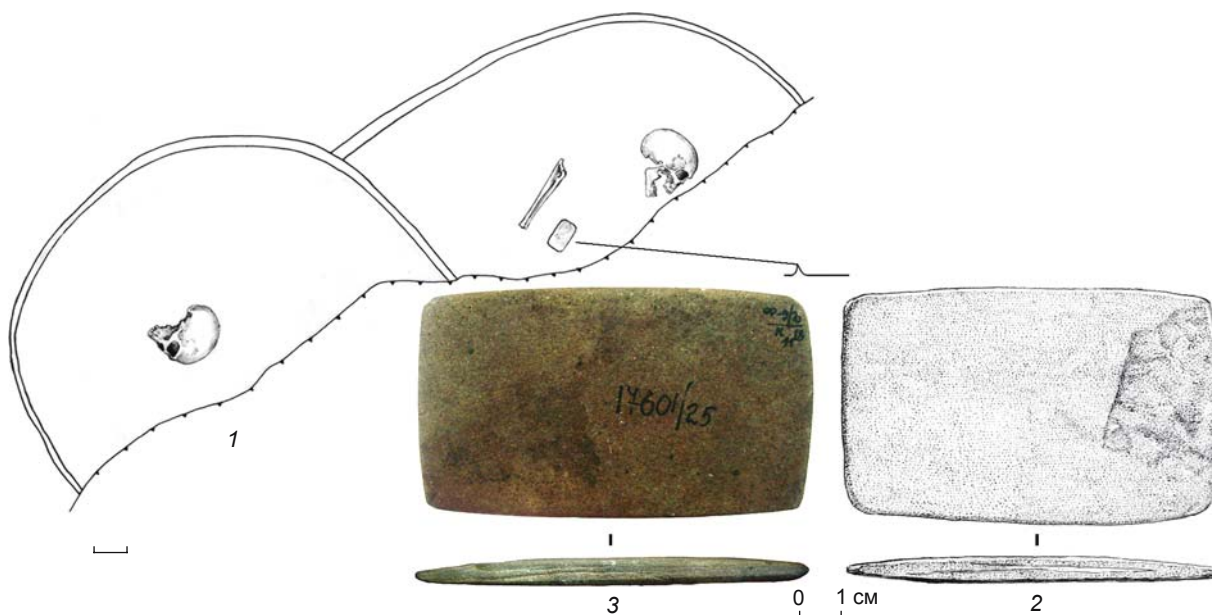

Рис. 11. План погр. № 4 кург. № 11 (1) и каменная пластина (2, 3).

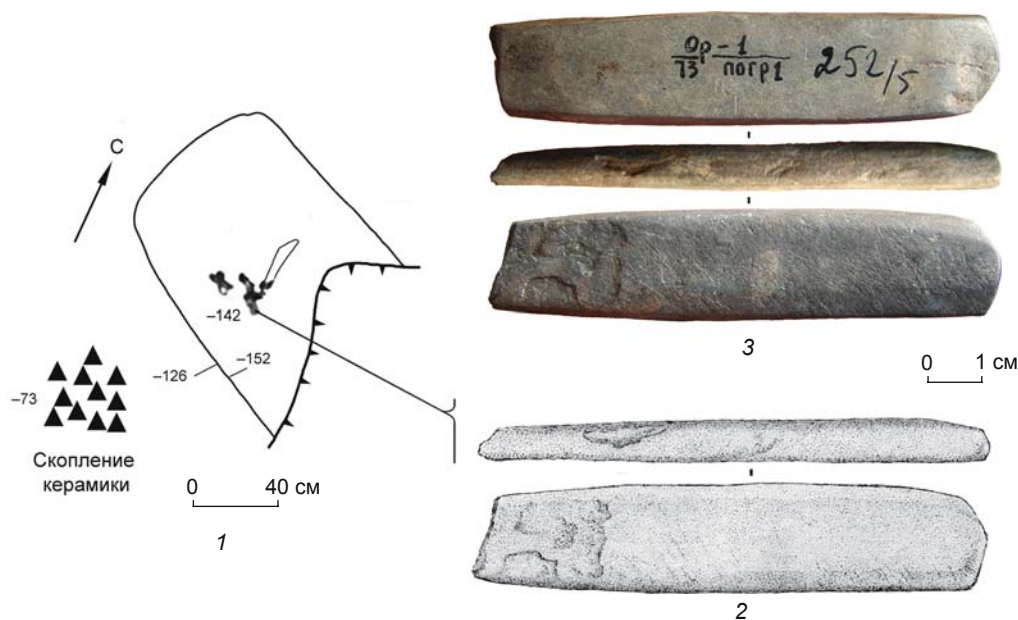

Рис. 12. План грунтового погр. № 1 кург. № 4, раскоп 1973–1975 гг. (1) и каменное точило (2, 3).

костей человека. В заполнении могилы находилось точило в виде вытянутого, слегка сужающегося к концам бруска из серого песчаника (рис. 12, 2, 3). Его длина 9,6 см, наибольшая ширина 0,2, толщина в центре 0,9, по краям – 0,6 см. Около могилы, у ее южной стенки, найдено скопление кротовской керамики.

Погребение № 3. Находилось в северо-западной части раскопа. Контуры могильной ямы не прослеживались (см. рис. 2; 13, 1). Погребение ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Умерший

был погребен на материке, головой на северо-восток. Череп был несколько смещен, лицевой частью ориентирован влево. Грудная клетка разрушена, позвонки находятся в беспорядке. Кости левой руки вытянуты вдоль костяка. При захоронении правая рука была согнута в локте – локтевая кость находилась на остатках грудной клетки. Плечевые кости лежали параллельно грудной клетке и друг другу, правая ключица сохранилась *in situ* и фиксировала расположение плечевого пояса вдоль дна могилы. Ноги со-

гнутой. В момент обнаружения лежали компактной кучей поверх локтевой кости левой руки. Правая бедренная кость перекрывает левую, ее дистальный эпифиз развернут на 180° , т.е. она лежит коленом вниз. При этом левая бедренная находится поверх берцовой кости правой, т.е. ноги были неестественно перекрещены и вывернуты. Подобное положение нижних конечностей возможно, если на момент погребения мягкие ткани человека находились на стадии активного разложения либо ноги подвергались посмертному перемещению. Однако с учетом информации из отчетных документов и очень плохой сохранности костей можно предположить, что умерший был погребен на левом боку, скорченно.

Около затылочной кости погребенного находилась миниатюрная серебряная сережка в виде кольца в полтора оборота, изготовленная из круглого в сечении прутика, выгнутого в кольцо через упор (рис. 13, 2, А). Признаками использования такой технологии являются изгибы на внутренней стороне изделия, повторяющие форму упора. Диаметр изделия 1,4 см, сечения стержня – 0,3 см.

Подобные кольца многочисленны в материалах эпохи ранней – развитой бронзы Евразии; это позволяет уверенно отнести данное захоронение к указанному периоду [Молодин, 1985, с. 65–66; 2012, с. 164–165]. Погребение следует отнести к елунинской культуре, поскольку умерший захоронен на левом боку, скорченно, головой на северо-восток, а названные элементы обрядовой практики являются доминирующими для данного культурного образования [Киришин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 556].

Погребение № 6 (см. рис. 2; 14, 1). Материал частично опубликован [Зах, 1979, рис. 2, В]. Могильная яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами вытянута по линии юго-запад – северо-вос-

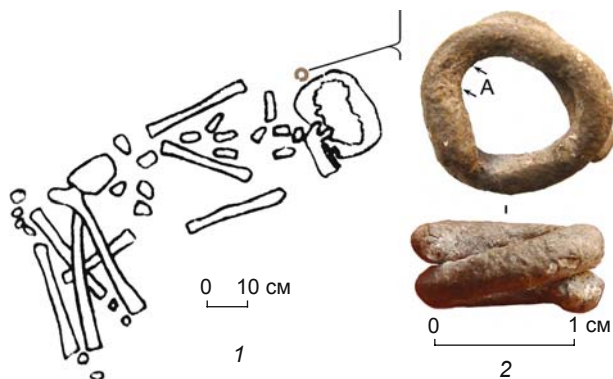

Рис. 13. План грунтового погр. № 3 кург. № 4 (1) и серьга (2).

ток. Ее длина 1 м, ширина 0,5, глубина 0,26 м. Стенки отвесные. В заполнении могилы найдена ножевидная пластина (рис. 14, 3). Погребен ребенок, на спине, головой на юго-запад. Череп фрагментирован, кости рук не сохранились. При захоронении ноги были слегка согнуты и сведены в коленях, возможно, первоначально были подняты вверх коленями.

Могильную яму частично перекрывало погр. № 7 (грунтовая мог. № 2, по Т.Н. Троицкой), которое датировано I в. до н.э. – I в. н.э. и определено как кулайское [Зах, 1983, с. 65; Троицкая, 1979, с. 24–25, 73; табл. XXIII, 3]. В 1 м к северо-западу от погр. № 7 находился прокал, а рядом – развал кротовского сосуда. У южного края могилы обнаружено три фрагмента второго кротовского сосуда. Традиция помещать сосуд рядом с камерой в погребенной почве характерна для погребальной практики кротовской культуры. Например, на кротовском могильнике Сопка-2/4Б сосудов, находившихся рядом с могилами, зафиксировано больше, чем захоронений, в которых был сосуд [Молодин, Ламина, 1989].

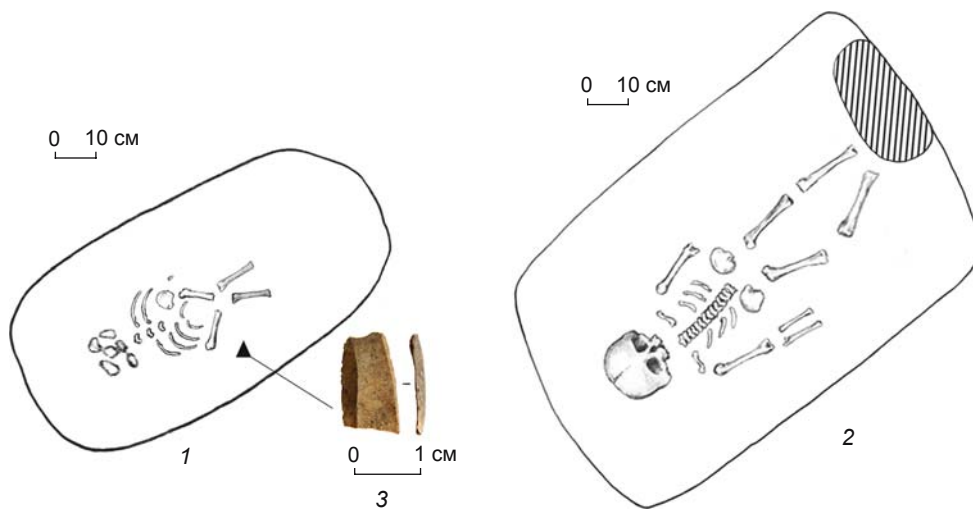

Рис. 14. План погр. № 6 (1) и № 11 (2) раскопа 1973–1975 гг., ножевидная пластина из заполнения погр. № 6 (3).

Вместе с тем относить данное захоронение только к кротовской либо елуинской культуре было бы неверно, поскольку для первой не характерна ориентация умершего головой на юго-запад, а для второй – поза. Отмеченные сосуды вполне могли относиться к какому-то другому, возможно, не исследованному комплексу.

В 0,2 м к северо-западу от мог. № 6 расположена яма (№ 2) овальной формы, вытянутая по оси запад – восток. Ее размеры 0,6×0,4 м, глубина 0,32 м. В заполнении найдены каменный отбойник и отщеп.

Погребение № 8. По верхнему контуру имело форму вытянутого овала. Ориентировано по линии юго-

запад – северо-восток. Его длина 1,4 м, ширина 1, глубина 0,8 м. Погребение разграблено. В могильной яме найдены несколько разрозненных костей человека и три костяных наконечника стрелы. На прилегающей к погребению территории фиксируется концентрация фрагментов керамики кротовской культуры.

Погребение № 9 (см. рис. 2, 15). Могила овальной формы, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Ее длина 1,9 м, ширина 0,7, глубина 0,39 м. Стенки отвесные. Умерший погребен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Череп повернут влево, грудная клетка не сохранилась, таз сильно разрушен. При захоронении левая рука была вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, ноги вытянуты.

С левой стороны от черепа находились подвески из зубов животного и обломок каменной луновидной подвески из тонкой пластины очень мягкого белого сланца (рис. 15, 4, 4а). Один конец подвески обломан, слом заглажен. Длина сохранившейся части 4 см, наибольшая ширина 1,55, толщина подвески в наиболее широкой части 0,4, в наиболее узкой – 0,15 см. Подобные изделия достаточно широко представлены в кротовской культуре [Молодин, 1985, с. 43–44, рис. 18, 7–9, 11–13]. Практически полные аналоги анализируемой подвески обнаружены в погр. № 381 кротовской культуры могильника Тартас-1 [Молодин и др., 2011, рис. 34, 3].

Рядом с плечевой костью правой руки обнаружен кремневый наконечник стрелы, лежавший острием вверх (рис. 15, 1, 2). Он миндалевидной формы и относится к третьему типу кротовских наконечников, по классификации В.И. Молодина [1985, с. 40]. Его длина 2,1 см, ширина 0,9 см. Подобные наконечники в Западной Сибири получили распространение в период ранней – развитой бронзы.

В районе грудного отдела находился обломок точила из мелкозернистого серого песчаника (рис. 15, 1, 3). Орудие в форме неправильной трапеции изготовлено из серого сланца. Его длина 6 см, ширина в широком конце 3,7, узком – 1,7 см, толщина 1,7 и 0,9 см соответственно. На обоих концах име-

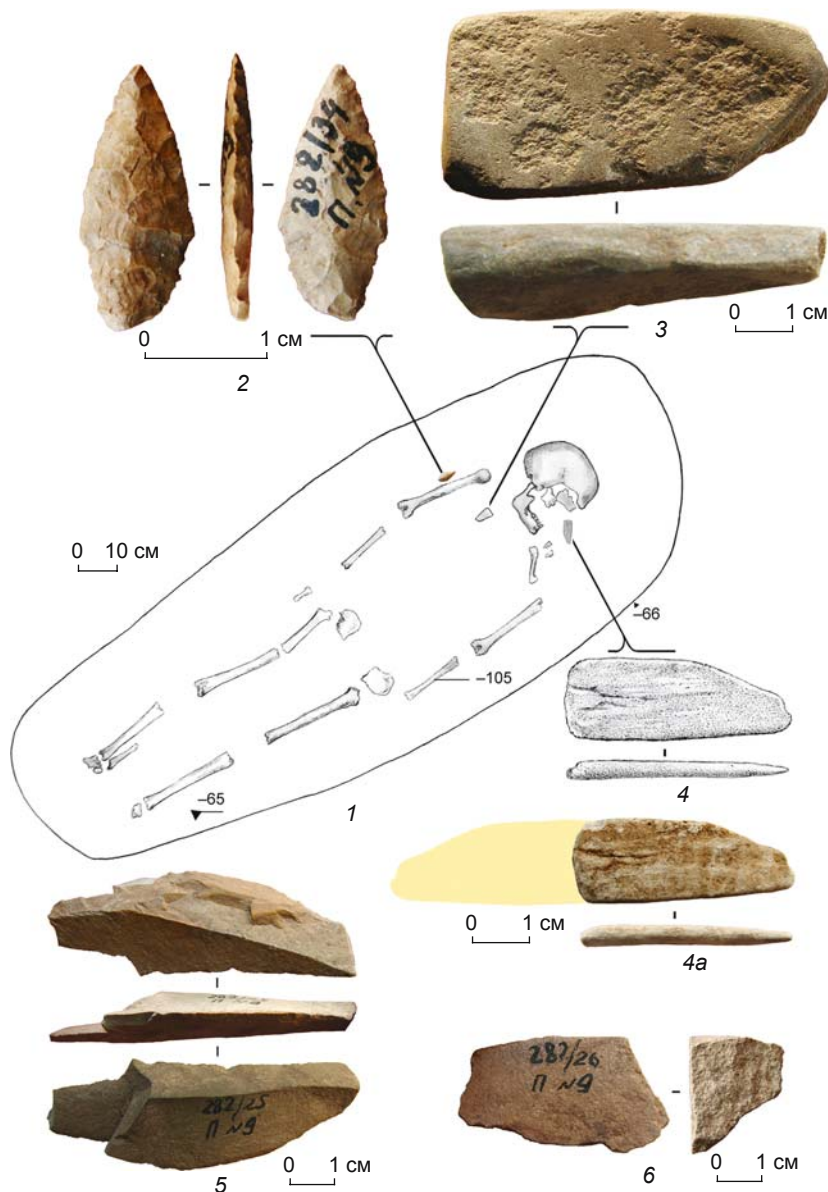

Рис. 15. План грунтового погр. № 9 раскопа 1973–1975 гг. (1), каменный наконечник стрелы (2), точило (3), фрагмент украшения (4; 4а – реконструкция его первоначальной формы) и сколы из заполнения могилы (5, 6).

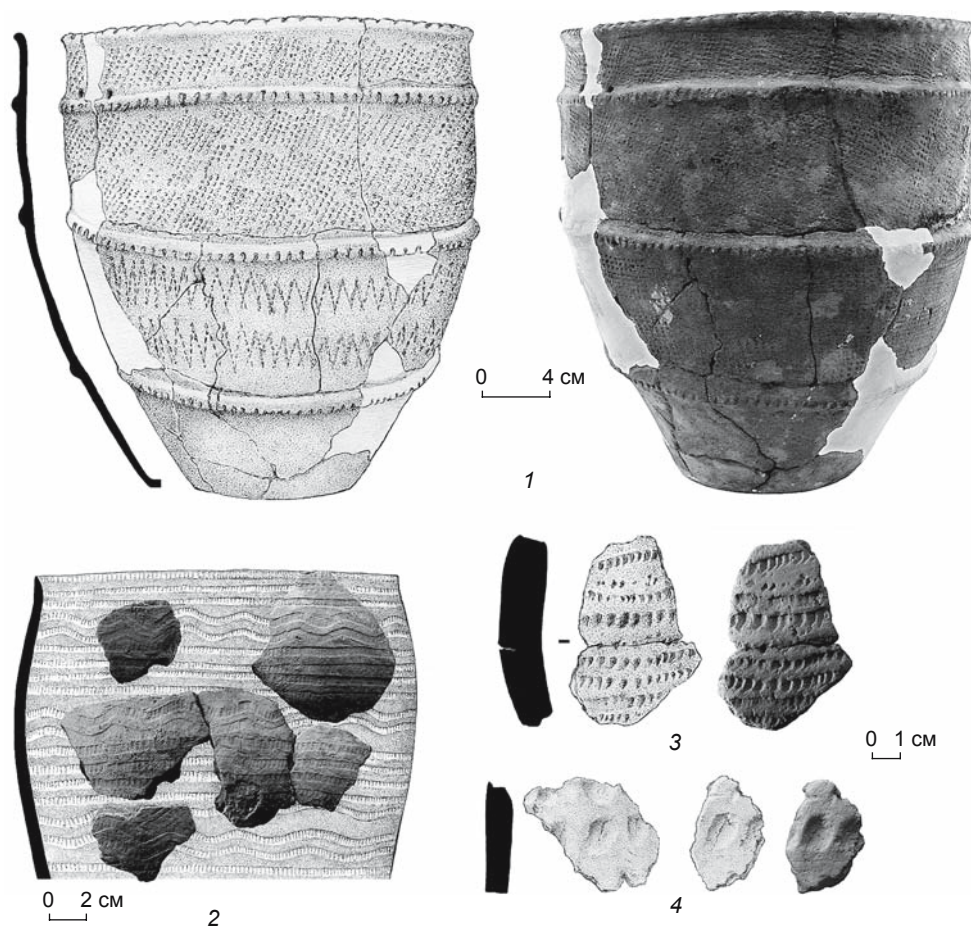

Рис. 16. Керамика с территории раскопа 1973–1975 гг.
1 – около погр. № 9; 2 – кв. 13 и 33 (рядом с погр. № 11); 3, 4 – кв. 8.

ются затертые сломы; возможно, ранее изделие было частью какого-то более крупного предмета. В заполнении могилы найдены также отщеп из кремнистого сланца и обломок камня (рис. 15, 5, 6).

В 0,8 м к юго-юго-западу от могильной ямы на уровне материка обнаружен развал кротовского сосуда (рис. 16, 1) с мелкими частицами пережженных костей. Материал частично опубликован [Зах, 1979, рис. 3, 11]. Сосуд может иметь прямое отношение к погребению.

Погребение № 11 (см. рис. 2; 14, 2). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами. Стенки отвесные. Ее размеры по верхнему контуру: длина 1,2 м, ширина 0,8 м; глубина от уровня материка 0,46 м. Могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток.

Ребенок был погребен на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад. Череп лежит лицевой частью вверх. Кости руки вытянуты вдоль костяка. Кости левой руки сохранились полностью, отсутствуют локтевая и лучевая кости правой руки. Правая нога при погребении была вытянута, левая слегка

согнута в колене. В ногах погребенного у северо-восточной стенки могилы прослеживается прокол. Его размеры 32×16 м.

К северо-западу от могильной ямы на площади 2 м² (кв. 33) рассеяны обломки кротовского сосуда (рис. 16, 2), еще один фрагмент этого же сосуда находился рядом с погр. № 1 в кв. 13 (рис. 17, 1). Сосуд, помещенный рядом с захоронением на уровне материка, – одно из проявлений вышеуказанной обрядовой практики, которое неоднократно фиксировалось и на могильнике Сопка-2/4Б.

Погребение № 17 (рис. 18, 1). Найдено В.А. Захом во время осмотра памятника в 1977 г. [1979]. Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами. Стенки отвесные. Ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Заполнение – светлая супесь. Вся восточная стенка подмыта и обрушилась в Новосибирское водохранилище. Длина сохранившейся части ямы 1,25 м, глубина от уровня материка 0,45 м. Умерший погребен на левом боку, головой на северо-северо-восток. Череп раздавлен, лежал на левой височной кости лицевой частью вправо.

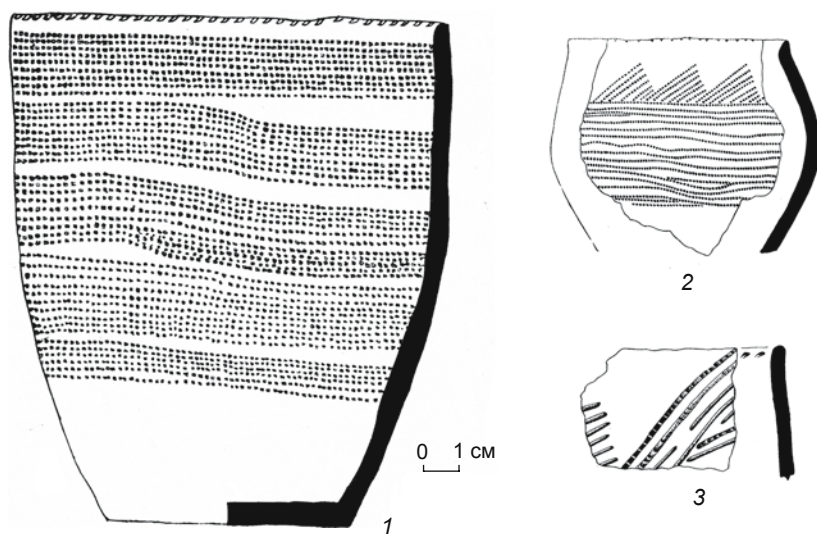

Рис. 17. Керамика с территории раскопа 1973–1975 гг.

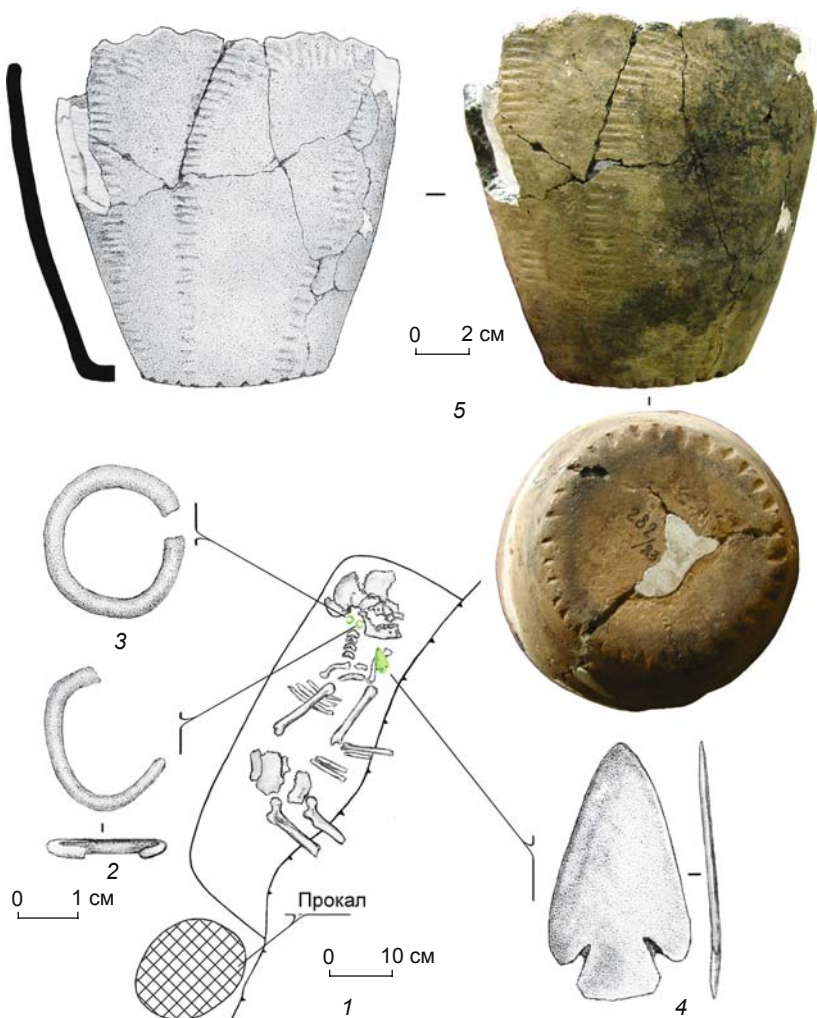

Рис. 18. План погребения на межкурганном пространстве раскопа 1977 г. (по: [Зах, 1979, с. 32]) (1), металлические серьги (2, 3), бронзовый наконечник стрелы (4) и керамический сосуд (5).

При захоронении руки были согнуты в локтях. Кости ног сильно повреждены при обрушении части могилы в реку. Сохранились только таз и фрагменты бедренных костей, с учетом положения которых можно предположить, что во время погребения ноги также были согнуты. На левой ключице прослежены следы охры.

У основания черепа найдены два несомкнутых бронзовых кольца. Одно изготовлено из прямоугольного в сечении прутика толщиной 0,3 см. Диаметр кольца 2,4 см, расстояние между несомкнутыми концами 0,4 см. Второе изделие диаметром не менее 2 см сохранилось частично. Кольцо выполнено из круглого в сечении прутика диаметром 0,2 см.

Рядом с левой ключицей погребенного найден бронзовый черешковый наконечник стрелы. У него имеется подтреугольное перо с двумя шипами, которые являются результатом рассечения зубилом основания кованой пластины. Длина пера 3,2 см, ширина 2,2, толщина 0,2, длина черенка 1,3, ширина 0,8, толщина колеблется от 0,2 до 0,1 см. Близкие по форме и способу изготовления наконечники найдены в могильниках Цыганкова Сопка-2 и Канай (Барнаальское Приобье) [Грушин и др., 2009, с. 44; Дегтярева, Грушин, Шайхутдинов, 2010, рис. 1, 8].

В 0,07 м от юго-юго-западного края могилы на материке находился округлый прокол диаметром 0,3 м, мощностью 0,15 м. Рядом с ним обнаружен сосуд (рис. 18, 5), относящийся, без сомнения, к периоду доандоновской бронзы.

В первой публикации могила предварительно отнесена к кротовской культуре [Зах, 1979]. В настоящее время с учетом положения погребенного (на боку, в скорченном положении) ее следует причислить к елуининской культуре.

Таким образом, на территории могильника Ордынское-1 под насыпями более поздних курганов и на межкурганном пространстве выявлено 14 погребений, которые можно уверенно датировать периодом ран-

ней – развитой бронзы. Все объекты расположены достаточно компактно – в средней части могильника, на наиболее высокой части увала речной террасы.

Выводы

Анализ погребальных комплексов эпохи ранней – развитой бронзы памятника Ордынское-1 показывает, что они разновременны и разнокультурны. По особенностям погребального обряда можно выделить несколько групп захоронений. Первую группу составляют восемь захоронений; их погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о принадлежности к кротовской культуре, ее классическому варианту.

Погребальный обряд характеризует трупоположение на спине, на уровне материка либо в неглубокой подпрямоугольной или овальной могиле с отвесными стенками. Могилы по длинной оси ориентированы преимущественно на северо-восток – юго-запад. Там, где это удалось проследить, могильные ямы составляют ряды, ориентированные с северо-запада на юго-восток. Умершие были захоронены вытянуто на спине, возможно, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями (в двух случаях). В погребениях находился инвентарь, характерный для кротовских захоронений, – каменные прямоугольные пластины, сточенные к краям, луновидная подвеска.

К кротовской культуре можно уверенно отнести не менее двух ям. Расположение на погребальном поле рядом или между могилами таких конструкций типично для кротовского погребального обряда.

Сосуды находились, как правило, рядом с могилами на материке или на погребенной почве. Только один миниатюрный сосудик обнаружен на остатках перекрытия, фрагменты еще одного сосуда найдены в яме. Помещение сосудов за пределами могилы – характерная черта кротовского погребального обряда, что неоднократно отмечалось в литературе [Молодин, 2010, с. 63; Молодин, Ламина, 1989]. Следует отметить, что керамика кротовской и елунинской культур поразительно похожа. В настоящее время она требует дополнительного комплексного исследования, чтобы выделить специфические особенности комплексов. Пока мы должны признать, что в отрыве от всего комплекса она не может быть культурно диагностирующей, по крайней мере для этих двух образований.

Во вторую группу включены два захоронения (№ 3 и № 17 раскопа 1973–1977 гг.). С учетом специфики погребального обряда [Кирюшин, Грушин, 2001; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010] последнее относится к елунинской культуре.

Третьей группе принадлежат четыре захоронения, которые невозможно однозначно атрибутировать. Они отличаются от кротовских по ориентации погребенных, от елунинских – по положению умерше-

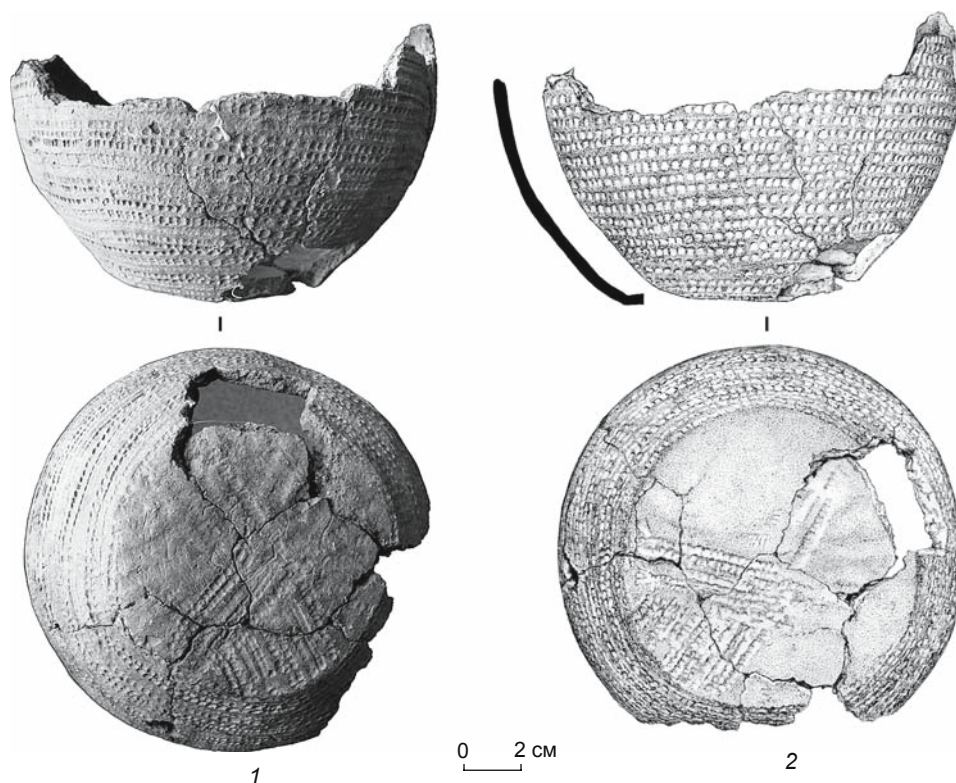

Рис. 19. Керамика, собранная в осыпи берега в 1987 г.

го в могиле. Кроме того, эти захоронения отличаются и от самусьских, недавно открытых в районе г. Новосибирска [Титова, Сумин, 2004, рис. 1, 2]. Возможно, они принадлежат крохалевской культуре, погребальный обряд которой в настоящее время практически неизвестен. К крохалевской культуре отнесено пока только одно погребение, обнаруженное на памятнике Тузовские Бугры I [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, рис. 1, 1].

Такое сочетание различных по своей культурной принадлежности могильников, устроенных, по сути, на едином сакральном пространстве, по-видимому, не случайно. Дело в том, что территория, на которой находился анализируемый комплекс, входила в зону контактов различных культурных образований. По-видимому, здесь проходила восточная граница ареала кротовской культуры и северная граница ареала елунинской. Разумеется, эти границы были «плавающие», поскольку указанные культурные образования существовали по несколько столетий и границы их распространения менялись (тем более в контактных зонах). Кроме того, по зоне ленточных боров в этот район из предтаежной части Приобья проникали носители самусьской культуры. Часть самусьского жилища прослежена под насыпью кург. № 17, к слою этого поселения относятся и разрозненные фрагменты керамики данной культуры, выявленные под насыпью кург. № 9 и на территории раскопов 1973–1974, 1987 гг. (рис. 19) [Зах, 1983, с. 58, 64, рис. 3, 1].

В настоящее время не вполне ясной остается и стратиграфическая позиция крохалевской культуры, памятники которой известны в лесостепной зоне Верхнего Приобья [Молодин, 1977; Кирюшин, 2002, рис. 162, 164]. Последние по времени, несомненно, близки к носителям кротовской и елунинской культур. Поэтому не следует исключать, что и представители крохалевской культуры вплетались в эту сложную мозаику. Более того, на «стоянке Ордынская Западная» обнаружен сосуд, который наиболее близок к одиновской керамике [Кирюшин, 2002, рис. 64, 6]. Это позволяет предположить, что Приобье было восточной периферией ареала одиновской культуры, где ее носители активно взаимодействовали, по крайней мере, с крохалевским населением. Вообще уже приходилось отмечать, что керамика одиновской и крохалевской культур имеет немало сходных черт [Молодин, 1985], что позволяет отдельным исследователям даже видеть в одиновской керамике Барабинской лесостепи крохалевские комплексы [Панфилов, 1993, с. 44, 45; Зах, 2009, с. 246]. С последней версией, впрочем, трудно согласиться; основания для такого вывода приводятся в специальной работе [Молодин, 2012, с. 182–185].

Таким образом, серия погребений периода ранней – развитой бронзы, исследованных в разные годы на-

шими коллегами, несомненно принадлежит разным культурным образованиям, что необходимо учитывать при обращении к материалам этого интереснейшего памятника.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бугры-I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – С. 4–6.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // ТИЭ. Нов. сер. – 1961. – Т. 71. – С. 107–206.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.Г. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1970. – С. 12–51.

Грушин С.П. Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. – С. 217–220.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 160 с.

Грязнов М.П. Отчет о работе НАЭ за 1954 г. // Архив ИА РАН. НОКМ.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы // КСИИМК. – 1956. – № 64. – С. 27–42.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1973. – Вып. 85. – С. 3–44.

Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2. – С. 27–35.

Дрёмов В.А. Отчет об археологической разведке в Новосибирской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. № 2700. 1962.

Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в Новосибирской лесостепи) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1968. – Вып. 10. – С. 28–34.

Зах В.А. Погребение кротовской культуры у с. Ордынское // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 31–32.

Зах В.А. Новые исследования памятников у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1983. – С. 57–67.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Таболо-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Киришин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 35 с.

Киришин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1987. – С. 100–125.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – 294 с.

Киришин Ю.Ф., Грушин С.П. К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. – С. 33–42.

Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 552–556. – (Тр. Маргиан. археол. экспедиции; т. 3).

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Комарова М.Н., Молодин В.И. Археологическая карта правобережья реки Оби в Сузунском районе Новосибирской области // Вопр. археологии Сибири. – Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ин-т, 1973. – С. 45–54. – (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та; вып. 85).

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Том. гос. ун-т, 1973. – Ч. 2. – 139 с.

Молодин В.И. Кротовская культура и ее окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975а. – С. 259–268.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1975б. – 25 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 199 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 103–118.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьёв А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 40–56.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье (итоги полевых исследований). – Препр. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.

Титова М.В., Сумин В.А. Открытие могильника самусьской культуры в Крохалевском археологическом микрорайоне // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – Вып. 4. – С. 77–83.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. № 3770. 1967.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. № 4183. 1970.

Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское-1 // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1973. – Вып. 85. – С. 84–101.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н. Летопись Новосибирской археологической экспедиции // Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995 гг.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 13–73.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Материал поступил в редколлегию 18.06.13 г.

УДК 903.5

Н.В. Полосьмак¹, Е.С. Богданов¹, Д. Цэвээндорж²¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

²Институт археологии АН Монголии

ул. Жукова 77, Улан-Батор, 210646, Монголия

E-mail: dtseveen@yahoo.com

КУРГАН № 22 В ПАДИ СУЦЗУКТЭ (МОНГОЛИЯ): ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД*

В статье подробно рассматривается одно из элитных погребальных сооружений хунну, исследованное в 2012 г. в пади Суцзуктэ (Монголия). Хорошая сохранность дерева позволила реконструировать устройство погребальной камеры и гроба, а исследование этого погребального комплекса вручную – воссоздать все детали захоронения. По погребальному обряду кург. № 22 не отличается от исследованных ранее погребальных комплексов хуннской знати на территории Монголии и Забайкалья. Он демонстрирует приверженность высшей прослойки кочевого общества китайским традициям. Надо полагать, что к рубежу веков у хунну появились возможности с помощью ханьцев создать довольно сложные инженерные сооружения. В ходе изучения кург. № 22 в Ноин-Уле была получена уникальная коллекция предметов из органических материалов, включающая шелковые и шерстяные ткани китайского и западного происхождения, изделия из лака и дерева, а также высокохудожественные изделия из серебра и золота.

Ключевые слова: погребальный обряд хунну, Ноин-Ула, ханьские традиции, ханьская колесница «яо чэ», серебряные фалары.

Введение

Все известные на сегодняшний день погребальные памятники хуннской элиты были сооружены, вероятно, в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. (подробно об этом см.: [Miniaev, Elikhina, 2009, p. 21–28]). С чем связано появление этих погребальных комплексов, очень похожих на ханьские захоронения? У. Бросседер, пытаясь ответить на этот вопрос, опирается на основные положения культурной модели т.н. демонстративных погребений элиты, предложенной Г. Коссаком. Согласно этим положениям, социальная верхушка периферийных обществ под влиянием контактов с развитыми цивилизациями на определенном историческом

этапе начинала идентифицировать себя с сознательно выбранным партнером, следуя, в частности, заимствованному у него погребальному обряду (подробно см.: [Brosseder, 2011, p. 349–354]). Однако эти рассуждения, хотя и вполне уместны, но не дают исчерпывающего ответа на поставленный вопрос.

Для того, чтобы в степи появились могилы хуннской элиты в том виде, в каком они известны нам сегодня, помимо желания шаньюев и их окружения необходимо было соединение нескольких факторов, важнейший из которых – наличие людей, умеющих создавать такие конструкции, а также знающих детали и тонкости ханьской погребальной обрядности. Вероятно, к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э. появились возможности для возведения этих довольно сложных сооружений с помощью ханьцев, способных осуществлять инженерное сопровождение проекта. Нельзя было бы без опыта проведения обширных земляных работ вырыть огромные могильные ямы глубиной

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-12026, Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33.1.2.2 и Herda Henkel Foundation. Рисунки и реконструкции выполнены В.Е. Ковторовым.

иногда более 20 м в глинистых грунтах или в песке и без навыков в плотницком деле соорудить прочные герметичные двойные деревянные погребальные камеры с полом и колоннами с капителями. Уже С.И. Руденко, анализируя материалы раскопок экспедиции П.К. Козлова, отмечал, что «весьма вероятно, что гробы и погребальные камеры для знатных хуннов были работой китайских мастеров» [1962, с. 21].

Влияние ханьской погребальной обрядности прослеживается в захоронениях не только знати, но и рядовых членов хуннского общества. На забайкальских могильниках Ильмовая Падь, Черемуховая Падь, Дырестуйский култух, исследованных П.Б. Коноваловым, а также на Иволгинском могильнике, раскопанном А.В. Давыдовой, «погребальные сооружения, обряд захоронения и инвентарь могильников хунну демонстрируют удивительное сочетание элементов скотоводческой, земледельческой, оседлой и строительной культуры» [Коновалов, 1976, с. 209]. В Дырестуйском могильнике, как и в курганах Ноин-Улы, обнаружены дощатые гробы особой конструкции, стенки которых соединялись с помощью шипов на торцах, а крышка гроба могла состоять из двух плах, скрепленных друг с другом фигурными бантикообразными шипами [Там же, с. 167].

С увеличением количества китайских вещей в Степи возрастало их значение в быту и в культуре верхушки (да и не только верхушки) хуннского общества. Судя по материалам забайкальских могильников, китайские предметы вошли в обиход рядовых хунну. Так, в погребениях Ильмовой Пади Г.П. Сосновским были найдены три лаковые чашечки, а П.Б. Коноваловым – еще четыре [Там же, с. 160]. По мнению П.Б. Коновалова, осколки лакового покрытия в большинстве изученных им погребений Ильмовой Пади принадлежат находившейся здесь ранее лаковой посуде [Там же, с. 160–161]. Кроме того, костяные палочки для еды были обнаружены в семи погребениях Ильмовой Пади и в четырех – в Черемуховой Пади. Встречаются в рядовых погребениях и обломки китайских бронзовых зеркал [Там же, с. 161]. Особо следует отметить, что в трех рядовых могилах Ильмовой Пади Г.П. Сосновским были зафиксированы гробы, оформленные плотной цветной шелковой материей. Материя закреплялась так же, как и в элитных курганах хунну – мелкими металлическими гвоздиками, и украшалась четырехлепестковыми металлическими розетками. Следы обивки на гробах тканью, по наблюдениям П.Б. Коновалова, сохранились во многих могилах Черемуховой Пади и Ильмовой Пади [Там же, с. 158]. Археологические источники показывают, что высокопоставленные хунну одевались в китайские шелка, пили из лаковой посуды, носили китайские нефритовые и золотые украшения, упряжь их лошадей была украшена серебряными бляхами, изготов-

ленными в ханьских мастерских. Они привыкли к китайской пище, совершали торжественные выезды на ханьских колесницах и нередко имели китайских жен и советников. Китайское население – перебежчики и пленные – проживало на территории хунну, занималось земледелием и ремеслом. Подражание в погребальном обряде было логичным продолжением того, что уже свершилось в сознании кочевников – они попали под обаяние ханьской культуры. Если на первом «героическом» этапе своей истории хунну Маодуня самоутверждались с помощью силы, то в начале последнего этапа, на рубеже веков и во время правления Ван Мана они оказались под сильнейшим влиянием китайской культуры, которая пришла в Степь.

Итак, археологически зафиксировано, что появившиеся в Степи на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. погребальные сооружения хуннских шаньюев и их приближенных являются подражанием ханьским погребениям. Но эти усыпальницы во многом уступают подобным конструкциям ханьских императоров и даже высшей знати. По сравнению с последними даже самые большие курганы хунну – это незначительные сооружения, способные поразить воображение только кочевников, но никак не ханьцев, которые к этому времени уже создали скальную гробницу принца Лю Шэна, усыпальницы правителей удельного княжества Чу, мавзолей Мавандуя, гробницы ханьских вельмож и т.п. Иными словами, роскошь «демонстрационных» хуннских могил была относительной. Возможности хунну были невелики и, конечно, ничтожны по сравнению с теми ресурсами, которыми располагали ханьцы. Погребальные комплексы хуннских шаньюев и их окружения наглядно демонстрируют ту непреодолимую пропасть, которая разделяла две цивилизации в период их наибольшего могущества и противостояния.

Описание раскопок

Курган № 22 находился в центральной части могильника, расположенного в пади Суцзуктэ в горном массиве Ноин-Ула, в 100 м к юго-западу от кург. № 20 и в 100 м к северо-востоку от кург. № 31 (рис. 1). Надмогильное сооружение представляло собой задернованную плоскую четырехугольную платформу размерами 18×21 м, вытянутую по линии север – юг, с выступающими камнями ограды по краям (рис. 2). В центре находилась большая грабительская воронка диаметром ок. 6 м и глубиной 4 м. От южной стенки ограды в южном направлении отходил дромос (коридор); на поверхности он выглядел как невысокая (не более 0,5 м) насыпь, ооконтуренная рядом камней. Длина дромоса 17 м. В древности камни ограды составляли каменные стены, их высота предположительно ок. 1 м (рис. 3).

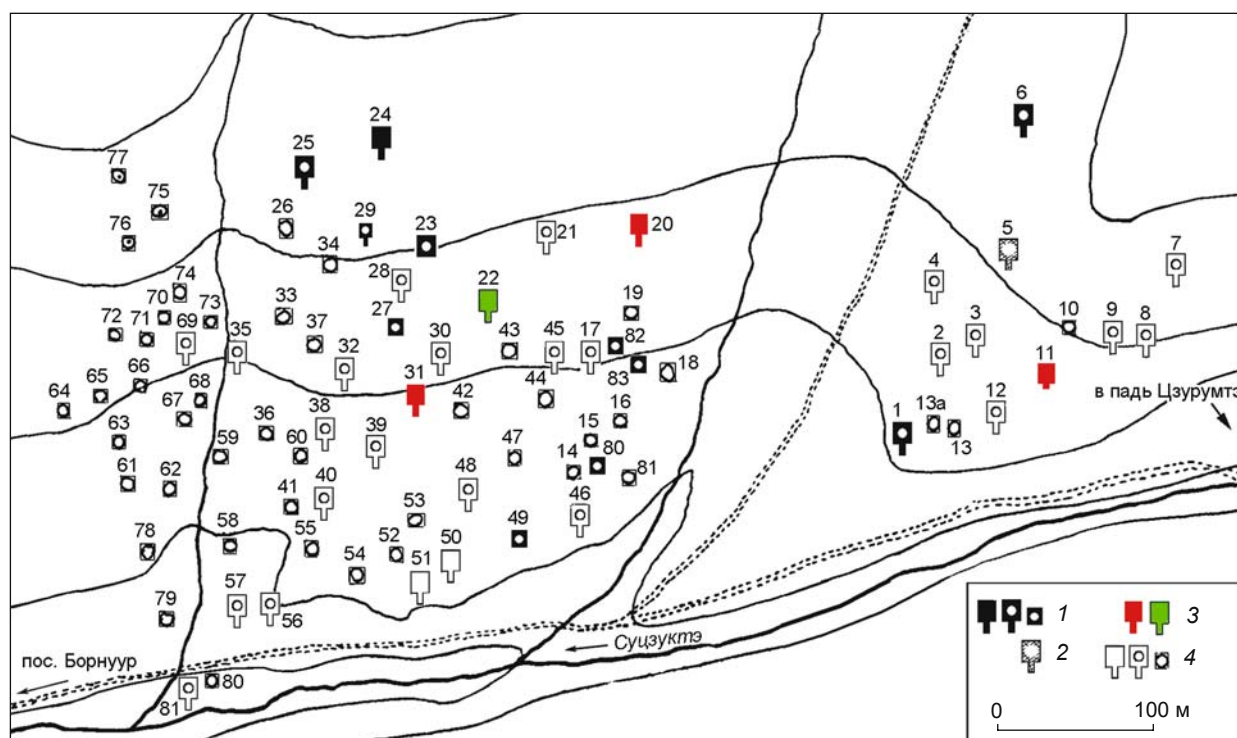

Рис. 1. Курганы могильника Суцзуктэ (по результатам экспедиции П.К. Козлова [2003]).
 1 – раскопанные в 1924–1926 гг. экспедициями П.К. Козлова, С.А. Теплоухова, Г.И. Боровки; 2 – раскопанные в 1927 г. экспедицией А.Д. Симукова; 3 – раскопанные в 2006, 2009, 2011, 2012 гг. российско-монгольской экспедицией; 4 – нераскопанные.

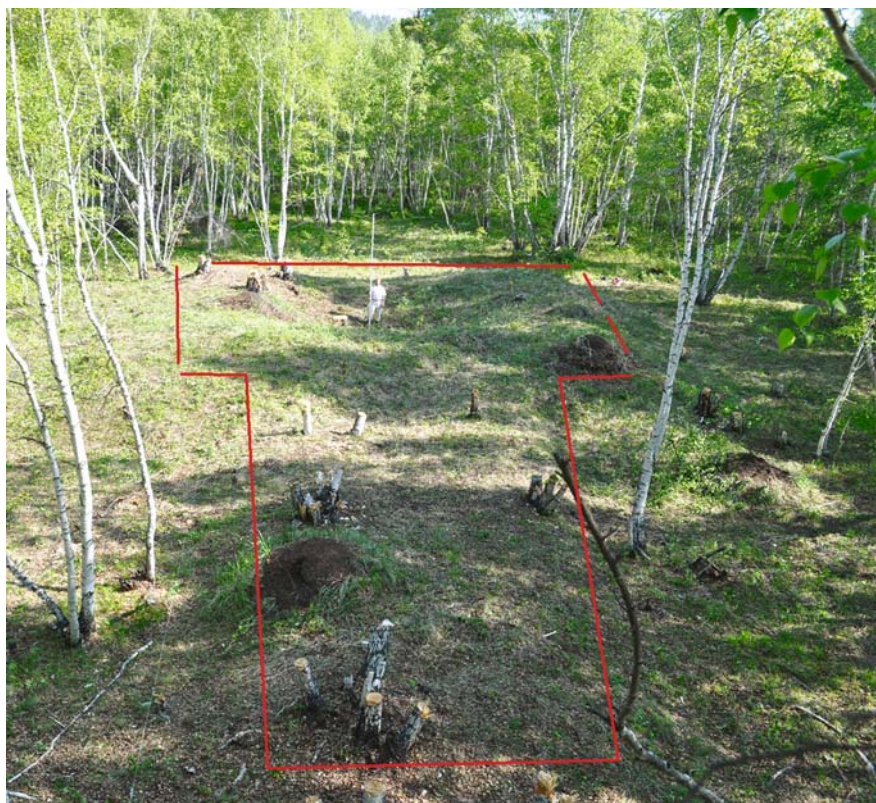

Рис. 2. Курган № 22 до начала раскопок. Вид с юга.

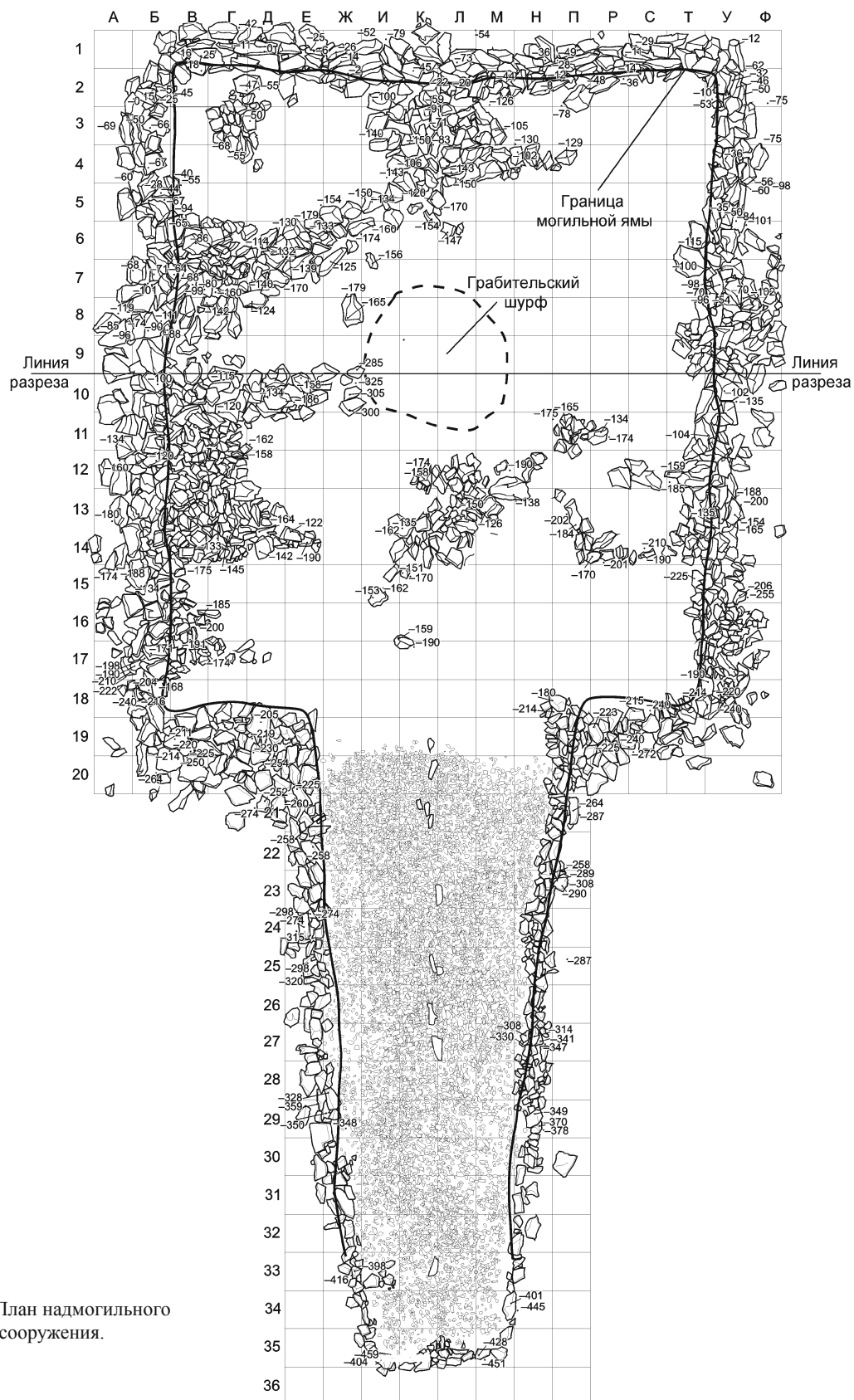

Рис. 3. План надмогильного сооружения.

Рис. 4. Вид на курган на уровне зачищенной крепиды. Стрелкой обозначен грабительский выкид.

Внутренняя часть наземной конструкции была засыпана грунтом, там же были каменные выкладки, а верхнюю часть дромоса покрывал мелкий обломочный камень (рис. 4). Могильная яма, края которой примыкали к ограде, занимала всю площадь кургана. Яма была вырыта ступенями (шириной не более 1,2 м) в плотном слое красного суглинка и галечника (рис. 5). Было пять ступеней (именно такое количество ступеней зафиксировано во всех исследованных ноин-улинских погребениях [Полосьмак, Богданов, Цвээндорж, 2009, 2012]). У северной стенки почти вся первая (верхняя) ступень была разрушена еще в древности. Особенностью кург. № 22 является наличие по обеим сторонам дромоса (в верхней части) ступени. Очевидно, ее оставили, чтобы предотвратить обрушение высоких стенок. Обрыв дромоса был зафиксирован на глубине ок. 10 м, в этом месте слой красного суглинка сменился песчаным слоем. Далее стенки могилы были отвесные. Пространство вдоль стен могильной ямы оказалось засыпанным песком, в центральной части – камнем, щебнем и материковым суглинком различной плотности и консистенции. Все заполнение могильной ямы было сильно насыщено водой. Мерзлотные слои в кургане не обнаружены. Почти на уровне каждой ступени находились различные каменные перегородки и выкладки (рис. 6–11). Разделяющие могильную яму на отсеки каменные перегородки имеются практически во всех курганах хуннской знати на территории Монголии и Забайкалья. Впервые они были выделены П.Б. Коноваловым при раскопках в 1970–1975 гг.

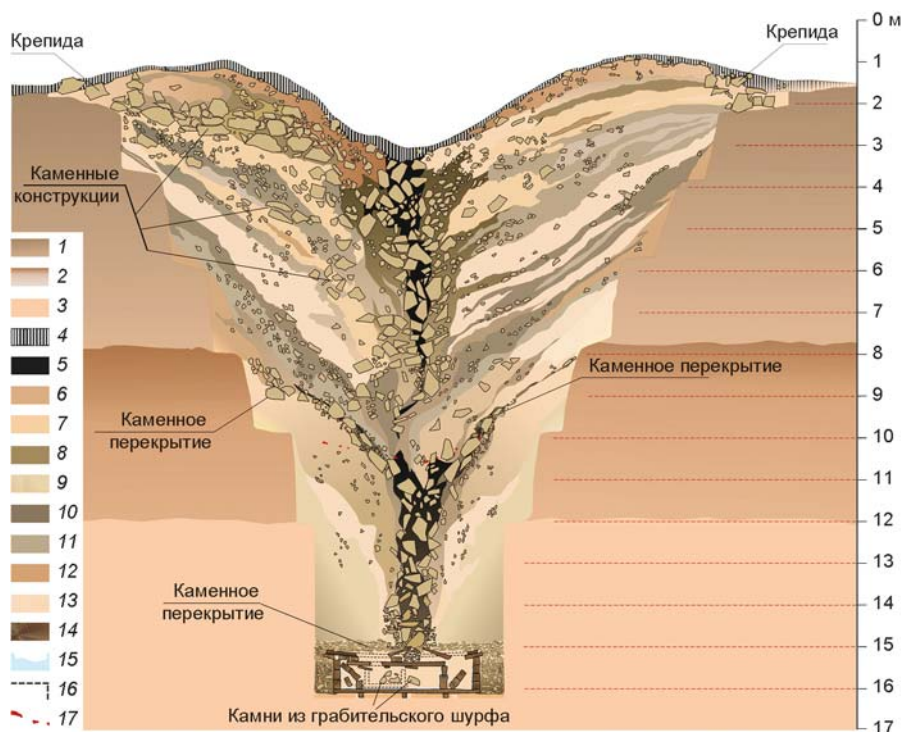

Рис. 5. Стратиграфия погребального сооружения.

Материковые слои: 1 – слои щебня, глины и песка темного цвета; 2 – слои красного суглинка; 3 – слои крупнозернистого песка. Заполнение могильной ямы: 4 – дерн (гумусированный слой); 5 – гумусированное заполнение грабительского шурфа; 6 – мешаный слой светло-желтого цвета (грабительский выкид); 7 – песок темного цвета; 8 – слой темно-серого цвета (щебень, глина, песок); 9 – песок светло-желтого цвета; 10 – слой темного цвета из щебня и песка с гумусированными включениями; 11 – утрамбованный слой темно-серого цвета; 12 – слой красного щебня с песком; 13 – заполнение погребальной камеры, насыщенное водой; 14 – деревянные конструкции; 15 – глиняная обмазка сруба; 16 – части погребальной конструкции, не попадающие в разрез; 17 – колесница.

Рис. 6. Северная часть могильной ямы и грабительский шурф после зачистки каменных конструкций. Вид с юга.

кург. № 54 могильника Ильмовая Падь [1976, с. 153–154]. Однако в кург. № 22 конструкции из уложенных друг на друга крупных и мелких камней, а также плит располагались довольно бессистемно. Тем не менее они составляли «каркас», который помогал плотно заполнить могильную яму грунтом. Благодаря каменным конструкциям внутри ямы по прошествии времени земля не просела.

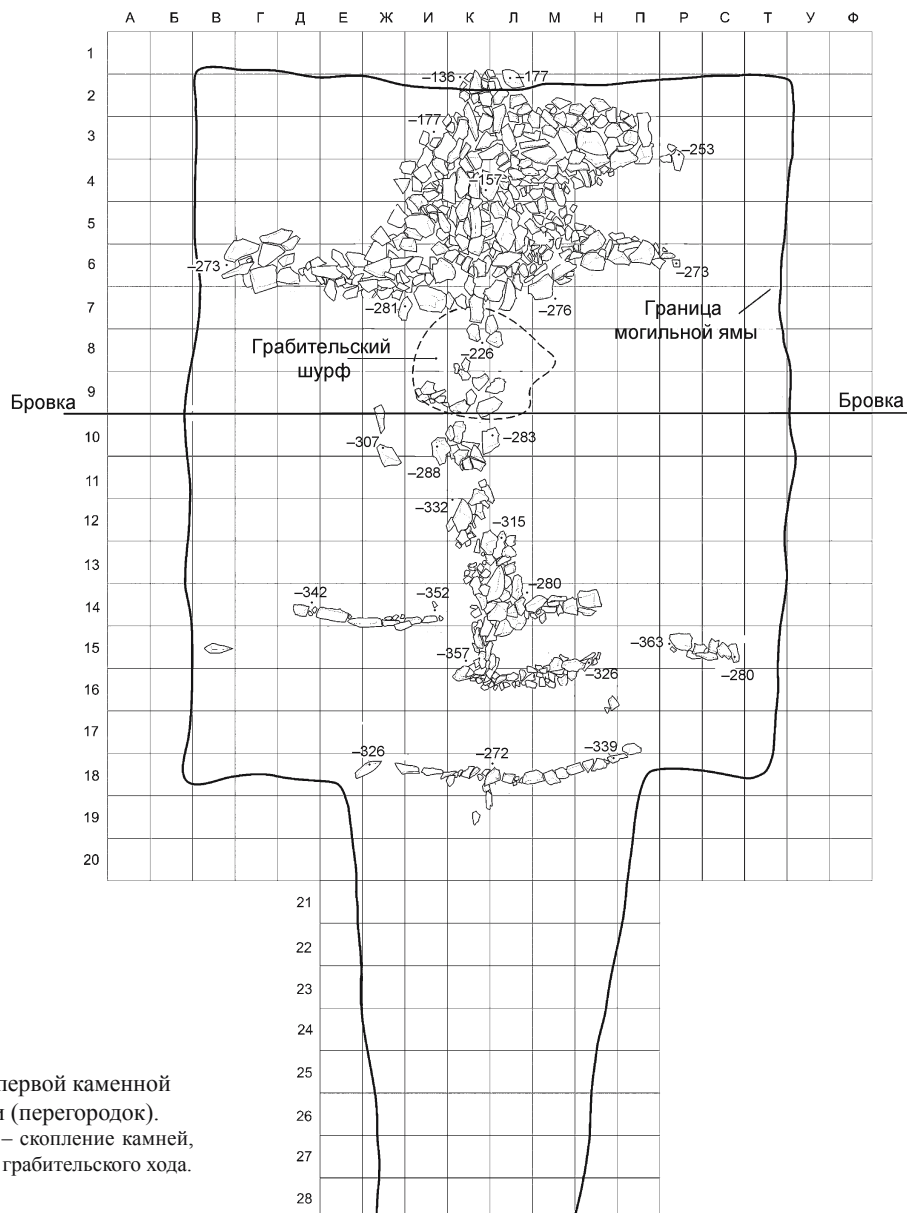

Рис. 7. План первой каменной конструкции (перегородок). В верхней части – скопление камней, выброшенных из грабительского хода.

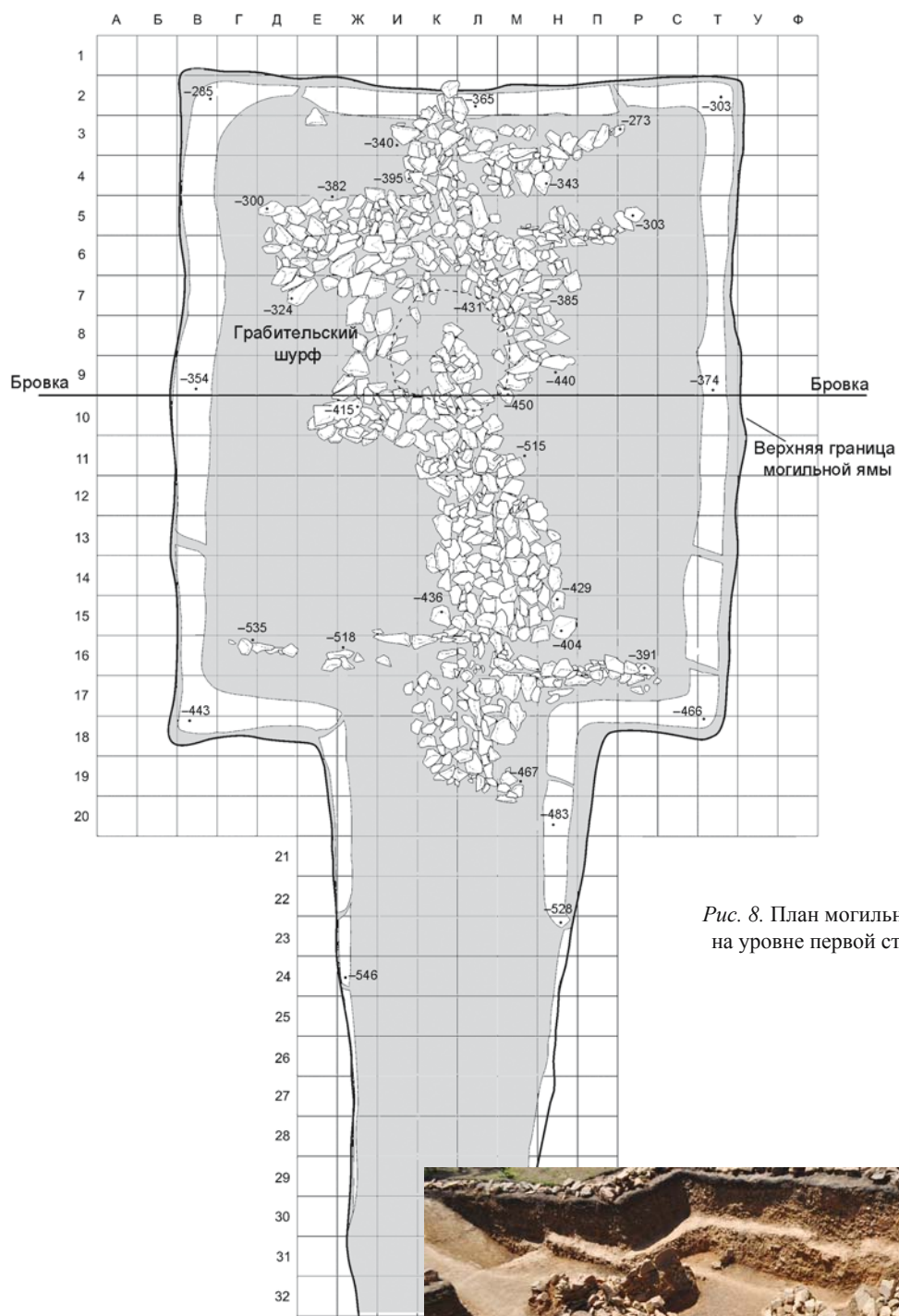

Рис. 8. План могильной ямы на уровне первой ступени.

Рис. 9. Курган после зачистки каменных конструкций на уровне первой ступени. Вид с северо-востока.

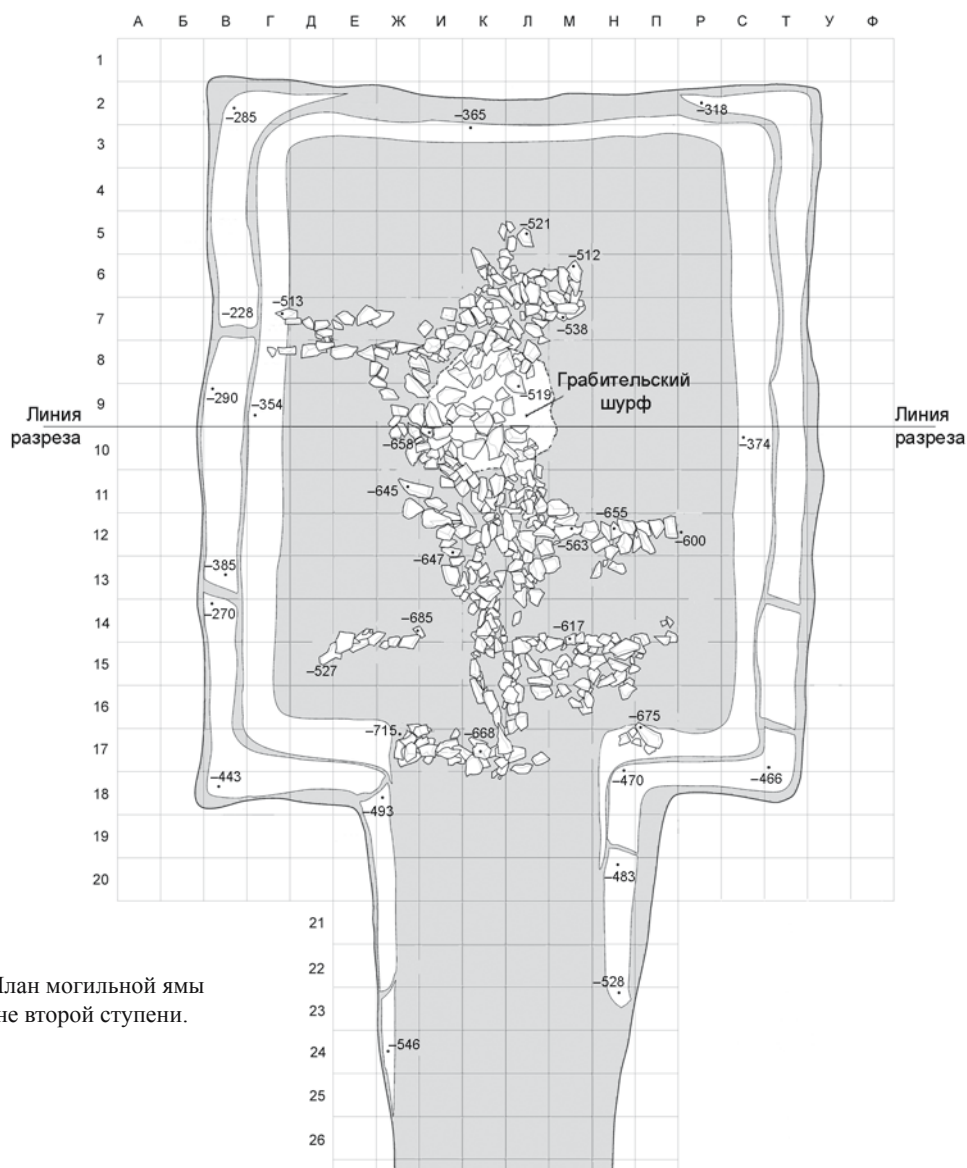

Рис. 10. План могильной ямы на уровне второй ступени.

Рис. 11. Могильная яма после зачистки четвертой каменной конструкции. Вид с севера.

Рис. 12. Могильная яма на уровне первого каменного перекрытия. Вид с севера. В центре – защищенные спицы зонта ханьской колесницы.

Перегородки прослеживались вплоть до колесницы, каменная обкладка зонта которой была обнаружена на глубине от 9 до 10 м, на уровне четвертой ступени (рис. 12). Китайская колесница с зонтом и с уложенными рядом колесами (рис. 13) находилась в южной части могильной ямы; она практически не пострадала при проходке грабительского шурфа (см. рис. 5). Этой находке посвящены отдельные публикации [Полосьмак, Богданов, 2012а, б]. Стоит еще раз отметить, что на территории Монголии китайская колесница в неразрушенном виде обнаружена впервые. Благодаря хорошей сохранности находки с большой достоверностью удалось реконструировать ее первоначальный вид и определить размеры: высота колесницы на колесах при ширине 2,2 м составля-

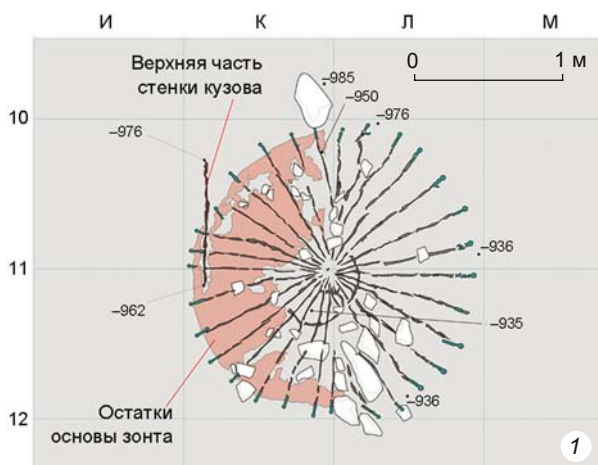

Рис. 13. Ханьская колесница.

1 – план зонта; 2 – спицы зонта с металлическими наконечниками; 3, 4 – колесница после зачистки.

Рис. 14. Могильная яма после зачистки первого каменного перекрытия.

ла 2,5–2,6 м. Было установлено, что деревянная основа кузова собиралась из плоских дощечек. Зафиксированы упоминающиеся в китайских источниках «летающие решетки» [Хуань Куань, 2001, с. 356–357] – дополнительный прямоугольный каркас из деревянных планок, обтянутый красным шелком (сохранились следы), на боковых стенках.

На глубине 0,5 м от уровня, на котором находилась колесница, было обнаружено первое перекрытие из крупных камней и плит, плотно уложенных в один слой по всей площади могильной ямы и на «входе» в дромос (рис. 14). Всю поверхность перекрытия покрывал слой древесного угля толщиной 5–10 см. На глубине 13,0–13,5 м (на 2 м ниже первого перекрытия) вся площадь могильной ямы была засыпана мелким обломочным камнем (рис. 15). Среди камней этого перекрытия вдоль восточной стенки найдены металлические детали колесниц: два бронзовых и один железный наосьники, железные шпильки, зажимные осевые кольца.

Все внутримогильные конструкции в центре были нарушены в результате появления грабительской ямы (см. рис. 5). Грабительскую шахту заполняли крупные камни, материковые суглинки и мощные гумусные прослойки. Глубина могильной ямы кург. № 22 составляла 16 м, стенки в ее нижней части были отвесные. Яма, аккуратно выкопанная в толще крупнозернистого песка, имела слегка закругленные углы.

Деревянные конструкции погребальной камеры показались на глубине 14,8 м. Над внешним срубом (из сосны) располагалось мощное деревянное перекрытие, которое состояло из 16 полубревен (толщина некоторых достигала 20 см), уложенных по линии запад – восток на три несущие балки (рис. 16). Балки опирались на стенки внешнего сруба и на девять внутренних подпорок – колонн. Пространство между стенками ямы и внешним срубом было плотно забутовано мелким камнем (рис. 17). Размеры ямы в нижней части 4,65×6,1 м.

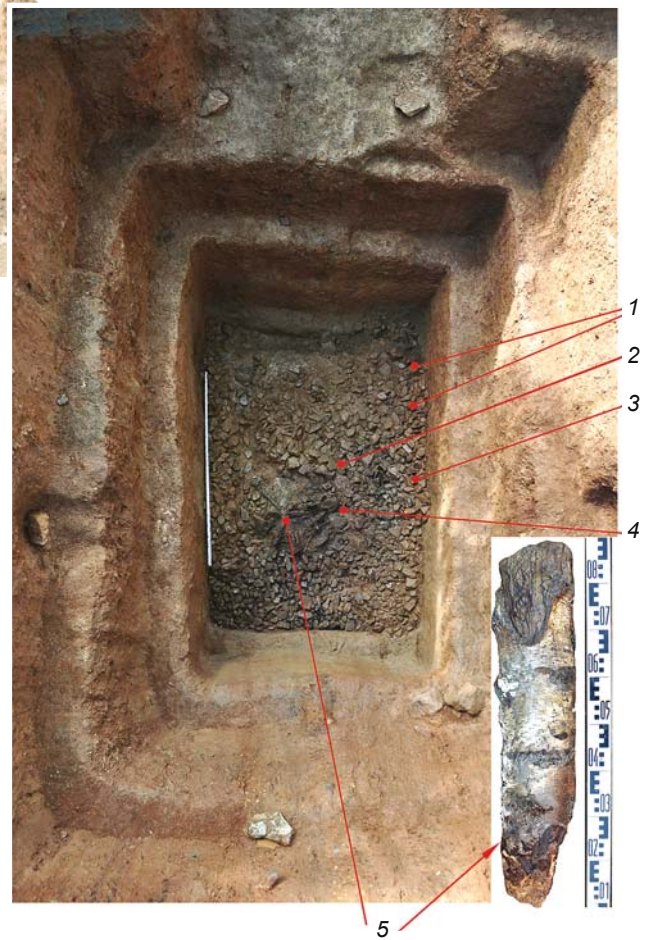

Рис. 15. Второе каменное перекрытие после зачистки.
1 – железные части колеса; 2 – бронзовый наосьник № 1; 3 – бронзовый наосьник № 2; 4 – железный наосьник; 5 – обломки заостренных кольев с глиной и фрагментами ткани в грабительском шурфе.

Рис. 16. Могильная яма и погребальная конструкция после зачистки деревянного перекрытия внешнего сруба. В северной части видны два прорубленных отверстия. Стрелкой отмечено место обнаружения черепаховой шпильки и остатков ткани.

Стенки внешнего сруба были сделаны из шести полубревен толщиной не более 30 см, а внутреннего – из четырех плах размерами 15×25 см. Бревна коротких (северная и южная) стенок срубов были вставлены в пазы длинных (восточная и западная). Высота внешнего сруба не превышала 1,4 м, размеры 3,35×5,20 м.

У внутреннего сруба под тяжестью грунта и вследствие действий грабителей бревна из двух рядов восточной и западной стенок оказались выдавленными наружу. Реконструируемая высота внутреннего сруба не более 1,1 м, размеры 2,15×3,10 м. Плахи внутреннего перекрытия опирались на стенки внутреннего сруба и на несущую балку, которая, в свою очередь, покоилась на двух столбах. Столбы, вставленные в специальные пазы – отверстия в плахах пола, располагались по центру у южной и северной стенок внутреннего сруба. Сохранились *in situ* только 12 плах (толщина не более 15 см) внутреннего перекрытия. В северной части бревна внешнего и плахи внутреннего перекрытий были разрушены грабителями (см. рис. 16, 17). Через два прямоугольных лаза они проникли внутрь сруба и добрались до гроба. Рядом с лазом обнаружены обрывки шелковой ткани и черепаховая шпилька.

Срубы были установлены на полу из сосновых плах (21 шт.), уложенных по линии запад – восток. Плахи были стесаны с четырех сторон и довольно

Рис. 17. Погребальная конструкция после снятия деревянного перекрытия внешнего сруба.

Рис. 18. Западный коридор, заполненный голубой озерной глиной.

плотно подогнаны друг к другу. Ширина плах 25–30 см, толщина 15 см. Стенки срубов и потолок внешней камеры с наружной стороны в древности были «запечатаны» голубой озерной глиной, большое количество которой обнаружено внутри погребальной камеры (рис. 18).

В кург. № 22, как и в исследованных ранее ноин-улинских курганах [Теплоухов, 1925, рис. 7; Руденко, 1962, рис. 5, 10, 12, 15], между срубами были «коридоры» (рис. 19). В северном «коридоре» кург. № 22 обнаружены обрывки грубой ткани – вероятно, остатки мешков, в которых находилось просо. В северо-восточном углу найдены украшения и детали конского снаряжения (серебряные украшения с изображениями животных, бронзовые пряжки, пластины, пронизки, сломанные деревянные части выючных седел), большое количество кос и косичек из человеческого волоса, обрывки шелковой ткани, лучевые кости человека (рис. 20). На костях и серебряных украшениях зафиксированы следы огня, который, возможно, связан с действиями грабителей.

Рис. 19. Погребальная конструкция после снятия деревянного перекрытия внутреннего сруба. В центре – разбитый грабителями деревянный гроб.

На полу западного «коридора» находились лакированные спицы с металлическими наконечниками и деревянное навершие зонта, фрагменты шелковой и шерстяной ткани, деревянные детали выючных седел,

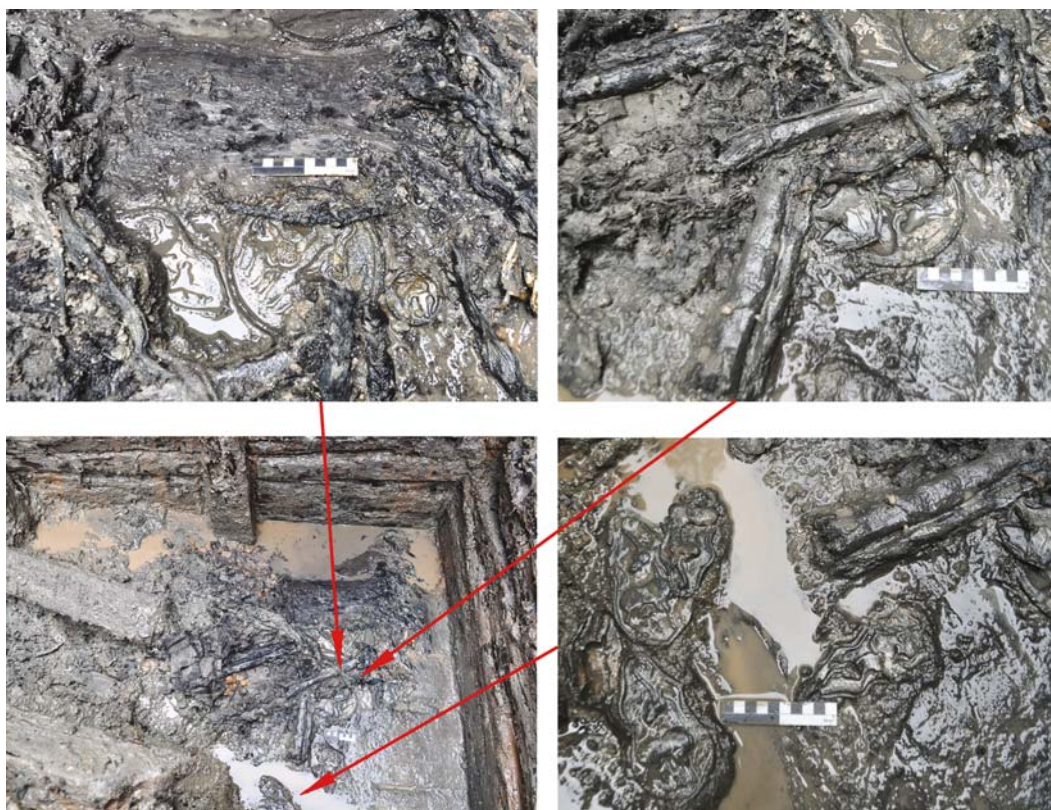

Рис. 20. Северо-восточный угол внешнего сруба. На полу лежат фрагменты костей рук человека, остатки ковра, обрывки ткани, серебряные украшения конской упряжи, заплетенные косы из человеческого волоса, деревянные обломки выючного седла.

металлические украшения конского снаряжения, небольшие деревянные заостренные колья с обрывками шелковой ткани (флажками) и шнурами, сплетенными из волоса (рис. 21, 22).

Верхняя половина соснового гроба была разломана грабителями и брошена рядом (см. рис. 19). Гроб размерами 0,8×2,3 м стоял на двух поперечных плахах; он был практически вплотную придвинут к западной стенке внутреннего сруба (см. рис. 19). По конструкции он аналогичен другим гробам, найден-

ным в ноин-улинских курганах [Теплоухов, 1925, с. 16–17; Руденко, 1962, с. 11–12, рис. 7, 8; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2009, с. 375; 2012, с. 73]. Дно, стенки и крышка гроба были собраны из толстых досок (по 2 шт.) и соединялись с помощью бабочковидных крепов (рис. 23, 2). Чтобы доски не расходились, шпильки дополнительно закреплялись поперечными деревянными стерженьками. Короткие доски с четырехугольным зубом входили в соответствующие пазы и отверстия длинных. Боковые

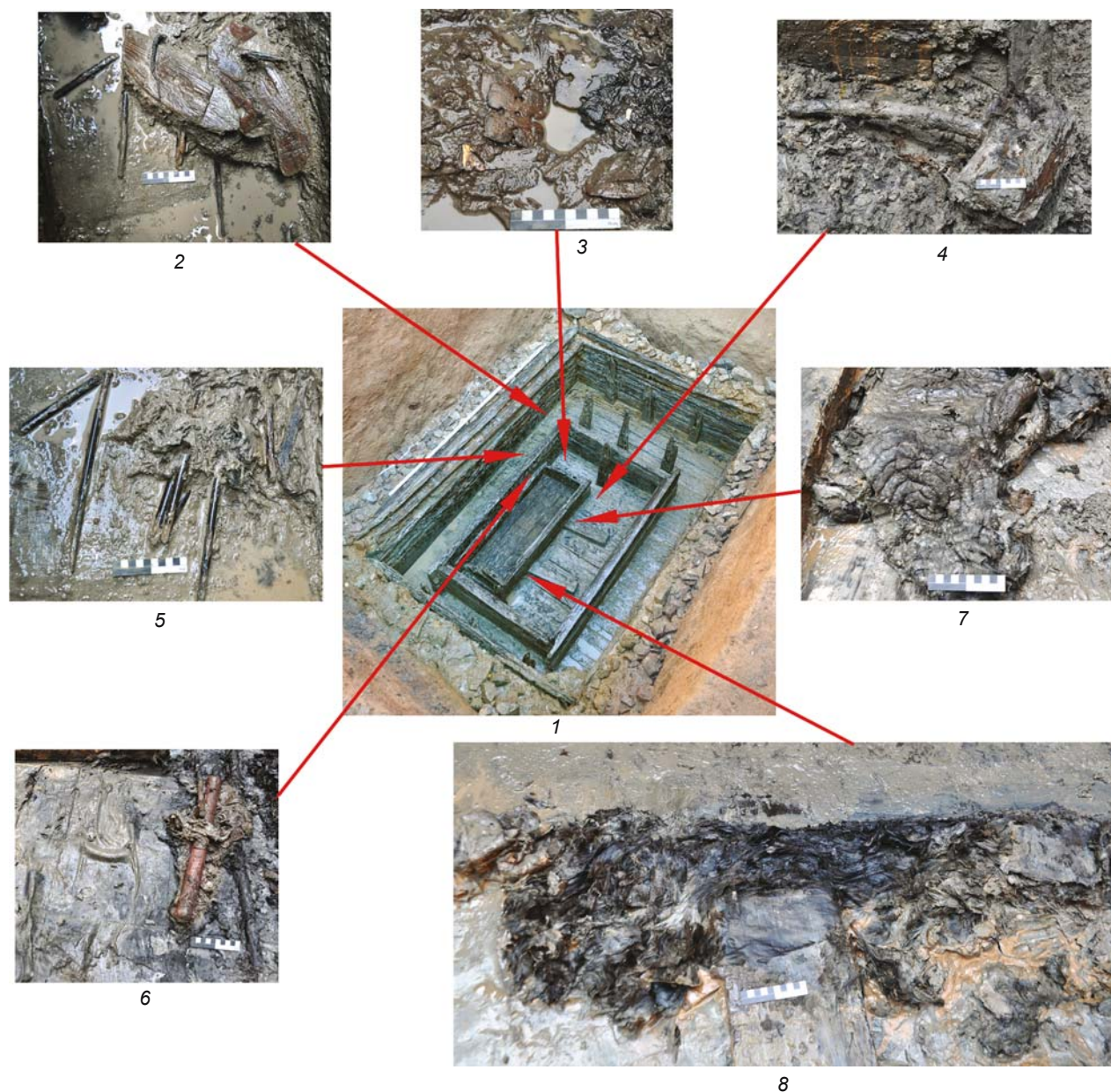
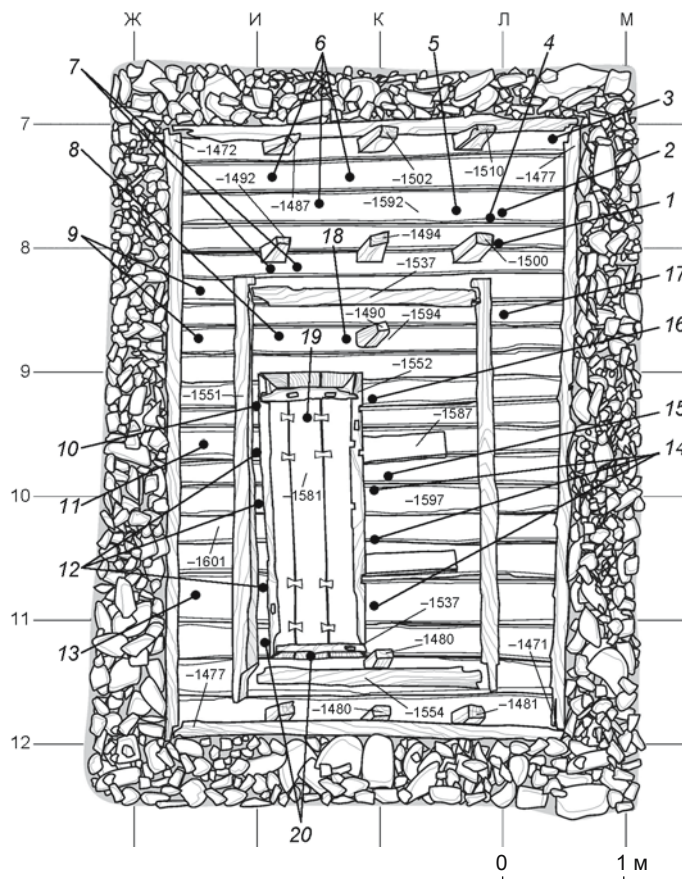

Рис. 21. Погребальная конструкция (1) и находки из внутреннего сруба (2–8). Вид с юго-востока.
2 – спицы зонта и обломки выючного седла; 3 – деревянные украшения гроба в виде четырехлистника с обрывками золотой фольги; 4 – деревянная колотушка (орудие грабителей); 5 – спицы зонта с навершиями и фрагменты шелковой ткани; 6 – фрагменты текстиля и металлический стержень (ручка от гроба?) на тканевом покрытии пола; 7 – остатки войлочного ковра со спиралевидным орнаментом у восточной стенки гроба; 8 – кусочки меха (фрагменты одежды?) и ткани на дне гроба.

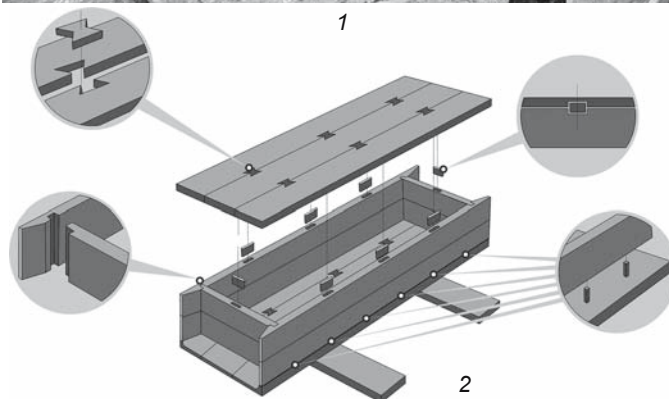
Рис. 22. План погребальной камеры с находками.

1 – скопление серебряных блях с изображением единорога, фрагменты ткани и косы; 2 – скопление серебряных блях и фалары с изображением единорога, фрагменты ткани, косы, бляшки и пронизки из уздечного набора; 3 – обломки выючного седла; 4, 15 – фрагменты костей рук человека; 5 – косы, бляшки, пряжки и пронизки из уздечного набора; 6 – косички из человеческих волос; 7 – фрагменты нефритовых изделий; 8 – деревянные украшения гроба с обрывками золотой фольги, фрагменты нефритовых изделий; 9 – спицы и напершие зонта, обломки выючного седла, фрагменты шелковой ткани; 10 – обрывки шелковой ткани и металлический стержень (ручка от гроба?); 11 – деревянные колья с обрывками шелковой ткани, косы в тканевых чехлах, бронзовые пластины конской упряжи, обрывки золотой фольги украшения гроба; 12 – мех, фрагменты изделий из шерстяной и шелковой ткани, обрывки золотой фольги украшения гроба; 13 – бронзовые пластины украшения конской упряжи, фрагменты изделий из ткани; 14 – остатки войлочного ковра со спиралевидным орнаментом; 16 – обломки лакового изделия (изделий?); 17 – деревянная колотушка (орудие грабителей?); 18 – косички из человеческих волос, золотые украшения одежды; 19 – мелкие золотые украшения одежды (головного убора?); 20 – деревянные украшения гроба с обрывками золотой фольги.

стенки прикреплялись ко дну с помощью железных гвоздей (по шесть с каждой стороны). Рядом с гробом у западной стенки внутреннего сруба обнаружены: металлический стержень с полушарными окончаниями, обрывки шелкового халата с подкладом из шелковой ваты и меховой отделкой, шелковая вышитая ткань и обломки лаковых изделий (см. рис. 21, 22). У северной стенки гроба с внешней стороны находились нефритовые украшения (часть в обломках), а также некоторые украшения гроба из золотой фольги в виде четырехлепестковых розеток и полос (рис. 24), которые, очевидно, крепились к шелковой ткани, покрывавшей гроб, с помощью маленьких золотых гвоздиков. Рядом находилась кучка обломков деревянной основы этих украшений. Внутри гроба, в изголовье, обнаружены только мелкие золотые украшения (рис. 25, 11).

Весь пол погребальной камеры был устлан тонким, крытым шерстяной тканью войлочным ковром с подкладом также из шерстяной ткани (см. рис. 21, 7). Поскольку вода размывала и затянула внутрь погребального сооружения не только глину, специально уложенную между стенками могильной ямы и погребальной камеры, но и грунт из верхних слоев заполнения могильной ямы, сохранность этого изделия оставляет желать лучшего. Мы обнаружили на

Рис. 23. Деревянный гроб *in situ* (1) и реконструкция гроба (2).

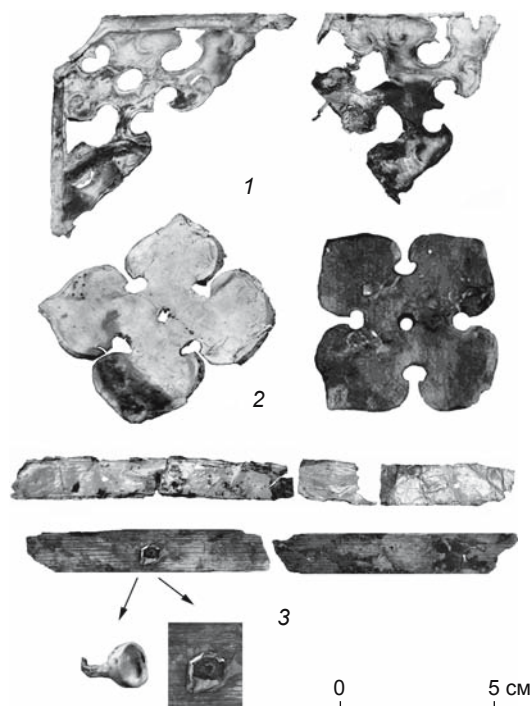

Рис. 24. Украшения гроба (золотая фольга и дерево).

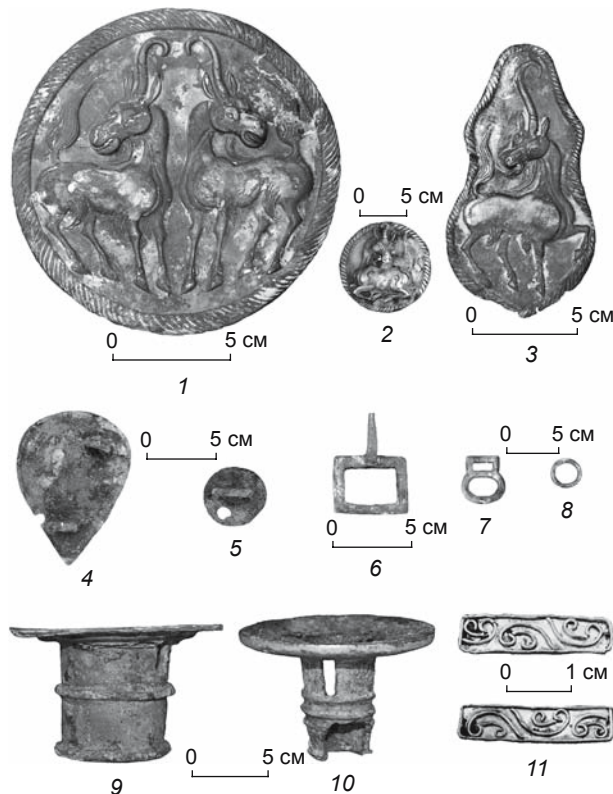

Рис. 25. Находки из кург. № 22.

1–3 – украшения конской упряжи: серебряные блины с изображением единорога (до реставрации); 4–8 – медные детали конской упряжи; 9, 10 – бронзовые наосыники; 11 – золотые украшения одежды.

полу погребальной камеры слои глины и грунта, из которых проглядывали отдельные нитки, части тканых изделий и куски войлока*.

Интерпретация и основные выводы

В целом по погребальному обряду кург. № 22 не отличается от исследованных ранее погребальных комплексов хуннской знати на территории Монголии. Интересными конструктивными деталями кург. № 22 являются небольшие ниши в западной и восточной стенках могильной ямы и в дромосе на уровне обрыва (рис. 26). В нишу дромоса были уложены небольшие плоские камни. Такие же углубления зафиксированы в кург. № 20 и 31 [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2009, с. 374; 2012, с. 59, рис. 2, 25]. По всей видимости, в них вставляли несущие балки для деревянного перекрытия, созданного для того, чтобы вытаскивать грунт из ямы, а затем выносить его по дромосу из кургана. Наличие такой конструкции позволяло древним строителям выкапывать в песочном грунте глубокие вертикальные шахты.

О высоком статусе погребенного свидетельствуют двойная погребальная камера (рис. 27) и обнаруженная в кургане лакированная колесница. Подобные колесницы, но гораздо худшей сохранности обнаружены в кург. № 20 в Ноин-Уле и в погр. Т20 памятника Гол-Мод 1 [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2012, с. 77–89; Desroches, 2007, рис. 21]. Эти колесницы относятся к широко распространенному в период Восточной Хань типу «яо чэ» с «летащими решетками» [Лю Юнхуа, 2002].

Особенность кург. № 22 – отсутствие керамической посуды. В хуннских погребениях, в т.ч. во всех ранее изученных курганах Ноин-Улы, она обычно находится в северных отсеках. Ни одного фрагмента керамики не обнаружено и в грабительском выкиде.

Из погребального инвентаря найдены в основном различные предметы конского снаряжения и фрагменты изделий из текстиля. Украшения конской упряжи практически из всех известных сегодня курганов хуннской знати выполнены в одном стиле [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2012]. Их комплект из кург. № 22 состоял из серебряных блинчиков трех видов, на которых изображен единорог (см. рис. 25, 1–3). Это два круглых наплечных фалара диаметром 14 см, более десяти (некоторые в обломках) блинчиков в форме тыквы-горлянки длиной 13,5 см, четыре маленькие круглые блинчики диаметром 5 см. Композиция из двух стоящих друг против друга единорогов в зеркальном отражении, изображенная на фаларах, на хуннских и китайских

*В настоящее время комплекс вещей из кург. № 22 находится на консервации и реставрации в ИАЭТ СО РАН.

Рис. 26. Курган после окончания работ в погребальной камере.

древностях встречена впервые. Толщина изделий, изготовленных с помощью чеканки с выколоткой, не превышает 3 мм. На ряде блях заметны следы золочения.

В кург. № 22 обнаружено также большое количество фрагментов разнообразных тканей, среди которых – обрывки шелкового халата с подкладом из шелковой ваты и с меховой отделкой, вышитый шелк, покрытие зонта. Работа по реставрации еще не закончена, но уже можно заключить, что в погребении наряду с многочисленными и разнообразными шелками китайского производства находились тонкие шерстяные ткани гобеле-

нового переплетения средиземноморского происхождения. Инвентарь элитных курганов хунну начала I в. н.э. позволяет представить не только разнообразие «подарков» ханьского двора шаньюям, но и ассортимент товаров, которые доставлялись в Китай по Шелковому пути с Запада.

Во время раскопок кург. № 22 удалось подробно проследить, как происходило разграбление погребения. То, что курган был разграблен в древности, очевидно. Как и во всех других ноин-улинских курганах, в центре прямоугольной насыпи кург. № 22 была огромная воронка. По ходу продвижения вглубь грабители выбрасывали наружу камни каменных конструкций. На уровне наземного сооружения рядом с входом в грабительскую шахту (воронку) находилось большое количество камней. Со временем часть камней сползла вниз в яму, некоторые из них (самые крупные) оказались на дне шурфа, на полу погребальной камеры. В нижней части грабительской шахты, на уровне второго каменного перекрытия, обнаружены толстые березовые неошкуренные колья, заостренные и обожженные с одного конца. Ими грабители, чтобы добраться до захоронения, расклинивали перекрытия и стенки сруба. На это указывают куски синей глины и обрывки текстиля на кольях.

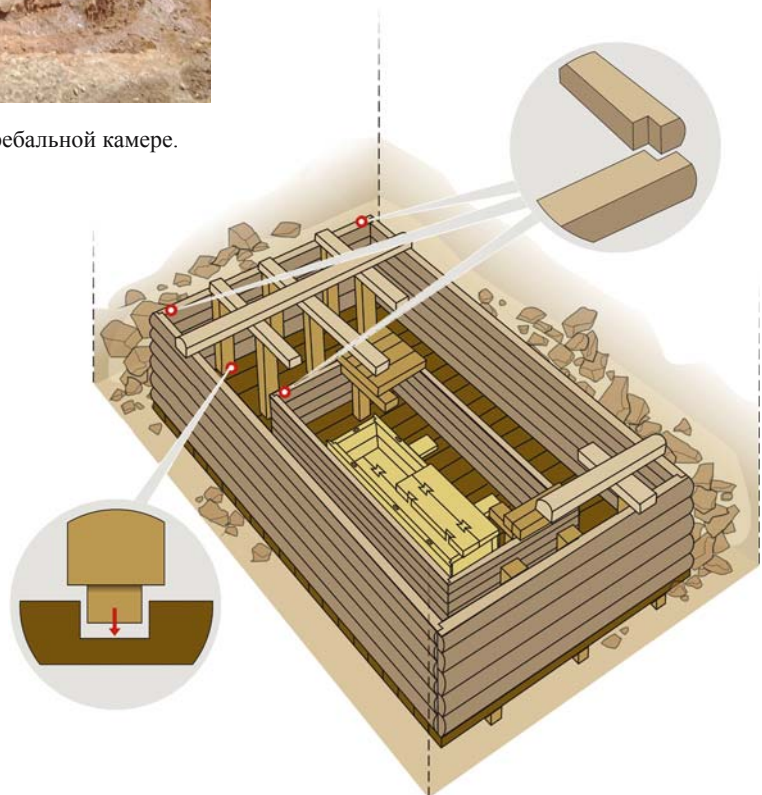

Рис. 27. Реконструкция погребального сооружения кург. № 22.

В перекрытии над внешним и внутренним срубам в двух местах были прорублены отверстия, но при этом сохранена основная балка-матица, чтобы можно было без угрозы для жизни находиться внутри срубов. Большое количество щепок и характерные следы на бревнах свидетельствуют о том, что грабители пользовались топором. Около северной стенки внутреннего сруба они оставили такие же березовые (только более тонкие) колья и деревянную колотушку, сделанную из ствола дерева (см. рис. 23, 4). Подобные колья были обнаружены при раскопках кург. № 20 и 31. В погребальном помещении кург. № 24 С.А. Теплоухов также обнаружил несколько березовых кольев диаметром до 10 см. Их появление в захоронении он связывал с деятельностью грабителей [1925, с. 17].

Проникновение в могилу было и актом осквернения погребенного в кургане. Вероятно, поэтому тела знатных хунну (или то, что от них осталось) вытаскивали с большой глубины наверх. Во всех исследованных ноин-улинских погребениях на полу найдены лишь отдельные кости (см.: [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2012, с. 75]). Считалось, что в результате расчленения и уничтожения тела погребенный лишался возможности посмертного существования, он уже не мог помогать своим соплеменникам, а сам курган, как и весь могильник, переставал быть маркером, указывающим на принадлежность этих земель хунну.

Список литературы

- Козлов П.К.** Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 30. – 1037 с.
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 247 с.
- Лю Юнхуа.** Древнекитайские колесница и конская упряжь (снаряжение). – Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2002. – 201 с. (на кит. яз.).
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.** Китайская колесница из 22-го ноин-улинского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012а. – Т. XVIII. – С. 267–269.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.** След китайской колесницы // Наука из первых рук. – 2012б. – № 4. – С. 6–17.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.** Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 372–376.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.** Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2012. – 184 с.
- Руденко С.И.** Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.
- Теплоухов С.А.** Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.
- Хуань Куань.** Спор о соли и железе. – М.: Вост. лит., 2001. – Т. 2. – 829 с.
- Brosseder U.** Belt plaques as an indicator of the east-west relations in the Eurasian steppe at the turn of the millennia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – Vol. 5. – С. 349–424.
- Desroches J.-P.** The French Archaeological Mission in Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seoul: National Museum of Korea, 2007. – P. 190–202 (на англ. и кор. яз.).
- Miniaev S., Elikhina J.** On the chronology of the Noyon uul barrows // The Silk Road. – 2009. – Vol. 7. – P. 21–35.

Материал поступил в редколлегию 25.01.13 г.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ПРЕСТИЖНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ НАКЛАДКАМИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ

В статье анализируются металлические накладки афанасьевских деревянных сосудов, являющиеся атрибутом престижной утвари эпохи энеолита. Накладки из металла, декорированные пуансонным орнаментом, вероятно, символизируют женское начало на ритуальных сосудах. Широкое распространение таких изделий от нижней Катунь (Горный Алтай) до среднего Енисея (Хакасия) позволяет рассматривать их в качестве одного из признаков близости афанасьевских комплексов в этих двух регионах Саяно-Алтая. Кроме того, деревянные сосуды с металлическими накладками, декорированными пуансонным орнаментом, вполне могут быть атрибутом женских захоронений афанасьевской культуры, свидетельствующим о высоком социальном статусе погребенных.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, афанасьевская культура, металлические накладки деревянных сосудов, престижная утварь, эпоха ранней бронзы.

Металлические накладки из афанасьевских погребений Саяно-Алтая достаточно давно интерпретируются как детали деревянной посуды. В Южной Сибири эти предметы встречаются от нижней Катунь [Бородовский, 2006] до среднего Енисея [Вадецкая, 1986, с. 19, табл. 2–7; Грязнов, 1999, с. 49, рис. 6–8, 20, 21, 25; Поляков, 2010, с. 154, рис. 9]. Большинство медных накладок имеет форму овала и несколько отверстий по краю для крепления. Изделия со среднего Енисея (Итколь II) снабжены медными гвоздиками, закрепленными в этих отверстиях. Внешняя поверхность некоторых накладок декорирована многорядным пуансонным орнаментом (рис. 1, 1). Кромка металлической пластины с одной стороны загнута, что соответствует обкладке устья сферического блюда или чаши. Гладкая накладка с насечками по краям (рис. 1, 2), возможно, располагалась на днище сосуда [Поляков, 2010, с. 154–155]. Две парные медные накладки с пуансонным орнаментом (рис. 1, 3) из афанасьевского погребения на средней Катунь в урочище Барантал [Бородовский, 2006, с. 90] имели ровные края, что также характерно для металличе-

ских деталей, наложенных на устье или стенки аналогичных деревянных сосудов (чаш).

Сходные детали оформления деревянной утвари хорошо известны среди материалов эпохи ранней и развитой бронзы на Украине [Ремесло..., 1994, с. 145, 146, рис. 43]. В срубных погребениях Поднепровья неоднократно зафиксировано наличие деревянной посуды с металлическими оковками [Отрощенко, 1984]. По форме эти накладные детали имеют определенные отличия от аналогичных предметов афанасьевской культуры (рис. 2, 1), однако на некоторых из них встречается пуансонная орнаментация.

По мнению А.В. Полякова, значительное количество достаточно ценной меди, использованное для накладок деревянных сосудов афанасьевского времени Саяно-Алтая, вряд ли позволяет считать их деталями, изготовленными только с целью ремонта, тем более что для эпохи ранней бронзы известны еще металлические скобы, использовавшиеся исключительно для ремонта деревянных сосудов [Ремесло..., 1994, с. 146, рис. 43, 3]. Поэтому металлические накладки являются, очевидно, признаком престижности изделия [Поляков,

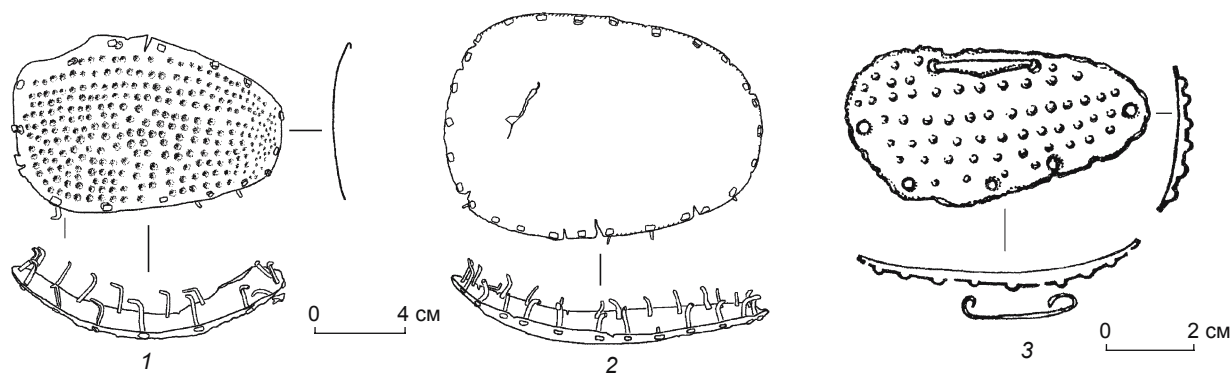

Рис. 1. Металлические накладки афанасьевских деревянных сосудов из мог. 1 кург. 24 могильника Итколь II на среднем Енисее (1, 2) [Поляков, 2010, с. 152, рис. 7, 1; с. 154, рис. 9, 1] и погребения в урочище Барантал на средней Катунь (3).

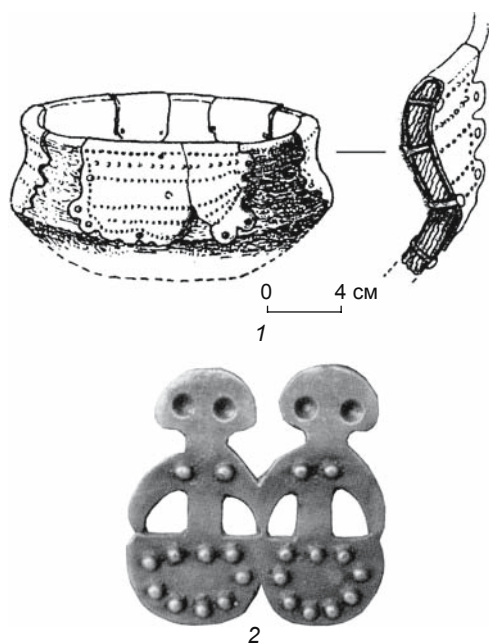

Рис. 2. Деревянный сосуд с металлической накладкой, декорированной пуансонным орнаментом, срубной культуры (Поднепровье, Украина) [Ремесло..., 1994, с. 146, рис. 43, 8] (1) и золотое изделие из Аладжа-Хююка (Малая Азия).

2010, с. 155]. Аргументом в пользу такого предположения служит и наличие на некоторых из них пуансонного декора. Широкое распространение таких изделий от нижней Катунь (Горный Алтай) до среднего Енисея (Хакасия) позволяет рассматривать их в качестве общего элемента афанасьевской культуры [Степанова, 2010, с. 180] в этих двух регионах Саяно-Алтая, хотя ранее подобные артефакты интерпретировались исключительно как особенность афанасьевских погребений на среднем Енисее [Там же, с. 182].

Следует подчеркнуть, что для территории Горного Алтая характерна глубокая преемственность тра-

диции изготовления деревянных сосудов с накладками из меди и бронзы. Фрагмент такого сосуда найден в древнетюркской оградке кудыргинского типа эпохи раннего средневековья (VI–VII вв. н.э.) в урочище Ак-Кообы [Кубарев, 2011, с. 231, 232, рис. 13]. Деревянные чаши с металлическими накладками встречаются и в этнографических материалах Горного Алтая вплоть до конца XIX – начала XX в.

Среди скифских древностей Северного Причерноморья эпохи раннего железа также достаточно много накладок на деревянные сосуды, декорированных пуансонным орнаментом [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 115, 130]. Эти аналоги металлических накладок энеолитических сосудов Южной Сибири только на первый взгляд могут показаться слишком отдаленными. Для целого ряда емкостей из органических материалов (дерева, рога, кожи, бересты) скифского времени существуют прототипы в коллекциях с памятников эпохи бронзы на юге Западной Сибири. В качестве примера можно привести роговые плоские блюда раннего железного века, встречающиеся от Северного Кавказа [Петренко, Маслов, 1999, с. 258, рис. 2; с. 259, рис. 3] и Южного Урала [Смирнов, 1964, с. 64, рис. 1, о; 1981, с. 78, рис. 6, 3] до Обь-Иртышского междуречья [Полосьмак, 1987, с. 77, рис. 70, 1] и верхней Оби [Могильников, 1997, с. 94, рис. 63, 1]. Однако одно из ранних таких блюд, изготовленное из лопаты лосиных рогов, обнаружено в андроновидном погребальном комплексе эпохи развитой бронзы Тартас-1 в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2007, с. 330, рис. 1, б; с. 333]. Естественное расположение роговых отростков на этом предмете сохранено практически полностью, что отличает его от аналогичных изделий раннего железного века (Новотроицкое-1, Марково-1). Роговое блюдо из Тартаса-1 является самым древним изделием такого типа, предшествующим предметам скифского (Новозаведенное II) и сарматского (Мечет-Сай) времени.

Форма афанасьевских подовальных металлических накладок из Барантала, Итколя II и нанесенный

на них пуансонный орнамент позволяют выдвинуть предположение относительно их семантического назначения на деревянном сосуде. В традиционной культуре емкости часто ассоциируются с женским началом, являясь его центральным символом, атрибутом и инструментом [Нойманн, 2012, с. 339, 340]. Исходя из этого форма металлических накладок на деревянном сосуде и декор на них вполне могут символизировать женское лоно (лобок). На Ближнем Востоке аналогичные изображения известны на женских скульптурах II тыс. до н.э. из металла [История..., 1988, с. 43, рис. 10, б] и терракоты [История..., 1983, с. 403, рис. 107а; Нойманн, 2012, с. 131, ил. 11].

Парность металлических накладок с пуансонным орнаментом на афанасьевском деревянном сосуде из Барантала (см. рис. 1, 3) как символа женского начала может также быть соотнесена с одним из образов, известных в эпоху бронзы. Речь идет о парных женских изображениях хеттов (см. рис. 2, 2), на которых лона переданы и декорированы в сходной манере. Если такое предположение верно, то деревянный сосуд с парными металлическими накладками вполне мог быть связан с близнечными мифами. Например, у хеттов известен сюжет о помещении братьев-близнецов в сосуд и их последующем кровосмесительном браке со своими сестрами-близнецами. У хеттов существовал также обряд убийства близнецов после рождения, когда их помещали в горшки [Мифы..., 1991, с. 174, 175]. В энеолитической пластике Ближнего Востока и Европы известны парные женские образы, трактуемые не только как персонажи близнечных мифов, но и как изображения матери и дочери [Палагута, 2011, с. 112]. Следует подчеркнуть, что в традиционной среде женщина воспринимала себя как субъект и объект таинственных процессов и как сосуд трансформации [Нойманн, 2012, с. 328]. Весьма любопытно и то, что на керамических афанасьевских сосудах Саяно-Алтая распространен декоративный элемент в виде треугольника, ориентированного вершиной вниз и заполненного рельефными оттисками [Есин, 2010, с. 57, 58, рис. 4, 6–9]. Его также можно соотносить с женскими символами.

Весьма вероятное присутствие признаков женских образов на деревянных афанасьевских сосудах с металлическими накладками, декорированными пуансонным орнаментом, позволяет рассматривать их в качестве одних из первых изображений в декоре таких емкостей в эпоху бронзы. В скифское время накладки деревянных сосудов с пуансонным орнаментом из Северного Причерноморья и Южного Приуралья демонстрируют большее разнообразие образов. Среди них встречаются рыбы, грифоны и лошади [Королюкова, 2006, с. 170, табл. 1, 9, 10; с. 186, табл. 17, 1–3; с. 190, табл. 21, 3, 14, 16]. В рамках других техник оформления накладок деревянных сосудов (резьбы,

гравировки) представлены также изображения кабанов, оленей, сайгаков, тигров и всадников [Там же, с. 172, табл. 3, 8; с. 174, табл. 5, 1–9, 12; с. 179, табл. 10, 1; с. 182, табл. 13, 10; с. 188, табл. 19, 1; с. 203, табл. 34, 6].

Престижную деревянную посуду с металлическими накладками вполне можно рассматривать как специфический («богатый») погребальный инвентарь, являющийся одним из признаков социально значимых захоронений в эпоху энеолита [Энеолит..., 1982, с. 239]. Важно отметить, что металлические накладки с пуансонным орнаментом от деревянных сосудов происходят из женских погребений афанасьевской культуры как на территории Горного Алтая (Барантал), так и на среднем Енисее (Итколь II). Возраст погребенной в мог. 1 кург. 24 Итколя II оценивается в 40–50 лет [Поляков, 2010, с. 148]. Это вполне соответствует зрелой женщине, облеченной высоким социальным статусом, и его мог символизировать деревянный сосуд с металлическими накладками. Данный факт крайне важен, т.к. ранее социально значимыми в основном считались мужские захоронения в больших афанасьевских курганах, в сопроводительном инвентаре которых присутствовали каменные жезлы [Шульга, 1993, с. 88]. Дополнение верхушки «социальной пирамиды» афанасьевского общества особами женского пола с соответствующей гендерной атрибутикой позволяет поставить вопрос об определенном «дуализме» элиты Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы.

В целом для эпохи раннего металла ряда регионов Евразии (включая Саяно-Алтай и степную зону Причерноморья) деревянные сосуды с металлическими накладками, вероятно, являются одной из универсалий, отражающей инновационные технологические тенденции как в формирующихся цивилизационных центрах, так и на первобытной периферии. Однако эта особенность распространена далеко не повсеместно. Например, в энеолите Закавказья (куро-аракская культура) деревянные сосуды с металлическими накладками отсутствуют. Медная, бронзовая посуда появилась в этом регионе в III–II тыс. до н.э. Однако на северных предгорных территориях, как уже отмечалось, деревянные сосуды с металлическими накладками были распространены не только в бронзовом, но и в раннем железном веке.

Деревянная утварь с металлическими накладками отражает определенный паритет в бытовании престижной посуды между цивилизационными центрами и первобытной периферией в эпоху раннего металла. В этом смысле показательна территория Древнего Китая, поскольку металл появился здесь относительно поздно, а бронзовые ритуальные сосуды вряд ли имеют свои деревянные прототипы. Даже на уровне имитаций других материалов в этих изделиях емкостей из дерева не отмечено. В более позднее

время – в эпоху раннего железа – среди ритуальных сосудов культур скифского круга Сибири отсутствуют импортные металлические с территории Древнего Китая. По этому признаку элитарные погребальные комплексы скифского времени в Южной Сибири принципиально отличаются от собственно скифских Северного Причерноморья и сарматских Южного Приуралья, в которых присутствуют импортные (греческие, иранские, римские) металлические сосуды. Это подчеркивает архаичность и традиционность емкостей из органических материалов с металлической отделкой. В эпоху ранней бронзы на территории Саяно-Алтая деревянные сосуды с металлическими накладками, декорированными пуансонным орнаментом, в силу своей престижности вполне могли быть атрибутом женских захоронений, указывающим на высокий социальный статус погребенных.

Список литературы

- Бородовский А.П.** Афанасьевские памятники нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 84–95.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Грязнов М.П.** Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 137 с.
- Есин Ю.Н.** Проблемы выделения афанасьевских изображений в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.** Скифия VII–IV вв. до н. э. – Киев: Наук. думка, 1983. – 380 с.
- История Древнего Востока:** Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. – Ч. 1: Месопотамия. – 536 с.
- История Древнего Востока:** Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1988. – Ч. 2: Передняя Азия, Египет. – 624 с.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии: Искусство племен нижнего и южного Поволжья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 272 с.
- Кубарев Г.В.** Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 7: Археология, этнография. – С. 219–235.
- Мифы народов мира:** энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – 672 с.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1997. – 196 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Казакова Е.А.** Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 329–333.
- Нойманн Э.** Великая мать: Глубинная психология и психоанализ. – М.: Добросвет; Книж. дом. «Университет», 2012. – 410 с.
- Отрошенко В.В.** Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Днепропетров. гос. ун-т, 1984. – Вып. 1. – С. 84–97.
- Палагута И.В.** Мир искусства древних земледельцев Европы: Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э. – СПб.: Алетейя, 2011. – 336 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е.** Роговые блюда могильника Новозаведенное II // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову: архивные публикации, статьи. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 250–259.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Поляков А.В.** Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 144–158.
- Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине.** – Киев: Наук. думка, 1994. – 190 с.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 216 с.
- Смирнов К.Ф.** Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: Башкир. фил. АН СССР, 1981. – С. 70–82.
- Степанова Н.Ф.** Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 177–187.
- Шульга П.И.** Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепеш // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: мат-лы науч.-практ. конф. – Барнаул, 1993. – С. 86–89.
- Энеолит СССР.** – М.: Наука, 1982. – 360 с. – (Археология СССР).

*Материал поступил в редколлегию 20.05.13 г.,
в окончательном варианте – 17.06.13 г.*

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: bau194@ngs.ru

БЕЗ ЛИЦА: СЕРЕБРЯНАЯ БЛЯХА С ВОСТОЧНЫХ СКЛОНОВ УРАЛА

Статья посвящена уникальной находке, происходящей из неизвестного могильника в бассейне р. Конды (Советский р-н ХМАО-Югры), – серебряной бляхе IX–X вв. Даны ее описание и первичная атрибуция. Отсутствие в погребении фрагмента бляхи с изображением головы (лица) мужчины позволяет предполагать его преднамеренное исключение из погребального инвентаря и последующее использование для изготовления фигуры умершего – вместилища его души. В приложении к статье дается трасологический анализ фрагментации бляхи во время погребального обряда.

Ключевые слова: серебро, позолота, чеканка, гравировка, бляха, погребение, душа.

Обстоятельства нахождения бляхи

В 2013 г. в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН поступил необычный предмет – разрезанная на пластины большая бляха. По рассказам «третьих лиц», она была найдена в верховьях р. Конды, недалеко от впадения в нее р. Эсс (Советский р-н ХМАО-Югры). Проводимые там лесозаготовки привели к разрушению тяжелыми тракторами культурного слоя неизвестного памятника, предположительно небольшого могильника, состоящего из нескольких погребений. Рабочие собрали только находки из металла: упоминаются бронзовые зооморфные браслеты, наконечники ножа, несколько пронизей, большая бронзовая круглая бляха с изображениями медведя, рыб и двух змей. Данный состав инвентаря позволяет предположительно датировать могильник в пределах XI–XIII вв.

В одном из разрушенных погребений находились останки умершего, одетого в шубу из грубого черного ворса (возможно, медвежью). Поверх нее в районе груди лицевой стороной вниз равномерно лежали пластины серебряной бляхи (рис. 1, 2). Неподалеку располагалось место поклонения манси, опознаваемое по принесенным туда монетам. Подобное сосед-

ство непротиворечиво: еще К.Ф. Карьялайнен, соглашаясь с С.К. Паткановым, писал о связи большинства священных мест остяков с «древними поселениями» или «погребениями... потерявшими свое значение»

Рис. 1. Кондинская серебряная бляха.

а

б

Рис. 2. Медальон кондинской бляхи: фотография (а) и прорисовка (б).

[1995, с. 65–66]. Необходимо уточнить, что остяки и вогулы видели в этих поселениях и погребениях древние памятники своих предков.

Можно предположить три этапа жизни бляхи. На первом в одном из квалифицированных ремесленных центров данный предмет был изготовлен путем расковки серебряного слитка и последующего вырезания ножницами круга. Сложно установить, что изначально представлял собой этот предмет: чашу, блюдо, плоский или выпуклый диск, бляху; неизвестны и исходные размеры. Однако, судя по сохранившимся пластинам, по пропорциональному соотношению диаметров бляхи и ее медальона, а также равной ее кромке, предполагаю, что первоначальные размеры изделия не были уменьшены: т.е. бляху не вырезали из большой чаши или блюда. Композицию на ее лицевой стороне выполнили с помощью золочения, чеканки и гравировки. В этом состоянии вышедшее из мастерских изделие было доставлено и продано (передано) его владельцу.

На втором этапе хозяином или по его заказу бляха была доработана: края предмета ударом чекана с оборотной стороны орнаментировали по кругу полоской крупных «жемчужин», пробили отверстие, к которому с помощью штырька прикрепили медную петлю для подвешивания (в ней сохранился кусочек кожаного шнурка). На третьем этапе – после смерти владельца – бляху разрезали на пластины (см. Приложение) и уложили в погребение. Скорее всего, мы имеем дело с широко известным по этнографическим материалам XIX–XX вв. у обских угров (древних насельни-

ков края) стремлением «умертвить» предмет, дабы он мог перейти в иной мир вместе с умершим хозяином (см. напр.: [Соколова, 1980, с. 132–133]). Фрагмент бляхи с изображением лица мужчины не был найден.

Описание бляхи и ее атрибуция

Диаметр бляхи ок. 17,5 см, медальона – 10,5 см, последний обведен бордюром шириной 0,5 см. Часть пластин выпуклые, остальные плоские (результат деформации в захоронении). На оборотной стороне рядом с краем бляхи (напротив левого локтя мужской фигуры) видны два следа от припоя: можно предполагать, что места с образовавшимися от времени трещинами пытались укрепить. В медальоне представлена сюжетная сцена: сидящий по-восточному мужчина левой рукой притягивает к себе за длинную косу склонившуюся женщину; правой кистью он касается головы женщины. Над левым локтем мужчины виден кусочек пальметты. Фон фигур покрыт позолотой.

Мужчина одет в халат с засученными рукавами и высокие сапоги с боковым швом. Халат украшен орнаментом из сгруппированных по три пунсонных кружков – мотив шкуры леопарда, известный в среднеазиатской тюркестике IX–X вв. [Сокровища Приобья, 1996, с. 117]. Пояс передан узкой полоской с рядом кружков, имеет три подвесных ремешка.

Фигура женщины выполнена более тщательно. Она изображена в длинной плечевой одежде с короткими рукавами (возможно, хламида, туника, рубаха),

декорированной волнистыми и прямыми параллельными линиями, которые могут обозначать складки или полосатую ткань; подол обозначен фестонами. Шея закрыта воротом одежды. На голове плотно облегающий головной убор в горошек, возможно, платок или шапочка; из-под него видны волосы, переданные косыми насечками. Ноги обуты в сандалии на толстой подошве с узким ремешком, украшенным большой круглой пуговицей. На щиколотках и запястье правой руки – браслеты, переданные кружками. Лицо женщины круглое, у нее миндалевидные крупные глаза с большими зрачками, длинные тонкие соединяющиеся брови, прямой нос, маленький рот. Из-за спины перекинута толстая длинная коса, перевязанная лентами.

Сюжет, изображенный на бляхе, определить сложно, в т.ч. и по причине отсутствия важного фрагмента с головой (лицом) мужчины. Самое простое толкование сводится к демонстрации сцены насилия, которая также может быть понята по-разному*. В частной переписке М.Г. Крамаровским было высказано предположение о том, что мужчина тянет женщину не за косу, а за левый рукав ее одежды. Однако эта версия мне не кажется правдоподобной. Во-первых, обратим внимание на то, что полоска волос под головным убором женщины и левая бровь переданы косыми насечками – таким же способом декорированы не менее 14 поперечных «лент» косы, т.е. она показана «волосатой». Во-вторых, если все же тянуть рукав, то его нижний кончик, после места, схваченного левой рукой мужчины, должен безвольно висеть вниз, а он направлен вверх. В-третьих, в сужающемся «рукаве» не видно утолщения от кисти руки.

На лицевой (за пределами медальона) и оборотной сторонах изделия нанесены гравированные рисунки, которые, к сожалению, плохо читаются. Предполагаю, что они выполнены уже на Урале. Из очевидных следует упомянуть изображения птицы, двух голов животных (волк?), спиралевидную фигуру.

Бляха имеет сходство в приемах передачи реалий с тонкостенной кованой чашей IX в. (урало-венгерский центр) близкого размера (диаметр 18 см), найденной на оз. Нанто у р. Юрибей: у изображенного на ней всадника высокие сапоги с боковым швом, одежда украшена орнаментом из сгруппированных по три пунсонных кружков. Медальон окружен узким пустым бордюром [Там же, с. 114–117; Сокровища Приобья, 2003, с. 53]. В сапогах с разрезом показан мужчина с бобром на ковше из пос. Шурышкары (ЯНАО) [Бауло, 2011, кат. 384], датированном Н.В. Федоровой IX–X вв. [2013, с. 155]. Пояса в виде узкой полоски с рядом кружков и тремя подвесными ремешками известны по фрескам Самарры (Ирак) и Лашкари Базара (Афганистан); такие же поя-

са у двух фигур на ковше XI в., найденном у пос. Шурышкары [Сокровища Приобья, 1996, с. 85–89]. Валиками переданы окончания рукава у женских фигур на бляхе и ритоне (Средняя Азия, конец VIII – первая половина IX в.) [Бауло, Маршак, 2001]. С длинной косой изображены женщины на чаше из Слудки Пермской губернии (Кабулистан, VIII в.) [Marschak, 1986, Abb. 185]. Практически круглое женское лицо, схожие орнаментальные мотивы в одежде (точки и «чешуя») показаны на сохранившемся фрагменте блюда (поливная керамика) X в., найденного в Афрасиабе (Узбекистан) [Пугаченкова, 1986, с. 207]*.

Таким образом, по совокупности дат аналогичных изображений можно предложить время изготовления бляхи из бассейна Конды в рамках IX–X вв. Место ее производства однозначно определить сложно; в широком смысле это, скорее всего, восток Европы. По мнению Н.В. Федоровой, в IX–X вв. здесь сформировалось много различных групп мастеров: для них тесные контакты с городскими центрами Волжской Болгарии, а до того с Хазарией явились мощным толчком для развития собственной художественной традиции [2013]. Следует указать, что кондинская бляха имеет более выраженный акцент на южную, среднеазиатскую специфику, выражающуюся, в частности, в таких деталях, как восточная поза мужчины и сандалии женщины; к ранее неизвестным необходимо отнести сюжет представленной сцены и необычное (круглое) лицо женщины.

Древняя *иттерма*?

Кондинская бляха – уже вторая, найденная в виде разрезанных пластин. В фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард) хранятся семь узких пластин, составляющих остатки центрального медальона серебряного блюда с изображением всадника (урало-венгерский центр, IX в.). Первоначально высказывалось мнение о том, что медальон был разрезан на узкие полосы для изготовления рыболовных блесен теми, кто его нашел [Сокровища Приобья, 1996, с. 120]. В более поздней публикации об этом уже не упоминалось, а медальон предположительно был отнесен к комплексу погребения из могильника Хето-се на юге п-ова Ямал [Сокровища Приобья, 2003, с. 57]. Вторая версия представляется предпочтительной, поскольку она позволяет в смысловом отношении объединить обе находки, происходившие именно из захоронений.

Убежден, что недостающего фрагмента кондинской бляхи в погребении не было. Предмет «умертви-

*См. статью М.Г. Крамаровского в данном номере журнала.

*Благодарю Л.Н. Ермоленко за указание на данный источник.

Рис. 3. Фигуры *уттерма* – временного вместилища души – с фотографиями лиц умерших. Березовский район ХМАО-Югры, пос. Хурumpaуль, 1983 г. (а), пос. Ломбовож, 1985 г. (б). Манси.

ли», разрубив его на пять продольных пластин, после чего из крайней правой пластины вырубili центральную часть с головой (лицом) мужчины (хорошо виден недорубленный уголок около мужской кисти на оставшемся фрагменте бляхи с петлей). Для чего это сделали? Можно предположить, что при жизни обладатель бляхи отождествлял себя с представленным на ней мужским персонажем, так же, видимо, считало и его окружение. После смерти владельца его «портрет» был изъят из погребального инвентаря, скорее всего, с определенной целью – чтобы сделать посмертное изображение – вместилище души. В поздней этнографической практике обских угров подобный феномен, связанный с изготовлением фигуры покойного – временного вместилища одной из его душ (*уттерма*, *уттарма*), – известен, как минимум, с начала XVIII в. [Новицкий, 1941, с. 52].

Традиция изготовления подобных фигур могла существовать еще в эпоху средневековья: упомяну антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв., найденные на археологических памятниках в окрестностях Сургута. По информации К.Г. Карачарова, известно не менее 10 предметов, представлявших собой сложную конструкцию: основу составлял плоский каркас из прутьев, объем фигуре придавал набитый внутрь мох; к куклам были приложены (пришиты) бронзовые или деревянные личины. Исследователь предложил интерпретировать эти находки как изображения умерших, причем наличие на некоторых из них прядей волос, по-видимому, свидетельствует о связи

фигуры с конкретным лицом [Карачаров, 2002]. Возможно, подобную «куклу» изготовили и для покойного кондинского мужчины, только в данном случае ее лицо обозначалось с помощью специально вырезанного фрагмента серебряной бляхи.

По этнографическим данным, изображения мертвых (*уттерма*, *уттарма*) в XVIII–XX вв. характерны для северных групп хантов и манси (см., напр.: [Гемев, 1990; Соколова, 2009; и др.]), но самое главное: у лыпинских манси зафиксирована традиция прикладывания (пришивания*) к фигуре *уттерма* фотографии лица умершего человека [Гемев, 1990, с. 209] (рис. 3). Столь близкое смысловое сопоставление (фрагмент бляхи с лицом – фотокарточка с лицом) при версии возможного использования фрагмента бляхи для изготовления посмертного вместилища души позволяет осторожно высказаться в пользу угорской принадлежности погребального комплекса, обнаруженного в верховьях Конды. Не противоречат этому и упомянутые выше бронзовые зооморфные браслеты, навершие ножа, и прежде всего большая бронзовая круглая бляха с «угорским» сюжетом т.н. медвежьего праздника.

* «... Фигурки *уттерма*... Иногда к ним пришивают вырезанные из фотографий лица. У моих родственников такие фигурки есть. Я пришила к ним, вынули священный ящик, поставили на стол, поставили перед ними рюмку и пищу. Их кормят раз в год. Держат в доме» (Р.П. Хозумова, пос. Хурumpaуль, Березовский р-н ХМАО-Югры. Полевые материалы И.Н. Гемева. 1983 г.).

Бронзовая бляха с изображениями медведя, рыбы и двух змей

Бляха представляет собой круглый массивный бронзовый диск диаметром 9,2 см, по контуру украшенный кантом из крупных «жемчужин» (рис. 4)*. В крае изделия пробито отверстие, к которому посредством штырька прикреплена медная петля для подвешивания. Центральное место на лицевой стороне занимает «распластанная» фигура медведя, перед головой которого лежит крупная рыба; по бокам изображены две змеи с раскрытыми пастьми.

С одной стороны, перед нами бляха, выполненная в известном зверином стиле с узнаваемой сценой угорского праздника, когда перед головой убитого медведя в качестве угощения кладут рыбу. С другой стороны, «медвежий» сюжет здесь достаточно специфичен. Во-первых, непривычна поза медведя с подтянутыми к животу задними лапами (возможно, она обусловлена необходимостью вписать фигуру в круг). Во-вторых, змеи изображены в нетипичных для звериного стиля позах: в бронзовых отливках Урала и севера Западной Сибири они обычно показаны свернувшимися в спираль [Бауло, 2011, кат. 387; и др.]. Тулова же обеих змей на бляхе связаны в кольца, что больше характерно для восточных сюжетов: подобным образом показана змея на чаше с изображением льва, опубликованной в «сасанидском отделе» атласа Я.И. Смирнова [Смирнов, 1909, кат. 97], восточно-иранской чаше X в. из с. Укан (Удмуртия) [Там же, кат. 132; Marschak, 1986, Abb. 129], блюде с изображениями человека и животных (Волжская Болгария, XI в.) [Сокровища Приобья, 2003, кат. 23]. Бляху можно датировать в пределах IX–XI вв.

Таким образом, перед нами бляха, сочетающая сибирские (угорские) и южные (восточные) черты. В этом смысле она сближается с известной бронзовой бляхой с изображением стоящего филина [Древние бронзы..., 2000, кат. 28] – фактической копией медальона серебряного блюда [Бауло, Маршак, Федорова, 2004, с. 108]. Полагаю, что не случайно подобные образцы имеют форму круглого диска с кантом «жемчужин» по краю – перед нами своеобразное подражание медальонам серебряных блюд.

Заключение

В неизвестном погребальном комплексе в верховьях р. Конды в мужском захоронении была обнаружена разрезанная на пластины бляха, датируемая IX–X вв.

*Фотография бляхи, оказавшаяся в нашем распоряжении, к сожалению, невысокого качества, что привело к необходимости опубликовать ее в виде рисунка.

Рис. 4. Бронзовая бляха с изображениями медведя, рыбы и двух змей.

Место ее производства в широком смысле определено как восток Европы, при этом в ее сюжете видны южные, среднеазиатские, черты (восточная поза мужчины, сандалии женщины). К необычным деталям бляхи отнесен сюжет представленной сцены и круглое лицо женщины. Отсутствие в захоронении фрагмента бляхи с изображением головы (лица) мужчины позволяет предполагать его преднамеренное исключение из погребального инвентаря и последующее использование для изготовления фигуры умершего – вместилища его души.

Благодарности

При подготовке статьи я пользовался консультациями и советами А.А. Богордаевой (ИПОС СО РАН), Л.Н. Ермоленко (КемГУ), М.Г. Крамаровского (Отдел Востока Государственного Эрмитажа), А.Г. Козинцева (МАЭ РАН), Н.В. Федоровой (ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»); выражаю им глубокую признательность. Благодарю Г.К. Ревуцкую (ИАЭТ СО РАН) за очистку и реставрацию изделия, М.О. Елисееву за выполненные рисунки.

Список литературы

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бауло А.В., Маршак Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 133–141.

Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 107–116.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Древние бронзы Оби: Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Изд-во Сургут. худож. музея, 2000. – 28 с.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 282 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. – 107 с.

Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. – Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Гафура Гуляма, 1986. – 224 с.

Смирнов Я.И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения,

найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. Имп. археол. комиссии, 1909. – 18 с., 300 табл.

Соколова З.П. Ханты и манси (похоронная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 125–143.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Сокровища Приобья. – СПб.: Формика, 1996. – 228 с.

Сокровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 96 с.

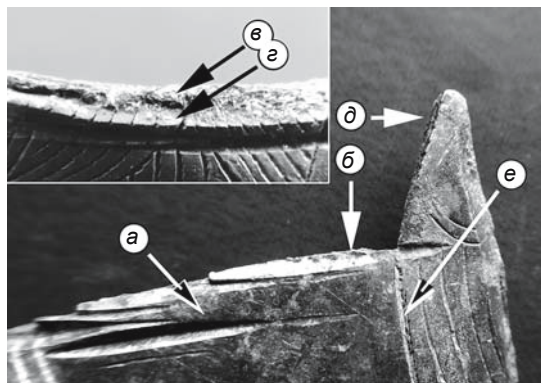
Федорова Н.В. Ковш с изображением человека, держащего на коленях бобра // Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков: Десяносто девять имен Всевышнего / сост. Г. Ласикова. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. – С. 152–155.

Marschak B.I. Silberschätze des Orients: Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 438 S.

Приложение

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛЕДОВ ФРАГМЕНТАЦИИ

Изучение изделия, проводившееся с помощью бинокулярного микроскопа при увеличении от 8 до 80 крат, позволило определить последовательность и особенности его фрагментации. Выявлены следы применения только одного инструмента – ножа. Использовался заостренный участок его лезвия, примыкающий к жалу клинка, длиной порядка 10–15 мм.

Следы работы ножом при подготовке бляхи к фрагментации и разлома изделия (описание см. в тексте).

На обеих поверхностях бляхи следы предварительной разметки участков фрагментации путем процарапывания не выявлены. Линии будущих разломов были намечены достаточно глубокими насечками ножом с лицевой стороны предмета. Эта операция производилась, вероятно, путем установки на поверхность бляхи режущей кромки ножа и удара по обушковой части его лезвия, что приводило к образованию характерных углублений (*а*; здесь и далее см. *рисунок*). Ряд таких последовательно расположенных насечек образовывал линию будущего разлома (*б*). Их глубина достигает половины толщины изделия (*в*). Образовавшиеся после работы ножом линии облегчали переламывание артефакта по намеченному плану его фрагментации, что осуществлялось путем сгибания изделия лицевой стороной наружу (*г*). Следы неоднократного перегибания не выявлены. В отдельных случаях переламывание вело к фрагментации изделия (*д*) по линиям ранее нанесенного орнамента (*е*). Работа с артефактом при насечке линий разлома производилась, вероятно, на ровной упругой поверхности; переламывание – на весу (без упора).

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Материал поступил в редколлегию 15.05.13 г.

М.Г. Крамаровский*Государственный Эрмитаж**Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия**E-mail: solkhat@hermitage.ru*

НОВОЕ В ИКОНОГРАФИИ УРАЛО-СИБИРСКОГО СЕРЕБРА IX–X ВЕКОВ

Новая находка восточного серебра с р. Конды по технико-технологическим и стилистическим признакам определяется в статье как памятник урало-сибирского круга и датируется IX–X вв. Сцена с сюжетом гендерного насилия интерпретируется на основе текста «Сабхапарвы», где говорится о страданиях царицы Пандавов Драупади и деяниях выигравшего ее в нарды Духиасаны. Звеном, связавшим индийский первоисточник с тюркской средой Приуралья, послужила городская культура доарабского Согда, где соответствующая коллизия «Сабхапарвы» пока еще не зафиксирована, но, судя по сюжетам из «Виратопарвы» в монументальной живописи Пенджикента, вполне вероятна.

Ключевые слова: р. Конда, «Махабхарата», страдания Драупади и деяния Духиасаны.

На р. Конде (восточные склоны Урала) при случайных обстоятельствах найдена круглая пластина с сюжетным медальоном, вырезанная из серебряного блюда. Ее диаметр 17,5 см, медальона – 10,5 см. По краю пластины расположены рельефные выступы, выбитые с оборотной стороны блюда до его порчи. Прежде чем попасть в захоронение, предмет был разрезан на узкие полосы, подобно найденной на р. Юрибей (Ямал) пластине, вырезанной из серебряной чаши IX в. урало-венгерского круга, с изображением коронованного всадника с ловчей птицей [Сокровища Приобья, 1996, кат. 55], который имеет двойника в сокольниках со слугой, изображенном на серебряном блюде из починка Утемильского Вятской губернии [Смирнов, 1909, № 157; Даркевич, 1976, табл. 56, 4]. По технике изготовления и характеру позолоты (сохранились следы) новая находка близка к этим предметам, а также к чаше с изображением всадника-копейщика, найденной у оз. Нанто (Ямал) недалеко от р. Юрибей [Сокровища Приобья, 1996, кат. 53], и еще несколькими серебряными изделиями т.н. венгерской группы [Даркевич, 1976, табл. 56].

В центре пластины в медальоне, очерченном двойной линией, тонким резцом прорисована сце-

на гендерного насилия: герой, ухватившись за рукав платья, пытается его стянуть с молодой женщины, оказывающей активное сопротивление (см. рисунок). Наш персонаж, вероятно, представитель тюркской воинской аристократии, на что указывает наборный пояс с короткими подвесными ремешками – традиция, характерная и для ранних аваров [László, 1974, pl. 24; Müller, 1996, S. 415, № 5.473]. Как и пирующие молодые купцы в настенной росписи парадного зала жилого дома в Пенджикенте (рубеж VII–VIII вв.), он изображен сидящим по-восточному (с подогнутыми ногами), одетым в приталенный кафтан до колен с узким продольным клапаном на груди [Маршак, 2009, с. 38]. Кафтан орнаментирован мелкими пунсонными кружками, сгруппированными по три, – мотив шкуры леопарда. По этому признаку он совпадает с халатом всадника-копейщика, изображенного на чаше с берегов оз. Нанто (IX в.). По крою кафтан и мягкие сапоги с продольным швом близки к костюму тюрка (с бобром), изображенного на литом ковше из коллекции Марджани [Классическое искусство..., 2013, с. 155] и парном к нему ковше из пос. Шурышкары (ЯНАО) [Бауло, 2011, кат. 384]. Рукава кафтана нашего героя слегка подвернуты, и

Медальон со сценой насилия.

по характеру кроя они лишь слегка прикрывают его локти (как копейщика чаши с оз. Нанто), в отличие от длинных рукавов у пенджикентских купцов. Тюркок/венгр изображен без оружия, в высоких до колена кавалерийских сапогах без каблуков и с узким оттянутым носком. Его торс развернут строго фронтально к зрителю. Очевиден контраст широких плеч и тонкой талии, перехваченной воинским поясом. Открытой ладонью правой руки (мастер фиксирует внимание на длинных узких пальцах) герой, касаясь головы (волос?) женщины, как бы привлекает ее к себе, но левой, властно сжав в кисти манжету женского рукава, стягивает платье, отчего сам рукав, скроенный всего лишь в три четверти, оказался неправдоподобно растянут.

В иконографии и стиле линейного рисунка поражает контраст между обликом героя, близким к стандартам мужской красоты согдийского типа рубежа VII–VIII вв., и далекими от идеала согдийцев чертами женского персонажа. «Сила без инертной массы» — так сформулировал мужской идеал согдийских художников Б.И. Маршак [2009, с. 46]. Именно в этом ключе и изображена фигура сидящего воина в медальоне пластины с Восточного Урала.

В женском облике существенны две четко акцентированные иконографически детали: ее босоноготь — героиня обута в легкие сандалии в виде подошвы с поперечным ремешком, украшенным накладкой, — и тип

красоты, обозначенный круглолицестью и почти сросшимися бровями. Волосы нашей героини убраны под чепец (или платок), декорированный точками, возможно имитирующими бисер или речной жемчуг. На ней длинное, по щиколотки, платье с дробными складками, заканчивающимися воланами, и с короткими, по локоть, рукавами. Судя по густой сетке длинных и коротких, но всегда частых штрихов, передающих фактуру платья, можно предположить, что оно связано из шерстяной или бумажной пряжи. Оголенные кисти рук героини и ноги у щиколоток украшены браслетами. Изгиб женской фигуры и непомерно растянутый рукав подчеркивают насильственность действия героя, но вместе с тем придают сцене известную динамику, с принципами которой мы уже отчасти знакомы по рисунку медальона со скачущим всадником на древневенгерской чаше с берегов оз. Нанто.

Как и во всей группе урало-венгерского серебра IX в., представленной в работах ряда авторов, высокое качество рисунка, выполненного преимущественно в графической манере тонким штихелем,

контрастирует с упрощенностью форм тонкостенных серебряных сосудов этой группы [Сокровища Приобья, 1996, с. 17–18, 114–120]. Возможно, стоит обратить внимание на характерные ошибки мастеров в прорисовке кистей рук копейщика на чаше с оз. Нанто и героя на нашей пластине. Добавим к этому четырехпалость босых ног героини и еще несколько мелких небрежностей в прорисовке деталей сапог, включая некоторую несоразмерность ступней героя. Вместе с тем отдельным признаком выделим короткие штрихи, которыми мастер моделирует волосы над линией лба героини и детали поперечных складок ее растянутого рукава (как при обработке внешнего края листвы пальметт на чаше с оз. Нанто). Кстати, во фрагменте растительного побега, как бы вырастающего из двойной линии окружности медальона, опознается тот же тип полупальметты, что и в декоре чаши с оз. Нанто. С некоторой осторожностью можно предположить, что оба изделия принадлежат работе одной мастерской, но едва ли руке одного мастера. По совокупности технических и стилистических признаков пластина с р. Конды может быть датирована IX в. и отнесена к группе венгерского серебра в Приуралье.

Вернемся к наблюдению о том, что в облике героини (на контрасте с мужской фигурой) нет ничего согдийского: ни плотно облегающего платья, ни абриса чуть продолговатого лица, ни миндалевидного

разреза глаз, нет сходства в форме бровей, отсутствует прическа из парных косиц, как у девиц, встречающих морского царя, на панно из Пенджикента.

Два века спустя (если исходить из предлагаемой даты изделия) дочь византийского императора Алексея Комнина Анна (1083 – между 1153 и 1155 гг.) округлость женского лица считала признаком изнеженной красоты и называла этот тип ассирийским. Терминологически, учитывая неприязнь византийцев к тюркам времени Комнинов из-за нарастающей сельджукской угрозы (1071 г., Манцикерт, где Византия проиграла сельджукам Алп-Арслана), «ассирийский» тип женской красоты, видимо, близок к нашему определению «тюркский». Вот как писала об этом Анна, сопоставляя образ своей юной – пятнадцатилетней – матери-гречанки с античной Афиной: «...лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин (выделено нами. – М.К.), не имело удлинённой формы, как у скифянок, а лишь немного отступало от идеальной формы круга...» [Анна Комнина, 1996, с. 121]. Такой тип лиц можно видеть на сельджукских чашах XII–XIII вв. с рельефным декором [Валиулина, 1999; Крамаровский, 2001, рис. 103; Watson, 2004, p. 140–141]. В нашем случае, напротив, речь идет об идеально круглом лице, какое нередко встречается на образчиках византийского сграффито XII–XIII вв. [Крамаровский, 2000, с. 249], или менее стилизованных женских лицах на изразцах того же времени из Кубад Абада. Интересно, что уже в «Ливистре», греческом рыцарском романе XIII в. «...лицо Родамны идеально кругло... как полная луна, подбородок... плавно закруглен. Эроты выточили и поместили в середину изящный нос, схожий с маленьким холмиком в чистом поле...» (цит. по: [Алексидзе, 1979, с. 203]). Заметим, что плавно закругленный подбородок – характерный признак женских и юношеских лиц на сельджукских изразцах с росписью минаи из Конии (Кубад Абад, XII – начало XIII в.) [Arik, 2000, res. 6–10, 177–187, 189, 191–192; Алексидзе, 1979, с. 206].

В другом греческом романе «Велтандр и Хрисанца», где описаны «смотрины» 39 претенденток-принцесс, герой повествования перечисляет принципы отбора, из которых, вслед за А.Д. Алексидзе, назову лишь несколько: «Первую девушку Велтандр отвергает из-за глаз, находя их мутными и красноватыми. Глаза должны быть чистыми, как, например, у Родамны, и, несмотря на их черноту, ясными, влажными, такой глубины, “чтобы можно было увидеть в них, как в чистом зеркале, как в прозрачном речном потоке, свое отражение” (Sc. 1289). Причина, по которой он отверг вторую девушку, – ее чересчур полные губы. У той же Родамны уста... алые и маленькие, подобные розовому бутону (Sc. 1924)» [Алексидзе, 1979, с. 206]. Таким, очевидно, представ-

ляли тогда тюркский тип красоты не только в Анатолии, но и в сельджукском Иране (см., напр.: [Öney, 2009; Canby, 2006, p. 34–35 (чаша мастера Абу Зейда с росписью минаи (1187–1188 гг.))]). Следует отметить, что с первой трети IX в. тюрки служили в гвардии багдадского халифа, а красота «гранатогрудых» рабынь-тюрчанок в X в. приводила в экстаз чувственного Рудаки (наиболее полную характеристику тюрчанок дает Ибн Бутлан (первая половина XI в.) – см.: [Мец, 1966, с. 140]). Среди других признаков – густые брови. Но не сросшиеся или почти сросшиеся, как в нашем случае, а раскинувшиеся крыльями [Алексидзе, 1979, с. 206]. «Канон Велтандра» знает и другие признаки изменчивой женской красоты, испытывавшей к этому времени сильнейшее влияние Ближнего Востока, но они за пределами нашего сопоставления.

И все-таки, несмотря на известную близость во внешности героинь «канона Велтандра» и тюркских красавиц, в самом сопоставлении определены принципы отбора признаков женского совершенства. В «Алексиаде», в отличие от мира греческого романа сельджукской эпохи, отправной точкой выступает идеал красоты дочери Зевса. В нашем случае, луноликость героини, ее босоноготь и даже ножные браслеты, т.е. редкие «живые» детали, сохраненные мастером вопреки высокой степени стилизации образа, указывают на тип женской красоты, провоцирующий коллизии гендерного насилия. Заметим, что *agane* рыцарского романа мысль о насилии исключает. Это наблюдение дает нам направление поиска, лежащее вне рыцарской традиции, и приводит к знаменитой «Махабхарате». Здесь, в главах 60–62 раздела «Сабхапарва» («Книга о собрании»), речь идет об обсуждении во дворце Пандавов бесчестной игры в кости и проигрыша безвольным царем Юдхиштхира своей жены красавицы Драупади. До этого он последовательно проиграл Кауравам свои драгоценности, рабов, скот, земли, воинов, царство, братьев и даже самого себя. Но ни одна из потерь не вызывает у Пандавов такого смятения и гнева, как проигрыш Драупади и ее унижение. Согласно эпической традиции, отраженной «Махабхаратой», Драупади – любимая жена Пандавов, славная и добродетельная женщина. Уже в момент ее рождения невидимый божественный голос провидчески характеризует героиню так: «...эта лучшая из всех женщин, смуглая телом, вызовет гибель кшатриев. В свое время она, стройная в талии, совершит божественное дело: из-за нее возникнет великая опасность для кшатриев» (I. 155. 44–45) (цит. по: [Гринцер, 1974, с. 197–198]). Подлый Духшасана, доказывая законность выигрыша, за волосы притаскивает в зал собрания Пандавов Драупади. В подтверждение собственной власти над бывшей супругой Юдхиштхира он, желая

усилить эффект надругательства, пытается сорвать с нее платье. Вот как этот эпизод описан в источнике: «...тогда Духшасана... среди собрания, с силой ухватив Драупади за платье, стал стаскивать его. Но всякий раз, как снималось платье с Драупади... (на ней) одно за другим появлялось другое, точно такое же, платье. Тогда при виде такого необычайного в мире (зрелища) среди царей поднялся шум одобрения...» (II. 60–61). По другому варианту, Кришна, вняв молитве взывающей к справедливости Драупади, сделал ее сари бесконечным. Духшасана, устав разматывать одежду царицы (не в этом ли причина визуальной характеристики платья нашей героини, будто сплетенного из отдельных нитей?), оставил ее в покое.

Нас не должен смутить разрыв во времени и пространстве между новеллой из индийского эпоса и сценой, вырезанной на серебряной чаше из Приуралья, если вспомнить согдийские черты в характеристике образа сидящего тюрка. Как показал Б.И.Маршак, в живопись Пенджикента из Индии пришла не только иконография согдийских богов, но и сюжет с игрой в нарды (40-е гг. VIII в.) [Маршак, 1981; Belenitski, Marshak, 1981, p. 28; Маршак, 2009, с. 52–53]. В анализе пенджикентских росписей главного парадного зала помещения 13 на объекте VI Г.Л. Семенов в развитие наблюдений своих предшественников доказал, что все три эпизода на северной стене – группа из пяти всадников со следующим за ними слоном, пешие фигуры и сцена с участием музыкантов – являются иллюстрацией к первой части «Виратопарвы» («Сказание о царстве Вираты») [1985, с. 223]. По предположению автора, на слоне восседала Драупади, царственная супруга пяти братьев Пандавов (изображение не сохранилось). Сюжет росписи северного конца западной стены Г.Л. Семенов интерпретирует как события, описанные в начале четвертой части «Сказания о бракосочетании» [Там же, с. 224]. В центре этой стены, по его мнению, изображена сцена игры в кости, инициированная царем Виратой. Автор идентифицирует всех трех ее участников – Юдхистру, сидящую за ним Драупади и их визави – Вирату [Там же, с. 225]. Эта фреска дает основание предположить, что согдийский художественный опыт мог стать тем связующим звеном, благодаря которому в работе тюркского из Приуралья, обслуживавшего кочевую ставку ранневенгерского феодала, нашел отражение другой, не известный по живописи Согда сюжет из «Махабхараты». Однако он восходит не к «Виратопарве», а к «Сабхапарве», где говорится о страданиях Драупади и деяниях Духшасаны.

Мы не знаем, как именно новелла о надругательстве над Драупади воспринималась на Урале. В тюркской среде Приуралья, где в IX в. было изготовлено блюдо с рассматриваемым медальоном, осмысление

эпического сюжета, можно думать, развивалось в духе собственной всаднической системы ценностей.

И последнее. Нельзя не отметить, что в одежде героини, в сущности, нет традиционных черт индийского женского костюма периода раннего средневековья – сари, например. Но такие черты отсутствуют и в изобразительной культуре Бухарского Согда времени гибели Пенджикента. Эту особенность выделил и Г.Л. Семенов, сославшись на прецедент «принципа дизъюнкции», отмеченный Э. Панофски для искусства средневековой Европы [Там же, с. 228]. Для нас отсутствие знакомых по живописи Пенджикента черт в изображении Драупади может означать только одно: в одеянии женского персонажа на кондинской пластине мастер не стремился к копированию стандартов красоты согдийских прелестниц. В том-то и дело, что в отказе от согдийского канона, известного в ставках вождей приуральских венгров по мужским персонажам, можно видеть отсылку (осознанную ли?) к образу неведомой сказочной страны, которую обобщенно принято называть Индией, хотя, как нам теперь известно, события «Махабхараты» связываются в основном с западной частью Северной Индии. Остается заметить, что если проникновение индийского эпоса в Согд могло происходить как минимум тремя путями, то продвижению образов «Махабхараты» на север мы, скорее всего, обязаны только одному – «меховому пути» за Урал.

Таким образом, наша атрибуция предполагает знакомство венгров Приуралья IX в. с сюжетом из «Сабхапарвы» о страданиях Драупади. Звеном, связавшим индийский первоисточник с тюркской средой региона, послужила городская культура доарабского Согда, где соответствующая коллизия «Сабхапарвы» пока еще не зафиксирована, но, судя по сюжетам из «Виратопарвы» в монументальной живописи, вполне вероятна.

Список литературы

- Анна Комнина.** Алексиада / пер. с греч. Я.Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 1996. – 703 с.
- Алексидзе А.Д.** Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). – Тбилиси: Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1979. – 321 с.
- Бауло А.В.** Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.
- Валиулина С.И.** Некоторые образцы фаянсовой посуды Биляра // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – С. 126–139.
- Гринцер П.А.** Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. – М.: Наука, 1974. – 418 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной тюркетики на терри-

тории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков: Деяносто девять имен Всевышнего / сост. Г. Ласикова. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. – 413 с.

Крамаровский М.Г. Византийская и сельджукская керамика сграффито с темой вина и веселья конца XII – первой половины XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – С. 233–250.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001. – 363 с.

Маршак Б.И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: тез. докл. науч. конф. – М., 1981. – С. 107–109.

Маршак Б.И. Искусство Согда. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 63 с.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: Наука, 1966. – 457 с.

Семенов Г.Л. Сюжет из «Махабхараты» в живописи Пенджикента // Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. – Л.: Наука, 1985. – С. 216–229.

Смирнов Я.И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской им-

перии. – СПб.: Изд. Имп. археол. комиссии, 1909. – 18 с., 300 табл.

Сокровища Приобья. – СПб.: Формика, 1996. – 228 с.

Arik R. Kubad Abad. Selçuklu Saray ve Çinileri. – Istanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2000. – 227 s.

Belenitski A.M., Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian Painting. – Berkeley; Los Angeles; L.: Berkeley University Press, 1981. – P. 11–77.

Canby S.R. Islamic Art in detail. – L.: The British Museum press, 2006. – 144 p.

László G. The Art of the Migration Period. – Budapest: Corvina Press, 1974. – 137 s.

Müller R. Das graberfeld von Gyenesdiás // Reitervölker aus dem Osten: Hunnen + Awaren: Begleitbuch und Katalog / Generalkonzept: F. Daim. – Eisenstadt: Burgenländischen Landesregierung, 1996. – S. 411–416.

Öney G. Tarihten Yansimalarla Büyük selçuklu seramiklerinde Kadın // Anadolu selçuklu şehirleri ve uygarlığı sempozyumu 7–8 ekim 2008: Bildiriler. – Konya: Selçuklu Belediyesi, 2009. – S. 239–257.

Watson O. Ceramics from Islamic lands: The al-Sabah Collection Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum. – L.: Thams and Hudson, 2004. – 512 p.

Материал поступил в редколлегию 15.05.13 г.

А.С. Зинченко

Проблемная научно-исследовательская
лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири
Томского государственного университета
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: Azksander@gmail.com

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ «ШКУРЫ ЛОШАДИ» ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА 1 (XIII–XIV ВЕКА) БАСАНДАЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ)

В статье рассматриваются погребения кург. 1 Басандайского могильника, сопровождавшиеся захоронением некомплектных останков лошади. Изучение археологической коллекции и архивных материалов выявило не отраженные в предыдущих публикациях артефакты и позволило по-новому обозначить проблему реконструкции обряда снабжения умершего верховой лошадей. В результате предложены две версии процесса захоронения некомплектных останков лошади как модификации погребения целого животного, приведены аналогичные материалы из других регионов, рассмотрен вопрос о возможных путях проникновения описываемого ритуала в южно-таежную зону Западной Сибири. Благоприятная перспектива дальнейших реконструкций сопогребений человека и лошади связана с комплексным применением уже на уровне полевых работ методов тафономического анализа, а также с привлечением данных палеозоологии, почвоведения и трасологии.

Ключевые слова: Томское Приобье, развитое средневековье, погребальный обряд, Басандайский курганный могильник, захоронение «шкур лошади», реконструкция.

Введение

Важнейшим этапом в истории изучения средневековья Обь-Томского междуречья является открытие и исследование Басандайского курганного могильника в южно-таежной зоне Западной Сибири. Памятник расположен в 7 км к югу от г. Томска и 0,5 км к северу от устья р. Басандайки (правый приток Томи), на ее террасе [Гриневиц, 1948, с. 10]. Могильник был исследован в 1939–1940 гг. сотрудником Томского краевого (с 1940 г. – краеведческого) музея Н.А. Чернышевым [Чернышев, л. 15; Трухин, л. 3]. В 1944–1946 гг. он изучался объединенной экспедицией Томского государственного университета и Томского государственного педагогического института под руководством К.Е. Гриневица и А.П. Дульзона. Раскопки памятника были продолжены в 1976 и 1986 гг. экспедицией ТГУ, возглавляемой Л.М. Плетневой. Всего с 1939 по 1986 г.

на Басандайском могильнике исследовано 38 курганов, содержащих 85 погребений. Их материалы введены в научный оборот в основном двумя публикациями [Басандайка, 1948; Плетнева, 1997, с. 34–40].

За более чем 70-летнюю историю изучения Басандайского могильника археологами достаточно детально рассмотрены вопросы хронологии, погребального обряда и классификации сопроводительного инвентаря. Интерпретация некоторых погребений сегодня может быть расширена в рамках дополнительных исследований. Цель настоящей работы – анализ захоронений с останками лошади по материалам кург. 1 этого памятника и реконструкция обряда погребения человека с конем. Источники исследования – археологическая коллекция № 6704 МАЭС ТГУ, архивные документы [Дульзон, л. 5; Опись..., л. 6; Трухин, л. 3] и публикация [Басандайка, 1948]. При работе с музейной коллекцией выявлены артефакты, не вошедшие в эту публикацию.

На Басандайском могильнике, помимо захоронений кург. 1 (погр. 2, 3), зафиксировано еще шесть случаев сопровождения умершего лошадей: погр. 2, 3 кург. 25 [Басандайка, 1948, с. 120–121], погр. 1, 2 кург. 7, по одному захоронению в кург. 8 и 81 [Плетнева, 1997, с. 34–41].

Материалы

Курган 1 [Дульзон, 1948, с. 86–91]. Из трех его погребений два (погр. 2 и 3) сопровождалось захоронениями лошадей. Курган имел неправильную округлую форму, его диаметр 11,5 м, высота 1 м. На поверхности зафиксированы четыре западины – следы грабительских шурфов. Под насыпью кургана на глубине 0,5–1,0 м обнаружен слой прокаленной глины толщиной 0,10–0,15 м, под которым повсеместно зафиксированы углистые вкрапления и комки такой же прокаленной глины (рис. 1). В западной части насыпи на глубине 0,40 м найдены кости мелкого парнокопытного животного, в юго-западной на глубине «двух штыков», т.е. ок. 0,45 м, – необожженные ребро и обломок таза лошади, на глубине 0,65 м в разных местах обнаружены три крупных камня песчаника. Под центральной грабительской западиной над погр. 2 зафиксирован выброс из него человеческих костей, определенных А.П. Дульзоном как останки подростка [Там же, с. 85].

Погребение 1. Оно располагалось в восточной части кургана в грунтовой яме подпрямоугольной формы размером 0,75 × 2,5 м (повреждена грабительским шурфом). Погребальная конструкция представлена только перекрытием из бересты и дерева. Береста зафиксирована на всей площади могильной ямы, исключая поврежденный грабителями участок. От деревянного перекрытия осталась лишь дощечка толщиной 1,5 см в северной части могилы, над костями человека. Анатомическая целостность скелета нарушена, сохранились плечевая, локтевая, лучевая кости, фрагмент бедренной и половина таза. В южной части зафиксированы сильно поврежденные огнем остатки черепа [Там же]. Судя по этим данным, покойный был ориентирован головой на юг, его останки подверглись воздействию огня частично. С погребенным найден кварцитовый наконечник (находка 24*).

Погребения 2 и 3, каждое из которых представляет собой захоронение человека с конем, локализованы в центральной части кургана на разных стратиграфических уровнях (рис. 1).

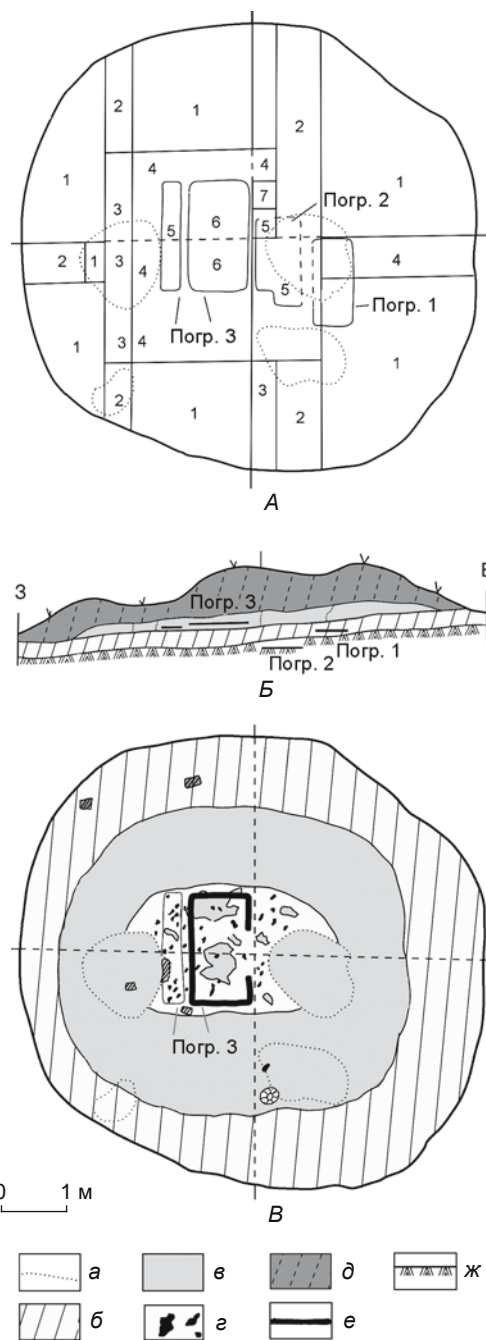

Рис. 1. План и схема раскопок насыпи кург. 1 Басандайского могильника (А), его профиль, вид с юга (Б) и планиграфия после снятия насыпи (В) (по: [Дульзон, л. 5]).

1–7 – порядок снятия курганной насыпи.

а – грабительская яма на уровне прокаленной глины; б – погребенная почва; в – слой прокаленной глины; г – уголь; д – насыпь, суглинок; е – деревянная конструкция погр. 3; ж – материк.

*Здесь и далее приведены номера находок (далее – нах.) соответственно публикации [Басандайка, 1948] (на рисунках указаны в скобках). Все они соотнесены с описью МАЭС ТГУ [Опись..., л. 6–17].

Погребение 2. Судя по данным полевого чертежа (рис. 1), оно находилось в грунтовой яме подпрямоугольной формы размером ок. 1 × 2 м, глубиной 0,45 м (она прорезала погребенную почву и углублялась в ма-

терик). Анатомическая целостность останков человека полностью нарушена грабительской ямой: кости погребенного подростка (без следов воздействия огня) обнаружены только в насыпи кургана. По использованным источникам ориентация тела не восстанавливается. Погребальная конструкция, ориентированная по линии север–юг, представлена фрагментом (0,5 × 1,0 м) перекрытия из нескольких слоев бересты.

Судя по публикации [Дульзон, 1948, с. 88], предметы из насыпи кург. 1 относятся к погр. 2. Это обломок железного изделия со следами дерева (нах. 43), «раковина неправильной треугольной формы» (нах. 22), разрушенная лазуритовая пластина, взаимопроникающая застежка (нах. 28; рис. 2, Б, 9) и полая колоколовидная подвеска из цветного металла (нах. 17; рис. 2, Б, 5).

Череп лошади (полной сохранности) покоился на нижней стороне в 0,10–0,15 м к северо-востоку от ее передних конечностей, ориентирован строго на юг (рис. 2, А). Какие-либо повреждения черепа не зафиксированы. К нему примыкал первый шейный позвонок. Кости передних конечностей лошади лежали в анатомическом порядке параллельно друг другу, фалангами пальцев на юг. Скелеты пальцев полные. Кости заплюсны располагались в анатомическом порядке.

На основании публикации А.П. Дульзона установлено, что передние конечности в момент захоронения находились в сочленении. Отсутствие костей выше локтевого сустава позволяет предположить, что они были отделены именно в его области. Кости задних конечностей лошади располагались в анатомическом порядке, были ориентированы, как и передние, но перекрещивались в области большеберцовых костей (правая на левой). Скелеты пальцев полные; вероятно, они были в сочленении. Кости задних конечностей выше больших плюсневых не представлены; видимо, их отделили в области коленного сустава.

В момент захоронения лошадь была взнуздана: между челюстями найдены фрагменты одного звена удила, среди которых уплощенно-стержневой псалий (нах. 89; рис. 3, 1). Подробно конструкция удила не восстанавливается ввиду плохой сохранности артефакта. Псалий имеет окончание в форме сапожка, с внешней стороны его пластины отмечен трензель, в котором зафиксирован обломок второго, гладкого кольчатого псалия. Грызло имеет подквадратное сечение.

На черепе и под нижней челюстью лошади обнаружены украшения узды из цветного металла: десять сердцевидных накладок с растительным ор-

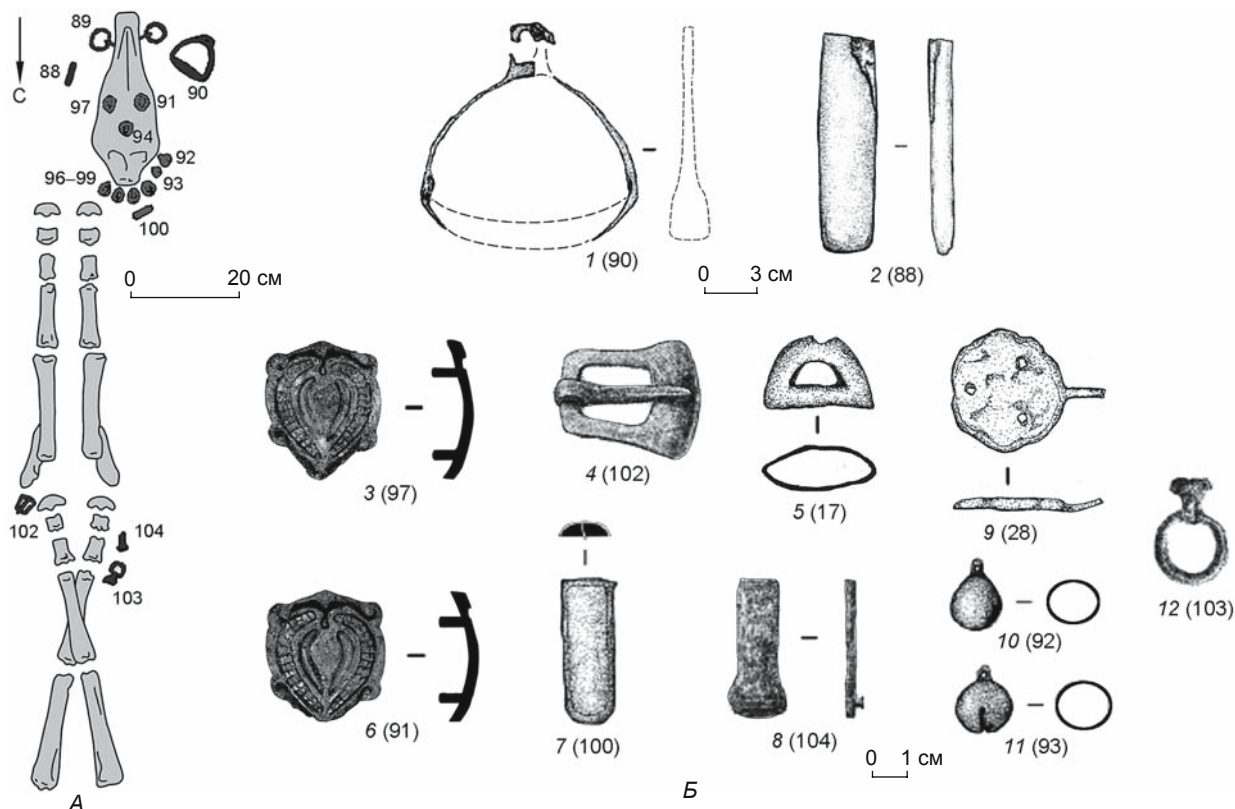

Рис. 2. Костные остатки лошади [Басандайка, 1948, с. 194, табл. 38] (А) и инвентарь (Б) из погр. 2. 1 – стремя; 2 – оселок; 3, 6 – накладки; 4 – пряжка; 5 – подвеска; 7, 8 – наконечники ремней; 9 – деталь двухсоставной застежки; 10, 11 – бубенчики; 12 – седельный пробой. 1, 4, 8, 12 – железо; 2 – камень; 3, 5–7, 9–11 – цветной металл; 4, 5, 8, 12 – по: [Басандайка, 1948, табл. 30, 102–104]; остальное по кол. 6704 МАЭС ТГУ.

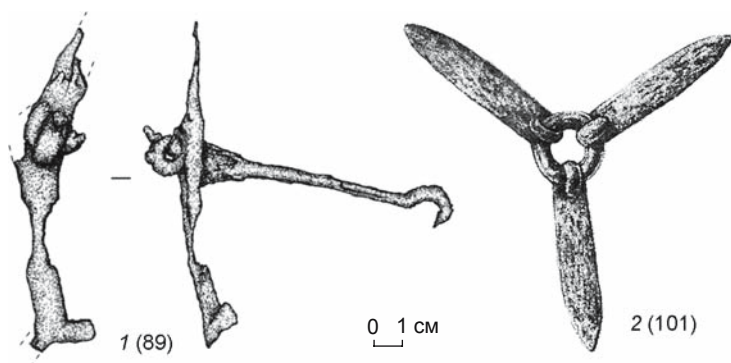

Рис. 3. Железные детали конского снаряжения из погр. 2.
1 – часть удила (по кол. 6704 МАЭС ТГУ); 2 – распределитель ремней (по: [Басандайка, 1948, табл. 30, 101]).

наментом* (нах. 87, 91, 94, 96–99; см. рис. 2, Б, 3, 6), наконечник ремня (нах. 100; см. рис. 2, Б, 7) и два бубенчика (нах. 92, 93; см. рис. 2, Б, 10, 11). К конской узде относится также трехпластинчатый распределитель ремней (нах. 101; см. рис. 3, 2). На первом позвонке лежала железная пластинка (нах. 95)**. С правой стороны от черепа лошади найдено стремя арочной формы с выделенным подквадратным ушком и уплощенной подножкой (нах. 90; см. рис. 2, Б, 1), с левой – оселок (нах. 88; см. рис. 2, Б, 2). Между костями передних конечностей зафиксированы железные подпружная пряжка (нах. 102; см. рис. 2, Б, 4), седельный пробой (?) (нах. 103; см. рис. 2, Б, 12) и наконечник ремня (нах. 104; см. рис. 2, Б, 8).

Погребение 3. Останки человека (мужчины) располагались в центральной части кургана, а лошадей – к западу от них. Судя по планиграфическому чертежу [Дульзон, л. 8] (см. рис. 1), данное погребение, совместное для человека и лошади, было сооружено на уровне погребенной почвы. Оно зафиксировано в слое прокаленной глины мощностью 0,10–0,15 м. Общий размер 2,0 × 2,5 м, ориентация по линии север–юг.

Погребальное сооружение для человека – «сруб из ряда бревен» [Гриневич, 1948, с. 35], подпрямоугольной формы, размером 1,5 × 2,5 м (на восточной сто-

роне бревно прослежено не по всей длине). «Бревно, лежавшее с западной стороны, обстругано и имело четырехугольное сечение (17 × 9 см)» [Дульзон, 1948, с. 87]. По имеющимся источникам способ углового крепления конструкции не выяснен. Фрагменты перекрытия не зафиксированы. Подстилка – из бересты. Из деталей погребальной конструкции для лошадей отмечено только берестяное покрытие, сохранившееся на всех их останках. Погребенный мужчина был уложен на шести крупных плоских камнях песчаника в вытянутом положении на спине, головой на юг [Там же, с. 88]. Анатомический порядок скелета не нарушен (рис. 4).

Вдоль западной стороны погребального сооружения лежали останки двух лошадей (рис. 4): неполные скелеты 1 (южный) и 2 (северный). Судя по полевому чертежу (см. рис. 1), они располагались примерно на 5 см ниже дна погребения человека. Акт взнуздания или оседлывания не прослеживается.

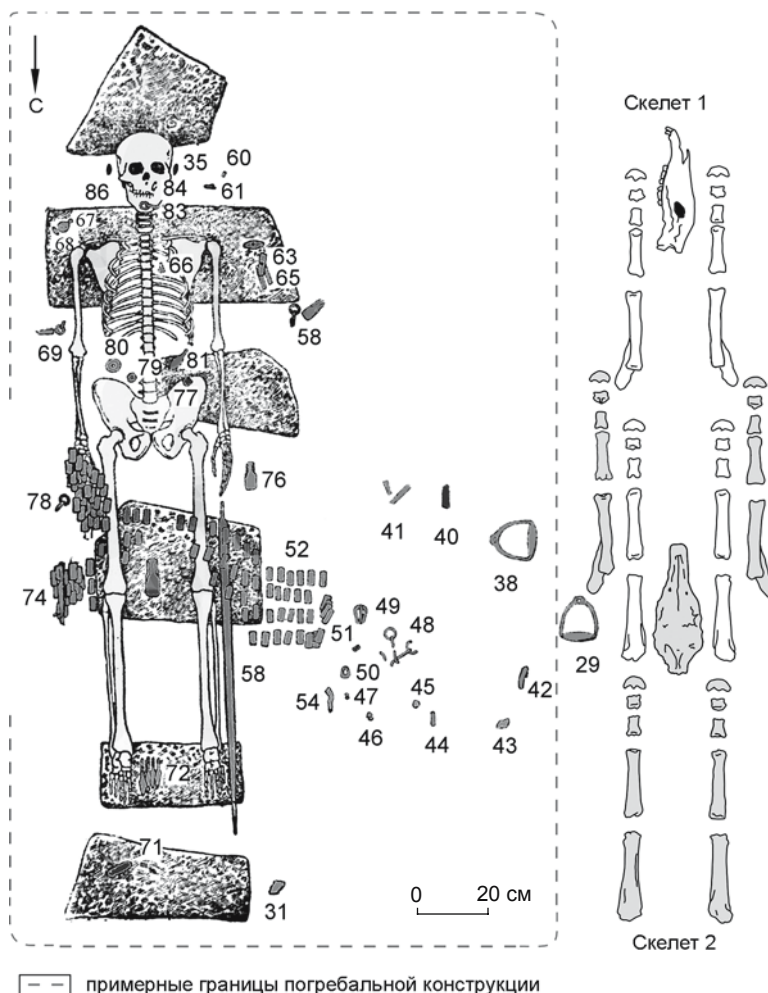

Рис. 4. План погр. 3 (по: [Басандайка, 1948, табл. 31]).

*В кол. 6704 МАЭС ТГУ мною обнаружены только две накладки (дата обращения к собранию – май 2013 г.).

**В музейной коллекции предмет не выявлен, в публикации 1948 г. его иллюстрация отсутствует.

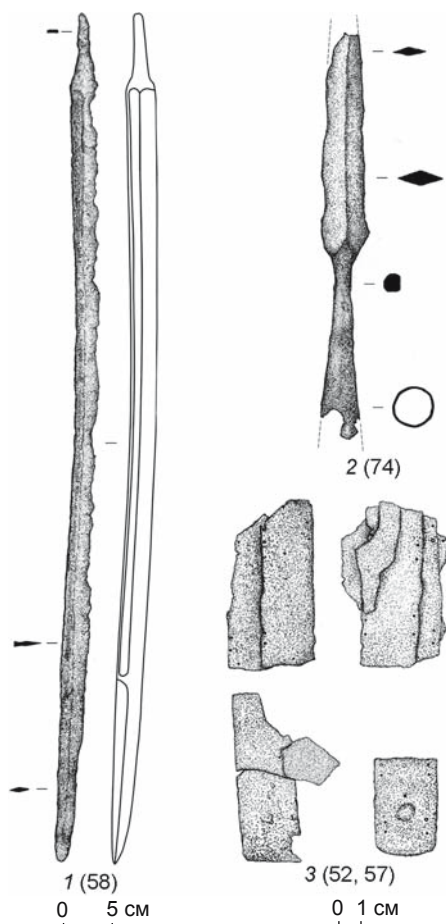

Рис. 5. Железные сабля (1), наконечник копья (2) и панцирные пластины (3) из погр. 3 (по кол. 6704 МАЭС ТГУ).

Скелет 1. Череп, ориентированный на юг, лежал на левой височной кости между костями запястья передних конечностей. Шейные позвонки не зафиксированы. Кости передних конечностей располагались в анатомическом порядке фалангами пальцев на юг (скелеты пальцев полные, видимо, в момент захоронения находились в сочленении). Отделены, вероятно, в районе локтевого сустава. Кости задних конечностей располагались на одной линии с передними, ориентированы в том же направлении, находились в анатомическом порядке. Вероятно, отделены в районе коленного сустава.

Скелет 2. Череп, ориентированный на юг, лежал на нижней стороне между большими плюсневыми костями задних конечностей скелета 1. Шейные позвонки не зафиксированы. Кости передних конечностей находились с внешней стороны костей задних конечностей скелета 1 (на незначительном расстоянии от них). Они располагались в анатомическом порядке фалангами пальцев на юг. Кости задних конечностей находились на той же линии, что и у скелета 1. Положение и ориентация такие же.

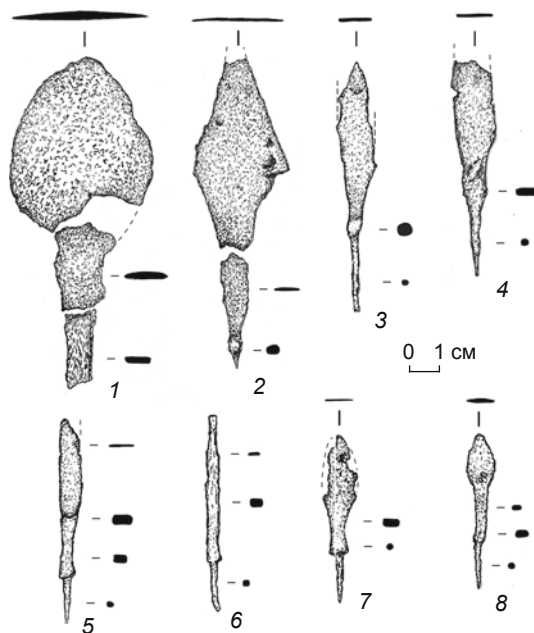

Рис. 6. Железные наконечники стрел (основные типы) из погр. 3 (по кол. 6704 МАЭС ТГУ).

Все погр. 3 несет следы воздействия огня. З.Я. Бояршинова интерпретировала захоронение человека как «сжигание на месте», «частичное сгорание трупа» [1948, с. 157]. А.П. Дульзон относительно погребения лошадей писал: «Кости черепа (скелет 1. – А.З.) сильно перегорели и распадаются на кусочки, но лежат в полном порядке» [1948, с. 86]. Сильная обугленность погребальной конструкции, костей человека и черепа лошади (скелет 1), а также наличие окалины на некоторых предметах позволяют определить погр. 3 как частичное сожжение на месте с сохранением останков в анатомическом порядке.

Погребенный снабжен богатым инвентарем, который весь найден в пределах бревенчатой конструкции. В его составе железное наступательное и защитное вооружение: слабоизогнутая сабля с прямым хвостовиком, без перекрестия (нах. 58; рис. 5, 1), втульчатый наконечник копья (нах. 74; рис. 5, 2), 20 черешковых наконечников стрел (нах. 72; рис. 6), доспех из 45 разнотипных пластин (нах. 52, 57; см. рис. 5, 3).

Обнаружено также железное снаряжение верхового коня: удила восьмеркообразной формы (нах. 48; рис. 7), пряжки с язычком (нах. 49; рис. 8, 2) и без него (нах. 50; рис. 8, 3); возможно, фрагмент оковки седла (нах. 42; рис. 8, 1); обойма (нах. 51; рис. 8, 5); два арочных стремени (нах. 29, 38)*.

В погребении находился железный хозяйственный инвентарь: два тесла (нах. 73, 76; рис. 9, 2, 3),

*При обращении к коллекции в мае 2013 г. данные артефакты не выявлены, в публикации их иллюстрации отсутствуют.

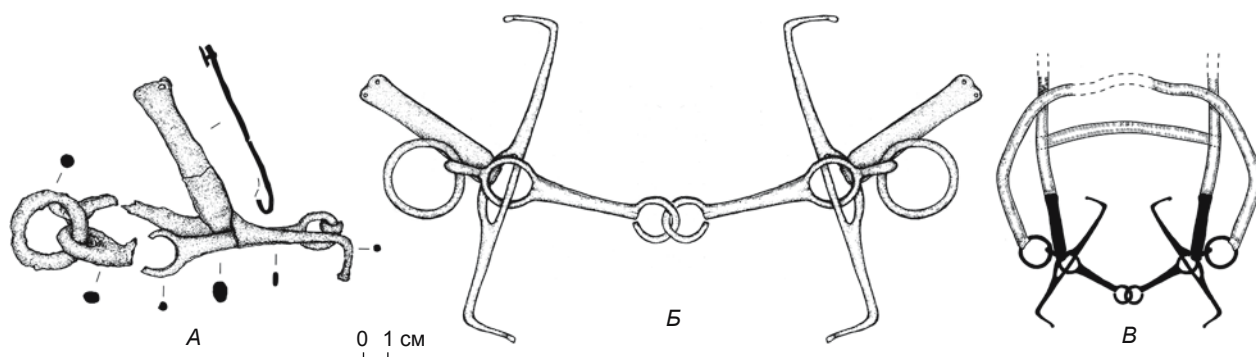

Рис. 7. Железные удила из погр. 3 (по кол. 6704 МАЭС ТГУ) (А), реконструкция этих удили (Б) и части конской узды (В).

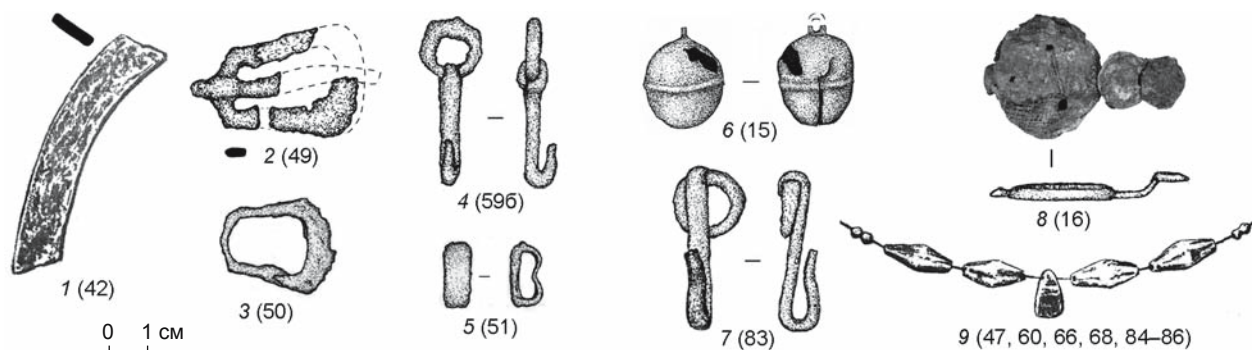

Рис. 8. Инвентарь погр. 3.

1 – оковка лука седла (?); 2, 3 – пряжки; 4, 7 – крючья (для поножей?); 5 – обойма; 6 – бубенчик; 8 – двухсоставная застежка; 9 – подвеска, бусины, бисер.

1–5, 7 – железо; 6, 8 – цветной металл; 9 – лазурит, сердолик, стеклянная паста; 1, 9 – по: [Басандайка, 1948, табл. 33, 34], остальное по кол. 6704 МАЭС ТГУ.

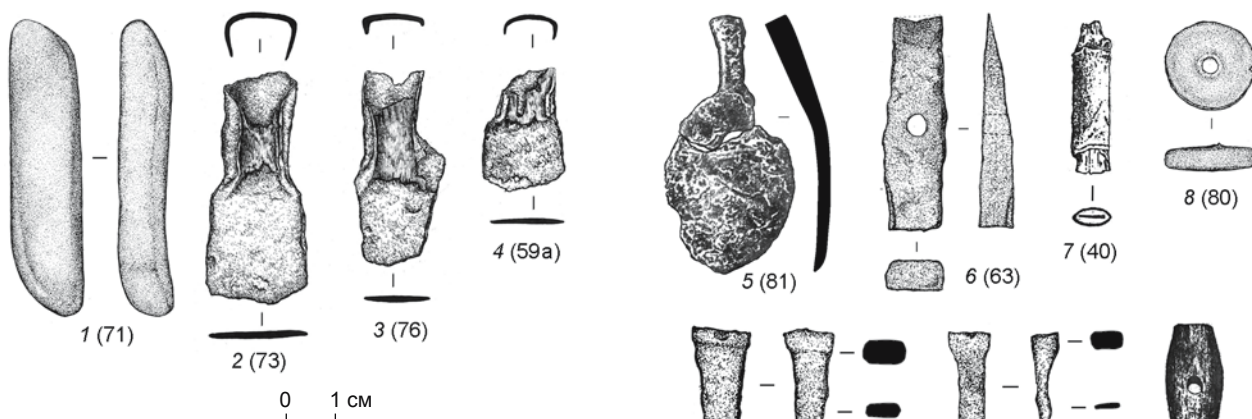

Рис. 9. Инвентарь погр. 3.

1 – оселок; 2–4 – тесла; 5 – ложка; 6 – молоток; 7 – рукоять ножа; 8 – напярало; 9, 10 – наковальни (зубила); 11 – полный предмет; 12 – пластина на проволоочном кольце; 13 – фрагменты накладок; 14, 15 – скобовидные петли; 16 – заклепка; 17 – стержень на проволоочном кольце.

1 – камень; 2–6, 9, 10, 12, 14–17 – железо; 7 – дерево, железо, цветной металл; 8 – глина; 11 – кость; 13 – рог; 5, 7, 11, 12, 16, 17 – по: [Басандайка, 1948, табл. 33], остальное по кол. 6704 МАЭС ТГУ.

молоток (нах. 63; рис. 9, 6), две наковальни (зубила?) (нах. 56, 65; рис. 9, 9, 10), ложка (нах. 81; рис. 9, 5). Кроме того, найдены деревянная рукоять ножа (?) (нах. 40; рис. 9, 7), каменный оселок (нах. 71; рис. 9, 1) и глиняное напрясло (нах. 80; рис. 9, 8).

К деталям костюма отнесены двухсоставная застежка из цветного металла со следами ткани с внутренней и внешней стороны (нах. 16, 67; см. рис. 8, 8), бубенчик (нах. 15; см. рис. 8, 6), семь бипирамидальных сердоликовых бусин (нах. 68, 84–86), подвеска из лазурита (нах. 66) и двойной белый бисер (нах. 47, 60) (см. рис. 8, 9); обломок ветки коралла (нах. 61); два железных крюка для крепления поножей (?) (нах. 59б, 83; см. рис. 8, 4, 7).

Обнаружены также предметы иного и неясного назначения: железные миниатюрное тесло (нах. 59а; см. рис. 9, 4), пластина на проволочном кольце (нах. 69; см. рис. 9, 12), две скобковидные петли (нах. 54; см. рис. 9, 14, 15), заклепка (нах. 46; см. рис. 9, 16), предмет со следами ткани (нах. 79), стержень на проволочном кольце (нах. 78; см. рис. 9, 17); полый предмет из кости (нах. 64; см. рис. 9, 11); обломок серебряного (?) изделия (нах. 62); фрагменты четырех (?) роговых пластин (нах. 41, 44; см. рис. 9, 13); бесформенные предметы (нах. 37, 38, 43, 77).

Датировка

Погребения 2 и 3 кург. 1 Басандайского могильника З.Я. Бояршинова включала в группу объектов нижнего горизонта, которые, «исходя из предметов и обряда захоронения», считала «наиболее древними», т.е. относящимися к X–XII вв. [1948, с. 153–154]. А.П. Дульзон большинство грунтовых погребений этого памятника датировал XIII–XIV вв. и только некоторые – XI–XII вв. [1953б, с. 179]. Позднее вопрос о хронологии басандайских захоронений в контексте изучения одноименной культуры был затронут В.А. Могильниковым [1980, 1990], при этом отдельные комплексы, включая погребения с лошадей кург. 1 и 2, не рассматривались. Четкой датировки предложено не было.

Л.М. Плетнева, признавая наличие на Басандайском могильнике погребений XII–XIV вв., сомневалась в существовании захоронений XI в. Погребения 2 и 3 кург. 1 по комплексу инвентаря она датировала XIII–XIV вв. [1997, с. 112–115]. Я придерживаюсь этой же точки зрения.

Реконструкция погребального обряда

Археологическими методами остатки шкуры в погр. 2 и 3 кург. 1 Басандайского могильника не зафиксированы. На основе имеющихся костных остан-

ков лошадей предлагаю две версии реконструкции обряда их погребения. Первая состоит в том, что совместно с человеком захоранивали отчлененные голову и конечности лошади, которые укладывали, имитируя их прижизненное расположение, без шкуры. Приоритетной, однако, представляется вторая версия (рис. 10, 11), согласно которой имели место следующие основные акции.

1. Животное, отобранное для захоронения с умершим человеком, доставляли к месту их общего погребения. Возможно, лошадь из погр. 2 при этом была взнуздана (см. рис. 10).

2. Скорее всего, неподалеку от места захоронения животное умерщвляли, но каким именно способом – по имеющимся материалам восстановить нельзя. Конечности лошадей, судя по расположению их костей в погребениях, в момент захоронения находились в вытянутом положении, поэтому, вероятнее всего, их пластичность еще не была утрачена вследствие трупного окоченения. Этнографические данные [Ахметова, 1995] позволяют предполагать следующие манипуляции с тушей: со стороны живота делалось три-четыре разреза (один поперечный и несколько продольных), после чего изымались внутренние органы, основная часть мышечной ткани и скелета. В результате оставалась только шкура туловища (чепрак, вороток, огузок) с не отделенными от нее в области локтевых и коленных суставов конечностями, а также неосвеженной головой, т.е. с наименее пригодными в пищу частями туши. А.И. Соловьев отмечает, что в системе традиционного мировоззрения кожа, шкура и вообще внешняя оболочка человека или животного являются временными носителями их жизненной силы [2006, с. 182–183; 2008, с. 291]. Возможно, конечности и голова лошади при захоронении не отделялись от кожного покрова именно из-за важности сохранения целостности внешней оболочки, которая и содержала в себе жизненную силу, а потому способна была символически заменить целое животное.

3. Шкуру лошади с конечностями и головой укладывали рядом с человеком в одну грунтовую яму (погр. 2) либо на площадку за пределами погребальной конструкции для человека (погр. 3). Зафиксированные взаиморасположение элементов лошадиного скелета, неестественная вытянутость конечностей позволяют предположить, что шкуру с конечностями и головой не расстилали, а каким-то образом складывали. При этом конечности, вероятно, оказывались в основном под складками шкуры.

4. Для лошадей из погр. 3 возводили погребальное сооружение, зафиксированное в виде берестяного покрытия.

5. До возведения земляной насыпи погр. 3 или в процессе этого разжигали костер, который в итоге раз-

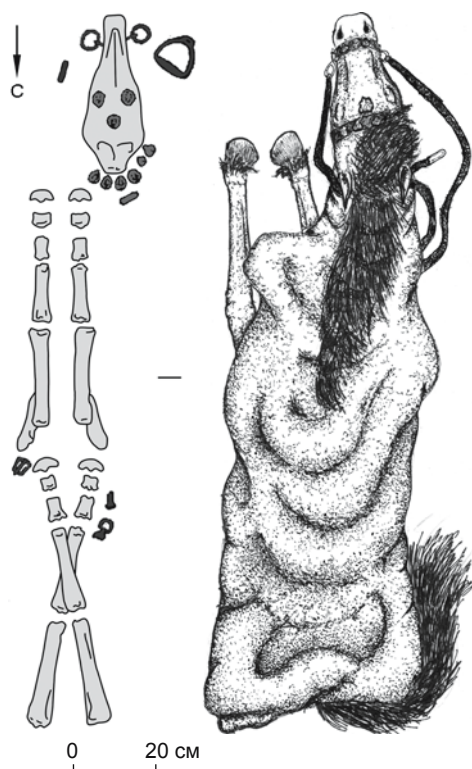

Рис. 10. Реконструкция захоронения «шкуры лошади» в погр. 2.

рушил часть погребальных сооружений. При возведении насыпи кострище постепенно затухало.

6. Оставшиеся части туши лошади, скорее всего, съедали во время похорон.

Реконструированный по материалам кург. 1 (XIII–XIV вв.) Басандайского могильника обряд захоронения останков лошадей (в обеих представленных версиях) можно условно обозначить как «погребение шкуры лошади». В литературе под этим, как правило, понимается сопровождение умершего человека целой лошастью по принципу *pars pro toto** [Казаков, 1984; Нестеров, 1990, с. 66; Руденко, 2008, с. 8–9; Васютин, Онищенко, 2008, с. 96]. Парциальность археологизированных останков лошадей из погр. 2, 3 кург. 1 выражается в некомплектности их скелетов. Аналогичные обряды прослеживаются в степной, лесостепной и таежной полосах Евразии в эпохи поздней бронзы [Смирнов, 1960, с. 193], раннего железа [Анфимов, 1971, с. 172; Шульга, 1998, с. 59; 1999, с. 248], в раннем [Грач, 1968; Комар, 2006, с. 399–400; Халикова, 1972] и развитом [Степи Евразии..., 1981, с. 116; Плетнева, 1997, с. 180; Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 175, рис. 28] средневековье**. При соблюдении общего

**Pars pro toto* (лат.) – часть вместо целого.

**Самое позднее известное мне погребение с сопроводительным захоронением верхового животного по принци-

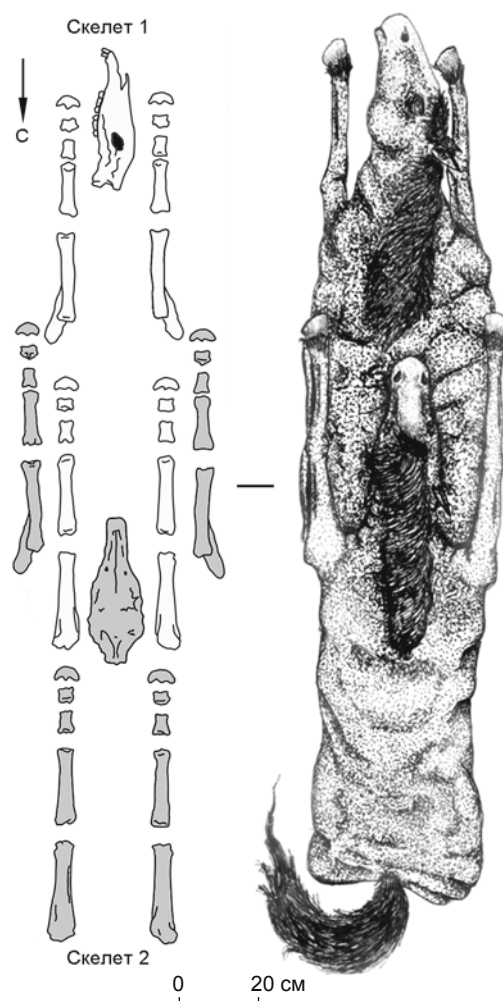

Рис. 11. Реконструкция захоронения «шкур лошадей» в погр. 3.

принципа парциальности сам обряд захоронения вариативен: по археологическим данным, костный состав останков лошадей может различаться. Главным образом в различной комплектности представлены конечности животного, в зависимости от места отчленения последних от туши.

Немаловажную роль в реконструкции особенностей захоронения костных останков лошади имеет их взаиморасположение, которое весьма значимо для различения двух форм обряда: «погребения шкуры» и «погребения чучела». Чтобы определить, какая из этих форм представлена, необходимо анализировать останки на предмет их расположения в естественном или имитированном анатомическом порядке. Я солидарен с А.С. Васютиным и С.С. Онищенко, которые проводили следующее различие: «Под “чу-

пу парциальности в западно-сибирских материалах зафиксировано в Пачангском могильнике XVI в. на средней Оби [Дульзон, 1953а].

челом» мы понимаем такое захоронение животного, при котором расположение фрагментов скелета конечностей, головы и хвостовых позвонков соответствует их анатомическому расположению в скелете лошади. Если кости размещались иным образом, то такое захоронение следует относить к сопогребению «шкуры» коня» [2008, с. 97]. Необходимо добавить, что ввиду особенностей археологических источников перспектива исследования погребений с костными останками лошади видится в применении уже на этапе раскопок методов тафономического анализа, аналогичных использующимся для реконструкции первоначального положения тела человека в захоронении [Зайцева, Ражев, 2007]. В кабинетных условиях смоделировать положение останков лошади с целью реконструкции обряда крайне затруднительно.

Исторический аспект

Истоки распространения в тюркской среде обряда сопроводительного захоронения лошади, как правило, прослеживают в воздействии пазырыкской культуры на булан-кобинскую, сыгравшую не последнюю роль в оформлении древнетюркского этноса [Кубарев, 2005, с. 19; Трифионов, 1973]. Влияние древних тюрков и их исторического наследия на этнополитическую жизнь средневекового населения степной Евразии обусловило распространение похожих обрядов (зачастую в их весьма модифицированных версиях) практически по всей указанной территории и их проникновение в лесостепную и таежную зоны, включая Западную Сибирь.

По материалам Басандайского могильника фиксируется модификация погребения целой лошади, условно обозначенная как погребение ее «шкуры». Подобную практику захоронения лошади в сопредельных южных регионах исследователи связывают с кимаками, кипчаками, огузами, частично кыргызами и уйгурами [Савинов, 1994, с. 81; Нестеров, 1990, с. 63–67; Худяков, 2005]. Определить культурную окраску этого обряда обитателей Томского Приобья, оставивших басандайские курганы, на данном этапе исследования крайне затруднительно.

Интересно, что ритуал погребения «шкуры лошади» прослеживается еще в раннем средневековье в таежной полосе – в могильнике Рёлка конца VI – начала VIII в. на средней Оби [Чиндина, 1977, с. 92]. В то же время более южные памятники Томского Приобья V–VIII вв. не содержат захоронения животных, которые можно было бы трактовать как погребения «шкуры лошади» [Памятники..., 1983, с. 244]. По мнению В.А. Могильниковой, появление такого обряда в таежной и предтаежной полосах Западной Сибири, вероятно, связано с процессом тюркизации [1976, с. 172].

В Обь-Томском междуречье первые погребения с целой лошадей отмечены только на могильниках начала II тыс. н.э.: Усть-Киндинском (одно) [Чиндина, 1992] и Еловском-1 (три) [Матющенко, Старцева, 1970]. В этих четырех погребениях зафиксированы полные скелеты животных. На их основе реконструированы захоронения целой лошади, уложенной на брюхо с подогнутыми конечностями. Данные комплексы исследователи датировали по-разному, но в пределах XI–XIII вв. Так, В.А. Могильников погребения с целой лошадей Еловского-1 относил к XI–XII вв. (см.: [Матющенко, Старцева, 1970]), как и Л.А. Чиндина таковое на Усть-Киндинском могильнике [1992]. Более поздним временем, XII–XIII вв., датирует эти четыре погребения Л.М. Плетнева [1997, с. 109–110].

Широкую вариативность обряд погребения с лошадей (целая лошадь, «шкура», «чучело») приобретает в басандайской культуре Обь-Томского междуречья, датированной Л.М. Плетневой XI–XIV вв. [Там же, с. 123]. По материалам этой культуры видно, что на смену сопогребения целой лошади приходит обряд захоронения ее «шкуры».

Как заметил С.П. Нестеров, погребения со «шкурой» лошади по обряду трупоположения в целом мало характерны для Центральной Азии, основным их ареалом являются западные степи Евразии [1990, с. 63]. Самыми близкими аналогами басандайских захоронений лошадей можно считать ряд погребений на средневековых могильниках X–XIV вв. Барабинской лесостепи [Бараба..., 1988, с. 5–89], Кузнецкой котловины [Ильющин, 2010; 2012, с. 150, 156, рис. 43, 51], Новосибирского [Савинов, Новиков, Росляков, 2006] и Нарымского [Боброва, 2008, с. 122–124] Приобья. Похожий обряд прослеживается в Туве [Грач, 1968, с. 109], северных предгорьях Алтая [Могильников, 2002, с. 68–70], Поволжье [Халикова, 1972; Средневековые кочевники..., 1998, с. 166] и далее на запад, вплоть до венгерских степей [Балинт, 1972, с. 179].

Общая особенность басандайских погр. 2, 3 кург. 1 со «шкурой лошади» заключается в абсолютно вытянутых передних и задних конечностях, без сгибов в суставах. Отличие же парного захоронения двух «шкур» в погр. 3 состоит в том, что передние конечности и голова одной лошади (скелет 2) были уложены на «круп» другой (скелет 1) (см. рис. 11). Последний способ размещения останков животных напоминает характер некоторых погребений лошадей на могильниках сrostкинской культуры (Северный Алтай). В.А. Могильников интерпретирует его как модификацию довольно широко известных тюркских групповых захоронений лошадей [Могильников, 2002, с. 69]. Басандайское погр. 3 кург. 1 обнаруживает сходство с алтайскими погребениями пазырыкской эпохи, где были найдены некомплектные останки двух лошадей, уложенные одни поверх других так, «что

морда приходилась на хвост...» [Липец, 1982, с. 219]. Этот обряд находит параллели в тюрко-монгольском эпосе, где Р.С. Липец зафиксировала сюжет «разрубания лошади» врага, который она соотнесла с археологическими материалами раннего железного века Казахстана и Горного Алтая [Там же, с. 220].

Для Томского Приобья начала II тыс. н.э. реконструированы четыре формы сопогребения лошади с человеком (всего на восьми могильниках басандайской культуры зафиксировано 22 комплекса, содержащие черепа и кости конечностей лошади):

1) целая лошадь, шесть погребений (могильники Еловский-1, XI–XII вв. (по: [Степи Евразии..., 1981, с. 191]) или XII–XIII вв. (по: [Плетнева, 1997]); Усть-Киндинский, XI–XII вв. (по: [Чиндина, 1992]) или XII–XIII вв. (по: [Плетнева, 1997]); Ташара-Карьер-1, XII–XIV вв. [Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 105–140]);

2) «шкура» компактно в ногах погребенного – девять погребений (могильники Астраханцевский, XIII–XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 10–33], Усть-Малокиргизский, XII–XIV вв. [Там же, с. 42–69]);

3) «шкура» в вытянутом положении с конечностями без естественного сгиба в суставах – шесть погребений (могильники Басандайский, XII–XIV вв. [Дульзон, 1948], Усть-Малокиргизский, XII–XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 283, рис. 121]), эта форма обряда не прослеживается в материалах других памятников Томского Приобья;

4) предположительно «чучело» в вытянутом положении, конечности с естественным сгибом в суставах, – одно погребение (Астраханцевский могильник, XIII–XIV вв. [Там же, с. 180, рис. 16]).

Лошадь, как одно из самых распространенных средств передвижения в эпоху средневековья, занимала у многих кочевых народов особое место в представлениях о посмертном путешествии человека. Рассмотренные материалы кург. 1 Басандайского могильника демонстрируют сложный во всех отношениях обряд сопогребения человека со «шкурой лошади», целью которого было снабжение умершего верховым животным. Логично встает вопрос об истоках этого обряда. На современном этапе исследований возможны два варианта ответа. С одной стороны, появление погребений с целой лошадью и модификаций этого обряда в начале II тыс. н.э. на предтаежных и таежных территориях Западной Сибири, в т.ч. в Томском Приобье, было обусловлено культурным влиянием тюркоязычных кочевников Алтая и его предгорий [Степи Евразии..., 1981, с. 191]; с другой – сравнение рассмотренных захоронений «шкуры лошади» (погр. 2, 3 кург. 1 Басандайского могильника) с материалами других памятников басандайской культуры позволяет предположить участие в генезисе данного обряда не только пришлого населения, но и местного «дотюркского».

Так, Л.А. Чиндина на примере могильника Рёлка уже в 1976 г. ставила вопрос о возможности независимо-го развития традиции погребения «шкуры лошади» у таежного населения Среднего Приобья еще в эпоху раннего средневековья [1976, с. 217]. По мнению А.С. Васютина и С.С. Онищенко, этот обряд не должен связываться лишь со сrostкинской культурой, но может быть с осторожностью соотнесен «с различными группами не только кыпчаков, но и угров» [2008, с. 97]. Серия захоронений Усть-Малокиргизского могильника по признаку помещения «шкуры лошади» в ногах покойного аналогична поволжским погребениям X–XII вв., в материалах которых исследователи видят смешение тюркских и угорских компонентов [Халикова, 1972, с. 160].

Заключение

Таким образом, в результате анализа материалов захоронений 2, 3 кург. 1 Басандайского могильника в Томском Приобье предложена реконструкция обряда погребения человека со «шкурой лошади». Сложность исследования заключалась в необходимости анализа некомплектных археологизированных останков животных. Дальнейшее изучение сопогребений человека с лошадью должно строиться на основе комплексного применения уже на стадии полевых работ методов тафономического анализа, необходимо также привлечение опыта палеозоологов, почвоведов и трасологов. Целесообразно и крайне желательно проведение раскопок погребения лошади на каком-либо из упомянутых могильников Томского Приобья начала II тыс. н.э. с целью извлечения современными методами более полной информации о характере останков.

Обряд погребения человека со «шкурой лошади» в Томском Приобье имеет две формы, аналогичные зафиксированным не только в материалах южных кочевых культур начала II тыс. н.э., но и на памятниках лесостепной и таежной полос Западной Сибири. В связи с этим его истоки сегодня не выяснены. Обряд погребения «шкуры лошади», отраженный в захоронениях кург. 1 Басандайского могильника, можно соотнести как с продолжением местной традиции, зародившейся еще до начала II тыс. н.э., так и с культивированием нового погребального ритуала, появление которого в Томском Приобье было связано с массовыми миграциями в эпоху развитого средневековья.

Список литературы

Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Причерноморья // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 170–177.

Ахметова Ш.К. Пища казахов Западной Сибири: Традиции и новации // Материальная культура народов России. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 196–216.

Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 176–188.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородавский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Басандайка: сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1948. – 217 с. – (Тр. Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева; т. 98).

Боброва А.И. Лошадь у средневекового населения Нарымского Приобья // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 122–126.

Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал басандайских курганов // Басандайка: сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1948. – С. 149–167. – (Тр. Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева; т. 98).

Васютин А.С., Онищенко С.С. Некоторые вопросы интерпретации погребений со «шкурами» лошадей на юге Западной Сибири в VIII–XIV вв. // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат-лы Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 96–98.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 105–111. – (КСИА; вып. 114).

Гриневич К.Е. Археологические исследования урочища Басандайка близ гор. Томска // Басандайка: сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1948. – С. 5–51. – (Тр. Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева; т. 98).

Дульзон А.П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Басандайка: сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1948. – С. 66–115. – (Тр. Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева; т. 98).

Дульзон А.П. Планы и рисунки по раскопке курганного могильника на Басандайке (приложение к дневнику раскопок) // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 3. Оп. 9. Д. 35. 45 л.

Дульзон А.П. Пачангский курганный могильник // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. – 1953а. – Т. 14. – С. 230–250.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. – 1953б. – Т. 10. – С. 127–334.

Зайцева О.В., Ражев Д.И. Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 302. – С. 84–89.

Ильюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестн. архео-

логии, антропологии, этнографии. – 2010. – Вып. 1 (12). – С. 97–106.

Ильюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2012. – 185 с.

Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – С. 99–110.

Комар А.В. Погребения начала VIII в. у села Октябрьское в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: Изд-во Дон. нац. ун-та, 2006. – С. 399–402.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. – М.: Наука, 1982. – С. 219–220.

Матюшенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник I эпохи железа // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – Вып. 5. – С. 163–171.

Могильников В.А. К вопросу тюркизации Томского Приобья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. – С. 172–176.

Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242–248.

Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1990. – С. 21–23.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. – М.: Наука, 2002. – 361 с.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Опись предметов, найденных при раскопке курганного могильника на Басандайке в 1945 г. (Приложение к дневнику раскопок А.П. Дульзона) // Архив МАЭС ТГУ. Д. 106. Тетр. 2. Л. 6–17.

Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н.э. / О.Б. Беликова, Л.М. Плетнева. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.

Руденко К.А. К вопросу о захоронениях с конем в Поволжье и Предуралье во второй половине I – первой половине II тыс. н.э. // Археология степной Евразии: междунар. сб. науч. трудов. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 8–18.

Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1994. – 215 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 424 с.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. – 1960. – Вып. 78. – С. 180–193.

Соловьев А.И. Некоторые аспекты использования бересты в погребальной практике населения таежного Обь-

Иртышья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 177–187.

Соловьев А.И. Некоторые аспекты семантики обряда погребения со шкурой лошади средневекового населения предтаежного Обь-Иртышья (вопросы реконструкции) // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 289–295.

Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV вв.) / Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин, А.Ф. Яминов. – Уфа: Гилем, 1998. – 366 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с. – (Археология СССР).

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугу) // Тюркологический сб. 1972 г. – М.: Наука, 1973. – С. 69–74.

Трухин Г.В. Опыт классификации памятников таежного Притомыя по археологическим эпохам // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 11. Оп. 15. Д. 16. Л. 1–15.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 145–163.

Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая: межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. 12. – С. 138–152.

Чернышев Н.А. Отчет об археологических работах летом 1938 г. в окрестностях г. Томска // Архив МАЭС ТГУ. Д. 126. Л. 15.

Чиндина Л.А. Некоторые особенности погребений с конем в могильнике Рёлка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. – С. 216–218.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

Чиндина Л.А. Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск, 1992. – С. 128–132.

Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии: межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1998. – № 3. – С. 58–69.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. науч. конф. / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 1999. – С. 245–250.

Материал поступил в редколлегию 25.07.13 г.

УДК 572.02

В.А. Бацевич¹, О.В. Ясина¹, Е.Д. Кобылянский²

¹Научно-исследовательский институт
и Музей антропологии Московского государственного университета
ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия
E-mail: vbatsevich@rambler.ru
okyasina@yandex.ru

²Тель-Авивский университет, Израиль
Tel-Aviv University, Ramat AVIV, Tel Aviv, 69978, Israel
E-mail: anatom14@post.tau.ac.il

ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СКЕЛЕТА У ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: АНТРОПОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Основной задачей данного исследования является изучение скоростей онтогенеза у городских жителей Восточной Европы (Литва, Республика Коми и г. Москва), а также у мигрантов первого-второго поколения в Израиль из европейских стран в сравнении с аборигенным населением Ближнего Востока. Общая численность обследованных 1 828 чел. Варианты возрастных изменений формы или структуры костей кисти на рентгенограммах определялись по методике OSSEO. В результате проведенных исследований обнаружено наличие умеренного уровня адаптационного дискомфорта, который в большей степени проявляется у нефтяников Ухты и у женского населения Москвы. Ускоренное старение костей кисти выявлено у мигрантов в г. Кфар-Саба по сравнению с автохтонным населением Ближнего Востока. Полученные оссеографическим методом результаты подтверждают гипотезу о наличии адаптивного стресса у современного городского и мигрантного населения.

Ключевые слова: антропозкология, темпы онтогенеза, возрастные изменения костей кисти, городское население, мигранты.

Введение

На ранних этапах человеческой истории, особенно в период освоения Ойкумены, в адаптивных процессах преобладало воздействие климатогеографических факторов [Алексеева, 1986]. На современном этапе на первый план выходят факторы, связанные с изменением социально-экономических условий жизни населения и антропогенным преобразованием среды обитания [Алексеева, 1987; Боринская, 2008; Миронов, 2010]. Они разнообразны и далеко не всегда могут быть четко разграничены. Естественной «при-

родной» моделью популяции является эпохально стабильное сельское население. В этой среде адаптивные процессы чаще протекают без существенных деформаций, которые присущи таким общностям, как население мегаполисов, изоляты, мигрантные группы. Вполне естественным поэтому было первоначальное обращение антропологов МГУ к сельским популяциям для решения первоочередных проблем экологии современного человека. К настоящему времени изучено более 70 сельских этнотерриториальных групп в различных ландшафтно-географических регионах – свыше 19 тыс. лиц обоего пола в возрасте от 3 до 100 лет.

В связи с разнообразием факторов внешней среды оценка адаптивных процессов в человеческих попу-

*Работа частично выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-98013-р-сибирь-а.

ляциях может быть осуществлена при комплексных морфофункциональных исследованиях. Выработанная в течение многих лет антропоэкологическая программа включает изучение строения и состава тела, характеристику обмена веществ, физиологических и биохимических показателей крови, генетических факторов, демографической структуры популяции и др. Принимая во внимание и используя данные по другим программам, мы обращаем особое внимание на изучение темпов онтогенеза, все этапы которого информативны в аспекте адаптации. Именно в процессе онтогенеза формируются, проявляются и реализуются приспособительные морфофизиологические признаки. Объектом анализа в настоящей работе являются структурные возрастные изменения костей кисти, которые идентифицируются и фиксируются как в период роста и созревания, так и на более поздних этапах онтогенеза [Рохлин, 1936]. Эффективным в оценке адаптивного состояния у взрослого населения явилось применение разработанного авторами метода OSSEO [Павловский, 1987; Павловский, Максинев, Бацевич, 1998; Бацевич и др., 1998; Kobyliansky, Livshits, Pavlovsky, 1995].

Ранее нами было показано [Бацевич и др., 2009; Kalichman et al., 2011], что в популяциях с малой адаптивной напряженностью отсутствует дисгармония ростовых процессов, созревание и старение протекает медленней, возрастные патологии редки. В эту категорию вошли группы с исторически стабильными структурой, типом хозяйства и культурными традициями (сельское население Бурятии, Тувы, Якутии и Монголии, ряд групп Средней Азии, долгожительские села Закавказья до периода межэтнических конфликтов последних лет). Более напряженно протекают адаптивные процессы в некоторых популяциях северных и северо-восточных регионов, у мигрантов разных поколений. Главными факторами, активизирующими эти процессы, являются серьезные изменения в структуре популяции, традициях, хозяйственно-культурном укладе, конфликтные ситуации, миграции, отчасти – антропогенные преобразования природной среды обитания. Влияние климатогеографических параметров, при условии достаточно длительного существования в них данной группы, оказывается значительно слабее [Бацевич, Дерябин, Павловский, 1999]. Из литературных источников известно, что в урбанизированной среде уровень стрессов, как правило, выше, чем в любой стабильной сельской экологической нише [Урбоэкология, 1990; Вронский, 2003; Урбанизированная среда..., 2004]. Переселенцы из других климатогеографических регионов испытывают двойную стрессовую нагрузку, акклиматизируясь к новым средовым факторам и живаясь в новую социальную среду [Дубова, 2012]. О дезадаптации мигрантов могут

свидетельствовать, например, демографические данные о пониженном возрасте их смерти по сравнению с местным населением в ряде регионов Германии и Италии [Luy, Caselli, 2008]. Наши предыдущие исследования показали, что в мигрантных группах даже через шесть–восемь поколений темпы старения костей кисти выше по сравнению с коренными жителями [Антропоэкология..., 2005].

Одной из основных задач нашей работы является расширение экологического спектра изучаемых групп за счет введения в научный оборот данных о темпах онтогенеза у городского населения Восточной Европы, мигрантов первого-второго поколения на территорию Израиля и аборигенов Ближнего Востока.

Материал и методы

Материалом послужили оссеографические данные по городскому населению Литвы (литовцы и русские), Республики Коми (русские) и г. Москвы (табл. 1). Инициатором и организатором этих исследований являлся сотрудник Госкомспорта Литвы С.А. Мезенцев. Данные по группам в Израиле и бедуинам трех племенных групп на Синайском полуострове (табл. 1) собраны профессором Тель-Авивского университета Е.Д. Кобылянским и рядом других исследователей под его руководством. В Израиле материалы получены в госпитале г. Кфар-Саба и Институте судебно-медицинской экспертизы г. Тель-Авива. В последнем были сделаны рентгенограммы кистей трупов. Основная причина смерти молодых субъектов – несчастные случаи, пожилых – те или иные заболевания. Материалы по бедуинам Синайского полуострова собраны в экспедиционных условиях в период 1979–1982 гг. Описание всех рентгеновских снимков по программе OSSEO проведено О.М. Павловским. Статистическая обработка по модернизированной методике и анализ материалов выполнены В.А. Бацевичем и О.В. Ясиной. В работе частично использованы результаты предыдущих исследований с привлечением рассматриваемого материала [Павловский, 1990; Гольдберг и др., 1993].

Для корректного сопоставления темпов возрастных изменений в группах с разным возрастным диапазоном формировались рабочие выборки. В них включались субъекты от периода первых изменений (вариации 21–27 лет) и до 60-летнего возраста.

На основе многочисленных (ок. 15 тыс. чел. в 70 этнотерриториальных группах) наблюдений возрастных изменений скелета кисти в возрастном диапазоне от 18 до 100 лет в НИИ антропологии МГУ при нашем непосредственном участии отобраны маркеры (остеофиты, артрозы, пороз, суставные деформации), на базе которых рассчитывается суммарный показатель

Таблица 1. Изученные этнотерриториальные и профессиональные группы

Место обследования	Год	Характеристика обследованных групп
Паланга	1987	Сотрудники Госкомспорта Литвы, физкультурные врачи и группа «моржей». Литовцы, русские
Клайпеда	1988	Работники морского пароходства (плавсостав). Литовцы, русские
Вильнюс	1988	Сотрудники Института местной промышленности. Литовцы, русские
Ухта	1988	Нефтяники и члены их семей. Русские
Сыктывкар	1989	Авиаторы и члены их семей. Русские
Москва	1991	Посетительницы поликлиники № 13 г. Москвы. Русские
Госпиталь г. Кфар-Саба	1990	Посетители и сотрудники госпиталя. Израильяне, мигранты из разных европейских стран
Синайский полуостров (в период работ – под контролем Израиля)	1979–1982	Бедуины – кочевники трех племенных групп. Мужчины
Тель-Авив (материалы из Института судебно-медицинской экспертизы)	1994	Евреи, арабы, эфиопы-иудеи

OSSEO. Методика расчета описана в ряде работ [Павловский, 1987; Kobylansky, Livshits, Pavlovsky, 1995; Бацевич и др., 1998, 2009]. В данном сообщении мы обсудим лишь те ее детали, которые необходимы для понимания материала.

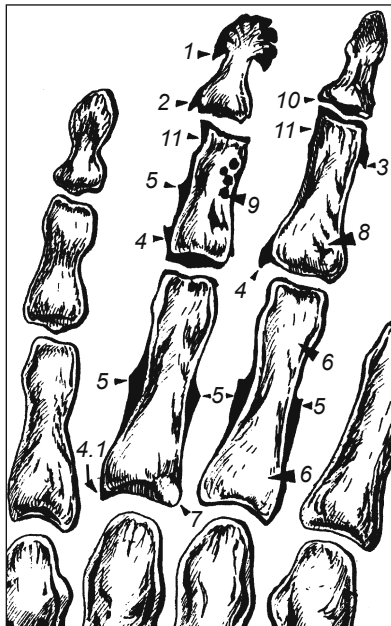

Рис. 1. Общая схема элементов возрастной трансформации костей кисти.

1–5 – остеопороз: 1 – апифизы, 2 – узел Эбердена, 3 – узел Рохлина, 4 – узел Бушара, 4.1 – узел в основных фалангах, 5 – экзостозы; 6–8 – остеопороз: 6 – остеопороз, 7 – очаг атрофии, 8 – островки резорбции; 9 – склероз: склеротические ядра; 10, 11 – нетравматические суставные деформации: 10 – сужение суставной щели, 11 – ульнарная подточность. Для сравнения пятый луч показан без возрастных изменений.

Варианты изменения формы или структуры костей кисти, оцениваемые на индивидуальной рентгенограмме по принципу «наличие–отсутствие», показаны на рис. 1. Наличие всех вариантов у одного лица (на одном снимке) – явление исключительно редкое, особенно в возрасте до 70–75 лет. Методика предусматривает оценку четырех типов возрастных изменений.

1. Остеопороз. К ним относятся разрастания головки дистальной фаланги – апифизы, узлы Рохлина, Эбердена и Бушара, экзостозы в местах прикрепления сухожилий, узел в основании проксимальной фаланги в зоне пястно-фалангового сустава.

2. Остеопороз. Сюда отнесены общий остеопороз как частичная резорбция костных балок и коркового слоя кости, а также очаги локальной атрофии костного вещества, наиболее частые в околоэпифизарных участках кости.

3. Склероз. Определяется по наличию зон местных внутренних конгломераций – склеротических ядер. Значительные уплотнения внутренних структур кости – эностозы, – учитывавшиеся ранее и чаще встречающиеся в концевых фалангах, из программы исключены. При дополнительных исследованиях на обширном материале этот признак не показал прогрессирующей возрастной динамики.

4. Нетравматические суставные деформации. К ним отнесены общее сужение суставной щели и ульнарная подточность (образование острого угла) головки средней фаланги. Отмеченная Д.Г. Рохлиным радиальная подточность (в том же участке кости) в программу оссеографических показателей не включена в силу малой ее выраженности на нашем материале. Однако этот признак был использован и получил количествен-

ную оценку в исследованиях Б.А. Никитюка и Б.И. Когана [Адаптация..., 1989].

При анализе указанных признаков учитывалось лишь присутствие данного элемента, но не степень его выраженности, что позволяло создать единую картину старения при наличии субпатологических состояний; патологии (анкилозы, глубокие деструктивные изменения костей) фиксировались отдельно. При оценке общего остеопороза применялся принцип «одна кость – один балл». Например, в одной кости отмечен общий пороз, лакуна и резорбция коркового слоя. Поскольку все эти элементы относятся к проявлениям пороза, кость получает не три балла старения, а один. Наконец, не учитывались известковые конгломераты в районе узлов Эбердена и Бушара, иногда сопутствующие стадиям их высокого развития, но отсутствующие, как правило, на ранних этапах. Таким образом, каждый обнаруженный элемент возрастных изменений кости получает один балл и в дальнейшем для каждого индивидуума эти баллы суммируются.

На основе внутригрупповых наблюдений изменений формы и структуры костей кисти создана оссеографическая схема динамики онтогенеза в выборке. На рис. 2 в качестве примера представлена такая схема для абхазской группы. Она принципиально едина для всех выборок, но ее параметры подвижны. В табл. 2 для сравнения представлены значения параметров OSSEO, рассчитанные для 46 сельских групп.

Основными показателями динамики возрастных изменений у взрослых являются параметры построенных по данным каждой рабочей выборки уравнений прямолинейной регрессии по признакам: хронологический возраст – суммарный балл. Тангенс угла наклона линии регрессии определяется как «темпы старения» и колеблется в имеющихся в нашем распоряжении 56 выборках в диапазоне 0,084–0,816 [Баце-

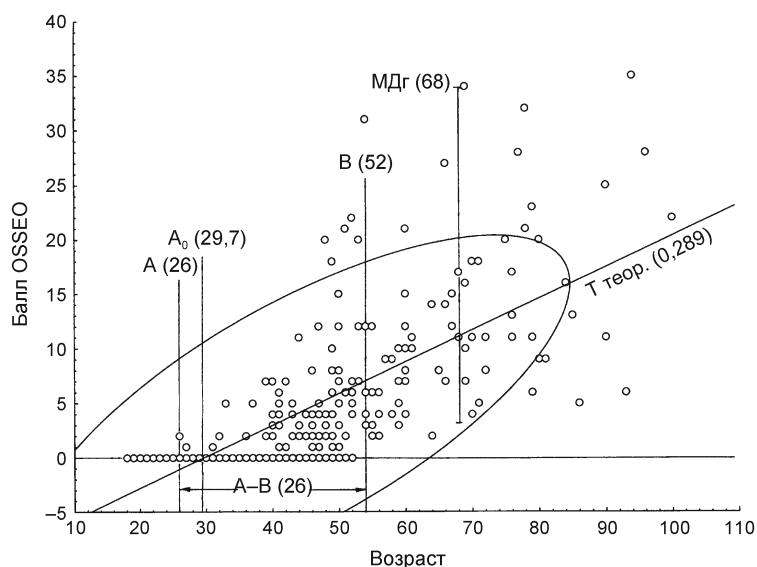

Рис. 2. Параметры в методе OSSEO и используемые групповые характеристики (пояснения в тексте).

вич и др., 2009]. Существенную роль в оценке ритма онтогенеза на этапе старения также играют возраст начала первых изменений (эмпирический и теоретический, вычисленный по уравнению регрессии), именуемый «возраст А (A_0)»; «возраст В» – эмпирическая точка на возрастной шкале, после которой все индивидуумы в исследуемой группе имеют зафиксированные признаки возрастных изменений на костях кисти; показатель длительности сохранения молодой кисти у части выборки после возраста А – «период А–В». Благоприятными для популяции мы считаем пониженный темп старения, поздние сроки возраста А и В, длительный период А–В. Дополнительные признаки, включенные в программу OSSEO (максимальная дисперсия в баллах, возраст максимальной дисперсии и др.), в связи с особенностями выборок в настоящей работе не определялись.

Математическая обработка данных проводилась с помощью программы Statistica 6.1. Статистическое

Таблица 2. Значения признаков OSSEO по данным для 46 изученных сельских групп

Показатель	Мужчины			Женщины		
	Min	Max	M	Min	Max	M
A_0	20,9	36,0	27,0	21,3	37,7	28,2
A	21,0	41,0	27,3	21,0	39,0	28,5
B	28,0	57,0	41,1	31,0	66,0	43,7
A–B	3,0	30,0	13,9	6,0	30,0	15,2
b^*	0,148	0,816	0,360	0,084	0,784	0,366

*Коэффициент в уравнении прямолинейной регрессии, характеризующий темп возрастных изменений в рабочих выборках.

тестирование на однородность выборок при регрессионном анализе выполнено в программе Каноклас (В.Е. Дерябин, версия 1995 г.).

Результаты и обсуждение

Возрастная динамика оссеографических показателей в городских группах из различных районов европейской части бывшего СССР представлена в табл. 3. В силу условий сбора рассматриваемого материала точки А, В и период А–В имеют в данном случае ориентировочный характер. Но как тенденции практически во всех представленных выборках найдены ранние сроки начала первых возрастных изменений (возраст А) и возраста В. Соответственно, очень короткий и период А–В, что в комплексе встречается в сельских группах с повышенным экологическим напряжением. У мужского населения Ухты и женщин Сыктывкара этот период достигает межгруппового минимума.

Темпы старения костей кисти, определенные как тангенс угла наклона возрастных линий регрессии в исследованных городских выборках, в межгрупповом масштабе, по рассчитанным для сельских групп данным, имеют близкие к среднему уровню или несколько повышенные величины (от 0,350 до 0,438; табл. 3,

рис. 3, 4). Наиболее высокие скорости накопления возрастных изменений у обоих полов отмечены у нефтяников Ухты, стабильно пониженные – у жителей Клайпеды. Высокие темпы старения зафиксированы у женского населения Москвы, уступающего в этом отношении только женщинам Ухты.

Следует отметить близость значений темпов старения во всех изученных городских группах, несмотря на существенные различия климатогеографических характеристик районов обследования, принадлежность к различным этносам, профессиональную специфику. Проведенное статистическое тестирование на однородность выборок по темпам возрастных изменений костей кисти выявило достоверные различия между населением Ухты и Сыктывкара, Клайпеды у мужчин, Ухты и Вильнюса у женщин ($p < 0,05$). Сравнение полученных результатов с данными по сельскому населению европейской части России [Бацевич и др., 2009] показывает, что они полностью укладываются в их размах изменчивости, однако сдвинуты в сторону повышенных значений. Следовательно, априори допустимое утверждение о неизбежно высоких темпах старения костей кисти в экологических условиях города с повышенной стрессовой нагрузкой на имеющемся в нашем распоряжении фактическом материале не находит явного подтверждения.

Таблица 3. Основные групповые характеристики OSSEO городских этнотерриториальных групп на территории бывшего СССР

Этнотерриториальные группы	n_1	Возраст, min–max	A_0	A	B	A–B	a_1	b_1	n_2	a_2	b_2
<i>Мужчины</i>											
Паланга	46	19–84	23,9	–	–	–	–9,04	0,378	33	–10,26	0,407
Клайпеда	254	18–69	23,9	22	31	9	–8,35	0,355	235	–8,59	0,360
Вильнюс	58	19–63	24,9	26	38	12	–9,66	0,388	54	–11,14	0,420
Ухта	105	18–63	22,8	24	27	3	–9,67	0,425	100	–9,58	0,420
Сыктывкар	33	19–61	24,2	27	34	7	–8,67	0,358	30	–8,52	0,350
<i>Женщины</i>											
Паланга	58	24–74	28,5	–	–	–	–12,61	0,443	44	–10,72	0,395
Клайпеда	210	20–62	26,5	26	35	9	–9,14	0,351	197	–9,53	0,359
Вильнюс	121	24–56	27,1	26	32	6	–10,13	0,374	118	–9,43	0,353
Ухта	274	19–60	24,3	25	33	8	–10,36	0,423	264	–10,85	0,438
Сыктывкар	31	24–57	27,9	29	32	3	–13,46	0,483	28	–10,85	0,408
Москва	116	18–69	26,9	24	30	6	–11,5	0,427	108	–11,66	0,427

Примечания: n_1 – общая численность обследованных в изучаемой группе; n_2 – численность рабочей выборки – от точки наблюдаемых первых возрастных изменений до 60-летнего возраста; a – свободный член уравнения прямолинейной регрессии в общих (a_1) и рабочих (a_2) выборках; b – коэффициент в уравнении прямолинейной регрессии, характеризующий темп возрастных изменений в общих (b_1) и рабочих (b_2) выборках. Остальные обозначения – в тексте статьи.

Половые различия по комплексу оссеоморфных признаков в изученных городских группах также невелики. Наиболее выражена дифференциация в темпах старения у мужчин и женщин Вильнюса и Сыктывкара. В первом случае скорость возрастных изменений выше у мужчин, во втором – у женщин (табл. 3). Статистически разница подтверждена только для населения Вильнюса ($p < 0,05$).

Ранее О.М. Павловским [1990] было проведено сравнительное изучение динамики постдефинитивного онтогенеза у литовского и русского населения городов Литвы. В этой работе показано, что в этническом плане дифференциация практически отсутствует. Не найдено существенных различий и при внутригрупповых сравнениях по профессиональному составу.

Как уже отмечалось выше, изученные городские выборки характеризуются средними и умеренно повышенными темпами онтогенеза, свойственными большей части славянского (русские, украинцы) сельского населения европейской части бывшего СССР. Вместе с тем сравнение с экологически стабильным сельским населением (долгожительские села Кавказа, район с повышенной продолжительностью жизни в Белоруссии, Монголия и др.) обнаруживает заметную активизацию (напряженность) адаптационных процессов у изученных городских групп [Бацевич и др., 2006].

Мы включили в круг анализируемых выборок уникальные материалы с территории Израиля и Синайского полуострова. Исследования среди синайских бедуинов (ныне это территория Египта) и израильтян (евреи, эфиопские евреи и арабы) проводились в 70–90 гг. прошлого столетия.

Возрастная динамика оссеографических показателей в ближневосточных этнических группах представлена в табл. 4. Женская арабская выборка ввиду ее малочисленности исключена из анализа, но, учитывая трудности сбора подобных материалов у женщин в этом регионе, мы показали полученные результаты в качестве ориентира.

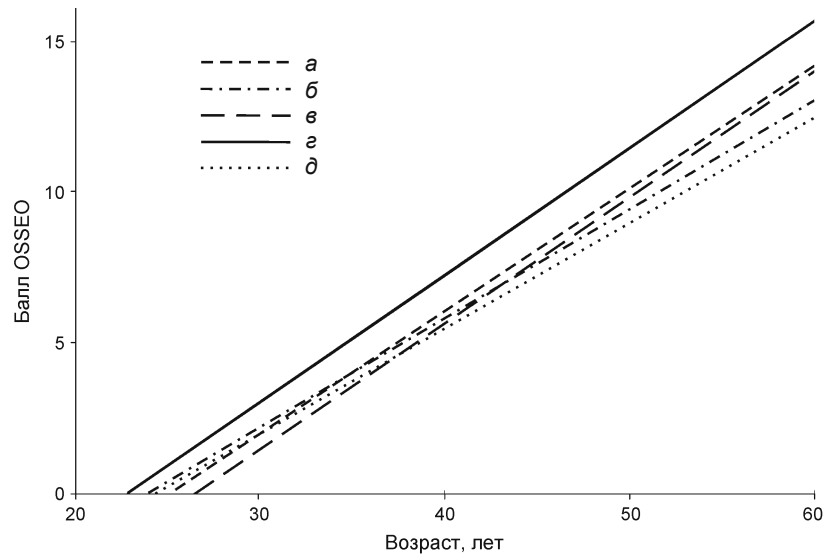

Рис. 3. Темпы возрастных изменений костей кисти у мужской части городского населения.

а – Паланга; б – Клайпеда; в – Вильнюс; г – Ухта; д – Сыктывкар.

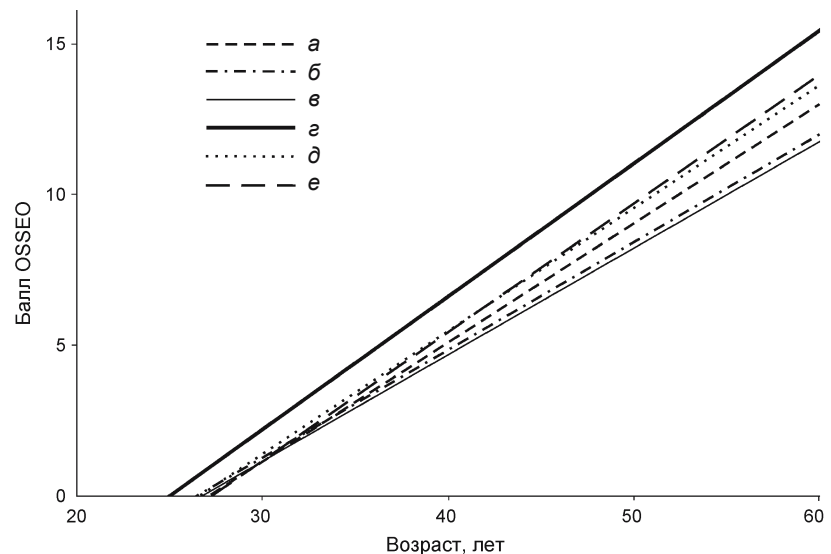

Рис. 4. Темпы возрастных изменений костей кисти у женской части городского населения.

а – Паланга; б – Клайпеда; в – Вильнюс; г – Ухта; д – Сыктывкар; е – Москва.

Обследованная выборка израильтян из Кфар-Сабы представлена мигрантным населением первого-второго поколения, выходцами преимущественно из европейских стран. Сопоставление характера возрастной регрессии для каждого пола, а особенно мужчин обшуждаемого региона, показывает относительно высокий темп возрастных изменений в этой выборке (рис. 5, 6). Нужно отметить и укороченный период А–В, что характерно для переселенческих групп, изученных ранее [Бацевич и др., 2009].

Таблица 4. Основные групповые характеристики OSSEO ближневосточных этнотерриториальных групп*

Этнотерриториальные группы	n_1	Возраст, min–max	A_0	A	B	$A-B$	a_1	b_1	n_2	a_2	b_2
<i>Мужчины</i>											
Израильтяне, Кфар-Саба	40	18–88	26,0	26	32	6	–12,07	0,465	26	–13,75	0,497
Евреи	147	17–93	25,5	24	39	15	–8,45	0,332	64	–4,61	0,205
Арабы	43	17–76	20,1	20	29	9	–4,09	0,203	34	–4,81	0,225
Эфиопы-иудеи	22	20–73	25,3	20	35	15	–6,97	0,275	16	–7,57	0,282
Бедуины	96	17–70	20,9	23	33	10	–5,38	0,258	56	–4,53	0,215
<i>Женщины</i>											
Израильтянки, Кфар-Саба	45	25–86	27,0	25	34	9	–12,64	0,468	22	–10,65	0,410
Еврейки	115	20–95	29,5	27	39	12	–12,15	0,412	36	–9,33	0,328
Арабки	14	17–72	20,1	22	32	10	–4,78	0,239	7	–2,82	0,161

*См. примеч. к табл. 3.

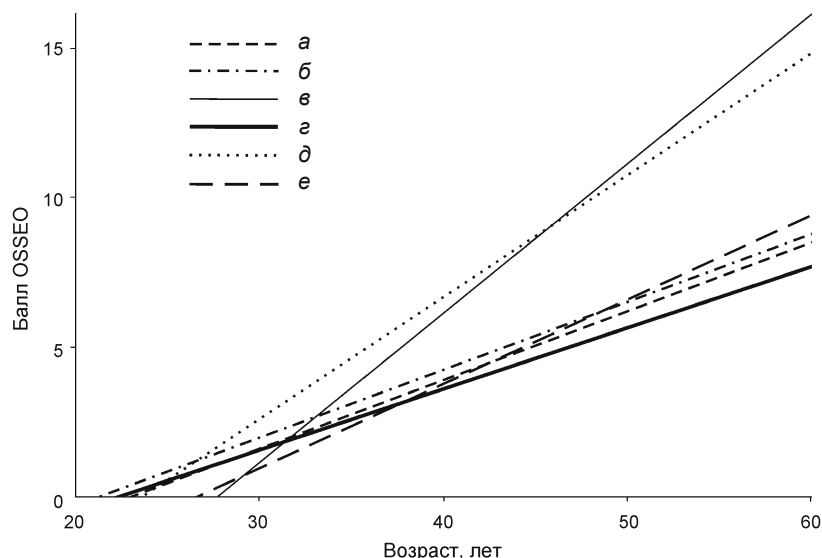

Рис. 5. Темпы возрастных изменений костей скелета кисти у мужского населения Израиля и Синайского полуострова в сравнении с таковым Крыма.

a – бедуины; $б$ – арабы; $в$ – израильтяне, г. Кфар-Саба; $г$ – евреи; $д$ – мигранты, Крым; $е$ – эфиопы-иудеи.

Обнаруженное ускоренное старение костей кисти свидетельствует о повышенной напряженности адаптивных процессов у обследованной части израильского населения [Бацевич и др., 2006]. На это указывают не только результаты настоящей работы, но и литературные данные по изменению биологических характеристик у израильтян. В частности, во второй половине XX в. в Израиле продолжалось снижение возраста менархе у девушек, родители которых были выходцами из стран Запада (Европа и Америка), Востока (Азия) и Африки [Chodick et al., 2005]. В это же время произошли значительные изменения

тотальных размеров тела у мужчин [Пурунджан, Боровский, Белкин, 2008; Пурунджан, Боровский, 2009]. Данные факты подтверждают наличие процессов акселерации среди мигрантного населения, изменений его морфологических и физиологических параметров и, следовательно, антропоэкологическую нестабильность.

Логика настоящего исследования предполагает сопоставление оссеографических данных группы из Кфар-Сабы не столько с городским населением Восточной Европы, сколько с т.н. новой популяцией, генезис которой во времени соотносим с формированием современной израильской общности (последние 60 лет). Мы имеем в виду имеющиеся в нашем распоряжении данные по переселенческому русско-украинскому населению

степного Крыма [Павловский, 1987]. Кроме того, есть возможность сопоставить комплекс изучаемых показателей у «новых» израильтян с таковыми у ряда групп автохтонного населения рассматриваемой территории – евреев, арабов, бедуинов, эфиопов-иудеев.

Сравнение данных, полученных для жителей Кфар-Сабы и новопереселенцев в степных районах Крыма, показывает их близкое сходство, подтверждаемое статистическим сопоставлением результатов регрессионного анализа (см. рис. 5, 6). Ранее в наших работах отмечался повышенный темп онтогенеза у смешанного крымского населения по сравнению

с другими сельскими группами в европейской части бывшего СССР [Бацевич и др., 2006].

Еврейки отличаются относительно поздними сроками появления первых возрастных изменений, укороченным периодом А–В и средним темпом старения (см. рис. 6). Последнее, как было сказано выше, наиболее характерно для городских популяций. У евреев, арабов и других изученных этносов Израиля, данные по которым получены из судебно-медицинского учреждения, а также бедуинов Синайского полуострова зафиксированы ранние сроки появления первых возрастных изменений, относительно укороченный кумулятивный период (А–В), но при этом у них весьма невысокий темп возрастных изменений (см. рис. 5). Последнее позволяет характеризовать их как популяции, не испытывающие заметного адаптивного стресса. При этом автохтонное население обнаруживает несомненное единство ритма онтогенеза независимо от условий обитания: патриархальный кочевой быт бедуинов и современный образ жизни арабов в Израиле никоим образом не влияет на характер их возрастной динамики (с учетом сохранения у тех и других исторически сложившегося уклада жизни). Полученные результаты сходны с данными долгожительских популяций Кавказа и представителей некоторых других этносов, ведущих традиционный образ жизни (халхасское население Монголии, каракалпаки, якуты, тувинцы-тодзинцы и др.).

Выводы

Результаты изучения темпов возрастных изменений костей кисти у городского населения Литвы, Республики Коми и г. Москвы позволяют сделать следующие выводы. Обнаружено наличие умеренно и средневыраженного уровня адаптационного дискомфорта, который в большей степени проявляется у горожан Ухты и женского населения Москвы. Значения скорости старения скелета кисти во всех изученных городских группах близки, несмотря на существенные различия климатогеографических характеристик районов обследования, принадлежность к различным этносам, профессиональную специфику. Не обнаружена выраженная дифференциация между темпами онтогенеза у сельского и городского населения европейской части бывшего СССР, хотя у горожан спектр изменчи-

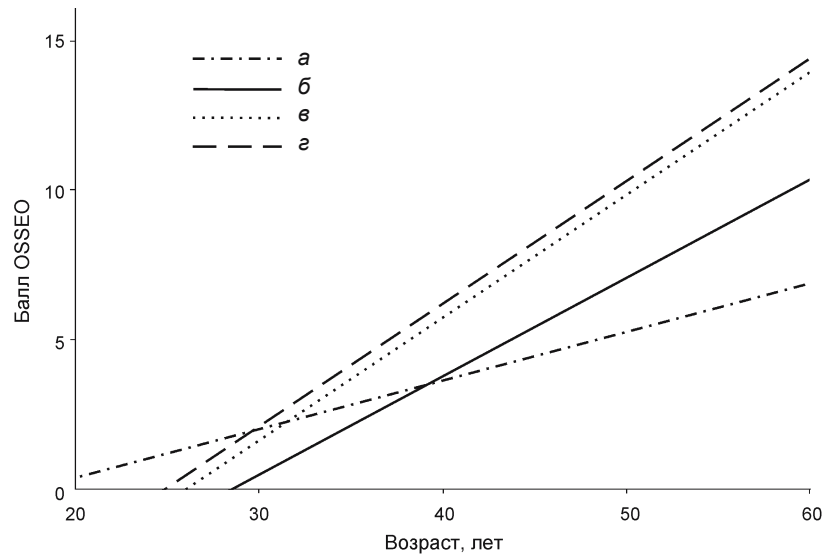

Рис. 6. Темпы возрастных изменений костей скелета кисти у женского населения Израиля в сравнении с таковым Крыма.

а – арабы; б – евреи; в – израильяне, г. Кфар-Саба; г – мигранты, Крым.

вости межгрупповых оссеографических показателей более узкий. У мигрантной группы Кфар-Сабы (Израиль) выявлена повышенная по сравнению с автохтонным населением Ближнего Востока напряженность адаптивных процессов, проявляющаяся в ускоренном старении костей кисти. Эта группа по показателям OSSEO близка как к сельским новопереселенцам степного Крыма, так и к обследованному городскому населению. Полученные оссеографическим методом результаты подтверждают гипотезу о наличии адаптивного стресса у современного городского и мигрантного населения.

Список литературы

- Адаптация скелета спортсмена / Б.А. Никитюк, Б.И. Коган. – Киев: Здоровья, 1989. – 127 с.
- Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 216 с.
- Алексеева Т.И. Антропологические исследования: задачи и организация // Вестн. АН СССР. – 1987. – № 10. – С. 44–55.
- Антропоэкология Центральной Азии / Т.И. Алексеева, В.А. Бацевич, М.Б. Медникова, О.М. Павловский, Г.С. Самойлова, В.А. Спицин, Н.Х. Спицина, О.В. Ясина. – М.: Науч. мир, 2005. – 368 с.
- Бацевич В.А., Дерябин В.Е., Павловский О.М. Опыт соотнесения показателей окружающей среды и здоровья с хронобиологическими характеристиками взрослого населения русских сел // Экологическая антропология: ежегодник. – Минск, 1999. – С. 43–45.
- Бацевич В.А., Павловский О.М., Максиев Д.В., Ясина О.В., Мансуров Ф.Г. Возрастные остеоморфные показатели костей кисти как индикатор экологического благополу-

чия популяции // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Естеств. и техн. науки. – 2006. – Т. 11, вып. 4. – С. 513–517.

Бацевич В.А., Павловский О.М., Мансуров Ф.Г., Ясина О.В. Региональные аспекты антропоэкологии и динамика онтогенеза в популяциях человека // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. – 2009. – Вып. 34. – С. 78–115.

Бацевич В.А., Павловский О.М., Никитюк Б.А., Карасик Д., Максинев Д.В. Методические аспекты возрастной оссеографии взрослого населения // Рос. морфол. ведомости. – 1998. – № 1/2. – С. 105–113.

Боринская С.А. Влияние факторов природной и антропогенной среды на популяционно-генетические характеристики человека // История и современность. – 2008. – № 1. – С. 142–153.

Бронский В.А. Окружающая среда и здоровье населения урбанизированных территорий // География и природные ресурсы. – 2003. – № 3. – С. 49–52.

Гольдберг Э., Кобылянский Е., Куперман С., Павловский О.М. Возрастной остеоморфный статус израильтян // Вопр. антропологии. – 1993. – Вып. 87. – С. 80–86.

Дубова Н.А. Адаптация в процессе миграций в древности и в наши дни // Этнос и среда обитания. – 2012. – Вып. 3. – С. 11–35.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. – М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.

Павловский О.М. Биологический возраст человека. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Павловский О.М. Возрастной остеоморфный статус городского населения Литвы // Урбоэкология. – М.: Наука, 1990. – С. 125–133.

Павловский О.М., Максинев Д.В., Бацевич В.А. Сравнительный анализ современных методов в возрастной оссеографии // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Естеств. и техн. науки. – 1998. – Т. 3, вып. 2. – С. 159–164.

Пурунджан А.Л., Боровский И. Анализ эпохальных изменений в различных группах мужчин Израиля // Археоло-

логия, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 146–150.

Пурунджан А.Л., Боровский И., Белкин В. Морфологическая изменчивость размеров и формы тела мужчин Израиля // Морфол. ведомости. – 2008. – Вып. 1/2. – С. 161–164.

Рохлин Д.Г. Рентгеноостеология и рентгеноантропология. – М.; Л.: Биомедгиз, 1936. – Ч. I: Скелет кисти и дистального отдела предплечья. – 335 с.

Урбанизированная среда обитания и здоровье человека / В.М. Боев, В.В. Быстрых, А.В. Горлов, А.И. Карпов, В.И. Кудрин. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2004. – 240 с.

Урбоэкология. – М.: Наука, 1990. – 240 с.

Chodick G., Huerta M., Balicer Ran D., Davidovitch N., Grotto I. Secular trends in age at menarche, smoking, and oral contraceptive use among Israeli girls: Preventing Chronic Disease // Public Health Research, Practice and Policy. – 2005. – Vol. 2, N 2. – P. 1–7.

Kalichman L., Korostishevsky M., Batsevich V., Kobylansky E. Hand osteoarthritis in longevity populations // Aging Clinical and Experimental Research. – 2011. – Vol. 23, N 5/6. – P. 457–462.

Kobyliansky E., Livshits G., Pavlovsky O. Population Biology of Human Aging: Methods of Assessment and Sex Variation // Human Biology. – 1995. – Vol. 67, N 1. – P. 87–109.

Luy M., Caselli G. The impact of a migration-caused selection effect on regional mortality differences in Italy and Germany: Paper presented at the PAA 2004 Annual Meeting, Boston, April 1–3 // MPIDR working paper WP 2008-027. – 2008. – P. 1–41.

Материал поступил в редколлегию 09.06.13 г.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СНИИГГиМС – Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
BAR – British Archaeological Reports
ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège
MPIDR – Max Planck institute for demographic research

- Арройо А.** – научный сотрудник Института археологии Университетского колледжа Лондона, Великобритания. Institute of Archaeology, University College London, 31–34 Gordon Square, London WC1H 0PY, United Kingdom. E-mail: a.arroyo@ucl.ac.uk
- Бауло А.В.** – доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bau194@ngs.ru
- Бацевич В.А.** – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: vbatsevich@rambler.ru
- Богданов Е.С.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru
- Бородовский А.П.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com
- Васильева И.Н.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, ул. Ленинская, 127, Самара, 443041, Россия. E-mail: in.vasil@mail.ru
- Гладышев С.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: paleomongolia@yandex.ru
- Гунчинсүрэн Б.** – кандидат исторических наук, заместитель директора Института археологии АН Монголии, ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 210646, Монголия. E-mail: bgunchinsuren@yahoo.com
- Деев Е.В.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; преподаватель Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: deeev@ngs.ru
- Деревянко А.П.** – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru
- Зинченко А.С.** – младший научный сотрудник Томского государственного университета, пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия. E-mail: Azksander@gmail.com
- Зольников И.Д.** – доктор геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; преподаватель Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zol@igm.nsc.ru
- Караванич И.** – профессор Университета Загреба, Хорватия. University of Zagreb, Ivana Lučića, 3, Zagreb, HR – 10000, Croatia. E-mail: ikaravan@ffzg.hr
- Киришин К.Ю.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru
- Киришин Ю.Ф.** – доктор исторических наук, профессор, президент Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: president@asu.ru

- Кобылянский Е.Д.** – доктор наук, профессор Тель-Авивского университета, Израиль. Tel-Aviv University, Ramat AVIV, Tel Aviv, 69978, Israel. E-mail: anatom14@post.tau.ac.il
- Крамаровский М.Г.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия. E-mail: solkhat@hermitage.ru
- Лычагина Е.Л.** – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета, ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия. E-mail: LychaginaE@mail.ru
- Молодин В.И.** – академик, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Олсен Дж.** – доктор наук, профессор Университета Аризоны, США. University of Arizona, E. South Campus Dreve, 1009, Tucson, AZ 85721-0030, USA. E-mail: jwo@arizona.edu
- Полосьмак Н.В.** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
- Постнов А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: postnov@yandex.ru
- Рыбин Е.П.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: ryber@yandex.ru
- Семибратов В.П.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: semibratovvladimir@mail.ru
- Славинский В.С.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: slavinski@yandex.ru
- Смит Ф.Х.** – профессор Университета штата Иллинойс, США. Illinois State University, Campus Box 4660, Schroeder Hall 332, Normal, IL 61790-4660, USA. E-mail: fsmith@ilstu.edu
- Торре И., де ла** – доктор наук, преподаватель Института археологии Университетского колледжа Лондона, Великобритания. Institute of Archaeology, University College London, 31–34 Gordon Square, London WC1H 0PY, United Kingdom. E-mail: i.torre@ucl.ac.uk
- Усачева И.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: i.usachova@gmail.com
- Цыбанков А.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: tsybankov@yandex.ru
- Цэвээндорж Д.** – доктор наук, профессор, директор Института археологии АН Монголии, ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 210646, Монголия. E-mail: dtseven@yahoo.com
- Чупина Д.А.** – младший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Dasha.chupina@gmail.com
- Ясина О.В.** – младший научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: okyasina@yandex.ru

- Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г.** Новые данные об индустриях рубежа среднего – верхнего палеолита на территории Дагестана № 2 (54)
- Арройо А., де ла Торре И.** Ашельская технология больших отщепов в Кампо-де-Калатрава (Сьюдад-Реал, Испания) № 4 (56)
- Бауло А.В.** Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала № 4 (56)
- Бауло А.В.** Продолжение традиции: металлическая посуда русских ремесленников в обрядах обских угров № 3 (55)
- Бацевич В.А., Ясина О.В., Кобылянский Е.Д.** Онтогенетические изменения скелета у взрослого населения в различных социальных и географических условиях: антропозкологическое исследование № 4 (56)
- Бородовский А.П.** Престижная деревянная утварь с металлическими накладками афанасьевской культуры Саяно-Алтая № 4 (56)
- Бужилова А.П.** Одонтологические материалы из среднепалеолитических слоев алтайских пещер № 1 (53)
- Васильев С.К.** Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов № 1 (53)
- Васильева И.Н.** О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита № 4 (56)
- Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А.** Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. в Южном Зауралье № 3 (55)
- Волкова Ю.С.** Результаты экспериментов по изготовлению скульптуры верхнепалеолитического облика костенковского типа № 3 (55)
- Гордиенко А.В.** Святилище «Пламя Сибири» № 2 (54)
- Даберна А., Рейс Т.М., Тарасов А.Ю., Артюхов И.П., Николаев В.Г., Медведева Н.Н., Гаврилюк О.А., Николаев М.В., Крюбezi Э.** Палеопатологическое исследование населения г. Красноярска (Покровский и Воскресенско-Преображенский некрополи XVII – начала XX века) № 3 (55)
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Сологачина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С.** Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая № 1 (53)
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В.** Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая № 1 (53)
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Цыбанков А.А., Олсен Д.** Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) № 4 (56)
- Добровольская М.В., Тиунов А.В.** Неандертальцы пещеры Окладникова: среда обитания и особенности питания по данным изотопного анализа № 1 (53)
- Доронищева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С.** Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа № 2 (54)
- Зинченко А.С.** Обряд погребения «шкур лошади» по материалам кургана 1 (XIII–XIV века) Басандайского могильника (Томское Приобье) № 4 (56)
- Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Чупина Д.А.** К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС № 4 (56)
- Зольников И.Д., Постнов А.В., Лямина В.А., Славинский В.С., Чупина Д.А.** ГИС-моделирование условий обитания, благоприятных для проживания древнего человека в горах Алтая № 3 (55)

- Зубова А.В.** Состав носителей ирменской культуры Западной Сибири по одонтологическим материалам № 3 (55)
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Кириллов А.Н.** Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований № 2 (54)
- Караванич И., Смит Ф.Х.** Материалы конца среднего – начала верхнего палеолита из пещеры Виндия (Северо-Западная Хорватия) и их место в палеолите Центральной Европы и Адриатики № 4 (56)
- Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В.** Опыт применения данных палеоорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский северо-восток России) № 2 (54)
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П.** Керамика развитого неолита с поселения Тыткескень VI № 4 (56)
- Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И.** Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии № 2 (54)
- Крамаровский М.Г.** Новое в иконографии урало-сибирского серебра IX–X веков № 4 (56)
- Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В.** Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) № 2 (54)
- Лавряшина М.Б., Ульянова М.В., Октябрьская И.В., Николаев В.В., Толочко Т.А., Дружинин В.Г.** Динамика межэтнических взаимодействий коренных народов Южной Сибири (демографический аспект) № 1 (53)
- Лаптев С.В.** Погребальный обряд древних кхмеров в раннем железном веке: материалы раскопок некрополя Пум Снай в Северо-Западной Камбодже № 2 (54)
- Лбова Л.В., Волков П.В., Кожевникова Д.В., Кулаковская Л.В.** Фоноинструменты комплекса Мезин (Украина): технологический анализ следов деформаций № 3 (55)
- Лейси С.А., Тринкаус Э.** Поперечные отверстия шейных позвонков детей, погребенных на Сунгирской стоянке № 3 (55)
- Леммен К.** Различия в механизмах перехода к земледелию в лесной зоне Европы и Северной Америки № 3 (55)
- Лычагина Е.Л.** Ранний неолит Прикамья № 4 (56)
- Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б.** Техничко-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) № 2 (54)
- Медникова М.Б.** Концевая фаланга кисти *Ното* из слоя 12 Денисовой пещеры: опыт идентификации № 2 (54)
- Медникова М.Б.** Локтевая кость представителя рода *Ното* из Чагырской пещеры на Алтае (морфология и таксономия) № 1 (53)
- Медникова М.Б., Добровольская М.В., Виола Б., Лавренюк А.В., Казанский П.Р., Шкловер В.Я., Шуньков М.В., Деревянко А.П.** Радиологическая микроскопия фаланги руки девочки из Денисовой пещеры № 3 (55)
- Международный керамологический симпозиум «Глиняная посуда в культуре питания народов мира»** № 3 (55)
- Мешвелиани Т.** К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии № 2 (54)
- Миссонова Л.И.** Многомерность пространства в мировоззрении и искусстве тунгусо-маньчжурской малочисленной этнической общности острова Сахалин № 1 (53)
- Молодин В.И., Дураков И.А.** Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) № 4 (56)
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.** Курган № 22 в пади Суцзуктэ (Монголия): погребальный обряд № 4 (56)
- Рудая Н.А.** Природные условия времени заселения древним человеком Чагырской пещеры (Алтай) № 1 (53)

- Рудая Н.А., Василевский А.А., Грищенко В.А., Можаяев А.В.** Природные условия существования позднепалеолитических и ранненеолитических поселений Южного Сахалина № 2 (54)
- Салмин А.К.** Иранская глава в истории чувашей № 3 (55)
- Семинар «Rangifer Domus», г. Северобайкальск, 6–9 июля 2012 г.** № 3 (55)
- Табарев А.В., Гиллам К.Д., Каномата Й., Гунчинсурен Б.** Толборский палеолитический клад (Северная Монголия) № 3 (55)
- Трипп Э.Дж., Шмидт Н.Е.** Фертильность и привлекательность в эпоху палеолита: палеолитические Венеры № 2 (54)
- Усачева И.В.** «Утюжки»: реконструкция функции № 4 (56)
- Ходжаева Н.Д.** Храм Окса и локализация авестийской Вахви-Датии № 1 (53)
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Митько О.А., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.** Особенности погребальной обрядности раннескифского населения долины реки Ээрбек в Туве (по материалам раскопок могильника Бай-Даг I) № 1 (53)
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т.** Сложносоставные луки с памятника Уч-Курбу в Кыргызстане № 3 (55)
- Чаиркина Н.М.** Глиняные тарелки со стилизованными орнитоморфными изображениями из VI Разреза Горбуновского торфяника № 3 (55)
- Шарапова С.В., Ражев Д.И.** Биоархеология черепных травм саргатского населения № 1 (53)
- Шкрдла П.** Богунице на территориях Моравии и соседних регионов № 3 (55)
- Шутова Н.И.** Весенний праздник *Акашка* / *Быдһым нунал* южных удмуртов в конце XIX – начале XX века № 3 (55)
- Юминов А.М., Зайков В.В., Коробков В.Ф., Ткачев В.В.** Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарах № 3 (55)